

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

В эпоху Гражданской войны в России 1917–1922 гг. вопрос управления вооруженными силами стал особенно актуальным. Старая Россия ушла в небытие, а на ее руинах возникло множество государственных образований, которые стали формировать собственные армии и нуждались в офицерах. Основным источником комплектования большей части этих армий командным составом оказались офицеры старой русской армии. В монографии известного специалиста по истории Гражданской войны в России и русскому офицерскому корпусу первой четверти XX в. доктора исторических наук А. В. Ганина впервые на основе документов российских и зарубежных архивов проанализирована роль офицерства в создании противоборствующих армий Гражданской войны. Книга предназначена для всех интересующихся военно-политической историей России и сопредельных государств в революционную эпоху.

А. В. ГАНИН ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1917–1922

Целевой
конкурс

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

А. В. Ганин ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1917–1922

Офицерский корпус в годы
Гражданской войны в России
1917–1922

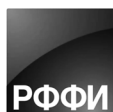
А. В. Ганин

**Офицерский корпус
в годы Гражданской
войны в России
1917–1922**

**Москва
2018**

УДК 930
ББК 63.3(2)6
Г 19

РОССИЙСКИЙ
ФОНД
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 17-81-01022-ОГН
«История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.
в документах офицеров русской армии»
Издание РФФИ не подлежит продаже*

*Отзывы на книгу можно присылать на электронный адрес автора:
andrey_ganin@mail.ru*

Рецензенты:

Е. В. Волков, д.и.н., проф. Южно-Уральского государственного
университета (Челябинск)

Р. Г. Гагуев, д.и.н., ведущий научный сотрудник
Центра военной истории России Института российской истории РАН

Э. Екабсонс, доктор, профессор Латвийского университета

А. А. Симонов, к.и.н., доц. Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

Фото на обложке: Группа офицеров Добровольческой армии

Ганин А. В.

Г 19 Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М.:
Издательство «Старая Басманная», 2018. — 272 с.

ISBN 978-5-6041488-6-0

В монографии доктора исторических наук А. В. Ганина впервые на основе документов российских и зарубежных архивов проанализирована роль офицерства в создании противоборствующих армий Гражданской войны 1917–1922 гг. Книга предназначена для всех интересующихся военно-политической историей России и сопредельных государств в революционную эпоху.

УДК 930
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-6041488-6-0

© А. В. Ганин, 2018
© Издательство «Старая Басманная»,
издание, 2018

Содержание

Введение	6
Глава 1. Русский офицерский корпус накануне Гражданской войны.....	26
Глава 2. Раскол офицерства в зеркале статистики.....	38
Глава 3. Мотивы поступления в противоборствующие армии.....	49
Глава 4. Военные специалисты в Красной армии.....	65
Глава 5. Офицеры в Белом движении на Юге России	103
Глава 6. Офицеры в антибольшевистском лагере на Востоке России	137
Глава 7. Офицеры в антибольшевистском лагере на Севере России	171
Глава 8. Офицеры в антибольшевистском лагере на Северо-Западе России	184
Глава 9. Офицеры в национальных армиях	192
Заключение	221
Избранная библиография	227
Приложение	229
Список аббревиатур	271

Введение

С момента создания Петром Великим в начале XVIII в. русской регулярной армии офицерский корпус играл ключевую роль в ее развитии, ведь без квалифицированного командного состава невозможно строить эффективную и боеспособную армию, а также управлять ею. С течением времени росла профессионализация офицерства, среди которого выделились узкие специалисты в различных отраслях военного дела.

Офицерская карьера в традиционном обществе, разделенном сословными перегородками, являлась одним из очевидных путей повышения своего социального статуса и получения образования за казенный счет. Она позволяла приобщиться к привилегированной корпорации. В 1856–1917 гг. формально первый офицерский чин давал его обладателю права личного дворянства, потомственное дворянство можно было получить при производстве в полковники, а также при награждении некоторыми орденами.

Первая мировая война привела к тому, что офицерский корпус в результате семикратного увеличения утратил черты узкой замкнутой корпорации, свою относительную сословную и мировоззренческую монолитность, пополнился выходцами из «четвертого сословия» и стал во многом соответствовать составу населения империи. Появившиеся в сравнительно короткие сроки десятки тысяч прапорщиков военного времени производили на современников неизгладимое впечатление. Не случайно известный деятель революционной эпохи Б.В. Савинков на суде летом 1924 г. на вопрос о том, составляли ли офицеры большинство в организованном им подпольном антибольшевистском «Союзе защиты родины и свободы», ответил: «В то время все были офицеры»¹. Савинков явно имел в виду не конкретную организацию, а само русское образованное общество.

В революционный период противоречия в офицерской среде лишь усугубились, что, очевидно, увеличило глубину раскола офицерства в Гражданскую войну. В те годы вопросы управления вооруженными силами стояли особенно остро, поскольку старая Россия ушла в небытие, а на ее руинах возникло множество государственных образований, которые стали формировать собственные армии. Разумеется, все эти армии нуждались в офицерах, а основным источником комплектования большей части этих армий командным составом являлись многочисленные офицеры старой русской армии, разъехавшиеся после демобилизации практически по всем уголкам быв-

¹ Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. М., 1924. С. 51.

шей империи. Конечно, в Гражданскую войну в различных ее лагерях готовились и новые командные кадры. В некоторых национальных государствах (Польша, Финляндия) использовались и альтернативные источники пополнения офицерского состава.

Как бы то ни было, русский офицерский корпус сыграл исключительную роль в событиях Гражданской войны в России. Какова была эта роль, какой вклад внесли офицеры в создание и укрепление противоборствующих армий, как разделилось офицерство между сторонами Гражданской войны, каким был качественный состав командных кадров сторон и почему офицеры белых и национальных армий, в большинстве своем, не смогли создать эффективные вооруженные силы, которые бы достигли победы над Красной армией. Вопросы, на которые необходимо дать ответ в контексте проблемы участия офицерства в Гражданской войне, неисчерпаемы.

Эти вопросы вот уже столетие интересуют исследователей, однако в силу различных причин, и прежде всего политико-идеологических, обобщающего архивного исследования роли офицерства в событиях Гражданской войны на всех ее сторонах до сих пор не появилось. Разумеется, все издания в рамках краткого историографического обзора упомянуть невозможно, поэтому проследим основные векторы изучения темы и их изменения за минувшее со времен Гражданской войны столетие.

В советское время отдельные исследователи имели возможность ограниченно изучать дореволюционный командный состав русской армии¹. Но проблема участия офицеров в Гражданской войне в основном была табуирована. Практически весь советский период под запретом оставалось изучение белых и национальных армий. Документы и издания антибольшевистского лагеря хранились в закрытых архивах и спецхранах, доступ к которым могли получить лишь избранные, приближенные к власти и лояльные коммунистическому режиму исследователи.

Цензурные запреты и догматизм выхолостили и сделали невозможным даже полноценное изучение командного состава Красной армии в советской историографии. После единичных работ 1920-х гг., имевших скорее практический характер², начался длительный период замалчивания этой проблематики. В сталинскую эпоху бывшие офицеры старой армии, в том числе служившие как военные специалисты в Красной армии, рассматривались если не исключительно как враги, то, по крайней мере, как «классово чуждые». Изучение этой группы командного состава было немыслимо. Длительное время прямо или косвенно запрещалось писать о репрессированных военспецзах безотносительно того, были ли они репрессированы в Гражданскую войну или в 1930-е гг. Нельзя было изучать и многочислен-

¹ См., напр.: *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973.

² *Ефимов Н.* Командный состав Красной армии // *Гражданская война 1918–1921.* М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 91–109.

ных перебежчиков, пусть даже до бегства из Советской России добросовестно служивших большевикам. Некоторые послабления произошли в период десталинизации, прежде всего в связи с кампанией по реабилитации жертв политических репрессий.

После 1953 г. если и выходили отдельные публикации, то участие бывших офицеров в Гражданской войне освещалось в них отрывочно, с многочисленными оговорками, купюрами и умолчаниями. Простор для творчества по-прежнему оставался незначительным. Достаточно отметить, что вплоть до конца 1980-х гг. не допускались положительные оценки и считалось нежелательным упоминание созидательной деятельности председателя Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкого, теснейшим образом связанного с военспецами. Это ограничение автоматически отсекало возможность изучать целый пласт важнейших проблем в рамках данной темы (прежде всего, вопросы взаимодействия военспецов и комиссаров), фактически выхолащивало ее и делало любые попытки исследования заранее обреченными на неудачу. Разумеется, нельзя было писать ни о красном терроре периода Гражданской войны в отношении бывших офицеров, ни о многочисленных изменах военспецов и их мотивации, ни об ошибках в военной политике РКП(б), замалчивались и репрессии 1920–1950-х гг. Признание получил лишь биографический подход в отношении сравнительно узкого круга разрешенных персоналий военных специалистов¹.

Но постепенно тема завоевывала свое право на существование даже в условиях идеологического диктата в СССР. Историографическим событием стало издание в 1970-х гг. сборников документов «Директивы главного командования Красной армии» и многотомных «Директив командования фронтов Красной армии». В четвертый, справочный, том этого сборника вошли как статистические и справочные данные о составе Красной армии, так и списки командиров, начальников штабов, членов РВС и комиссаров практически всех ее фронтов, армий и дивизий с указанием дат пребывания их в тех

¹ Август Корк: Док. и мат. / сост. Я.М. Горелик. Таллин, 1981; *Алдан-Семенов А.И.* Слово о командарме (об И.П. Уборевиче). М., 1981; Александр Тодорский: Воспоминания друзей и соратников. М., 1986; Андрей Евгеньевич Снесарев: Жизнь и научная деятельность: [Сб. статей]. М., 1973; *Виноградов А. Николай Руднев: Краткий историко-биографический очерк.* Харьков, 1956; Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис: Сб. док. Рига, 1978; *Горелик Я.М.* Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. М., 1961; *Он же.* Солдат революции: О жизни и деятельности Августа Корка. Таллин, 1969 (на эст. языке); *Он же.* Командарм Александр Кукк. Таллин, 1983; *Захаров М.В.* Ученый и воин: (О Маршале Советского Союза Б.М. Шапошникове). М., 1978; Командарм Уборевич: Воспоминания друзей и соратников. М., 1964; *Кондратьев Н.Д.* На фронте в огне: Эпизоды из жизни Яна Фабрициуса. М., 1982; Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965; На службе в Красной армии: Док. и мат. о деятельности П.П. Лебедева. Чебоксары, 1991; *Ненароков А.П.* Верность долгу: О Маршале Советского Союза А.И. Егорове. 3-е изд., доп. М., 1989; *Обертас И.Л.* Командарм Федько. М., 1973; *Познанский В.С.* Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1972; *Рублев М.Р., Егоров О.Е.* Сергей Павлов – герой Октября и Гражданской войны. Чебоксары, 1963; *Сбойчаков М.* Его подвиг: Н.Н. Петин. Архангельск, 1979; *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. М., 1975; *Тодорский А.И.* Маршал Тухачевский. М., 1963; и др.

или иных должностях¹. К сожалению, часть опубликованных данных оказалась неточной, а представленная информация о каждом конкретном человеке была очень краткой.

Справочный том сборника документов был использован при подготовке основного советского справочника по периоду Гражданской войны – энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», вышедшей двумя изданиями в 1980-е гг. (1983 и 1987)². Вполне естественно часть ошибок и неточностей «по наследству» попала и в энциклопедию. Издание содержало списочные сведения обо всех командующих советскими фронтами, армиями, дивизиями, списки начальников штабов и членов РВС. Однако персональных биографических статей удостоились лишь некоторые, наиболее видные представители командного состава РККА. Выборка была нерепрезентативной и обусловленной исключительно соображениями соответствия той или иной биографии идеологическим установкам периода составления энциклопедии. В этой работе отсутствовала даже специальная статья о председателе РВСР и создателе Красной армии Л. Д. Троцком, что частично компенсировалось ругательной статьей «Троцкисты». Впрочем, Троцкий был скорее политиком, хотя в этот период вполне может быть отнесен и к представителям советской военной элиты. Отсутствуют в энциклопедии персональные статьи о многих видных военспецзах-генштабистах, в том числе фронтового уровня. Отсутствие статей о начальниках армейских штабов является общим местом. Сведения о военспецзах не всегда точны, содержат немало пропусков и ошибок, часть из которых обусловлена цензурными ограничениями, хотя, казалось бы, второе издание энциклопедии вышло в самый разгар перестройки. Так, например, вообще не упоминалось о репрессиях 1930-х гг., в том числе и в биографических статьях о репрессированных (не исключая даже тех, о ком эти данные были давно известны, как, например, о М. Н. Тухачевском).

Противоборство советских органов госбезопасности с белым подпольем, отдельные аспекты вовлечения военспецов в антисоветскую деятельность получили отражение в ведомственной чекистской историографии советского периода³.

Лишь в поздней советской и в современной российской историографии, а также в исследованиях, выходящих в ближнем зарубежье, в Прибалтике, Польше и Финляндии, проблематика роли офицерства старой русской армии в событиях революции и Гражданской войны начала разрабатываться более активно. Одним из основоположников изучения этого вопроса можно считать советского и российского военного историка А. Г. Кавтарадзе. Вплот-

¹ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). М., 1978. Т. 4.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987.

³ Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1; Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сташис В. В. Всеукраинская Чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков, 1990; Остряков С. З. Военные чекисты. М., 1979; и др.

ную изучением участия военспецов в Гражданской войне он занялся примерно с середины 1960-х гг., уволившись из рядов Вооруженных сил. Однако вплоть до конца 1980-х гг. имел возможность публиковать лишь небольшие заметки по избранной теме. Только в 1988 г. увидело свет его фундаментальное монографическое исследование¹, ставшее первой и последней крупной работой по данной проблематике, изданной в советский период.

В основу монографии А. Г. Кавтарадзе был положен большой массив документов центральных советских архивов. Но вследствие цензурных ограничений многие сюжеты не могли войти в книгу, а то, что вошло, было призвано создать идеалистическую картину верной службы бывших офицеров новой власти. Хронологические рамки исследования охватывали период 1917–1920 гг. Написание такой книги в советских условиях было связано с серьезными затруднениями. Вне поля зрения автора остались значительные комплексы архивных и опубликованных материалов. Не было возможности полноценно знакомиться с источниками из антибольшевистского лагеря, не говоря о зарубежных архивах. Автор не мог упоминать о репрессиях и изменах военспецов, о роли Л. Д. Троцкого в привлечении офицерства на службу. Практически за рамками работы оказались вопросы непосредственной службы военспецов и ее результатов. Основное внимание автора было сосредоточено на политике партии по привлечению военспецов на службу, и лишь кратко говорилось о пребывании военспецов в армии.

В беседах с автором этих строк Александр Георгиевич неоднократно говорил о невозможности по цензурным причинам включить в работу те или иные материалы. Но сам выход книги стал настоящим научным прорывом. Интересна и аргументация, при помощи которой удалось добиться выпуска книги. А. Г. Кавтарадзе сумел убедить партийное начальство в необходимости издания в связи с тем, что сборники «Директивы главного командования Красной армии» и «Директивы командования фронтов Красной армии», а также энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» содержали данные о военспецгах, которые не всегда отличались полнотой и достоверностью. Таким образом, речь шла о совершенствовании того, что уже разрешено ранее, а не о принципиально новой проблематике, как было на самом деле. И хотя некоторые неточности этой работы обнаруживаются уже в наши дни, тем не менее труд А. Г. Кавтарадзе сохраняет свое научное значение и сегодня.

В последний год существования СССР увидел свет и содержательный сборник биографических очерков о высших военных руководителях Советской России, составители которого поставили своей задачей восполнить пробелы упомянутой выше энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР»².

¹ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.

² Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г.— 28 авг. 1923 г.). М., 1991.

Наряду с отечественными авторами, изучением командного состава Красной армии и Вооруженных сил СССР занимались и зарубежные исследователи. Следует выделить монографию британского ученого Дж. Эриксона «Высшее советское командование. Военно-политическая история, 1918–1941», которая в период холодной войны оставалась единственным западным исследованием по данному вопросу. Книга впервые вышла в 1962 г. и выдержала три издания¹. Хотя автор книги старался быть объективным, ориентация на западную аудиторию и отсутствие возможности постоянно работать в тогда еще советских архивах снижают значение этой монографии для российского читателя, к тому же с момента ее первого издания прошло уже почти полвека. В постсоветский период появилось уже основанное на архивных материалах исследование Р. Риза, в сжатом виде охватывавшее всю историю советского офицерского корпуса². Следует учитывать, что западноевропейский и североамериканский читатель не склонен интересоваться деталями российской военной истории, в связи с чем авторы такого рода работ не всегда стремятся к глубокой проработке изучаемых вопросов, а лишь отмечают те или иные тенденции развития отечественного офицерского корпуса и популяризируют его историю.

Сколько-нибудь взвешенного подхода к оценке белых офицеров в советской историографии не сложилось. В различные периоды наблюдались тенденции то к неоправданному уничтожению противников большевиков, практически карикатурному изображению их в качестве недалеких представителей реакционной военщины и запрету на изучение этой темы, то отдельные попытки представить противника весьма серьезным, сверхподготовленным, прекрасно снабженным из-за рубежа, что объективно повышало значение победы РККА³. Как отмечал известный советский военачальник А. И. Тодорский в рецензии на воспоминания бывшего генерала М. Д. Бонч-Бруевича, «не следует наших врагов изображать людьми безвольными, невежественными, глупыми. Если бы они были таковыми, то стоило ли так затягивать борьбу с ними, да и велика ли честь Красной армии разгромить таких противников?»⁴

С открытием доступа к архивным фондам по истории Белого движения в конце 1980-х – начале 1990-х гг., ослаблением, а затем и отменой партийного идеологического диктата в СССР, а после его распада и в России стало возможным непредвзятое изучение истории антибольшевистского лагеря. В печати стали появляться первые упоминания об офицерстве белых армий. Появились пока еще краткие сведения о расколе офицеров, в том числе о раско-

¹ Erickson J. The Soviet High Command. A Military-Political History, 1918–1941. 3rd ed. L.; Portland, 2001.

² Reese R. R. Red Commanders. A Social History of the Soviet Army Officer Corps, 1918–1991. Lawrence (KS), 2005.

³ Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России 1905–1917. М., 1990. С. 25–26.

⁴ Цит. по: Там же. С. 26.

лотых семьях¹. В постсоветский период наблюдался колоссальный всплеск интереса к запретному прежде исследованию истории Белого движения. Разумеется, деятельность офицерства белых армий также стала предметом изучения.

Знаковыми для постсоветского периода стали многочисленные биографические справочники по офицерству эпохи Гражданской войны, подготовленные С.В. Волковым², а также его обобщающая монография «Трагедия русского офицерства»³, где впервые предпринималась попытка осмыслить роль офицерского корпуса в событиях революции и Гражданской войны. Справочные работы Волкова, несмотря на критические замечания специалистов⁴, неточности и неполноту данных, являются серьезным подспорьем для исследователей истории Гражданской войны, а книга «Трагедия русского офицерства» оказала существенное влияние на целое поколение исследователей, заинтересовав их этой проблематикой. При этом «Трагедия русского офицерства» была написана С.В. Волковым в 1990-е гг. практически без привлечения архивных документов, в основном на базе мемуарных работ ветеранов Белого движения, опубликованных в эмиграции. Односторонность и тенденциозность источниковой базы этой работы, наряду с идеологическими предпочтениями автора, привели к отходу от принципа научной объективности и искажениям в освещении ряда аспектов темы. Другая книга С.В. Волкова, «Русский офицерский корпус»⁵, посвященная дореволюционному офицерству, носит научно-популярный характер и почти всецело основана на опубликованных материалах.

В постсоветский период вышли и другие монографические исследования, с разных сторон рассматривающие проблематику участия офицерства антибольшевистских армий в Гражданской войне. К таковым можно отнести работы Р.М. Абинякина, Е.В. Волкова, Р.Г. Гагкуева, А.В. Ганина, В.И. Голдина, А.А. Каревского, Н.С. Кирмеля, М.А. Ковальчука, А.В. Посадского, Д.Г. Симо-

¹ См., напр.: Белое движение: начало и конец. М., 1990. С. 477.

² Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001; *Он же*. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002; *Он же*. Белое движение: Энциклопедия гражданской войны. М.; СПб., 2003; *Он же*. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004; *Он же*. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004; *Он же*. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М., 2008; *Он же*. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1–2; *Он же*. Офицеры российской артиллерии: Опыт мартиролога. М., 2011; *Он же*. Генералы и штаб-офицеры русской армии: Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 1–2; *Он же*. Офицеры казачьих войск: Опыт мартиролога. М., 2013; Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М., 2009. В 2014 г. в сети Интернет была размещена база данных С.В. Волкова «Участники Белого движения в России».

³ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.

⁴ Емелин А. О книге С.В. Волкова «Офицеры флота и морского ведомства» // Генеалогический вестник (Санкт-Петербург). 2006. Вып. 24. С. 58–65; Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 58–59, 66–69, 71, 73.

⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

нова, А. В. Смолина, В. Ж. Цветкова и других авторов¹. Большой интерес вызывает изучение биографий офицеров – участников Белого движения. Это труды о лидерах Белого движения, видных белых военачальниках и даже отдельные жизнеописания простых офицеров².

¹ *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005; *Агеева Т. Г.* Кавказская армия П. Н. Врангеля в Царицыне: Документальный очерк. Волгоград, 2009; *Бучко Н. П.* Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922). Хабаровск, 2009; *Варламова Л. Н.* Военное управление правительства Колчака: (попытки сохранения имперских традиций): дис. ... к.и.н. М., 1999; *Венков А. В.* Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008; *Волков Е. В.* Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001; *Он же.* Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005; *Гагкуев Р. Г.* Белое движение на Юге России: военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012; *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013; *Он же.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014; *Он же.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018; *Голдин В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. 1918–1920. М., 1993; *Каревский А. А.* Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима — осень 1918 г.: дис. ... к.и.н. М., 2001; *Кирмель Н. С.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918–1922 гг. М., 2008; *Ковальчук М. А.* Невідомо війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006; *Константинов С. И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997; *Лобанов В. Б.* Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917 — май 1919 г.). СПб., 2012; *Посадский А. В.* От Царицына до Сызрани: Очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010; *Он же.* Полковник В. К. Мананин и Саратовский корпус. Эпизод Гражданской войны. М., 2018; *Розенталь Р.* Северо-Западная армия: хроника побед и поражений. Таллин, 2012; *Симонов Д. Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010; *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999; *Цветков В. Ж.* Белые армии Юга России. 1917–1920 гг.: (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000. Кн. 1; и др.

² *Базанов С. Н.* Первая мировая война: Историко-биографические очерки. М., 2018; *Басханов М. К.* Генерал Лавр Корнилов. Лондон, 2000; Белое движение: исторические портреты. М., 2011; *Бондаренко В. В.* Белые. М., 2018; *Бортневский В. Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996; *Войнаровский О. В.* Е. К. Миллер: военачальник и политик: историко-психологическое исследование военно-политических аспектов деятельности неординарной исторической персоналии (1914–1937 гг.). СПб., 2006; *Волков Е. В.* Судьба колчаковского генерала: Страницы жизни М. В. Ханжина. Екатеринбург, 1999; *Врангель А. П.* Генерал Врангель: Доверие воспоминаний. Минск, 1999; *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006; *Он же.* Черногорец на русской службе: генерал Банич. М., 2004; Генерал Дитерихс. М., 2004; Генерал Кутепов. М., 2009; Генералы Великой войны. М., 2014; *Гордеев Ю. Н.* Генерал Деникин: Военно-исторический очерк. М., 1993; *Дроздовский и дроздовцы.* М., 2009; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. М., 2009; *Дядичев В. Н., Лобыцын В. В.* Доброволец двух русских армий: военная судьба Сергея Эфрона. 1915–1921 годы. М., 2014; Заурбек. Книга о З. А. Даутокове-Серебрякове. Нальчик, 2016; *Зырянов П. Н.* Колчак. М., 2006; *Ивлев М. Н.* Диктатор Одессы. Зигзаги судьбы белого генерала. М., 2013; *Ипполитов Г. М.* Кто Вы, генерал А. И. Деникин? Самара, 1999; *Он же.* Деникин. М., 2000; *Канинский Г. Г.* «...Иначе не мог поступить». Русский генерал Сергей Николаевич Войцеховский: Биографический очерк. Челябинск, 2003; Каппель и каппелевцы. М., 2007; *Козлов А. И.* Антон Иванович Деникин. М., 2004; *Кронер Э.* Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля. М., 2011; *Росс Н. Г.* Врангель в Крыму. Франкфурт, 1982; *Кручинин А. С.* Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2009; *Ларьков Н. С.* Сибирский белый генерал. Томск, 2017; *Лехович Д. В.* Белые против красных: Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992; Марков и марковцы. М., 2001; *Морозова О. М.* Генерал Иван Георгиевич Эрдели. М., 2017; *Петухов А. Ю.* Генерал Кутепов. М.,

Тем не менее эта тема далека от того, чтобы считаться изученной. Так, обобщающие монографические исследования появились только по офицерскому корпусу белых армий Юга и Востока России, а также по офицерам ряда национальных армий. Сложности связаны с тем, что документы по этой проблематике отложились в самых разных архивах России и зарубежья и ознакомление с ними требует значительных усилий. В частности, с документами зарубежных архивов по этой тематике активно работали лишь отдельные специалисты, а уровень вышедших работ сильно различается.

Большое информационное значение имеют фундаментальные справочные издания, увидевшие свет в постсоветский период (включая переиздание совершенно секретных книг учета бывших белых офицеров, составленных советскими органами госбезопасности)¹. Ценнейшим электронным справочни-

2014; *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002; *Синюков В. В.* Александр Васильевич Колчак: ученый и патриот. М., 2009. Ч. 1–2; *Смолин А. В.* Взлет и падение адмирала Колчака. СПб., 2018; *Тучапский А. К.* Петр Николаевич Краснов: судьба русского офицера: дис. ... к.и.н. СПб., 2006; *Ушаков А. И., Федюк В. П.* Корнилов. М., 2006; *Хандорин В. Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017; *Цветков В. Ж.* Генерал Алексеев. М., 2014; *Он же.* Адмирал Колчак. «Преступление и наказание» Верховного правителя России. М., 2018; *Черкасов-Георгиевский В. Г.* Генерал Деникин. Смоленск, 1999; *Он же.* Генерал П. Н. Врангель. Последний рыцарь Российской империи. М., 2004; *Шендриков А. С.* Военно-государственная деятельность генерала А. С. Лукомского (1885–1917 гг.): дис. ... к.и.н. Воронеж, 2003; и др.

¹ *Алабин И. М., Судравский В. Д.* Донской генералитет в изгнании. М., 2001; *Басханов М. К.* Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь. М., 2005; «Белые офицеры — красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 — 1920-е гг.): Научно-справочное издание. Омск, 2017; *Бойков В. А.* Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллин, 2009; Великая Отечественная. Командармы: Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2005; Великая Отечественная. Комдивы: Военный биографический словарь. М., 2011–2015. Т. 1–5; Великая Отечественная. Комкомы: Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2006. Т. 1–2; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия: именные списки 1769–1920: Биобиблиографический справочник. М., 2004; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003; *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009; *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007; *Гущин Ф. А., Жебровский С. С.* Пленные генералы Российской императорской армии 1914–1917. М., 2010; *Долгов Е. И., Сергеев С. В.* Военные топографы Красной армии. М., 2005; *Дубровин Д.* Генералитет Уральского казачьего войска: Биографический справочник. М., 2016; *Жалнина-Василькиоти И.* «Родной земли комок сухой». Русский некрополь в Греции. М., 2012; *Залесский К. А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003; *Картагузов С. В.* Офицерский состав частей Уральского казачьего войска 1914–1918: Биографический справочник. М., 2012; Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011–2012. Т. 1–4; Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг. М.; СПб., 2005; *Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011; *Люди Русской эскадры.* М., 2015; *Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг.* М.; Феодосия, 2001; *Нешкин М. С., Шабанов В. М.* Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006; Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия. М., 2014: в 3 т.; Россия в 1917 году: Энциклопедия. М., 2017; *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997; *Сергеев С. В., Долгов Е. И.* Военные топографы русской армии. М., 2001; Убиты в Катynie: Книга памяти польских воен-

ком, содержащим сведения о репрессированных офицерах, является подготовленная обществом «Мемориал» масштабная база данных о жертвах политического террора в СССР¹.

Можно отметить и специализированные периодические издания по истории Белого движения — издававшийся в Москве исторический альманах «Белая гвардия» и продолжающий выходить в Екатеринбурге альманах «Белая армия. Белое дело», на страницах которых увидело свет большое количество интересных публикаций по рассматриваемой теме.

Широкий общественный интерес к уточнению биографий и судеб русского офицерства (в том числе архивные изыскания и систематизация общедоступных материалов потомками офицеров, генеалогами и краеведами) наряду с развитием информационных систем и поисковых возможностей в 2010-е гг. привел к революционным изменениям в отношении справочных данных об офицерах. Общественными площадками по сбору таких материалов стали сайты «Русская армия в Великой войне» (grwar.ru) и «Офицеры Русской императорской армии» (ria1914.info). Несмотря на неточности, обусловленные тем, что сбор данных, как правило, осуществляют непрофессиональные историки, значение этих сайтов для изучения роли офицерства в событиях первой четверти XX в. трудно переоценить.

О том, что устойчивый интерес к теме существует, свидетельствуют появляющиеся периодически популярные сочинения об офицерах в Гражданскую войну, в том числе ретранслирующие или обобщающие сведения из глобальной сети (увы, не всегда достоверные)².

Самостоятельным направлением исследований в постсоветский период стало изучение различных аспектов вовлечения офицерства в события Первой мировой войны и революционные процессы 1917 г.³

После 1991 г. история Красной армии эпохи Гражданской войны практически не привлекала внимания исследователей, перестав быть популярным научным направлением. Эти сюжеты ошибочно считались изученными еще в советский период, а историков больше интересовала тематика

ноплённых — узников Козельского лагеря НКВД, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. М., 2015; *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА: (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: Биографический словарь. М., 2012; *Они же.* Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. М., 2014; и др.

¹ Жертвы политического террора в СССР: компакт-диск. 4-е изд. М., 2007. Позднее с дополнениями размещена в сети Интернет (base.memo.ru). Общий объем — свыше 3 млн записей.

² См., напр.: *Иконников-Галицкий А.* Три цвета знамени: генералы и комиссары. 1914–1921. М., 2014.

³ *Буравченко А. О.* Офицерський корпус російської армії в роки Першої світової війни. Київ, 2011; *Гребенкин И. Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010 (2-е изд.: *Гребенкин И. Н.* Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015); *Ножевин В. Л.* Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск, 2011; *Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018; *Порошин А. А.* Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны. Саратов, 2010 (2-е изд.: *Он же.* Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014); *Селезнев Ф. А.* Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб., 2017; и др.

Белого движения. Подобный перекосяк в изучении темы сохраняется до сих пор. Фактически за четверть века в России почти не осталось специалистов по истории Красной армии периода 1917–1922 гг., исчезли научные школы по этому направлению, а новых не возникло. Не сложилось и квалифицированного экспертного сообщества, способного адекватно оценить уровень представляемых общественности трудов, из-за чего ориентиры качества научной продукции оказались утрачены, а историография темы понесла существенный ущерб (к примеру, некоторые серьезные научные журналы регулярно публикуют дилетантские наукообразные сочинения по этой тематике). Такая ситуация привела к появлению в рамках этой темы, наряду с отдельными качественными исследованиями, публикаций, фальсифицирующих события прошлого, многочисленных компиляций, в которых пересказываются труды специалистов и заимствуются их данные. В связи с широким распространением этого явления в самых разных сферах исторического знания появился даже специальный термин – имитационная историография¹. Этим термином можно обозначить труды, подражающие некоторым чертам исторического исследования, но не производящие нового научного знания. В результате сегодня история Красной армии периода 1917–1922 гг. может обоснованно считаться забытой и практически неизвестной, а в какой-то мере даже искаженной. Между тем общественный интерес к этой теме присутствует, а возможности для ее изучения по сравнению с советским периодом несоизмеримо расширились.

Отметим ряд важных исследований, затрагивающих проблематику эволюции командного состава РККА в период Гражданской войны. Новаторским стал цикл статей орловского исследователя Р.М. Абинякина, посвященных положению бывших офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг.²

¹ Журавлев В., Рынков В., Симонов Д. За пределами науки: по страницам имитационной историографии // *Российская история*. 2016. № 6. С. 206.

² Абинякин Р.М. Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 3–1 (37). С. 57–65; *Он же*. Особый учет бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. // *Там же*. С. 66–75; *Он же*. Нормативные документы военного ведомства о службе бывших белых офицеров в РККА в 1920–1923 гг. // *Вестник Орловского государственного университета. Серия Новые гуманитарные исследования*. 2010. № 2 (10). С. 101–107; *Он же*. Бывшие офицеры — заключенные Орловского концентрационного лагеря. 1920–1922 гг. // *Вопросы истории*. 2010. № 11. С. 80–93; *Он же*. Завершение Гражданской войны и приказы РВСР об особом учете бывших белых офицеров в Советской России 1920–1922 гг. // *Гражданская война в России и Орловско-Кромское сражение 1919 года*. Орел, 2010. С. 122–127; *Он же*. Увольнения бывших офицеров из РККА в 1921 г.: причины и тенденции // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: Сб. мат. международной научной конференции. Мурманск, 2011. С. 238–240; *Он же*. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // *Вопросы истории*. 2012. № 2. С. 91–103; *Он же*. Изменение численности бывших офицеров среди начальствующего состава РККА в 1920-е годы // *Военно-исторический журнал*. 2012. № 5. С. 18–21; *Он же*. Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920–1930-е гг. // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки*. 2013. № 4. С. 47–52; *Он*

Вопросы подготовки и развития командного состава РККА плодотворно изучает саратовский историк А.А. Симонов¹.

Значительный интерес представляет монография петербургского историка К.Б. Назаренко о военных моряках, охватывающая целый ряд аспектов советского военного строительства, в том числе вопрос об участии флотских офицеров в Гражданской войне². Он же проанализировал статистические данные о расколе морского офицерства³ (впрочем, утверждения о том, что свыше 80% бывших морских офицеров оказались в красном флоте, вызвали определенные сомнения специалистов и требуют проверки, а попытка на основе литературы разобраться в тех же вопросах применительно к сухопутным офицерам привела К.Б. Назаренко к ряду ошибочных суждений и воспроизведению устаревших данных⁴).

Монографии А.А. Здановича и Н.С. Кирмеля освещают вопросы взаимодействия военных специалистов и чекистов, разведывательную и контрразведывательную деятельность противоборствующих сторон в годы Гражданской войны⁵.

же. Белые генералы в Советской России: биографии забытые и неизвестные // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2013. № 21. С. 84–89; Он же. Бывшие белые офицеры в РККА в 1920-е годы // Российская история. 2013. № 4. С. 116–128; Он же. «За рюмкой водки мы коснулись ряда политических вопросов...»: Настроения бывших офицеров в Советской России и СССР в 1920–1930-е гг. // Родина. 2015. № 9. С. 110–114; Он же. «Временные правила об использовании бывших сухопутных офицеров из числа военнопленных и перебежчиков белых армий» как служебно-правовая основа их зачисления в РККА в 1920 г. // Современные аспекты гуманитарного знания. Воронеж, 2016. С. 3–8; Он же. Подготовка отмены особого учета бывших белых офицеров в 1925–1927 гг. // Studia internationalia: Mat. V Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (29 июня — 1 июля 2016 года). Брянск, 2016. С. 191–195; Он же. К вопросу о правовых основах социального положения бывших офицеров в Советской России и СССР в 1918–1930-е гг. // Studia internationalia: Mat. VI Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (9–11 ноября 2017 года). Брянск, 2017. С. 162–167; Он же. Освобождение бывших офицеров из советских концентрационных лагерей в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 139–147; и др.

¹ Симонов А. А. Добровольческий период комплектования Красной армии и «офицерский вопрос» в Саратове // Новый век: история глазами молодых: Сб. науч. трудов. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 321–336; Он же. Командные курсы Красной армии в Саратовском Поволжье // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 262–274; Он же. Военное образование в первые годы советской власти: По опыту краткосрочных военно-учебных заведений в Саратовской губернии (1918–1923) // Военно-исторический журнал. 2013. № 9. С. 19–23; Он же. Главном М. А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь — июль 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 31–38; Он же. В.И. Чапаев в старой армии // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской Смуты: Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 125–136; Он же. Комплектование военно-учебных заведений Поволжья и Урала красными курсантами во время Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 72–83; и др.

² Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России...

³ Назаренко К. Б. К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2007. Вып. 4. С. 105–117.

⁴ Назаренко К. Б. Русские морские офицеры в 1917–1921 гг. // Российская история. 2017. № 6. С. 131.

⁵ Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004; Он же. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008; Он же. Польский крест советской

Функционированию советских спецслужб, взаимодействию партийных деятелей с командованием Красной армии посвящены работы С.С. Войтикова. Несмотря на склонность этого автора к конспирологическим построениям, определенное отхождение от принципа научной объективности, некорректное обращение с документами и слабое владение фактическим материалом, приведшие к большому количеству ошибок и искажений¹, он ввел в научный оборот ряд интересных исторических источников².

Еще одна актуальная проблема – репрессии в отношении офицеров в период Гражданской войны, по-прежнему оставаясь малоизученной, привлекает интерес ряда авторов³.

Широкое распространение в постсоветский период получили биографические исследования в отношении бывших офицеров, ставших военспецами⁴.

контрразведки. Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М., 2017; *Кирмель Н.С.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне...; *Он же.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М., 2013; *Он же.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М., 2013.

¹ См. наш разбор одной из работ: *Ганин А.В.* В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин: Новые исследования о «деле» Полевого штаба // *Русский сборник: Исследования по истории России.* М., 2010. Т. 9. С. 336–378. Также см.: *Котеленец Е.А.* Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М., 2017. С. 214; *Леонов С.В.* Историография создания советской государственности (1917–1922 гг.) // *Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии.* М.; СПб., 2018. С. 54.

² *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009 (2-е изд.: *Он же.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016); *Он же.* Высшие кадры Красной армии. 1917–1921 гг. М., 2010; *Он же.* Отечественные спецслужбы и Красная армия. 1917–1921. М., 2010 (2-е изд.: *Он же.* Советские спецслужбы и Красная армия. 1917–1921 гг. М., 2017); *Он же.* Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016; и др.

³ См., напр.: *Дмитриев Н.И., Рогова Е.М.* Репрессии большевиков против чинов белых армий. 1919 — начало 1930-х годов. Результаты новых исследований // *Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина.* Белград, 10–14 сентября 2011 года: Сб. статей и материалов. СПб., 2012. С. 226–251.

⁴ Афганские уроки. М., 2003; *Бадиков Р.А.* Военно-управленческая деятельность Г.Х. Эйхе в период Гражданской войны на востоке России (1918–1921 гг.): дис. ... к.и.н. Челябинск, 2017; *Белоголовый Б.Г.* Один из нас. М., 2013. Кн. 1; *Будаков В.В.* Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира. Воронеж, 2011; *Ганин А.В.* Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012; *Он же.* Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014; *Генерал В.С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии.* Очерки по истории военной промышленности. М., 2007; *Глушков В.В.* Николай Дмитриевич Артамонов — военный геодезист и картограф. М., 2007; *Голдин В.И.* Лихолетье. Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006; *Долг и судьба: первый командующий Северо-Кавказским военным округом генерал А.Е. Снесарев.* Волгоград, 2006; *Думби Ю.Ф.* Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина: дис. ... к.и.н. М., 2002; *Кантор Ю.З.* Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005; *Карпов Н.Д.* Мятёж главнома Сорочкина: правда и вымыслы. М., 2006; *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. М., 2013; *Морозов А.Я.* Служил Отечеству. Генерал А.Е. Снесарев. Воронеж, 2005; *Немитц И.С.* Первый красный адмирал. СПб., 2017; *Полторац С.Н.* Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб., 2014; *Постижение военного искусства: идейное наследие А. Свечина.* М., 2000; *Сафронов Ю.И.* Дневник Верховского. М., 2014; *Соколов Ю.В.* Красная звезда или крест? М., 1994; *Шило Н.И., Глушко А.В.* Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М., 2014; и др.

Для понимания эволюции командного состава РККА значимы работы, посвященные советской военной элите более позднего периода — 1920–1940-х гг. Нельзя не отметить изданную в России монографию украинского историка Я. Ю. Тинченко «Голгофа русского офицерства в СССР»¹. В этой работе впервые в историографии вводились в научный оборот некоторые материалы прежде неизвестного даже специалистам дела «Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации», так называемого дела «Весна», материалы которого сохранились в основном в Киеве, в Ведомственном архиве Службы безопасности Украины. Несмотря на ряд неточностей, обусловленных слабым знакомством автора с документами российских архивов, книга содержит значительное количество интересных сведений из личных дел репрессированных в начале 1930-х гг. офицеров. В России аналогичные архивно-следственные дела по репрессированным офицерам в большинстве случаев недоступны для изучения либо доступ к ним затруднен.

Большой вклад в изучение проблемы внесли новаторские работы орловского исследователя С. Т. Минакова о М. Н. Тухачевском и советской военной элите 1920–1930-х гг.² С. Т. Минаков рассматривает военную элиту в социокультурном контексте через призму отдельных биографий, поступков, персональных особенностей и внутрикорпоративных межличностных связей (системы служебных и внеслужебных взаимоотношений представителей элиты он называет элитарными комплексами). К сожалению, источниковая база не всегда позволяет реализовать подобный подход, что обусловило значительное количество допущений и предположений, не всегда соответствующих реальному развитию событий³. Крайне ненадежным источником для характеристики процессов внутри военной элиты СССР представляются и свидетельства отдельных деятелей русской военной эмиграции, на которые опирался автор (в частности, дневник генерала А. А. фон Лампе). Ученики С. Т. Минакова подготовили серию схожих диссертационных работ, основу которых составили материалы дневника фон Лампе⁴.

¹ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000.

² Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. В дальнейшем С. Т. Минаков опубликовал ряд книг, которые представляли собой переработанные редакции этой работы: *Он же*. Сталин и его маршал. М., 2004; *Он же*. Сталин и заговор генералов. М., 2005; *Он же*. Военная элита 20–30-х годов XX века. М., 2004; *Он же*. Заговор был! М., 2010; *Он же*. Лейб-гвардии капитан Тухачевский. Орел, 2012; *Он же*. Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина. М., 2016; и др.

³ На это обстоятельство обратил внимание А. А. Зданович: *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 32.

⁴ *Бабанков А. В.* Руководство Штаба РККА 1921–1924 гг.: социокультурный анализ и политическая роль: дис. ... к.и.н. Орел, 2006; *Гуженков А. М.* Штаб РККА 1924–1931 гг. Социокультурный состав руководства и политическая роль: дис. ... к.и.н. Орел, 2006; *Кабанов А. М.* Русское белое зарубежье о политической роли Красной армии в Советской России в 1921–1924 гг.: (источники формирования представлений и их эволюция): дис. ... к.и.н. Орел, 2005; *Павлова О. И.* Белая

Изучение военной элиты 1930-х гг. невозможно без обращения к проблематике массовых политических репрессий в СССР в отношении командного состава РККА¹. Фундаментальная двухтомная монография московского военного историка А. А. Смирнова содержит ценные размышления об особенностях русского офицерского корпуса и командного состава Красной армии (автор этих строк не согласен с основным выводом А. А. Смирнова об отсутствии влияния репрессий на неудачи начального периода Великой Отечественной войны)². Существенный интерес представляют также работы Н. С. Черушева, изучавшего труднодоступные документы архива Главной военной прокуратуры в отношении репрессированных командиров РККА³. Особо следует отметить подготовленные этим автором документальные и справочные издания⁴. Вместе с тем изучение комсостава РККА

армия и «красные командиры»: 1919–1924 гг. («Советская» политика генерал-майора А. А. фон Лампе): дис. ... к.и.н. Орел, 2009; *Поздняков А. А.* Красная армия в представлении русского зарубежья, 1924–1939 гг.: дис. ... к.и.н. Орел, 2006; *Соколов В. В.* Советские военные вожди в официальной пропаганде и общественном мнении Советской России — СССР. 1918–1925 гг.: дис. ... к.и.н. Орел, 2010; и др.

¹ *Горохов В. В., Мильбах В. С., Саберов Ф. К., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Черноморский флот. СПб., 2017; *Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ. СПб., 2013; *Лазарев С. Е.* Советская военная элита 1930-х годов. М., 2016; *Мильбах В. С.* Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007; *Он же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Тихоокеанский флот. СПб., 2013; *Он же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Амурская Краснознаменная военная флотилия. СПб., 2014; *Он же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Забайкальский военный округ и 57-й особый стрелковый корпус. СПб., 2014; *Он же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Сибирский военный округ. СПб., 2014; *Мильбах В. С., Саберов Ф. К.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Краснознаменный Балтийский флот. СПб., 2016; *Мильбах В. С., Сапожников А. Г., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Северный флот. СПб., 2014; *Мильбах В. С., Фомичев С. О., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Уральский военный округ. М., 2018; *Печенкин А. А.* Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М., 2002; *Он же.* Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003; *Он же.* Сталин и Военный совет. М., 2007; *Он же.* Гибель военной элиты 1937–1938 гг. М., 2011; *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998; и др.

² *Смирнов А. А.* Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 — первая половина 1937 года). М., 2013. Т. 1–2.

³ *Черушев Н. С.* Элита Красной армии на Голгофе. М., 2005; *Он же.* Из ГУЛАГа — в бой. М., 2006; *Он же.* 1937 год. Был ли заговор военных? М., 2007; *Он же.* Сын за отца не отвечает... Трагедия семей элиты Красной армии 1937–1956. М., 2010; *Он же.* Из эпохи Сталина: Четыре тайны тридцатых годов. М., 2016; *Он же.* Репрессированные командиры на службе в РККА. М., 2018.

⁴ *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА: (командармы 1-го и 2-го рангов, комкомы, комдивы и им равные)...; *Они же.* Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные; «Дорогой наш товарищ Сталин!»... и другие товарищи: Обращения родственников репрессированных командиров Красной армии к руководителям страны / [сост. Н. С. Черушев]. М., 2001.

до 1930-х гг. в работах Н.С. Черушева не основывается на репрезентативной источниковой базе¹.

В постсоветский период в странах Восточной Европы начался настоящий бум изучения и переосмысления национальной военной истории, в особенности тех ее сюжетов, которые прежде исследовать запрещалось или же было затруднительно. Украина наряду с государствами Прибалтики на сегодняшний день является заметным лидером в изучении этой тематики на постсоветском пространстве.

Военно-политические аспекты периода 1917–1922 гг. на Украине можно отнести к числу интереснейших и до сих пор малоизученных исторических вопросов. В советский период эта тематика находилась по существу под запретом. В постсоветское время в силу местонахождения архивной источниковой базы (применительно к украинским вооруженным формированиям – прежде всего в архивах Украины и Польши, в меньшей степени – в архивах России), языковых барьеров, политических катаклизмов была и продолжает оставаться почти исключительно прерогативой украинских исследователей, стремящихся отыскать в непродолжительном периоде 1917–1922 гг. историческое обоснование прав этих государств на независимость и проанализировать их опыт государственного строительства. Иногда это приводит к серьезным искажениям. Например, участников национального движения из числа бывших офицеров русской армии иногда представляют в качестве идейных националистов и борцов за свободу своей малой (в границах Российской империи) родины чуть ли не с дореволюционных времен². С таким же успехом можно утверждать, что военспецы, служившие в РККА, в массе являлись сторонниками большевистских идей еще до 1917 г., что, конечно, не имеет ничего общего с действительностью.

¹ Черушев Н.С. Жизнь военной элиты. За фасадом благополучия. 1918–1953 гг. М., 2014; Он же. Вацетис — главнокомандующий республики. М., 2015. Поверхностной и компилятивной является книга Н.С. Черушева о И.И. Вацетисе. Часть издания представляет собой многостраничный пересказ опубликованных фрагментов воспоминаний Вацетиса, причем автор книги не использовал ни сборник оперативных телеграмм Вацетиса 1918 г., ни документы его личного фонда в РГВА, ни материалы РГВИА и ГА РФ. Исключение составляет ссылка на аттестацию Вацетиса, дословно воспроизводящая фрагмент вступительной статьи В.М. Берзиньша к сборнику документов о Вацетисе (Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. С. 15). Значительная часть ссылок на документы РГВА воспроизводит советские сборники документов «Директивы командования фронтов Красной армии» и «Директивы главного командования Красной армии», но вместо ссылок на указанные сборники приводятся ссылки на архив, как будто бы автор впервые вводит эти документы в научный оборот, что лишь запутывает читателя. Рассуждая о Вацетисе как о военном ученом и педагоге, Черушев даже не ознакомился с книгой своего героя «О военной доктрине будущего» (М., 1923) и цитирует отрывки из нее по хрестоматии 1965 г. Из постсоветской историографии автором использованы только книги В.Г. Краснова и В.О. Дайнеса, Ю.З. Кантор и публициста Л.М. Млечина, работу которого едва ли можно считать научной. Веденные в последнее десятилетие в научный оборот разнообразие архивные свидетельства, в том числе оставленные самим Вацетисом, в книге оказались проигнорированы.

² См., напр.: *Сергійчук В. Своєї честі не віддав нікому // Всеволод Петрів. Військово-історичні праці. Спомини. Київ, 2002. С. 3–4.*

При этом необходимо отметить ряд серьезных исследований, справочников, документальных публикаций, в которых были введены в научный оборот важные архивные материалы по истории вооруженных сил национальных государств, образовавшихся на окраинах Российской империи¹. Как и в России, популярностью пользуются биографические исследования². Некоторые работы содержат детальные жизнеописания офицеров, в основе которых служебные документы из архивов разных стран.

Выдающаяся по своему качеству и объему работа была проделана польскими историками³. Думается, причина как в широком интересе польского общества к проблемам национальной военной истории, несомненной государственной поддержке исследований, так и в глубоких традициях польской военной историографии. Сопоставимыми с польской историографией результатами могут похвастаться финские⁴, прибалтийские⁵ и украинские исследователи. Менее изучена роль бывших офицеров в Закавказье⁶.

К сожалению, в работах об офицерстве периода 1917–1922 гг. редко преодолевается традиционная для историографии разобщенность исследований противоборствующих лагерей Гражданской войны, приводящая к изолированному изучению истории Красной, белых и национальных армий. Именно из принципа органической, неразрывной взаимосвязи всех сторон того конфликта исходит автор этих строк, исследуя участие офицерства в Гражданской войне (прежде всего, применительно к офицерам Генерального штаба). Такой подход позволяет изучить роль офицерства в происхо-

¹ Колянчук О., Литвин М., Науменко К. Генералітет Українських визвольних змагань. Львів, 1995; Литвин М. Р., Науменко К. Е. Збройні сили України першої половини ХХ ст. Генерали і адмірали. Львів; Харків, 2007; Тинченко Я. Армії України 1917–1920. М., 2002; Он же. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. 1917–1921 роки. Київ, 1995. Ч. 1: Біографічно-довідкова; Он же. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1; 2011. Кн. 2; Kolańczuk A. Ukraińscy generałowie w Polsce emigranci polityczni w latach 1920–1939: Słownik biograficzny. Przemyśl, 2009.

² Новальчук М. Генерал Микола Капустянський. Київ, 2006; Шандрівський І. Г. Військово-політична та наукова діяльність Миколи Капустянського: дис. ... к. и. н. Львів, 2003.

³ Kawalerowie Virtuti Militari 1792–1945. Koszalin, 1991. Т. 2: 1914–1921. Cz. 1; Kosk H. P. Generalicja polska. Pruszków, 1998–2001; Kryska-Karski T., Żurkowski S. Generalowie Polski niepodległej. Warszawa, 1991; Mierzwiński Z. Generalowie II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1990; Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920. Warszawa, 2004; Stawecki P. Słownik biograficzny generalów Wojska Polskiego 1918–1939. Warszawa, 1994; Stawecki P. Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997; Wojtaszak A. Generalicja Wojska Polskiego 1921–1926. Szczecin, 2005.

⁴ Lipponen R. Itsenäisen Suomen Kenraalikunta 1918–1996: Biografiat. Porvoo; Helsinki; Juva, 1997.

⁵ Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940: Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1998; Lāčplēša kara ordena kavalieri: Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1995; Lietuvos kariuomenės karininkai 1918–1953. Vilnius, 2001–2015. Т. 1–10; Ōun M. Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid. Tallinn, 2001; Pihlau J. Auraamat Eesti Vabariigi kaadriohvitseridele. Tallinn, 2007; Rosenthal R. Laidoner — väejuht. Tallin, 2008.

⁶ Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия: Док. и мат. Баку, 1998; Армяне в Первой мировой войне (1914–1918 гг.). М., 2014; Гогитидзе М. Грузинский генералитет (1699–1921): Биографический справочник. Киев, 2001.

дивших тогда событиях в динамике, зафиксировать многочисленные перемещения командных кадров между сторонами конфликта, понять мотивы поведения офицерства и сравнить эффективность его использования противниками. Результатом этого подхода стала серия монографических исследований, биографический справочник, а также большой цикл статей¹. В этих работах был впервые обобщен документальный материал по данной проблематике, собранный в архивах России и зарубежья.

В целом, несмотря на наличие обширной литературы по отдельным аспектам темы, комплексного исследования вопроса, дающего на основе архивных данных целостную обобщающую картину участия офицерства в Гражданской войне, пока не создано. Большинство авторов ограничиваются в своих исследованиях либо одним из противоборствующих лагерей, либо небольшим участком фронта, либо отдельными персоналиями. Отрицательным явлением последнего времени, несмотря на существенно упростившиеся поисковые возможности, стало сознательное игнорирование рядом авторов работ коллег и предшественников, что обедняет исследования, ведет к неправомерным заимствованиям и «открытиям» уже известного. Некоторые исследователи, находясь в плену собственных идеологических пристрастий и считая себя идейными наследниками красных, белых или защитников тех или иных национальных государств периода 1917–1922 гг., как бы «довоевывают» Гражданскую войну. Следствием этого являются отход от принципа научной объективности, существенный разнобой в оценках и выводах, значительные упрощения, произвольные трактовки, а порой и откровенное непонимание логики событий и мотивов их участников.

Источниковой базой предлагаемого вниманию читателей исследования стали, прежде всего, разнообразные архивные материалы, отложившиеся в 23 архивах России, Украины, Грузии, Армении, Азербайджана, Латвии, Польши, Чехии, Финляндии, Франции и США, а также опубликованные документы.

Источники по истории офицерства в период Гражданской войны чрезвычайно обширны. Основные комплексы документов по этой проблематике хранятся в фондах РГВА, ГА РФ, РГАСПИ, РГВИА, Гуверовского и Бахметевского архивов.

Материалы РГВИА содержат документацию о службе офицеров в русской армии в основном до 1918 г., в том числе послужные списки и аттестации офицеров, списки по старшинству в чинах, краткие записки о службе, различные приказы, докладные записки, служебную переписку и иную документацию, отражающую деятельность офицерского корпуса в мирное и военное время, а также документы личного происхождения.

¹ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба...; Он же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»; Он же. Закат Николаевской военной академии...; Он же. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016 (2-е изд.: М., 2017); и др.

В РГВА отложились трофейные документы белых армий, захваченные частями РККА в Гражданскую войну либо поступившие в архив уже после Второй мировой войны в составе Русского заграничного исторического архива (так называемого Пражского архива). Кроме того, в РГВА сохранились обширные массивы документации о служебном положении офицеров в Гражданскую войну, охватывающие практически все стороны их деятельности в рассматриваемый период: приказы, рапорты, доклады, докладные записки, отчеты, журналы военных действий, переписка различных советских и анти-советских военных учреждений и штабов. Делопроизводство белых армий, прежде всего Юга и Северо-Запада России, представлено значительно хуже. Однако обширные архивы этих армий имеются в Гуверовском и Бахметевском архивах в США, куда они были переданы участниками Белого движения.

В фондах РГАСПИ хранятся партийная документация о службе военспецов, переписка видных партийных деятелей, в том числе касающаяся бывших офицеров, а также материалы по истории Гражданской войны, собиравшиеся в советский период в различных архивах СССР и освещающие деятельность бывших офицеров в 1917–1922 гг.

В архивах органов госбезопасности (а в ряде случаев в государственных архивах) хранятся архивно-следственные дела бывших офицеров, оказавшихся репрессированными. Эти документы чрезвычайно важны для изучения роли офицерства в событиях Гражданской войны, поскольку в показаниях фигурантов дел нередко содержатся подробные и сравнительно объективные описания их жизни и деятельности в тот период. На Украине и в прибалтийских государствах рассекречены и доступны для изучения архивные коллекции органов госбезопасности, в том числе в отношении периода массовых репрессий. Крайне информативны документы Ведомственного архива Службы безопасности Украины, в котором доступны для изучения архивно-следственные дела арестованных бывших офицеров, прежде всего за период начала 1930-х гг. К сожалению, в России доступ исследователей к таким документам до сих пор затруднен.

Документы личного происхождения широко представлены в собраниях ГА РФ и ДРЗ, Гуверовского и Бахметевского архивов. В этой группе заметно преобладают документы участников борьбы с большевиками, которые в эмиграции могли писать неподцензурные воспоминания. Несмотря на определенный субъективизм этого вида источников, значение свидетельств из мемуаров и дневников участников событий трудно переоценить.

Большое значение имеют частные архивы потомков офицеров, которые только начинают вводиться в научный оборот. Разумеется, документы об участии офицерства в событиях 1917–1922 гг. отложились и во множестве других архивов, например региональных и ведомственных. Впрочем, эти документы введены в научный оборот достаточно слабо. Нельзя не отметить, что немалая часть документов по этой теме, к сожалению, утрачена.

Введение

Наконец, ценнейшим источником являются опубликованные воспоминания и дневники участников событий.

Совокупность изученных документальных материалов позволяет разносторонне реконструировать участие офицерства в Гражданской войне, в том числе исследовать особенности службы офицеров в различных армиях и лагерях, проанализировать взаимодействие офицерства с политической элитой, понять характер вовлечения офицеров в братоубийственный конфликт.

Все даты, относящиеся к истории России до февраля 1918 г., приведены по старому стилю.

Выражаю глубокую признательность всем, кто помогал мне при подготовке этой книги, и прежде всего моим друзьям и коллегам к.и.н. Ф.А. Гущину и к.и.н. А.А. Симонову.

Глава 1

Русский офицерский корпус накануне Гражданской войны

К началу Гражданской войны русский офицерский корпус состоял из двух категорий офицерства: кадровых офицеров и офицеров военного времени.

Кадровое офицерство было замкнутой привилегированной кастой. Это были люди, целиком посвятившие себя военной службе, военные профессионалы, носители военных традиций, знаний, дисциплины, нередко происходившие из офицерских династий, где поколение за поколением представители рода избирали своей профессией военную службу. Часть кадровых офицеров обладала высшим военным образованием, как общим, так и специальным (артиллерийским, инженерным и т. д.). В кадровом офицерстве был силен корпоративный дух. Многие кадровые офицеры были выходцами из дворян. Однако на рубеже XIX–XX вв. как в русской, так и в других европейских армиях шел процесс расширения социальной базы офицерской корпорации, в которую все активнее проникали представители других сословий. Так, например, генерал от инфантерии М. В. Алексеев был сыном солдата, выслужившего офицерский чин. Генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов был сыном казака, дослужившегося до младших офицерских чинов. Генерал-лейтенант А. И. Деникин был сыном крепостного крестьянина, отданного в рекруты и дослужившегося до офицерских чинов. Советский главком бывший полковник И. И. Вацетис родился в семье батрака.

К началу XX в. отношение русского образованного общества к военной элите в частности и к офицерству в целом было неоднозначным. Prestиж и непререкаемый авторитет офицеров остались в прошлом. Офицерство имело мало точек соприкосновения с представителями гражданской интеллигенции. В среде последней все шире распространялись взгляды на то, что военную службу выбирают люди недалекие или неудачники. Офицеры, в свою очередь, презрительно относились к штатским. Дискредитации армии способствовали неудачи в Русско-японской войне и активное использование гражданскими властями войск в борьбе с массовыми беспорядками периода первой русской революции 1905–1907 гг. Высокообразованных офицеров в армии явно не хватало, жившие опытом прежних войн офицеры и генералы были ответственны за тяжелые потери и неудачи Русско-японской

войны¹. Все это способствовало формированию негативных стереотипов восприятия офицерства в обществе.

Русско-японская война стала важной школой для среднего командного состава русской армии. После войны предпринимались шаги по реформированию армии и усовершенствованию подготовки офицеров. Принятые меры привели к тому, что возросла и популярность офицеров в обществе.

На весну 1914 г. русский офицерский корпус насчитывал около 44 000 человек². Процент выходцев из дворян в офицерском корпусе постепенно сокращался. Накануне Первой мировой войны дворяне составляли 53,6% офицерского корпуса, почетные граждане — 13,6%, выходцы из духовенства — 3,6%, из купечества — 3,5%, из податных сословий — 25,7%. По чинам — генералов было 2–2,5%, штаб-офицеров — 14–17%, обер-офицеров — 80,5–84%. В обер-офицерских чинах служили по 25–30 лет, в должностях командиров рот — более 10 лет.

Пополнение и убыль ежегодно составляли от 2,5 до 3,5 тысяч человек. По национальному составу на 1912 г. в офицерском корпусе 86% составляли русские, украинцы и белорусы. В состав офицерского корпуса не допускались иудеи. Среди генералитета было традиционно много представителей немецких родов. По различным подсчетам, каждый шестой из полных генералов в 1912 г. был немцем. На весну 1914 г. в армии было 1574 генерала.

По данным на начало 1908 г., на одного офицера приходилось в среднем 24 нижних чина. В пехоте соотношение достигало одного офицера на 50 нижних чинов. По родам оружия на 1908 г. среди строевых было 23 414 пехотных офицеров, 5431 кавалерийский, 6193 артиллериста, 2039 офицеров инженерных и железнодорожных войск. В высших штабах служили 7478 человек. На девять строевых обер-офицеров приходился один нестроевой, среди штаб-офицеров соотношение составляло уже 1,5 к 1, а среди генералов даже 0,7 к 1. Чем выше были чины, тем больше офицеров в этих чинах за-

¹ К примеру, генерал барон Г.К. Штакельберг в сражении при Вафангоу требовал от артиллеристов стрельбы с открытых позиций, что ничем не обуславливалось и вело к жестоким потерям (*Гущин А.В.* Русская армия 1904–1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб., 2014. С. 53). Аналогичное отношение командного состава к военной технике и защите войск от огня противника являлось типичным вплоть до крушения старой России (см. примеры из дневника генерала В.И. Селивачева — *Ганин А.В.* Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 90–91). В годы Первой мировой войны низкие потери в личном составе оценивались командованием скорее как недостаток соответствующих начальников и проявление их пассивности и нерешительности, чем способностей (НИА. А.Р. Budberg collection. Box 1. Будберг А.П. Воспоминания о войне 1914–1917 гг. С. 82) или же приводили к выводу о слабости противника на этом участке (даже если на самом деле командир берег личный состав), а за высокие потери никакой ответственности не полагалось (*Ганин А.В.* Последние дни генерала Селивачева. С. 61, 91).

² *Марыняк А.В.* «Демократизация» русского офицерского корпуса в ходе Первой мировой войны // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской Смуты: Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 434.

нимали нестроевые должности¹. В общей сложности на 1908 г. нестроевые офицеры составляли около 19 тысяч человек против 25,5 тысячи строевых. Иными словами, почти половина офицерского корпуса несла небоевую работу. Кроме того, многие строевые офицеры также были заняты решением хозяйственных вопросов.

Производство в офицеры осуществлялось при выпуске из училищ или за отличия. Кадровое офицерство не было однородным. Преобладали выпускники военных училищ. Поступление в них, в отличие от юнкерских, предполагало окончание кадетского корпуса. Тем не менее в результате увеличения требований к юнкерским училищам и их перевода на трехгодичный курс в 1910 г. разница в образовании почти нивелировалась. Однако осталась существенной разница в воспитании, поскольку семь лет кадетского корпуса основательно формировали характер будущего офицера и его мировоззрение. Традиционно училищное образование отличалось оторванностью от практики, схоластичностью, вниманием к излишним деталям при малом количестве полевых занятий. Подготовка офицера тем не менее стоила государству очень дорого – свыше 5000 руб. в ценах 1908 г.

Для ускорения карьеры необходимо было окончить военную академию. Быстрее армейских офицеров по службе продвигались офицеры гвардии. Так, чина полковника офицер гвардейской кавалерии достигал, по данным на 1908 г., уже через 19,7 года службы, тогда как офицер армейской кавалерии – лишь через 26,6. Наибольший разрыв существовал в артиллерии, где гвардеец становился полковником в среднем через 19,8 года службы, а его армейский товарищ по профессии – через 29 лет. То есть разрыв превышал десятилетие.

Важную роль играл вопрос омоложения командных кадров. На 1914 г. среди командиров корпусов около 10% составляли лица старше 60 лет. Среди командиров полков было 27,7% офицеров старше 50 лет. По данным на 1912 г., 37,1% офицеров находились в возрасте до 30 лет, 32,2% – от 30 до 40 лет, 21,4% – от 40 до 50 лет, 8,7% – от 50 до 60 лет и 0,5% – старше 60 лет. Среди генералитета лиц до 30 лет не было, в возрасте от 30 до 40 лет находились 0,7% генералов, от 40 до 50 лет – 18,4% генералов, от 50 до 60 лет – 66,9% генералов и 13,9% были старше 60 лет. Большинство штаб-офицеров (51,3%) пребывали в возрасте 40–50 лет, между 50 и 60 годами находились 37,2% штаб-офицеров.

По образовательному уровню накануне Первой мировой войны академии окончили 6,7% офицеров, военные училища – 48,2%, юнкерские училища – 43% и гражданские учебные заведения – 2,1%. Определенный антагонизм существовал между офицерами гвардии и армии.

¹ Режепо П. А. Офицерский вопрос. СПб., 1909. С. 5.

Интересным был вопрос постоянства службы офицеров в своих частях. Так, в 1907 г. перевелись в другие части 3793 офицера, или двенадцатая часть офицерского корпуса¹. Кроме того, последовало около 2000 назначений. Всего же, таким образом, перемещались порядка 6000 человек, или седьмая часть офицерского корпуса.

Вопрос о профессиональной квалификации и качествах офицерского корпуса представляется достаточно важным. Оценки современников на этот счет критичны даже в отношении кадровых офицеров. Так, генерал В.Е. Флуг в эмиграции отмечал, что офицерский состав русской армии мирного времени «был дисциплинирован, достаточно предан служебному долгу, в бою самоотвержен, умел безропотно умирать, но в массе... не обладал, по крайней мере в главном роде войск — пехоте, качествами, присущими воину по призванию: авторитетом, инициативой, предприимчивостью, неукротимой волей к победе. Его храбрость имела вообще определенно пассивный характер... Даже взаимная выручка не находилась на должной высоте. Активные воинские качества встречались чаще у молодежи — младших офицеров, начальников команд разведчиков и проч[их], между которыми герои были нередки, реже те же качества можно было встретить между ротными к[оманди]рами и в виде исключения в арм[ейских] пех[отных] полках... Состав последних... был, безусловно, неудовлетворителен. Поддерживать строгую дисциплину в условиях военного времени офицеры, в массе, по недостатку авторитета не умели...»² Генерал В.В. Чернавин в эмиграции в связи с высказываниями Флуга даже провел анкетирование по вопросу о качествах офицерского корпуса русской армии. Мнения разделились, причем некоторые сочли себя оскорбленными такой нелестной оценкой.

Материальное положение офицерства было следующим. Годовое жалованье генералов на 1 июня 1907 г. составляло 2100 руб., генерал-лейтенантов — 1800 руб., генерал-майоров — 1500 руб., полковников — 1200 руб., подполковников — 1080 руб., капитанов — 900 руб., штабс-капитанов — 780 руб.³ Даже годовое жалованье штабс-капитанов примерно вдвое превышало годовой оклад учителей начальных школ. Помимо этого офицерам полагались дополнительные выплаты и пособия, прежде всего столовые и квартирные. Практиковались и иные выплаты. Так, на обзаведение лошадью со всей сбруей в конце XIX — начале XX в. выдавалось 300 руб. Некоторые офицеры получали средства на прислугу в размере 10 руб. в месяц⁴. Питаться месяц, ни в чем себе не отказывая, можно было в пределах 55–60 руб. (завтрак в 1912 г. мог стоить 50 коп.⁵).

¹ Там же. С. 28.

² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1268. Л. 686об. Подробнее см.: *Малинко В. И., Голосов В. П.* Справочная книжка для офицеров. М., 1902. Ч. 1.

⁴ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 115.

⁵ *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 141.

Традиционную сложность представлял квартирный вопрос. П. А. Режепо отмечал в 1908 г., что он при сложившемся положении вещей разрешится через 100 лет¹. Комната в Петербурге обходилась в 30 руб. в месяц. В других местах снять комнату можно было за 25 руб. Пуд пшеничной муки стоил 2,5 руб., мешок картофеля – 1 руб., фунт мяса – 10–12 коп., бутылка водки – 30 коп., бутылка коньяка – 1,5 руб., пара ботинок – 5–8 руб., пара яловых сапог – 7 руб. Месячная зарплата квалифицированного рабочего составляла в среднем 90 руб. (средний заработок – 32 руб.²), служащего – 85,5 руб. В войну цены несколько изменились. Дюжина лезвий для бритвы «Жилетт» стоила в 1915 г. около 2 руб. Пара простых сапог в 1916-м – 5 руб., шапка – 1 руб. 40 коп.

Б. М. Шапошников вспоминал, что молодым офицером получал 67 руб. жалованья, 9 руб. квартирных и по 30 коп. в сутки на караулы. Тратил он на обеды и ужины в месяц 12 руб., на квартиру 15 руб., на чай, сахар, табак, стирку – 10 руб., на обмундирование – 10 руб., на вычеты в батальон – 10–15 руб., на жалованье денщику – 3 руб., после чего оставалось 11–16 руб., а с прибавкой летних лагерных денег – до 20 руб.³ По его воспоминаниям, жизнь была достаточно скромной.

Кадровые офицеры вследствие стабильности власти были традиционно чужды политической жизни, не знали и не понимали значения партийной борьбы и идеологии, воспитывались на идеалах приверженности императору. Корпоративный дух офицерства служил определенной гарантией лояльности командного состава верховной власти. Выходцы из непривилегированных слоев общества, сумевшие посредством военной службы улучшить свое положение в обществе, дорожили офицерским статусом. Среди кадровых офицеров особняком стояли офицеры гвардии, позиционировавшие себя как элиту офицерской корпорации, а также представители новой технократической элиты – генштабисты.

Политические катаклизмы начала XX в. привели к тому, что в политику стали втягиваться и отдельные офицеры. Среди них оказались сторонники конституционной монархии, республиканского строя и даже социалистических течений. В годы первой русской революции некоторые офицеры участвовали в беспорядках, вступали в подпольные политические организации. В 1905 г. был создан нелегальный «Офицерский союз», просуществовавший до 1908 г. Широко известен яркий пример офицера-революционера – лейтенанта П. П. Шмидта. В большевистскую партию в первые годы XX в. вступили штабс-капитаны Б. В. Легран, Я. Ф. Фабрициус, поручик Р. И. Берзин, прапорщики А. Э. Дауман, К. Я. Зедин, Н. В. Крыленко, Д. И. Курский, А. Ф. Мясников,

¹ Режепо П. А. Офицерский вопрос. С. 33.

² Дневник А. Е. Снесарева. 1918 г. Л. 872 (Архив семьи Снесаревых).

³ Шапошников Б. М. Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1982. С. 100.

И.П. Павлуновский и др.¹ Популярность у офицерства стали завоевывать эсеры. Тем не менее даже после этих событий речь шла о незначительной части оппозиционных властям офицерства. Причем эта часть воспринималась корпорацией в качестве отщепенцев.

Кадровыми офицерами были крупнейшие деятели контрреволюционного лагеря Гражданской войны (например, генералы Е.К. Миллер, Н.Н. Юденич, адмирал А.В. Колчак) и многие видные военные работники Советской России (бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, бывшие полковники И.И. Вацетис, С.С. Каменев и Б.М. Шапошников, бывший подпоручик М.Н. Тухачевский).

Российская империя не имела подготовленного запаса командных кадров на случай большой войны. В стране сохранялось традиционное общество с относительно немногочисленным слоем людей, обладавших хотя бы средним образованием, что обусловило сложности с подготовкой квалифицированных командных кадров в военное время.

Генерал А.А. Брусилов свидетельствовал, что «в общем состав кадровых офицеров армии был недурен и знал свое дело достаточно хорошо, что и доказал на деле, но значительный процент начальствующих лиц всех степеней оказался, как и нужно было ожидать, во многих отношениях слабым, и уже во время войны пришлось их за ошибки спешно сменять и заменять теми, которые на деле выказали лучшие боевые способности»². Генерал А.И. Деникин справедливо писал: «Характерными чертами нашего старшего генералитета являлись недостаток дисциплины в области соподчиненных отношений или слишком явная подчас рознь. Качества эти давали себя знать во время войны в особенности»³. Фактически речь шла о том, что в системе управления русской армией не соблюдался принцип единства действий. Это наблюдение будущего вождя Белого движения оказалось справедливым и в отношении других поколений генералитета, не исключая и тех, кто получил генеральские чины уже в годы Гражданской войны в рядах белых. В конечном счете, эта особенность стала одной из причин неудачи Белого движения.

Современники и исследователи признают высокий уровень подготовки командиров рот русской пехоты накануне Первой мировой войны, достаточно низкий уровень подготовки командиров батальонов (исключая гвардию), хорошую тактическую выучку командиров полков, удовлетворительный уровень начальников пехотных дивизий и командиров корпусов и неудовлетворительную подготовленность командующих армиями и фронтами⁴.

¹ Буравченков А.А. Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990. С. 8.

² Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 61.

³ Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 111–112.

⁴ Подробнее см.: Смирнов А.А. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 — первая половина 1937 года). М., 2013. Т. 2. С. 339–389.

Первая мировая война привела к революционным изменениям в облике русского офицерского корпуса. Кадровое офицерство в начале войны понесло тяжелые потери. Потребности армии покрывались масштабным ускоренным производством офицеров военного времени.

Эта группа офицеров представляла собой принципиально иную среду. Социальная база прапорщиков военного времени была крайне разнородной и демократичной. Существенно различались квалификация, уровень подготовки и даже возраст этих людей. Многие из них не связывали свою жизнь с военной службой. Более того, возрастное ограничение в 1915 г. достигло 43 лет. Офицером военного времени мог стать не нюхавший пороха выпускник университета или, например, участвовавший во многих кампаниях простой необразованный казак, выслуживший унтер-офицерское звание, а затем за боевое отличие произведенный в офицеры. Не случайно в годы войны получило распространение сатирическое стихотворение: «Раньше был я дворником, звали все Володею, а теперь я прапорщик – ваше благородие!»

Между кадровыми офицерами и офицерами военного времени существовало определенное отчуждение. В то же время, несмотря на определенную социальную близость солдатской массе, прапорщики, в особенности произведенные из унтер-офицеров, нередко стремились дистанцироваться от прежних товарищей и даже увлекались рукоприкладством по отношению к нижним чинам¹. Впрочем, в боевой обстановке такое поведение могло плохо кончиться для самих новоиспеченных офицеров.

Фактически эта категория офицеров представляла собой срез всего русского общества и в большей степени отражала не офицерское мировоззрение, а мировоззрение тех слоев населения, из которых такие офицеры происходили. По материалам новейших исследований установлено, что свыше половины офицеров военного времени в начале войны были выходцами из крестьян, мещан и почетных граждан². Эти выкладки, в целом, подтверждаются и исследованиями социального состава офицеров периода Гражданской войны (в частности, выходцы из крестьян составляли 42,6% в выборке бывших белых офицеров, подвергшихся репрессиям на Среднем Урале в 1919–1924 гг.³).

Осенью 1914 г. был введен ускоренный 4-месячный курс подготовки офицеров пехоты и кавалерии и 8-месячный – для подготовки офицеров артиллерии и инженерных войск. Значительные потери, которые понесло кадровое офицерство в начальный период войны, привели к тому, что

¹ Гребенкин И. Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. С. 109–110.

² Марыняк А. В. «Демократизация» русского офицерского корпуса... С. 436–437.

³ Дмитриев Н. И., Рогова Е. М. Репрессии большевиков против чинов белых армий. 1919 — начало 1930-х годов. Результаты новых исследований // Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Голвина. Белград, 10–14 сентября 2011 года: Сб. статей и материалов. СПб., 2012. С. 246.

стало практиковаться массовое производство в офицерский чин по образованию, а также за боевые отличия. Кроме того, с октября 1914 г. стали создаваться школы подготовки прапорщиков с трехмесячным курсом обучения. Всего было создано 53 таких школы (в том числе 13 временных на один курс).

Офицеры военного времени были гораздо хуже подготовлены к управлению войсками, чем кадровые офицеры, их сложнее отнести к военным профессионалам. Качество будущих офицеров падало от набора к набору. Очевидно, что офицерам для успешного выполнения должностных обязанностей требовалось иметь хотя бы среднее образование (не говоря о военном). Однако часто не было и этого. В итоге уже в 1916 г. пришлось вводить проверку грамотности свежееиспеченных офицеров диктантом и умственного развития посредством написания автобиографии. Нечего и говорить, что непривычные к умственной деятельности, полуграмотные офицеры, ничем не отличавшиеся от нижних чинов, не пользовались каким-либо авторитетом.

Постепенно прапорщики приобретали боевой опыт. Они же несли и колоссальные потери. Как отмечал впоследствии А. А. Свечин, «прапорщики отнюдь не представляли собою какой-то серой, малоценной, второсортной массы; наоборот, среди этой молодежи было удивительно много сильных, красочных личностей, готовых к большим усилиям и полному самопожертвованию при наличии сколько-нибудь толкового руководства, малейшего внимания и элементарной справедливости к ним»¹.

Потребности фронта диктовали последующие изменения в подготовке офицеров. Так, низкая убыль кавалеристов и казаков привела к тому, что курс подготовки прапорщиков в казачьих и кавалерийских училищах был увеличен до года. В 1916 г. курс школ прапорщиков увеличили до четырехмесячного. Кроме того, был осуществлен призыв в армию студентов. В частности, со студенческой скамьи в армию попал будущий видный деятель ВКП(б) А. А. Жданов, ставший прапорщиком.

Вполне естественно, в среде офицеров военного времени было множество сторонников народнических взглядов, приверженцев левых политических течений (например, первый советский Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко, а также С. Г. Лазо, М. К. Тер-Арутюнянц, И. Ф. Федько, Н. А. Щорс и др.)². И конечно, такие офицеры приняли как Февральскую, так и Октябрьскую революции и активно поддержали большевиков. Не случайно еще в декабре 1915 г. генерал от инфантерии А. А. Адлерберг по итогам инспектирования запасных частей писал: «Большинство прапорщиков состоит из крайне нежелательных для офицерской среды элементов. Между ними были из чернорабочих, слесарей, каменщиков, полотеров и буфетчи-

¹ Свечин А. А. Искусство вождения полка: [по опыту войны 1914–1918 гг.]. М., 2005. С. 94.

² Там же. С. 86–87.

ков»¹. Император подчеркнул эти строки, отметив: «На это надо обратить серьезное внимание»².

Генерал В.А. Слюсаренко вспоминал, что «офицеры военного времени, поступавшие после [19]15 года, в общем были неудовлетворительными, мало дисциплинированными и неподготовленными к военному делу»³. Характерно восприятие этих групп офицерства населением. Капитан И.С. Ильин записал в дневнике 21 июня 1918 г.: «Я видел еще по фейерверкерам и юнкерам, что именно наиболее сознательная часть народа так и смотрит: кадровый офицер — это одно, а всех этих прапорщиков из учителей да из школ в грош не ставили и даже как будто стыдились, что такие появились офицеры — ни рыба ни мясо»⁴.

Революционные события февраля — марта 1917 г. сопровождались массовыми убийствами офицеров Балтийского флота, погибали офицеры и в Петрограде. Уже в начале марта 1917 г. стала очевидна антиофицерская направленность происходивших в стране процессов. Убийства офицеров, побои, унижения, падение дисциплины и выход солдат из подчинения — все это не могло не вызывать тревогу. На совещании с представителями Временного правительства и Петросовета 4 мая 1917 г. генерал М.В. Алексеев заявил, что армия утратила дисциплину, «офицерство угнетено, а между тем именно офицеры ведут массу в бой»⁵. Ему вторил генерал А.А. Брусилов, назвавший офицеров париями революции и отметивший, что обретенная свобода должна касаться не только одних солдат⁶. Деятели Временного правительства тогда заверили генералитет в том, что приложат все усилия для укрепления армии и недопущения дальнейшего развала. Однако последующие события показали, что политики выпустили вооруженную силу из-под контроля и процессы развала стали необратимыми.

После Февральской революции произошли перемены в комплектовании офицерского состава. В марте 1917 г. был снят запрет на производство в офицеры иудеев. В конечном счете право на производство в офицеры получил любой солдат, пробывший на фронте более четырех месяцев. К осени 1917 г. уже был достигнут сверхкомплект офицеров, в связи с чем прием в школы прапорщиков прекратился.

На осень 1917 г. на фронте должности ротных командиров занимали почти исключительно офицеры военного времени, на уровне батальонных командиров еще присутствовали кадровые офицеры. Генералы и штаб-офицеры в меньшей степени подверглись социальным изменениям военного времени.

¹ Цит. по: Буравченков А. А. Роль демократического офицерства в революции. С. 5.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 35. Л. 21.

⁴ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 273.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 4.

Что касается чинопроизводства, то в 1917 г. многие прапорщики уже достигли чинов поручика и штабс-капитана. Однако массовое производство в офицеры продолжалось до осени 1917 г. Свыше половины офицеров обладали лишь менее чем полугодичным опытом пребывания на фронте. Причем, поскольку речь шла о 1917 г., боевого опыта, в большинстве своем, у них не было. Немало было офицеров, обладавших лишь низшим образованием и едва грамотных. Очевидно, большинство офицеров к этому времени уже составляли выходцы из крестьян.

Революционные перемены привели в движение огромные массы людей. Шел процесс политизации офицерства, часть которого втягивалась в политическую борьбу. Некоторые офицеры восприняли происходящее как шанс сделать карьеру. Стали возникать различные офицерские организации. Офицеры появились в армейских комитетах самого разного уровня, а также в советах. Некоторые представители кадрового офицерства примкнули к большевикам. В частности, полковник М. С. Свечников, подполковники Г. Д. Базилевич, Н. Г. Крапивянский, капитан Г. В. Зиновьев, штабс-капитан А. Н. Луцкий, штабс-ротмистр А. И. Геккер и др. Все это свидетельствовало о неоднородности офицерства, в том числе кадрового. Присоединились к большевикам и офицеры военного времени. В частности, капитан А. Е. Скачко, штабс-капитан А. И. Седякин, подпоручик И. П. Уборевич, прапорщики И. Н. Дубовой, П. Е. Княгницкий, К. А. Нейман, С. Д. Павлов, В. К. Путна, Н. А. Руднев, С. Е. Сакс, Р. Ф. Сиверс, И. Ф. Федько, Г. Д. Хаханьян и др.

К лету 1917 г. в офицерских кругах стало наблюдаться разочарование политикой Временного правительства, которое не доверяло офицерству и не защищало его от солдатского произвола. Происходившие деструктивные процессы в армии и в стране вызывали неприятие и тревогу у многих офицеров. Слабость Временного правительства, его неспособность провести в жизнь даже собственные решения (например, в отношении арестов лидеров большевиков после их неудавшейся попытки захватить власть в июле 1917 г.) свидетельствовали о том, что в воюющей стране нет эффективной твердой власти. Существовавшие в начале года надежды на то, что устранение «темных сил», группировавшихся вокруг трона, и установление «демократических» порядков повысят обороноспособность страны, оказались иллюзиями. Некоторые генералы, наблюдая политическое бессилие Временного правительства, сожалели о том, что способствовали отречению Николая II и приходу к власти деструктивных элементов¹. Нарастали тревожные ощущения близкого краха страны и охваченной разложением армии. Тревога сменялась возмущением, а возмущение служило стимулом для решительных действий, к которым боевое офицерство склонно по природе своей дея-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 18–18об.; Ганин А. В. Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государя! // Родина. 2017. № 2. С. 49–53.

тельности. Все больше сторонников находила идея военной диктатуры как единственного выхода из критической для страны ситуации.

Наиболее популярным военным деятелем середины 1917 г. был Верховный главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов – храбрый и талантливый офицер, но плохой политик. Именно Корнилов воспринимался всеми политическими деятелями того времени как лидер правых. После июльского выступления большевиков в Петрограде маятник качнулся в противоположную сторону – была предпринята попытка правого переворота. До сих пор остаются неизвестными скрытые пружины выступления Корнилова против Временного правительства в конце августа 1917 г. Много в тех событиях выглядит неоднозначно – и роль А.Ф. Керенского, так или иначе причастного к этому выступлению, и роль гражданских деятелей правого направления, и роль офицерства в Ставке и Петрограде, а также степень осведомленности самого Корнилова о планах его окружения.

Как бы то ни было, выступление Корнилова как попытка спасти страну от надвигавшейся анархии провалилось. После этого временный реванш взял Керенский, арестовавший корниловцев и заменивший военное руководство. Но разложение и развал русской армии лишь прогрессировали, положение офицерства ухудшилось, противоречия в его среде усугублялись, прогрессировала и апатия. Страхи советов депутатов и левых партий в отношении угрозы контрреволюции в какой-то степени оправдывались, в армии начало возрастать влияние большевиков. В сложившихся условиях Временное правительство оказалось дискредитировано, вызывая ненависть со всех сторон. Хаос в стране нарастал. В результате захват власти большевиками в Петрограде в октябре 1917 г. прошел практически беспрепятственно.

Тем не менее лишь у единичных представителей военной элиты к осени 1917 г. сложилось убеждение в том, что необходим выход страны из войны. Поэтому большевистский Декрет о мире, последовавшие перемирие и мирные переговоры были восприняты представителями военной элиты не как вынужденная необходимость, а как исполнение новой властью распоряжений германского Генштаба. Своим долгом многие государственно мыслящие люди посчитали борьбу с большевиками, воспринимавшимися как германские агенты, узурпаторы власти и разрушители страны. Неизбежным стало возникновение очагов сопротивления новой власти в крупных городах и в казачьих областях. Одним из центров притяжения антибольшевистски настроенных офицеров стала Донская область.

Последующие события привели к невиданному прежде расколу русского общества. Вторая русская Смута в полной мере продемонстрировала отсутствие какого-либо корпоративного единства офицеров старой русской армии. Гражданская война стала одним из сложнейших жизненных испытаний для них, находившихся на острие противостояния. В условиях взаимного ожесточения сторон и эскалации вооруженного конфликта от их выбора

в немалой степени зависел исход борьбы, дальнейший путь развития России и новых независимых государств, возникших на руинах Российской империи. Как и все население бывшей империи, офицерство тоже оказалось расколотым между красными, белыми и сторонниками национальных государств. На конкретных примерах расколотых офицерских семей отчетливо виден братоубийственный характер Гражданской войны. У раскола офицерства были социальные причины, усугублявшиеся политическим и мировоззренческим разделением. В то же время немалая часть офицеров предпочла уклониться от вовлечения в братоубийство и заняла нейтральную позицию, а некоторые приняли участие в «зеленом» движении, сражаясь против всех. Даже спустя столетие после революционных событий не утихают острые споры, а порой и спекуляции по поводу того, с кем же оказалось тогда русское офицерство.

Глава 2

Раскол офицерства в зеркале статистики

По новейшим оценкам специалистов, к октябрю 1917 г. в русской армии насчитывалось от 307 до 320 тысяч офицеров, среди которых до 260 тысяч составляли офицеры военного времени. Многие из них впервые взяли в руки оружие лишь в годы Первой мировой войны¹. В пехотных полках действующей армии к ноябрю 1917 г. из-за высоких потерь оставалось лишь 4% кадровых офицеров². Для сравнения, среди офицеров морского ведомства кадровые составляли около 60%³. Кадровый офицерский состав в основном сохранили и казацкие войска.

Офицерская масса встретила большевистский переворот довольно пассивно. В центрах страны, а также в центрах военных округов в тот период концентрировались десятки тысяч офицеров (в Москве — по разным оценкам около 50 тысяч, в Киеве — 20–40 тысяч, в Харькове — 12 тысяч, в Ростове-на-Дону и Херсоне — по 15 тысяч, в Пскове, Минске, Екатеринодаре и Симферополе — по 10 тысяч, в Полтаве и Житомире — по 5 тысяч офицеров, более 17 тысяч офицеров числились в гарнизонах Казанского военного округа⁴), однако они не поддержали ни новую власть, ни ее противников. Важно отметить, что офицерство в немалой степени оказалось сосредоточено в городах,

¹ Первоначально С. В. Волков оценивал численность офицерства к осени 1917 г. в 276 тысяч человек (*Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 10). Позднее он провел пересчет численности офицерского корпуса периода Первой мировой войны, определив количество офицеров, оставшихся в живых к октябрю 1917 г., в 320 тысяч человек (*Волков С. В.* Первая мировая война и русский офицерский корпус // *Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института.* 2011. Вып. 1 (38). С. 115). К цифре в 307 тысяч офицеров на осень 1917 г. по итогам многолетних исследований пришел А. А. Буравченков (*Буравченков А. О.* Офіцерський корпус російської армії в роки Першої світової війни. Київ, 2011. С. 72). Расчеты С. В. Волкова как завышенные оспаривает К. Б. Назаренко (*Назаренко К. Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 130–132).

² *Наварадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 27–28, 52.

³ *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 61.

⁴ *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 78; *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 52–53; *Симонов А. А.* Гарнизонные формирования Казанского военного округа на защите власти Советов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения.* 2014. Т. 14, вып. 2. С. 111.

контролировавшихся советской властью. Непосредственно в послеоктябрьский период (с октября 1917 по февраль 1918 г.) против большевиков по всей бывшей Российской империи выступили только несколько тысяч офицеров¹.

Немногочисленным на первых порах оказался и контингент офицеров в Красной армии. В результате комплектования по добровольческому принципу в первой половине 1918 г. Красная армия пополнилась незначительным количеством бывших офицеров. Увеличение набора произошло только после перехода к принудительным мобилизациям. К сентябрю 1918 г. мобилизация дала лишь 4237 военных специалистов. По другим данным, призывы по декретам от 29 июля, 2 и 29 августа и 3 сентября дали РККА к 7 октября 1918 г. 9901 бывшего офицера, 15 695 бывших унтер-офицеров, 303 врача, 2446 фармацевтов и фельдшеров, 481 бывшего чиновника².

Отдельные категории бывших офицеров практически не были представлены в Красной армии. Прежде всего, речь идет о сохранившем за годы Первой мировой войны свой кадровый состав казачьем офицерстве, которое почти целиком перешло на сторону антибольшевистских сил. Тем более что казачьи области находились на окраинах, где советская власть была слабее, чем в центре, и откуда началось активное сопротивление большевикам по всей России.

Численность военспецов существенно возросла лишь к концу 1918 г., так как только 23 ноября 1918 г. Реввоенсовет республики издал приказ № 275 о призыве с 25 ноября по 15 декабря всех бывших обер-офицеров до 50 лет, штаб-офицеров до 55 лет и генералов до 60 лет, что дало новой армии свыше 50 тысяч военспецов, а также 9000 лиц административно-хозяйственного состава³.

В данных о численности бывших офицеров и военных чиновников в Красной армии есть существенные разночтения. По официальным отчетам Всероссийского главного штаба (Сведения о командном составе и лицах административно-хозяйственной службы Красной армии за 1918–1919 гг. и с 1 января по 15 июня 1920 г.), в 1918 г. в РККА было зачислено 23,9 тысячи офицеров и чиновников, в 1919 г. — 80 тысяч и в 1920 г. — 18,4 тысячи⁴. Итого 122,3 тысячи человек.

По подсчетам на основании документов учета бывших белых офицеров советскими органами госбезопасности, военные чиновники составляли от пятой части до трети от общего числа зарегистрированных⁵. В Гра-

¹ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 37. А. Г. Кавтарадзе не были учтены офицеры создававшихся национальных армий, в частности украинской.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 50. Л. 16; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 667. Л. 2.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 67.

⁵ Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011. Т. 1. С. 11; «Белые офицеры — красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 — 1920-е гг.): Научно-справочное издание. Омск, 2017. С. 9.

жданскую войну встречается и иное соотношение офицеров и чиновников. Так, по данным о составе антибольшевистских формирований Северо-Запада России в конце 1918 г., количество чиновников было в 7–8 раз меньше количества офицеров. Соответственно, в зависимости от методики подсчета, из 122,3 тысячи офицеров и чиновников могло быть 97–107 тысяч бывших офицеров. Но, возможно, в эту статистику включены и унтер-офицеры.

По другим данным, с марта 1918 по 15 июня 1920 г. на укомплектование комсостава было направлено 154 923 человека, в том числе 22 869 красных командиров (краскомов)¹. Остальные – 132 054 человека – представляли собой бывших офицеров, военных чиновников и унтер-офицеров (до 22 тысяч человек). За вычетом унтер-офицеров остается около 110 тысяч бывших офицеров и чиновников. Следовательно, только бывших офицеров могло быть порядка 88–98 тысяч человек. К концу Гражданской войны в РККА служили и свыше 14 тысяч бывших белых офицеров, сведения о них, видимо, включались и в приведенные выше показатели. С учетом того что мобилизации в Советской России охватили практически всех бывших офицеров, а непризванными оказались немногие, такая цифра представляется вполне реалистичной.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны в 1921 г. из РККА были уволены 8415 бывших белых офицеров, около 4000 переведены в Народный комиссариат труда с последующим увольнением как перемещенные в гражданское ведомство, уволены 2710 бывших офицеров военного времени, признанных малоценными, и еще 271 бывший офицер. Итого как минимум 15 396 бывших офицеров². Происходили и другие увольнения, но на данный момент нет сведений о том, какую часть из них составляли бывшие офицеры. По оценке Р.М. Абинякина, на службе оставались до 32 544 бывших офицеров³.

Очевидно, что на стороне красных оказалось весьма значительное количество офицеров. Часть была призвана по декретам, часть кустарно мобилизована. О многочисленности военспецов свидетельствуют собранные исследователями персональные данные по нескольким компактным группам внутри офицерского корпуса.

Так, в Красной армии оказались примерно 2500 бывших генералов и штаб-офицеров (т. е. полковников и подполковников). Автором этих строк составлена и на протяжении многих лет совершенствуется база данных по специалистам Генерального штаба (выпускникам и слушателям Николаев-

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 107. По данным А. Г. Кавтарадзе, краскомов к декабрю 1920 г. было 39 914 человек (*Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты...* С. 176).

² *Абинякин Р. М. Увольнения бывших офицеров из РККА в 1921 г.: причины и тенденции // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: Сб. мат. международной научной конференции. Мурманск, 2011. С. 239.*

³ Там же. С. 240.

ской военной академии), принимавшим участие в Гражданской войне в России 1917–1922 гг. Удалось установить, что в Гражданской войне так или иначе участвовали не менее 2837 выпускников и слушателей академии, включая ускоренные курсы периода 1916–1919 гг. Через ряды Красной армии прошли не менее 1579 выпускников академии, через ряды белых армий Юга России – 1082, через белые армии Востока России – 641, через украинские армии – 426 офицеров¹. Как же разделился Генштаб в процентных величинах? Точные расчеты осложняет то обстоятельство, что немало генштабистов успели послужить в нескольких противоборствующих лагерях. Чтобы преодолеть это затруднение, автором был проведен подсчет по местам службы офицеров. При таком подсчете на РККА приходится 39,8%, всех мест службы генштабистов, на Южный фронт белых – 27,2%, на Восточный фронт белых – 16,1%, на украинские армии – 10,7%, на Северо-Западный фронт белых – 0,8%, на Северный фронт белых – 0,7%, на прочие белые армии, белое подполье вне РККА и бои с большевиками вне антибольшевистских фронтов – 1,6%, на прочие (кроме украинских) национальные армии – 3,1%.

Суммарно белые фронты составляли 46,4% мест службы генштабистов, превосходя соответствующий показатель в 39,8% у красных. Таким образом, через ряды белых армий прошло несколько больше «академиков», чем через Красную армию. Свою роль в этом сыграло наличие у белых старой академии, осуществившей в 1919 г. ускоренный выпуск слушателей, хотя часть из них позднее и оказалась у красных. Это превосходство не принесло белым победы, тем более что оно было невелико. При этом РККА существенно превосходила по кадрам Генштаба любой из антибольшевистских фронтов. Даже Южный фронт белых насчитывал в своих рядах в полтора раза меньше выпускников академии, чем Красная армия. Отсутствие должной координации и противоречия между антибольшевистскими фронтами и армиями лишили противников новой власти возможности воспользоваться преимуществом в кадрах Генштаба (60,2% мест службы при сложении данных по белым и национальным армиям) и стали одним из факторов, приведших противников большевиков к поражению.

Национальные армии составляли 13,8% мест службы «академиков». Этот высокий показатель достигнут за счет гетманской армии П.П. Скоропадского, которая считалась украинской национальной лишь формально и приняла в свои ряды сотни выпускников академии. За вычетом этих данных процент выпускников академии в национальных формированиях остается крайне незначительным.

Помимо генштабистов известны персональные данные о размежевании 219 доживших до начала Гражданской войны авиаторов – георгиев-

¹ Ганин А. В. Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: статистический обзор // Историческая информатика (Барнаул). 2016. № 1–2. С. 54.

ских кавалеров Первой мировой: 89 из них служили в белых армиях (в том числе 14 позднее сдались РККА и служили в ней, один остался в России, но скрывался под чужой фамилией), 65 — в РККА (в том числе из РККА 7 перешли в белые и 2 — в национальные армии, а также 1 — к «зеленым»), 3 — в национальных армиях и 10 уклонились от участия в Гражданской войне. Судьбы 52 летчиков не установлены¹. С учетом перебежчиков в РККА успели послужить 79 человек (36,1%), в белых армиях — 96 (43,8%), в национальных — 5 (2,3%) и 1 (0,5%) у «зеленых». При расчете по местам службы, красный военно-воздушный флот составил 43,6%, белый — 53%, ВВС национальных армий — 2,8%. Следует принимать во внимание и то, что перейти на сторону противника летчикам было объективно проще, чем представителям других военных специальностей.

Известны данные и о службе 61 кавалера ордена Св. Георгия 2-й и 3-й степени — в основном представителей высшего командного состава. Из них через РККА прошли только 7 человек (14,6% мест службы), через белые армии — 32 (66,7%, в том числе один перешел в национальную армию), через национальные армии — 9 (18,75%, в том числе четверо перешли к белым), 16 уклонились от службы и выбор еще двоих неизвестен². Можно вывести определенную закономерность: чем выше был должностной и образовательный статус офицеров, тем больше их могло оказаться у противников большевиков.

Существуют данные об офицерах флота, которые заметно выпадают из общей тенденции размежевания офицерства, что вызывает определенные сомнения. По подсчетам историка флота К.Б. Назаренко, к марту 1921 г. в красном флоте оказались 6559 бывших офицеров из 8060 имевшихся в русском флоте на 1 января 1918 г., или 82,2%³. Разумеется, цифры не могут быть статичны применительно к Гражданской войне. Вопрос об экстраполяции этих данных на период 1918–1920 гг. остается открытым поскольку, имеются указания и на иные данные. Так, в антибольшевистских силах Востока России (второго по значимости антибольшевистского фронта) в 1918 г. служили около 160 флотских офицеров и около 200 армейских офицеров служили по флотским специальностям⁴. Позднее колчаковское командование организовало собственную подготовку кадров, произвело в офицеры некоторое количество гардемарин, а также смогло привлечь ряд офицеров из-за ру-

¹ *Нешкин М. С., Шабанов В. М.* Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006. С. 12–15.

² *Егоров Н., Жебровский С.* «Ни пяди земли, даже для погребения, не имею...»: Судьбы георгиевских кавалеров Первой мировой // *Родина*. 2014. № 8. С. 76–79.

³ *Назаренко К. Б.* К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История*. 2007. Вып. 4. С. 109, 116.

⁴ *Кузнецов Н. А.* Офицеры российского флота — участники белой борьбы на Восточном фронте (лето 1918 г. — зима 1920 г.) // *История белой Сибири: Мат-лы 5-й Межд. науч. конф. Кемерово, 4–5 февраля 2003 г.* Кемерово, 2003. С. 195.

бежа. Пиковым значением стали данные на сентябрь 1919 г., когда на Востоке России числились 1259 флотских офицеров всех категорий, в том числе 500–600 собственно морских офицеров¹. В отношении северного антибольшевистского фронта существуют поименные сведения о 263 офицерах флота и морского ведомства, служивших там. На Северо-Западе России у белых оказались не менее 249 офицеров флота и морского ведомства². Что касается Юга России, то известно, что в Бизерту в феврале 1921 г. в составе флота прибыли 648 офицеров³. В белой Каспийской флотилии служили 80 офицеров⁴. Очевидно, в период 1918–1920 гг. численность офицеров на той или иной стороне постоянно менялась. К примеру, современник и участник событий офицер украинского флота С. А. Шрамченко утверждал в эмиграции, что через ряды военно-морского флота Украины прошли более 50% офицеров русского флота⁵. Конечно, это является значительным преувеличением, хотя бы по той причине, что на Черноморском флоте, который, очевидно, только и мог перейти на сторону Украины, половины морских офицеров попросту не было (по данным на 1 сентября 1917 г., на Черноморском флоте служили 2270 офицеров, причем не менее 82 стали жертвами самосудов в конце 1917 – начале 1918 г.⁶). Тем не менее указание на значительное количество украинских морских офицеров все же дает основания считать, что немалая часть офицеров-черноморцев в 1918 г. какое-то время могла служить или числиться на службе независимой Украины. Суммируя данные по антибольшевистским фронтам, можно сделать вывод, что через ряды белых армий прошли не менее 1840 флотских офицеров, включая произведенных в офицеры в Гражданскую войну. Еще некоторое количество прошло через ряды национальных армий. Численность офицеров флота, оказавшихся в эмиграции, исследователи оценивают в 2000–2500 человек⁷. Очевидно, какое-то количество флотских офицеров, участвовавших в борьбе с красными, осталось на родине. Известна статистика по судьбам выпускников Морского корпуса 1911 г., согласно которой большинство выпускников оказалось в антибольшевистском лагере. По этим данным, к октябрю 1917 г. в строю оставались 103 выпускника, из которых в Гражданскую войну на белом Юге служили 45 человек, на Востоке – 11, на Северо-Западе и Севере –

¹ Там же. С. 196.

² Подсчитано по: *Верзунов В.* Офицеры флота и чины морского ведомства, служившие в Отдельном Северном корпусе — Северо-Западной Добровольческой армии или пребывавшие в пределах Эстляндии после октябрьского переворота и Гражданской войны в России. М.; Таллин, 2006. С. 108–113.

³ *Кузнецов Н. А.* Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 169.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ *Шрамченко С.* Закон про державну українську флоту та його виконавці // *За державність* (Львов). 1935. № 5. С. 128.

⁶ *Павленко А. П.* Офицеры Черноморского флота России в революции 1917 г. и начале Гражданской войны (март 1917 г. — апрель 1918 г.): дис. ... к.и.н. Екатеринбург, 2015. С. 41, 288.

⁷ *Кузнецов Н. А.* Русский флот на чужбине. С. 218.

по 6, в белом подполье в Петрограде состояли еще трое, а в красном флоте служили, если считать тех, кто не дезертировал, только 12 человек. Еще 12 человек, предположительно, в Гражданской войне не участвовали. Существуют подсчеты по выпускникам 1910–1914 гг., среди которых к 1929 г. в эмиграции находились 223 человека, а в СССР — 90 выпускников¹. Хочется надеяться, что создание под руководством К.Б. Назаренко масштабной базы данных по офицерам флота Первой мировой и Гражданской войн (сайт офицерыфлота.рф), как и другие исследования, позволит окончательно прояснить вопрос о расколе морских офицеров.

Помимо тех офицеров, кто оказался вовлечен во внутреннее противостояние, были и уклонившиеся от Гражданской войны. Их количество также было значительным (только на Юге России таких были десятки тысяч). Изучать их положение в те годы сложнее ввиду дефицита источников и разрозненности данных. Тем не менее для них годы Гражданской войны также оказались непростым испытанием. Ведь если речь не шла о несении военной службы, приходилось изыскивать иные пути и способы выживания в чрезвычайных условиях, скрываться от мобилизаций, пытаться избежать репрессий за неявку на регистрации. При этом велики были шансы попасть под репрессии той или иной стороны.

На чьей же стороне оказалось русское офицерство? У историков нет единого ответа. Причины кроются как в отсутствии достаточной документальной базы для расчетов в связи с многочисленностью офицерства, так и в идеологических пристрастиях.

По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, которые до сих пор считались наиболее достоверными, с учетом пленных белых офицеров общая численность военспецов к концу Гражданской войны оценивается в 75–78 тысяч человек, или около 30% офицерского корпуса на осень 1917 г., в том числе свыше 65 тысяч офицеров военного времени². По мнению С.В. Волкова, сюда должны быть включены и военные чиновники³. С.В. Волков занижает численность военспецов, завышая данные об офицерах белых армий, но его рассуждения содержат противоречие, поскольку он указывает, что в РККА могли служить не более 68 тысяч офицеров, или что их было даже примерно 50 тысяч (включая в 75 тысяч 24 тысячи врачей и военных чиновников), или же что только бывших офицеров в РККА насчитывалось 55–58 тысяч⁴.

А.Г. Кавтарадзе предположил, что в антибольшевистских армиях могли служить 40% офицеров, а остающиеся 30% уклонились от участия в войне или

¹ *Емелин А. Ю., Емелина М. А.* Выпуск Морского корпуса 1911 г.: Штрихи к коллективной биографии // Кортин. Флот. История. Люди. 2009. Вып. 9. С. 22–27.

² *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты... С. 222.

³ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 317.

⁴ Там же. С. 398.

погибли¹. По оценке С.В. Волкова, следующего за А.Г. Кавтарадзе, но пытающегося оспаривать его данные, за период Гражданской войны погибли 85–90 тысяч офицеров, тогда как уклонились от участия в Гражданской войне 28–30 тысяч, или 10% (по предположению С.В. Волкова, две трети из них были репрессированы), в национальные армии перешли до 15 тысяч, или 5–6% (в действительности значительно больше), а в Белом движении участвовали порядка 170 тысяч (проверка расчетов С.В. Волкова по его же материалам дает около 160 тысяч), или 62% офицеров. Красной армии он отводит лишь 55–58 тысяч (по минимальной оценке – 50 тысяч) офицеров, или 19–20%, из которых до 10 тысяч погибли. Около 70 тысяч офицеров, по его мнению, эмигрировали, 85–90 тысяч погибли, а 110 тысяч остались в Советской России².

Эти подсчеты вызывают обоснованные сомнения и вопросы. Прежде всего, к настоящему времени нет каких-либо документальных подтверждений того, что в белых армиях могли служить 160 тысяч офицеров. Неясно, как могло оказаться, что у белых, контролировавших малонаселенные окраины, служили примерно втрое больше офицеров, чем у красных, контролировавших густонаселенный центр страны. Очевидно, что мобилизации у красных были организованы значительно лучше, чем у белых, что напрямую отразилось на численности противоборствующих армий. Непонятно и то, почему красные, по версии С.В. Волкова, мобилизовали такое незначительное в сравнении с белыми количество офицеров. Подсчеты С.В. Волкова не учитывали переходы офицеров из армии в армию. Кроме того, они, очевидно, включали и лиц, произведенных в офицеры уже в рядах белых армий (при этом прямой советский аналог – красные командиры, прошедшие подготовку после 1917 г., – в советскую статистику не включался).

Как же разделилось все офицерство? Ответить на этот важнейший вопрос помогают сравнительно точные данные по ряду фронтов и армий. Так, в Сибирской армии к 1 октября 1918 г. служили 10 754 офицера³. На март – апрель 1919 г. в ударных колчаковских армиях, Западной и Сибирской, числились всего 5949 офицеров⁴. На Восточном фронте белых к 1 июля 1919 г., по официальным данным, служили около 30 тысяч офицеров⁵, на Северо-Западном фронте белых – не менее 1200 офицеров⁶. Есть данные о том, что к августу 1920 г. в Эстонии находились около 6000 русских офицеров⁷. На Севере

¹ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 177.

² Волков С. В. Трагедия русского офицерства. С. 292–293, 317, 398.

³ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 72. Л. 1об.

⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11об.–12; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

⁵ Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 47, 118.

⁶ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 405, 424.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 77.

России к февралю 1920 г. числились лишь 1500 белых офицеров¹. Поименно известны около 2400 офицеров, служивших у белых на Севере за весь период Гражданской войны, включая произведенных в офицерские чины белыми (в том числе и по окончании боевых действий)².

В различных украинских армиях в 1919–1922 гг. насчитывалось до 3888 офицеров, а ранее, при гетмане П.П. Скоропадском в 1918 г., служили около 7000 офицеров³. Всего через украинские армии могли пройти до 12 тысяч бывших офицеров русской армии. В польской армии к марту 1920 г. состояли 6204 офицера бывшей русской армии⁴. Финский офицерский корпус на 1919 г. составлял около 880 человек⁵, бывших русских офицеров служило около 250. Офицерский корпус литовской армии к 1 июля 1920 г. насчитывал 957 человек, бывших русских офицеров в нем могло быть не менее 440⁶. Общая численность латвийского офицерского корпуса к 1920 г. составляла более 1800 человек⁷. В эстонской армии на ноябрь 1918 г. служили около 2000 офицеров. К сожалению, нет точных данных об офицерском корпусе армий закавказских государств. Оценочно в армянской армии служили около 1500 офицеров⁸, в азербайджанской – до 1000, в грузинской – несколько тысяч. Таким образом, в национальных армиях оказались не менее 27 тысяч офицеров.

Наибольшую сложность представляет определение численности офицеров на Южном фронте белых. Есть данные о том, что к середине 1918 г. офицеры составляли 68,7% численности Добровольческой армии⁹. Если исходить из того, что численность армии в июне 1918 г. (перед 2-м Кубанским походом) достигала примерно 9000 человек, офицеров должно было быть менее 6200 человек.

Упоминания о том, что во второй половине 1918 г. в Добровольческой армии могли находиться 20 тысяч офицеров, содержатся в переписке белого

¹ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 32. Л. 71.

² По оценке С.В. Волкова, всего офицеров — участников антибольшевистского движения на Севере могло быть в пределах 3500–4000 (*Волков С.В. Северный край в судьбах русского офицерства // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1 (3). С. 30*). На наш взгляд, эта оценка представляется завышенной.

³ *Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921)*. Київ, 2011. Кн. 2. С. 61.

⁴ САУ. I.303.9.3. Л. 6.

⁵ Подсчитано по: Preliminär tjänsteställningslista öfver aktiva officerare och reservofficerare i aktiv tjänst vid armen. Helsingi, 1919.

⁶ *Рудиченко А.И., Тинченко Я.Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. Украина. Белоруссия. Литва. Киев, 2011. С. 387.*

⁷ *Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940: Biogrāfiska vardnica*. Rīga, 1998. S. 522.

⁸ В первые месяцы советской власти в Армении были арестованы 1400 офицеров (*Мартиросян Г.А. Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань, 2002. С. 15*).

⁹ *Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 89.*

подполья¹. По официальным данным, к 5 (18) июля 1919 г. во ВСЮР генерала А.И. Деникина из 244 890 солдат и офицеров, включая и нестроевых, было только 16 765 офицеров². К сентябрю 1920 г. в Русской армии на довольствии, по утверждению генерала А.С. Лукомского, числились 50 тысяч офицеров³. На сегодня это максимальное документированное количество (пусть и в мемуарном свидетельстве чрезвычайно осведомленного генерала) офицеров у белых. Но сведения о боевом составе, имевшиеся в штабе армии, дают намного меньшие цифры. Так, боевой состав ВСЮР к 1 (14) июля 1920 г. включал только 8114 офицеров, а к 1 (14) сентября 1920 г. в боевом составе Русской армии числились лишь 6699 офицеров⁴. Таким образом, если в армии действительно числились порядка 50 тысяч офицеров, то свыше 86% из них находились в тылу.

Приведенные данные стыкуются со статистикой офицеров, оказавшихся в эмиграции. На февраль 1922 г. в составе врангелевской армии числились 11 802 офицера⁵. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев и в Болгарии к 1 марта 1922 г. находились 7595 офицеров⁶. По данным ГПУ, в Болгарии к лету 1922 г. насчитывалось до 15 тысяч офицеров, 75% из них (11 250 человек) эвакуировались из Крыма и 24% (3600 человек) оказались за рубежом в результате прочих эвакуаций белых⁷. В 1, 2, 3 и 4-м отделах РОВС в начале его существования (включая воинские части, группы, офицерские общества и союзы) состояли до 25 293 офицеров, причем в это число входили ветераны всех белых фронтов, оказавшиеся в эмиграции на территории Европы⁸.

По некоторым данным, на июнь 1920 г. в Советской России оказалось около 75 тысяч бывших белых офицеров⁹. В СССР к концу 1923 г., по данным ОГПУ, проживали 35–50 тысяч бывших белых офицеров¹⁰. На особом учете ОГПУ к 1 сентября 1924 г. состояли 50 900 бывших белых офицеров и чиновников¹¹. Остается открытым вопрос о потерях офицеров белых армий (как в боях, так и в результате репрессий при попадании в плен), а также о численности произведенных в офицеры непосредственно в белых армиях.

¹ НИА. Vranghel collection. Box 30. Folder 30.

² РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 229.

³ Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 235.

⁴ НИА. Р. А. Koussonsky collection. Box 2.

⁵ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 171–172.

⁶ Наш подсчет по: НИА. Р. А. Koussonsky collection. Box 5.

⁷ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 2010. Т. 5: Раскол. 1924–1925 гг. С. 495.

⁸ ВАР. А. Р. Arkhangel'skii papers. Box 2.

⁹ Рогова Е. М. Некоторые аспекты политики Советской власти в отношении военных специалистов и «бывших» белых во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 122. К сожалению, источник подобных сведений в статье не указан и неясно, за счет чего через три с половиной года этот контингент сократился на 25 тысяч человек.

¹⁰ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 556.

¹¹ Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 2. С. 6.

С учетом потерь, плена, ротации кадров и многочисленных переходов офицеров из лагеря в лагерь через Красную армию могли пройти около 100 тысяч бывших офицеров, что подтверждают приведенные выше архивные данные. Не менее 27 тысяч прошли через национальные армии. Через белые армии (включая произведенных в белых армиях) могли пройти от 110 до 130 тысяч офицеров (в том числе 70–90 тысяч через белые армии Юга России, порядка 30 тысяч через Восточный антибольшевистский фронт и не более 10 тысяч через прочие фронты).

Немалая часть офицеров перетекала из одного лагеря в другой пленными и перебежчиками, поэтому приведенные показатели неизбежно будут накладываться друг на друга. Неизвестна и численность офицеров-уклонистов. Таким образом, окончательный ответ на вопрос, сколько офицеров оказалось у красных, а сколько – у их противников, остается задачей будущих исследований.

Глава 3

Мотивы поступления в противоборствующие армии

Негативное восприятие большевиков объединило многих офицеров. В среде патриотически настроенного офицерства был распространен взгляд на представителей этой партии как на врагов России, предателей, прямых наймитов Германии, стремившихся к поражению собственной страны в мировой войне и заключивших в 1918 г. позорный сепаратный мир с врагом, предав союзников России по Антанте. Этот взгляд был не далек от действительности и служил одной из причин перехода офицеров на сторону антибольшевистских сил.

Почему же офицеры, которым большевистский режим был во многом враждебен, поступали в Красную армию добровольно еще до перехода к мобилизациям летом — осенью 1918 г.?

Активное выражение собственной гражданской позиции — удел меньшинства в любом обществе. Не стало исключением и русское офицерство. Громадное большинство офицеров представляло собой инертную массу, которая по выработанной за годы службы привычке слепо исполняла приказы сверху и продолжала оставаться на своих местах и после октябрьского переворота. Поскольку большевики взяли под контроль центр страны, где располагались все органы центрального военного управления, а также прифронтовую полосу нескольких фронтов и Ставку, значительная часть офицерства таким путем, как бы по инерции, перешла из учреждений старой армии в те же, но видоизмененные органы новой, Красной армии. Например, большинство работников Ставки остались на своих местах после смены власти. В этом смысле период перехода от структур старой армии к Красной армии может быть назван инерционным. Многие попавшие таким путем в новую армию считали, что служат своей стране безотносительно правящего режима. Например, генерал-майор А. А. Балтийский прямо заявлял о себе и своих единомышленниках: «И я, и многие офицеры, шедшие по тому же пути, служили царю, потому что считали его первым из слуг отечества, но он не сумел разрешить стоявших перед Россией задач и отрекся. Нашлась группа лиц, вышедших из Государственной думы, которая взяла на себя задачу продолжать работу управления Россией. Что ж! Мы пошли с ними, помогая им как только могли и работая не для них, а для пользы Родины. Но они тоже не справились

с задачей, привели Россию в состояние полной разрухи и были отброшены. На их место встали большевики. Мы приняли их как правительство нашей Родины и также по мере сил стремились помочь им в их работе. В политику мы в то время не вмешивались и действовали по признаку преемственности власти»¹. Подобная позиция едва ли может быть названа гражданской, но она была достаточно распространена.

Многие не желали быть втянутыми в братоубийственную войну и заняли нейтральную позицию. Свой идейно-политический и жизненный выбор офицерам приходилось делать, исходя из представлений о долге, чести, на основе своего личного опыта по 1917 г., а также из тех конкретных обстоятельств, в которых эти люди оказывались. Сделанный в неясной обстановке выбор, как правило, влиял на всю их будущую жизнь. Тем более что противоборствующие стороны быстро перешли к проведению в жизнь лозунга: «Кто не с нами – тот против нас!» и к репрессиям в отношении тех, кто не сразу к ним присоединился или служил у противника. Для белых военспецы стали ренегатами, предавшими офицерскую корпорацию и недостойными даже именоваться офицерами. В восприятии красных белые офицеры являлись идейным костяком противоположного лагеря и подлежали истреблению.

Генерал-майор М.В. Фастыковский позднее свидетельствовал о том, как принимал непростое решение, к кому примкнуть в начале 1919 г.: «Оставаться в стороне от Гражданской войны, как делал до этого я, становилось уже невозможным. Надо становиться либо на одну сторону, либо на другую, и лучше, конечно, продумать все и прочувствовать, чтобы принять участие в борьбе на той стороне, которую укажет продуманное решение, а то иначе может захлестнуть слепой случай. И я задумался.

Разум говорил за то, что неминуемым победителем в борьбе должны быть большевики, ибо за ними вся толща народных масс, тогда как на стороне белых может быть лишь имущественная верхушка крестьян да значительная часть интеллигенции... Много-много доводов возникало у меня в мозгу в пользу того, что красная сторона – великан, а белая – лилипут. Исход борьбы при таких условиях был совершенно ясным.

Но чувства и привычки, выработавшиеся за время последних 20-ти лет моей жизни, подсказывали другое: на стороне белых была масса моих сослуживцев по старой армии (в ту пору я в моем представлении сильно уменьшал численность офицеров, находившихся в Красной армии, не знал истинного положения дел), среди которых много людей близких мне, с которыми я в прошлом привык считать себя единомышленником, т. к. в этом прошлом никогда не возникало таких вопросов, которые выдвинуты революцией сейчас. Какой-то голос задавал вопрос: неужели тебе не будет жаль разить этих людей, если ты станешь на сторону красных?

¹ Цит. по: *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 420.

Но по мере обдумывания и взвешивания чаша весов все больше и больше клонилась в пользу красных. Возникли и такие вопросы: а как ты будешь чувствовать себя, если, став на сторону белых, тебе придется разить борющихся на стороне красных твоих двоюродных братьев-рабочих, тоже Фастыковских?

Результатом этих обдумываний было решение стать на сторону красных... Но все же нельзя сказать, чтобы червяк, могущий подтачивать и ставить под сомнение правильность принятого решения, был во мне окончательно вытравлен¹. Генерал М.В. Фастыковский делал свой выбор уже тогда, когда картина событий начала проясняться. Однако в начале 1918 г. все было куда запутаннее.

О том, насколько непросто давался выбор в пользу большевиков, свидетельствуют страницы дневника крупного военного ученого, бывшего генерала А.Е. Снесарева. Он проживал в семье сестры на своей малой родине в Острогжске Воронежской губернии и был приглашен в Москву М.Д. Бонч-Бруевичем в апреле 1918 г. Бывший генерал согласился приехать, видимо, чтобы узнать обстановку. По приезду стало ясно, что отказаться от службы в РККА не получится. 7 мая 1918 г. Снесарев в связи с полученным распоряжением ехать в Царицын записал: «На душе неважно, втюхался в историю, несомненно... хорошие решения приходят при хорошей обстановке, а у меня что-то в машине “сошло с шурупов”»². Пытаясь избежать вовлечения в братоубийственную войну, Снесарев в мае 1918 г. обратился с письмом к военруку ВВС М.Д. Бонч-Бруевичу, однако ожидаемого результата это письмо не принесло³. Невозможным для себя он считал и отъезд за рубеж. 14 марта 1918 г. Снесарев писал брату по поводу идеи последнего бежать за границу: «Но с кем же страна останется и что с нею будет?»⁴ В связи с отъездом в Царицын 22 мая в дневнике Снесарева появилась запись: «Тоска страшная, так и сосет. Правильно ли я делаю, на верный ли я стал путь? Я полон сомнений и хожу из угла в угол; мысли нервны и кружатся бестолковым ходом. Ехать не хочется»⁵. Как офицер-государственник, по взглядам Снесарев был близок руководителям белых армий и при ином стечении обстоятельств мог оказаться в рядах противников большевиков. Тем более что он дружил с генералом Л.Г. Корниловым (последний заочно стал крестным сыновей Снесарева).

¹ Цит. по: *Голдин В. И. Лихолетье. Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД*. Архангельск, 2006. С. 174–175. Сверено с оригиналом: Архив Регионального управления ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-14080. Фастыковский М.В. Л. 16об.–17об.

² *Снесарев А. Е.* Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // *Московский журнал*. 1996. № 2. С. 54.

³ Там же // *Московский журнал*. 1996. № 3. С. 44.

⁴ Архив семьи Снесаревых (Москва).

⁵ *Снесарев А. Е.* Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // *Московский журнал*. 1996. № 3. С. 44.

Сложность заключалась в отсутствии выбора для порядочного человека. Как отмечал подполковник К.З. Ахаткин, «я не могу при всей подходящей обстановке в начале революции делать карьеру на этой революции»¹. Старый режим обанкротился и дискредитировал сам себя, как в лице императорской власти («проклятого царизма»), так и в лице Временного правительства, лишь усугубившего ситуацию в стране. Новая власть казалась и вовсе антигосударственной.

Сильное влияние на выбор офицеров оказывали внешние проявления новых порядков — упразднение чинов, оскорбительное для кадровых военных требование снять заслуженные многолетней службой, потом и кровью погоны, изъятия оружия, в том числе наградного. С большевизмом ассоциировались и солдатские банды, поэтому идти в Красную армию многие опасались. Подтверждалось это различными эксцессами, убийствами офицеров, началом красного антиофицерского террора. Эксцессы также ассоциировались с большевиками, которые далеко не всегда имели к ним отношение.

Лишь меньшая часть офицерства по идейным причинам, осознанно, пошла на сотрудничество с большевиками. Но такие люди были. К примеру, после июльских событий 1917 г. с военной организацией Петербургского комитета РСДРП(б) начал сотрудничать генерал-лейтенант Н.М. Потапов, связанный с большевиками М.С. Кедровым и руководителем так называемой военки — военной организации большевиков — Н.И. Подвойским². По свидетельству Кедрова, генерал Потапов еще при Керенском «оказывал большевикам ценные услуги»³.

Идеи народовластия, торжества социальной справедливости тогда опьяняли массы. Так, генерал-майор Е.З. Барсуков вспоминал, что вместе с генерал-лейтенантом Н.Н. Стоговым в ноябре 1917 г. «мы пришли к заключению, что должны быть на своей родине и честно служить русскому народу, к которому мы принадлежали, и тому правительству, какое русский народ изберет»⁴. О том, что «нужно идти с народом», говорил тогда же сослуживцам по штабу Юго-Западного фронта и полковник Н.Н. Петин⁵.

Уже в 1920 г. Петин в радиограмме своему однокашнику по академии генерал-лейтенанту П.С. Махрову, оказавшемуся у белых, сообщил о своем переходе на сторону советской власти: «Я принимаю за личное для себя оскорбление Ваше предположение, что я могу служить на высоком ответственном

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 66об.

² Городецкий Е. Н. О записках Н.М. Потапова // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 59.

³ Кедров М. С. За Советский север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 86.

⁴ Барсуков Е. З. В те дни. Воспоминания // Литературный Смоленск. Альманах. Смоленск, 1957. Кн. 16. С. 276.

⁵ BAR. P.S. Makhrov Papers. Box 4. Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Записки командира 13[-го] Сибирского стрелкового полка и начальника штаба Юго-Западного фронта. С. 532.

посту в Красной армии не по совести, а по каким-либо другим соображениям. Поверьте, что если бы я после тяжелых переживаний не прозрел, то находился бы либо на Вашей стороне, либо в тюрьме или концентрационном лагере... Я решил, что ничто не может оторвать меня от народа, и отправился с оставшимися сотрудниками и имуществом штаба фронта в страшную для нас в то время, но вместе с сим родную Советскую Россию. Может быть, Вы по-прежнему думаете, что в России все военспецы работают по принуждению под страхом расстрела, но такое заблуждение допустимо лишь рядовому офицерству, которое, насколько мне известно, Вы держите в полной слепоте, для Вас же, занимающего столь ответственную должность, как должность начальника штаба армии, и пользующегося всеми средствами разведки как агентурной, так и при посредстве иностранной прессы, должна была давно уже открыться картина истинного положения страны, и я только удивлялся, как Вы, более других возмущавшийся в дни первой революции бесправием рабочего класса, до сего времени стоите в рядах злейших врагов народа»¹. В то же время абсолютное меньшинство военспецов вступило в большевистскую партию.

Среди старших офицеров, продолжавших служить на прежних местах при новой власти, было распространено заблуждение, что, оставшись на старых должностях, можно сохранить контроль над армией в новых условиях и не отдать ее в руки большевиков либо же в рядах Красной армии проводить государственническую линию. В этой связи достаточно любопытны показания бывшего генерал-майора С.Г. Лукирского, данные во время следствия по делу «Весна» в январе 1931 г.: «Наступившая Октябрьская революция внесла некоторую неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имевшую под собой почвы, или удержать армию от развала, как орудие целостности страны. Принято было решение идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный; решение должно было быть безотлагательным, и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало...»² По свидетельству генерал-майора П.П. Петрова, служившего в 1918 г. в чине полковника в штабе 1-й армии бывшего Северного фронта, «все мы тогда плохо знали или закрывали глаза на то, что делалось на юге, и считали, что в интересах русского дела надо держать в своих руках, хотя бы и в стеснительных условиях, военный аппарат. Вспышки Гражданской войны нас непосредственно не касались...»³ Генерал С.И. Одинцов в беседе с антибольшевистски настроенным товарищем по прежней службе рассуждал аналогичным образом: «Нужно защищать интересы России... нельзя быть праздным зрителем! Нужно действовать, я через Троцкого и устроился в разграничительную делегацию, как

¹ РГВА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 56. Л. 93.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 40.

³ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 245.

военный эксперт для защиты интересов России»¹. В действительности подобные надежды оказались иллюзорными.

Не оправдались и надежды на непрочность и непопулярность большевиков, которых из-за этого поддерживали лишь для того, чтобы они свергли деструктивное Временное правительство, после чего были бы сменены какой-то другой, более приемлемой для офицерства, властью. Генерал от кавалерии А. А. Брусилов писал о мотивах своего поступления на службу в РККА: «Я, как с малых лет военный, за эти годы (1917–1920 гг. — А. Г.) страдая развалом армии, надеялся опять восстановить ее на началах строгой дисциплины, пользуясь красноармейскими формированиями. Я не допускал мысли, что большевизм еще долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один?..»² Однако Брусилов и те, кто мыслил так же, не ошиблись в том, что большевики довольно быстро смогли на новых началах восстановить армию и наладить строгую дисциплину. Эти меры не могли не импонировать офицерам, увидевшим в новом режиме сильную власть, способную справиться с анархией в стране.

По мере укрепления советской власти она находила поддержку у сторонников твердой руки, каких было немало среди офицерства. Интересное объяснение привел бывший капитан И. В. Высоцкий, отметивший, что перешел на сторону советской власти «не в силу понимания советской системы, а в силу уверенности в жесткости этой власти в отличие от мягкотелости Керенского, а также и вследствие призыва офицеров на службу в Красной армии»³. Бывший полковник С. Д. Харламов свидетельствовал: «Мне представлялось, что “все погубло”».

С началом же проявления твердой руки пролетарского управления, с началом создания своей новой Кр[асной] армии (где и мне, грешному, будет отведено хоть какое-нибудь место), я увидел, что Октябрьская революция не только разрушает, но она и создает что-то, причем это что-то имеет свои политические плюсы. Тут уже пробудилась и патриотическая нотка — хорошо сделал, что пошел служить, что никуда не дезертировал»⁴. Не случайно к Красной армии добровольно примкнули и прежде консервативно настроенные представители старой военной элиты, жаждавшие твердой власти и имевшие репутацию крайне правых. Например, бывшие генералы М. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Самойло и др.⁵

Отметим еще ряд причин, по которым офицеры добровольно выбирали службу в Красной армии в 1918 г. Демобилизация старой армии в февра-

¹ Свечин М. А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 172.

² Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 297.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 73 (95). Л. 11.

⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 14.

⁵ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 174; Нокс А. Вместе с русской армией: Дневник военного атташе 1914–1917. М., 2014. С. 34; Клох А. With the Russian Army 1914–1917. L., 1921. P. 42.

ле 1918 г. привела к тому, что многим офицерам пришлось искать средства для дальнейшего существования — кто-то устраивался на гражданскую службу, некоторые были даже вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом. При этом для многих офицеров, прежде всего кадровых, военная служба была единственным занятием, вне армии и в отрыве от любимого дела эти люди себя не представляли. Среди таких офицеров получила распространение психология «ландскнехтов», готовых служить любой власти, нуждающейся в их услугах, по сути, торговать своим ремеслом¹. Для них подходящим вариантом была служба как в Красной армии, так и в любых других армиях Гражданской войны. Тем более что в новой армии они были не одиноки — там оказались тысячи их прежних сослуживцев. Однако подобная психология позволяла с легкостью менять лагерь и армии на противоположные, что хорошо известно из примеров Гражданской войны.

В Красную армию активно шли карьеристы. Тесно связан с большевиками был бывший генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич, родной брат которого занимал пост управляющего делами СНК и был вхож в ближний круг советского лидера В. И. Ленина². Но в идейном большевизме генерала Бонч-Бруевича можно усомниться. До 1917 г. Бонч-Бруевич придерживался крайне правых взглядов³. После этого с ним произошла резкая перемена. В своих воспоминаниях Бонч-Бруевич писал: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения. Нутром я верил Ленину...»⁴ Однако не все разделяли подобную идиллию. В связи с радикальной сменой Бонч-Бруевичем своих взглядов звучали, что такие, как он, «предадут брата родного... и довольно дешево» (мнение бывшего полковника А. Н. Ковалевского, изложенное в дневнике военного ученого, бывшего генерал-лейтенанта А. Е. Снесарева)⁵.

Поступление в новую армию давало возможность продвинуться по службе и тем, кто по каким-то причинам не мог на это рассчитывать в старой армии. Существует немало свидетельств, что в РККА добровольно шли люди, обиженные при старом режиме, не сумевшие прежде в полной мере самореализоваться. Например, таким путем в РККА попал генерал-майор В. А. Ольдерогге, который во время Русско-японской войны в чине подполковника служил правителем канцелярии дорожного отдела управления военных сообщений штаба Маньчжурских армий и получал взятки (по свидетельству

¹ Любопытный анализ мировоззрения офицеров разных типов армий см.: Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 18–46.

² Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 79.

³ Снесарев А. Е. «Вся Россия — больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 38.

⁴ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 226.

⁵ Снесарев А. Е. Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.

генерала С.А. Щепихина, за поставку гнилых шпал¹, по документам расследования — за выдачу нарядов на вагоны для коммерческих грузов²), а когда афера раскрылась, был переведен в январе 1916 г. из Генерального штаба в строй³. В 1918 г. этот офицер добровольно поступил на службу в РККА, где, конечно, смог служить и по Генеральному штабу, причем его служба была достаточно успешной. Однокашник генерала А.И. Деникина по юнкерскому училищу и Николаевской академии Генерального штаба (выпуск 1899 г.) генерал-майор П.П. Сытин к началу Первой мировой войны оказался последним по старшинству из своего академического выпуска. Лишь в 1917 г. он получил генеральский чин⁴. Возможно, именно карьерные неудачи побудили его пойти на службу в новую армию, где он сумел хорошо себя проявить.

Как отмечал очевидец, весной 1918 г. в Москве тысячи бывших офицеров и военных чиновников оказались не у дел. «В одиночку или небольшими группами они ходили по городу голодные, холодные и грязные, часто не имели пристанища, в котором можно было приткнуться и как-то легализоваться»⁵. На этом фоне немаловажным стимулом поступления в Красную армию было получение жалования и продовольственного пайка, позволявшего выжить офицерам и их семьям в условиях хаоса и разрухи. Наконец, поступление в новую армию могло защитить от произвола бандитской стихии на местах, от которой в 1917–1918 гг. погибли сотни офицеров.

В феврале 1918 г., в разгар демобилизации старой армии, немцы начали масштабное наступление на Восточном фронте. По патриотическим соображениям, для защиты своей страны от обнаглевшего от безнаказанности безжалостного врага, целый ряд офицеров добровольно пошли в новую армию. По этой причине, например, в Красной армии оказались генерал-лейтенанты Д.П. Парский и Е.А. Искрицкий, видный военный ученый генерал-майор А.А. Свечин, полковник С.С. Каменев и др. Старое офицерство приняло самое активное участие в отражении немецкого наступления и в защите Петрограда. На всех основных направлениях возглавляли оборону подступов к столице исключительно бывшие офицеры Генерального штаба. Они же осуществляли верховное руководство и координацию действий советских отрядов из Петрограда. Руководил обороной Петрограда Бонч-Бруевич, его ближайшим помощником был генерал-квартирмейстер Ставки бывший генерал-майор Н.А. Сулейман, участвовали в работе генералы-генштабисты С.Г. Лукирский, Н.И. Раттэль, А.С. Гришинский, М.М. Загю (всего с Бонч-Бруевичем из Став-

¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 20об.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4613. Л. 8об.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1338. Л. 106–106об. Впрочем, другой фигурант этого дела генштабист А.Н. Алексеев в годы Гражданской войны оказался в белом лагере.

⁴ *Трамбицкий Ю.А.* Генерал-лейтенант А.И. Деникин // Белое движение: исторические портреты. М., 2011. С. 143–144.

⁵ *Клементьев В.Ф.* В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 161.

ки в Могилеве в Петроград в феврале 1918 г. приехали 12 бывших офицеров Генштаба¹), на псковском направлении держались отряды бывшего полковника И.Г. Пехливанова, финляндский район обороняли отряды под командованием бывшего генерал-лейтенанта Д.Н. Надежного, в районе Нарвы и Ямбурга сражались войска бывшего генерал-лейтенанта Д.П. Парского, в районе Дно – бывшего генерал-лейтенанта Ф.А. Подгурского. Под руководством известного военного инженера бывшего инженер-генерала К.И. Величко спешно подготавливались к обороне ближние подступы к столице.

«Наступление немцев на Псков и Нарву толкнуло меня предложить свои услуги советской власти», – сообщал в своих показаниях по делу «Весна» А.А. Свечин². К 1 марта 1918 г. в Петрограде 28 бывших генералов и полковников, занимавших в старой армии должности командиров полков и выше, изъявили желание участвовать в обороне города³. Группа офицеров в конце 1917 – начале 1918 г. участвовала в качестве экспертов в мирных переговорах с представителями центральных держав в Брест-Литовске. Идея продолжения борьбы с немцами стимулировала и противников большевиков. Но при всем многообразии причин добровольного поступления офицеров в РККА абсолютное большинство военспецов попало в Красную армию по мобилизации.

Противостоявшая большевикам сторона, прежде всего лидеры зародившегося на Юге России Белого движения, не выглядела особенно привлекательно, хотя и боролась за интересы офицерской корпорации. Генерал Л.Г. Корнилов ассоциировался с неудачным выступлением против Временного правительства в августе 1917 г., имея в своих руках рычаги управления армией. Это не прибавляло веры в успех его нового начинания, когда Добровольческую армию приходилось создавать с нуля. К тому же генералы Алексеев и Корнилов принимали самое деятельное участие в свержении монархии, что не добавляло им популярности среди офицеров-монархистов.

Тем не менее офицерство сыграло важнейшую роль в истории Белого движения, выступило в качестве его движущей силы. Само это движение было создано и возглавлялось кадровыми офицерами, выражало их мировоззрение и идеалы, было бы невозможно без участия офицерства.

В белые армии, в которых в основном сохранялись нормы старой императорской армии, шли те, кто уверенно продвигался по служебной лестнице до 1917 г. и имел для этого достаточные знания и навыки работы. Более того, служба в антибольшевистских формированиях для значительной части бывших офицеров Русской императорской армии, при их традиционной системе мировоззрения, носила в гораздо большей степени идейный характер, чем служба в РККА, и вдобавок не являлась принудительной. Иными

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. С. 244–245; Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 68.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66. Л. 10.

³ Фрайман А.Л. Революционная защита Петрограда в феврале-марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 151.

словами, в антибольшевистских армиях, в отличие от РККА, для офицерства существовали более приемлемые условия.

Причины добровольного поступления офицеров в белые армии с теми или иными особенностями характерны для всех белых армий и фронтов. К белым шли патриотически настроенные офицеры, которые ощущали резкое неприятие разложения армии, идеологии и пропаганды пораженчества, пропаганды классово-сословной розни, которую вели большевики. Для многих большевики ассоциировались с германским шпионажем и олицетворяли внешнего врага. Приход их к власти в стране казался предвестником окончательной гибели государства.

В белые армии попадали и офицеры, проживавшие на окраинах страны, контролировавшихся антибольшевистскими правительствами. Формированные для распыления антибольшевистских сил при поддержке Германии армии монархической и прогерманской ориентации (Южная и Астраханская армии) привлекали приверженцев соответствующих течений.

Другой причиной было стремление блюсти верность союзникам России по Первой мировой войне, продолжать войну с немцами до победного конца, восстановить Восточный фронт и территориальную целостность страны. Полковник Б. А. Штейфон так описывал свои переживания рубежа 1917–1918 гг. и причины перехода к борьбе с большевиками: «В душе горело не замирающее чувство национальной обиды. Чувство и рассудок не могли примириться с создавшимся положением и подсказывали, что надо что-то делать. О Добровольческой армии я ничего не знал. Мысль лихорадочно работала в одном и том же направлении: почему анархическая солдатская масса осилила элементы порядка? Почему зверь победил человека? Трудно, да и невозможно было в те дни разобраться в причинах русской трагедии. Ясно стало только одно: зверь победил потому, что действовал скопом, а человек — разрозненно. Следовательно, необходимо было прежде всего или создать какую-то организацию, или, если таковая уже имелась в Харькове, — вступить в ее состав...

Лик революции всегда отвратителен. Российская революция, вызвавшая высокие лозунги, принесла, прежде всего, полное забвение права и полную переоценку решительно всех духовных ценностей. Никогда, даже в самые черные дни опричнины или биро[но]вщины, насилие и произвол не владели нашей несчастной Родиной так, как в эпоху революции. Ужасы Свеаборга, Кронштадта, Севастополя, бесчисленные насилия над офицерами на фронте, воспоминания о собственных тяжелых переживаниях, все это обостряло мою гордость и упрочивало сознание, что невозможно, недопустимо покоряться тому циничному злу, какое совершалось именем революции. Что позорно ожидать с покорностью и с непотворением своей очереди, когда явятся людозвери и уничтожат меня, как беспомощного слепого щенка.

Подобные настроения диктовали и программу действий: мне представлялось необходимым организовать самозащиту, доказать морально принужденному, запуганному офицерству, что мы можем быть силою, если объединимся, если наша воля пожелает отвечать на насилие насилием. Ибо слова, убеждения, все воздействие подлинной культуры не производили никакого впечатления на большевиков. Сила, грубая физическая сила являлась фактором единственно убедительным для них»¹.

Путь к белым с фронтов Первой мировой или из центра Советской России был сопряжен с колоссальным риском, что, разумеется, влияло на сокращение потока желающих попасть в антибольшевистские формирования, так как само по себе воплощение решения присоединиться к ним требовало большого личного мужества. В конце 1917 – начале 1918 г. офицеры были, пожалуй, самой бесправной категорией населения рухнувшей империи, их можно было безнаказанно ограбить и убить при одобрении и попустительстве возвращавшейся с фронта разложившейся солдатской массы. Сохранились десятки потрясающих воображение свидетельств о том, как офицеры пробирались в Добровольческую армию. Чтобы не быть казненными просто за офицерские погоны, они переодевались рядовыми, беженцами, гражданскими, прятались в эшелонах, пробирались к месту назначения окольными путями, избегая железных дорог². Множество офицеров при этом были бессудно убиты. Постепенно красные ужесточали пропуск пассажиров на Юг, в результате чего поступление офицеров в Добровольческую армию этим путем сошло на нет.

Измученные произволом офицеры были рады укрыться в Добровольческой армии. Уже упоминавшийся Б. А. Штейфон впоследствии отметил, что, оказавшись в Добрармии, «впервые после революции... как офицер, дышал свободно, где все было мне близко и понятно. Где я мог бы заняться привычным мне делом и перестать быть конспиратором»³.

Разумеется, на выбор в пользу белых влиял и корпоративизм офицерства – стремление защитить права офицеров, объединиться перед угрозой террора и преследований офицерства по всей стране.

Часть офицеров испытывала потребность в профессиональной самореализации, желание заниматься военным делом (служить Родине) безотносительно правящего режима. Некоторые примкнули к белым под влиянием призывов авторитетных генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова, ранее принадлежали к участникам движения генерала Корнилова и к его сторонникам.

Кто-то, как и в случае с поступившими в РККА, просто продолжал служить по инерции в органах старой армии, трансформировавшихся в органы

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 7–8.

² См., напр.: Клементьев В. Ф. В большевицкой Москве. С. 5–11.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 105–106.

белых армий (например, в администрациях казачьих войск, военно-учебных заведениях, оказавшихся в занятых белыми районах). Схожим образом определились и те, кто оказался связан местом жительства или родственными узами с регионами, контролировавшимися белыми.

Еще одной очевидной причиной участия офицеров в Белом движении являлось стремление укрыться от антиофицерского террора, проводившегося в Советской России.

Наконец, влияли на выбор офицеров и отсутствие средств к существованию и для обеспечения семьи, материальные интересы.

По всей видимости, карьеризм не играл значимой роли среди причин перехода офицеров на сторону белых. Слишком туманны были перспективы Белого движения на этапе его зарождения. В начале Гражданской войны у перехода на сторону белых было гораздо больше минусов и рисков для офицера, чем в случае занятия выжидательной позиции и пребывания по инерции на месте прежней службы. Шансы на успех всего дела были не очевидны, а перспективы карьерного роста более чем сомнительны. В такой обстановке среди причин поступления к белым в 1917–1918 гг. преобладал идейный антибольшевизм. К тому времени, когда белые смогли развернуться и действительно стали выглядеть заманчиво в карьерном плане как возможные победители в Гражданской войне (т. е. на протяжении части 1919 г.), большинство офицеров уже сделали свой выбор в ту или иную сторону. Перебежчики из Красной армии вряд ли могли рассчитывать не только на серьезное карьерное продвижение у белых, но даже на забвение их прежней службы большевикам.

Вместе с тем революция лишила многих офицеров, привыкших к прежнему порядку вещей, надежды на построение карьеры по старым принципам, уничтожила их мир. Многие оказались лишены возможности получить награды, на которые рассчитывали. Разумеется, это порождало волну возмущения, а также попытки возродить прежние порядки в рядах белых.

Полковник А. В. Черныш вспоминал о мотивах своего решения присоединиться к белым в мае 1918 г.: «До Киева я медлил с окончательным решением – куда ехать? На севере, в центре большевизма, в г. Орле была моя горячо любимая семья, жена и четверо детей. Несколько месяцев я не знал о ней ничего. Судьба ее меня до крайности волновала, тревожила. Но ехать в Орел – это значит проходить через большевистский фронт... рисковать жизнью и, в лучшем случае, стать, значит, на сторону большевиков, чтобы сохранить себя для семьи.

Другой выход был – ехать на юг, где что-то делалось – как, в каком размере, не было известно нам толком, – но факт был без сомнения. Поехать и стать в ряды поднявших меч за честь и самое существование Отечества – только во имя этого можно было пожертвовать всем и даже своей семьей. В крайности, при неудаче и этого намерения, пробраться к своим

родным, отцу и матери, жившим в г. Ейске, на Кубани, и там осмотреться и выждать более подходящей обстановки для сношения с семьей или поездок туда»¹.

На выбор в пользу белых армий, очевидно, влиял фактор красного террора, произвол на местах, ассоциировавшийся с большевиками (хотя они не всегда были за это ответственны, особенно в период 1917 – первой половины 1918 г.). От террора и произвола страдали как сами офицеры, так и их семьи. В 1918 г. в имении Горки Могилевской губернии была убита и сожжена Елена Константиновна Дитерихс – родная сестра видного военачальника, в будущем одного из лидеров Белого движения генерала М.К. Дитерихса². У будущего участника Белого движения полковника К.Л. Капнина в начале 1918 г. красными были убиты дядя и двоюродные братья, сам Капнин вместе с братом был вынужден скитаться по горам, сидел в новороссийской тюрьме и едва не погиб³. Как отмечал он сам, «чувство долга офицера и гражданина звало туда на поля битв в ряды добровольцев, дерущихся за Родину»⁴. У штабс-капитана А.В. Туркула (впоследствии генерала, начальника Дроздовской дивизии) в конце 1917 г. в столкновении с красными матросами в Ялте погиб брат, тоже офицер, находившийся в госпитале после ранения. В итоге Туркул приобрел известность как один из самых кровожадных белых командиров, беспощадно истреблявший пленных большевиков. Ненависть таких офицеров к большевикам приобретала личный мотив, а определяющим порой становилось чувство мести.

Многие, даже образованные офицеры, будучи далеки от общественно-политической жизни, не могли разобраться в текущих событиях и мыслили примитивными категориями темных обывателей. Бывший колчаковский генерал В.Н. Касаткин наивно записал в эмиграции: «До 1917 г. существовала одна эра – эпоха христианская; после 1917 г. настала другая – антихристианская. Две тысячи лет тому назад пришел мир Христа и основал мир добра и любви. В 1917 г. пришел в мир Ленин и основал мир зла и ненависти»⁵.

Вовлеченный в политическую жизнь еще до революции и ориентировавшийся в этом вопросе несколько лучше своих товарищей полковник Б.А. Энгельгардт удачно охарактеризовал настроения конца 1917 – начала 1918 г. среди «бывших» людей, в том числе офицеров: «Представления о социализме и коммунизме у большинства этих людей... были самые примитивные, и поскольку они легко примирились со свержением царя и продолжали работать при Керенском, сдвиг от Керенского к Ленину не должен был казаться им

¹ Черныш А. В. На фронтах Великой войны: воспоминания, 1914–1918. М., 2014. С. 189–190.

² Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 19.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 383. Л. 35, 45.

⁴ Там же. Л. 54об.

⁵ BAR. Memoirs of V. N. Kasatkin. Folder 1.

непреодолимым. И Керенский и Ленин находились оба за границей их политических представлений, а разобраться в том, какая пропасть отделяла Ленина от вожаков Временного правительства, они не умели. Но всех этих людей пугали решительные меры, направленные к полной ликвидации старого уклада жизни. Они видели перед собой разрушение всего того, к чему они «привыкли», того, что в их глазах олицетворяло русскую государственность»¹.

В политическом отношении многих офицеров удовлетворяли лозунг «единой и неделимой России» и программа генерала Л.Г. Корнилова с курсом на твердую власть военной диктатуры, наведение порядка в стране и созыв Учредительного собрания, которое должно было предопределить характер будущего государственного устройства. Однако по мере разрастания Гражданской войны ряды белых пополнялись офицерами, придерживавшимися и других политических взглядов, что не могло не размывать политическую платформу белых, делая ее более аморфной. Как отмечал современник, «идеологические расхождения сказывались и в среде вождей Добровольческой армии: Деникин и Романовский на многое смотрели другими глазами, чем Драгомиров и Лукомский... Взгляды на устройство этого старого мира бывали у них так различны, что это губительно действовало на общую работу»².

Базировавшийся на игнорировании общественно-политической жизни общества примитивизм понимания политической стороны событий 1917–1922 гг. отличал лидеров Белого движения (впрочем, мировоззрение военспецов было таким же). Генерал А. Ф. Матковский на судебном процессе над колчаковскими министрами дважды отказывался отвечать на вопрос, что он понимает под политикой, лишь после третьего настояния обвинителя он сообщил, что политикой считает «вмешательство в руководство государственной жизнью»³. Характерно описание принятия генералом А.И. Деникиным внутривнутриполитической программы, разработанной для него кадетом Н.И. Астровым в конце 1919 г. После зачитывания пунктов программы главком ВСЮР заявил присутствующим на совещании: «Все это лирика»⁴, однако вскоре эта программа появилась в наказе Деникина. Современники отмечали, что Деникин легко поддавался под влияние политических советников, поскольку сам в политике не разбирался и не хотел ею заниматься. Можно сказать, что в сложившихся условиях белые генералы были вынуждены стать политиками и действовать в меру своих способностей и понимания. Тем не менее эту попытку трудно назвать успешной.

Об уровне политической сознательности представителей белого командования свидетельствует характерная зарисовка современника: «Гене-

¹ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 167.

² Там же. С. 212.

³ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 118.

⁴ Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 285.

рал Ф.Ф. Абрамов... был просто солдат и как таковой знал только одну политику – беспрекословное повиновение своему начальству. Я работал бок о бок с ним свыше года и не только не мог определить его политической физиономии, но даже узнать, есть ли у него вообще какие-нибудь политические взгляды. Это была бессловесная машина, заведенная в определенном направлении»¹. Разумеется, подобные несознательные военачальники были слабым ориентиром для тех, кто им подчинялся. Неудивительно, что выступления Абрамова перед казаками были сухими и не оставляли никакого следа².

Конечно, лидеры белых не могли вовсе уйти от ответов на злободневные политические вопросы, хотя, учитывая то, как тяготились политикой белые генералы, они предпочли бы совершенную аполитичность, если бы это только было возможно. По сути, известный ограниченный набор политических лозунгов (принцип «непредрешенчества» будущей формы правления в стране, ликвидация большевизма и передача всей власти Учредительному собранию, которое будет решать судьбу страны) стал своеобразной формой ухода белой военной элиты от мучительных и непонятных политических вопросов. На разных фронтах эти вопросы решались со своими особенностями, но в целом схожим образом. Абсолютное большинство так называемых белых вождей оказались приверженцами курса кадетской партии. В ряде случаев такие лидеры были готовы на различные компромиссы и союзы с представителями других политических сил. Например, оренбургский атаман А.И. Дутов был склонен к сотрудничеству со всеми противниками большевиков от крайне правых до социалистов. Подобная аморфность и разнородность течений, отсутствие единой идеологии стали отличительными чертами Белого движения и отчасти предопределили его неудачу.

Офицеры поступали в национальные формирования по самым разным причинам. В основном по этому пути шли те, кто был связан рождением, родственными связями, службой или имуществом с самоопределившимися территориями. Немалую роль играл фактор случайности. Например, в украинские армии географически проще было попасть тем, кто служил на Юго-Западном и Румынском фронтах Первой мировой войны. Отдельные офицеры «национализировались» подчас при откровенно комических обстоятельствах. Так, например, заключенные в Быхове сторонники генерала Корнилова осенью 1917 г. убедили подполковника И.Г. Соотса в том, что для освобождения ему следует «самоопределиться» как эстонцу. Соотс действительно подал такое заявление, причем воспринимал это как шутку и не думал о действительном самоопределении. Тем не менее впоследствии он стал эстонским военным министром. Находившийся там же капитан С.Н. Ряснянский позднее отметил в своих воспоминаниях: «Составляя в то время это прошение, никто

¹ *Налинин И.М.* Под знаменем Врангеля // Казачий исход. М., 2003. С. 85.

² Там же. С. 86.

из нас и не подозревал, что автор его будет действительно “самоопределившийся” министр. Сам п[одполковник] Соотс придавал своей просьбе только значение шутки, могущей способствовать его скорейшему освобождению, но никак не “самоопределению”, о чем он, по-видимому, тогда и не думал»¹.

Как и в случае с поступлением в Красную армию, в национальные формирования шли не сумевшие себя ранее реализовать в карьерном плане офицеры, ожидавшие теперь быстрого взлета. Это одна из причин, но не самая значительная. Сюда же поступали противники большевиков, надеявшиеся в рядах этих армий принять участие в борьбе с ними или же переждать Гражданскую войну, избежать репрессий. Среди других причин — стремление удержать контроль над частями бывшей русской армии, пошедшими по пути национализации. Например, некоторые офицеры всерьез считали, что, расставив своих людей в руководстве украинской армии, они смогут уберечь войска от влияния самостийных идей, поддерживавшихся германским Генштабом².

Выбор русских офицеров в пользу национальных армий воспринимался кадровыми офицерами белых армий (а вероятно, и красными военспецами из кадровых офицеров) как нечто противоестественное или анекдотическое. В особенности это относилось к украинской службе, переход на которую носил массовый характер. Офицеры, служившие в Добровольческой армии, относились к украинизировавшимся неприязненно.

Из условно выделяемых нами возможных причин поступления офицеров в национальные армии лишь одна относится непосредственно к национализму и русофобии, тогда как остальные связаны с антибольшевизмом, местным патриотизмом, с пребыванием на одном и том же месте службы по инерции, с близостью к тому или иному фронту Первой мировой, с проживанием на национальных окраинах, с карьерными или профессиональными потребностями, стремлением удержать контроль над армией либо с социально-экономическими проблемами. Причем антироссийски настроенные офицеры появлялись не только среди тех, кто относил себя к националистам, но и в группе карьеристов-приспособленцев, подстраивавшихся под то, чего от них хотели власти. Пожалуй, только в Финляндии и Польше, где национальная идея уже к 1917 г. глубоко внедрилась в массовое сознание и был укоренен национальный язык, большинство перешедших на службу новым государствам офицеров сделали это действительно по идейным соображениям.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 163. Л. 49.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 63.

Глава 4

Военные специалисты в Красной армии

После большевистского переворота новые хозяева России постепенно и не без сложностей и сомнений пришли к пониманию того, что без привлечения на свою сторону квалифицированных командных кадров из офицеров им новой армии не создать, равно как и не обеспечить защиту своего режима от многочисленных врагов. Между тем вопрос привлечения офицерства на сторону красных был непростым, так как большевики и их союзники, левые эсеры, взяли власть на волне разложения старой армии, солдатской вседозволенности, невиданного унижения и массовых убийств офицеров. Придя к власти, они проводили дискриминационную политику в отношении офицерства, неизбежно отталкивавшую последнее. Среди символов темного прошлого оказались все, кто прежде пользовался какими-либо привилегиями, в том числе офицеры, «золотопогонники».

16 декабря 1917 г., когда СНК обсуждал военные вопросы, был принят декрет «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», по которому было отменено ношение погон и упразднены воинские звания. Этот декрет оказался морально тяжелым для офицерства, поскольку погоны всегда были символом офицерской чести и принадлежности к корпорации. До революции их срезали только с провинившихся. Тем оскорбительнее была эта мера.

Орды обезумевших от вседозволенности распропагандированных солдат жаждали крови тех, кого они считали своими угнетателями. Офицеры не могли спокойно появиться на улице в мундире. Откровенная уголовщина прикрывалась революционными лозунгами. Штабс-капитан В.М. Цейтлин записал в дневнике 24 октября 1917 г.: «Разбирая вопрос со шкурной точки зрения, страшен не захват власти Лениным, Троцким и др[угими] идейными культурными большевиками, а страшны произвол, грабежи и убийства разнузданной, пьяной солдатской массы, которые, очевидно, сегодня начнутся, а может быть, и уже начались. Особенное озлобление, конечно, будет, как всегда, против нас»¹.

Новая власть, порой не без оснований, исходила из презумпции нелояльности офицерства. Само слово «офицер» стало символом классового врага, вызывало подозрения в контрреволюционности, и в Красной армии позднее вместо него был введен в обиход эвфемизм «военный специалист» (военспец).

¹ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 258.

Одним из инициаторов политики массового привлечения бывших офицеров в РККА был нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий, которому пришлось приложить немало усилий, чтобы его взгляд на вопросы развития Красной армии завоевал популярность в ЦК партии. Важным шагом по укреплению Красной армии и по привлечению в нее бывших офицеров стал приказ Высшего военного совета от 21 марта 1918 г., отменивший выборное начало. Тем более что рассчитывать на избрание красноармейцами на командные посты военных профессионалов старой школы в той обстановке не приходилось. До массовых регистраций и мобилизации офицеров было решено «вылавливать единичных работников-специалистов и держать их на случай, когда будет армия, для формирования штабов»¹.

Свое видение роли военспецов в Красной армии Троцкий изложил в речи на заседании ЦИК 22 апреля 1918 г.: «В вопросах чисто военных, в вопросах оперативных, — тем более чисто боевого характера, — военные специалисты во всех учреждениях имеют решающее слово. Разумеется, этого типа организация не является идеальной. Она тоже выросла из переломного характера эпохи.

Новый класс встал у власти, — новый класс, у которого есть свои тяжелые счета с прошлым. Это прошлое в лице ныне отсутствующей армии завещало нам известный материальный капитал: пушки, винтовки, всякие боевые запасы, и — известный идейный капитал — известную накопленную сумму знаний, боевой опыт, административные навыки и т. д., то, что находилось в распоряжении специалистов военного дела, бывших генералов, полковников старой армии, — то, чего не было в руках нового революционного класса в тот период, когда этот новый революционный класс боролся за власть и встречал на своем пути сопротивление... Рабочий класс и трудящиеся массы крестьянства не выдвинули из своей среды новых полководцев, новых руководителей, все это было предвидено всеми теоретиками научного социализма. Он должен поставить себе на службу тех, которые служили другим классам. Это относится целиком и к военным специалистам»². Такая постановка производилась под бдительным контролем комиссаров.

Некоторые партийцы болезненно отнеслись к появлению во главе большевизированных войск старорежимных генералов, а позднее — и к упразднению в армии выборного начала. Настроения весны 1918 г. в Советской России и Красной армии не были благоприятны для бывших офицеров. Документы того периода рисуют картину ожесточенного неприятия бывших офицеров членами РКП(б). В одном из документов, подписанном членами фронтовой коллегии Московского областного комиссариата по военным делам, с тревогой отмечалось, что «возможность концентрации офицерства в массе

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 85.

² Там же. Л. 133–134.

определенно контрреволюционной, в связи с формированием полевых штабов, состоящих из офицеров Генерального штаба и других, становится все более и более рельефной. За все время войны строевое офицерство всегда было более чем недовольно работой Генерального штаба, в котором кроме карьеристов никого и ничего не было... генералитет и Генеральный штаб во все не нужны как полководцы, а лишь только как специалисты, инструктора и консультанты... Однако Бонч-Бруевич, пользуясь властью, данной ему Советом народных комиссаров, уже успел насадить ряд офицеров Генерального штаба на самые ответственные должности по обороне»¹.

По мнению авторов документа, «среди них (бывших офицеров. — А.Г.) имеются и талантливые люди, но далеко не в таком количестве, какое бы это можно бы думать. Специальные их познания, конечно, не подлежат никакому сомнению. Бестолковость и безалаберность генералитета, ярко выразившаяся во все время только что оконченной войны, не позволяет думать, что генералы справятся с военной разрухой, ибо каждому ясно, что творчество у них, кроме казенно-шаблонного, не существует, а их способность к водворению порядка измеряется их контрреволюционностью...»²

Составители резюмировали: «В новой армии тыловые и полевые штабы должны быть организованы из советских работников (главным образом боевых офицеров) с участием как специалистов офицеров и генералов Генерального штаба, инженерных, артиллерийских, морских и других специальных военных учреждений старого типа. Никакой абсолютно власти эти лица иметь не могут»³.

М.К. Тер-Арутюнянц писал Троцкому 17 марта 1918 г., что создание Высшего военного совета вызвало «бурю протеста и негодования в революционных отрядах указанного (Западного. — А.Г.) фронта с категорическим протестом, что “лягут костями, но не подчинятся бывшим царским генералам, которые за свои действия были исключены из армии с демократизацией армии”, одновременно обращаясь к расформированному Революционному Полевому штабу при бывшей Ставке революционным путем вновь принять руководство фронтом на себя, если власть генералов будет оставлена в силе»⁴. Тем не менее пошедшие на службу к большевикам офицеры уже оказывались под защитой новой власти.

К тому же иного выбора, кроме как использовать квалифицированные кадры старой армии для строительства новой, попросту не было. Одним из сигналов противникам военспецов стал судебный процесс по делу П.Е. Дыбенко, матросы которого бежали из-под Нарвы в начале марта 1918 г.

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 97об.

² Там же. Л. 97–97об.

³ Там же. Л. 98об. Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 529–544.

⁴ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 406. Л. 78.

в период противостояния с немцами. За нарушение дисциплины Дыбенко отдали под суд. Председателем следственной комиссии стал недавний Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко. Этот инцидент демонстрировал готовность большевистского руководства твердо следовать курсу на создание регулярной армии на принципах строгой дисциплины и подчинения квалифицированным специалистам. Авторитет Дыбенко в матросской среде и угроза активных действий против партийного руководства с его стороны при опоре на матросов и анархистов, возможно, лишь усугубили ситуацию. Дело Дыбенко находилось на личном контроле Ленина. Новая власть проявила решимость покарать даже «своего», социально близкого партийного матроса Дыбенко, члена СНК (ни много, ни мало наркома по морским делам), поддержав авторитет «классово чуждого» бывшего генерала-генштабиста Д. П. Парского, который в инциденте под Нарвой выступил сторонником дисциплины. Дело было направлено на заключение Президиума ЦИК. И хотя Дыбенко с учетом мнений военспецов в итоге оправдали, но по итогам разбирательства он оказался исключен из партии и смог восстановиться в ней только после Гражданской войны, в 1922 г.¹

Военный руководитель Высшего военного совета бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич писал председателю совета Л. Д. Троцкому 31 мая 1918 г.: «В воззваниях правительства к народу часто упоминается о “контрреволюционных генералах и офицерах”, и, таким образом, народ естественно восстанавливается огульно против всех, вообще, бывших генералов и офицеров. В результате, опасаясь самосудов и расправы, б[ывшие] генералы и офицеры, даже такие, которые вполне искренне желают служить в новой армии, — вынуждены отказываться от таковой службы. Между тем настало время, когда для всех очевидно, что без боеспособной армии с опытным и научно-подготовленным командным составом Российская республика существовать не может, потому что она не в состоянии без такой армии отбиться от врагов, уже наседающих на нее со всех сторон.

Вполне признавая, что упоминание о контрреволюционных генералах и офицерах в воззваниях правительства имеет свои основания, тем не менее для пользы дела формирования необходимой армии ходатайствую о том, чтобы правительство разъяснило народу, что наряду с контрреволюционными генералами и офицерами, изменниками вроде Скоропадского и Краснова, существуют и самостоятельно работают над созданием армии бывшие генералы и офицеры другого типа, вполне преданные России и русскому народу, достойные не порицания, а всесторонней признательности и похвалы.

¹ Подробнее см.: *Старинов С. В.* Павел Дыбенко: забытая страница биографии // Марийский археографический вестник (Йошкар-Ола). 1997. № 7. С. 79–88 (также напечатано в журнале «Вопросы истории» (1998. № 4) под названием «П. Дыбенко в Самаре. Весна 1918 года»); *Елизаров М., Елизарова О.* «Дело Дыбенко» // Морской сборник. 2008. № 9. С. 77–79.

Докладываю, что без такого подразделения, оповещенного самим правительством, не удастся сформировать дивизий, необходимых нам для защиты от наседающих на нас германцев, явно стремящихся утвердить в России всюду уже начавшееся германское рабство»¹.

Даже В.И. Ленин первоначально скептически относился к идее привлечения офицерства на командные посты. К примеру, еще 19 августа 1918 г. он телеграфировал Троцкому о «необходимости особенно наших инструкторов для рабочей армии при полной ненадежности офицеров»².

Наиболее дальновидные представители советского военно-политического руководства понимали, что на добровольных началах и путем импровизаций массовой армии не построить. К тому же многие офицеры, поступившие в новую армию, отнюдь не горели желанием участвовать в разворачивавшейся в России братоубийственной войне. Некоторые при зачислении в Красную армию прямо выдвигали условие, что не будут воевать на внутреннем фронте, а готовы сражаться только с внешним врагом. Например, капитан Ф.Л. Григорьев, пытаясь устроиться на военную службу, 4 апреля 1918 г. писал в Москву: «В случае потребности в офицерах Генштаба для будущих формирований постоянной армии, предназначенной для борьбы с внешним врагом, прошу о зачислении меня кандидатом на какую-либо должность Генерального штаба»³. Ответ на такие обращения был стандартным: «Вы взяты на учет Генерального штаба для предстоящих формирований постоянной армии для борьбы с австро-германцами»⁴. Интересно, что и большевики первоначально считали приемлемым использовать офицеров только против внешнего врага⁵. Летом 1918 г. в связи с эскалацией Гражданской войны с этими требованиями большевики перестали считаться. 13 июня был издан приказ наркома по военным и морским делам и председателя Высшего военного совета Л.Д. Троцкого о том, что советская власть не потерпит никаких уклонений и рассуждений со стороны военнослужащих, в том числе и в связи с их нежеланием участвовать в Гражданской войне⁶. Таким

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 406. Л. 167–167об.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 50. С. 157.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 62об.

⁴ Там же. Л. 63, 65.

⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 81.

⁶ «Восстание чехословаков, расстраивающее транспорт и продовольствие и вселяющее ложные надежды в сердца внешних и внутренних врагов Советской республики, должно быть раздавлено в кратчайший срок.

Между тем в среде военных специалистов, бывших офицеров, состоящих на службе в Советской республике, наряду с честным выполнением воинского долга, наблюдалось несколько случаев уклонения от выполнения приказаний, вызывавшихся задачами борьбы с чехословацким мятежом. Уклоняющиеся пытаются ссылаться на то, что они не призваны вести «Гражданскую» войну.

Чехословаки, в большинстве своем, наши военнопленные. Находясь на территории Российской республики, они получали жалованье от одного из иностранных правительств. Путем обмана они сохранили, а затем, путем мятежа, они захватили оружие, которого не должно было быть в их руках. Они стремятся овладеть Сибирской железной дорогой — важнейшей продовольственной артери-

образом, эта категория офицеров оказалась обманом втянута во внутреннюю войну на стороне красных.

В результате аттестации бывших офицеров по благонадежности и знаниям в РККА было принято лишь 765 человек¹. По приказу Наркомата по военным и морским делам № 324 от 7 мая 1918 г. была проведена регистрация бывших офицеров-специалистов в уездных военных комиссариатах. Именно с регистраций начался процесс массового привлечения офицеров на советскую службу. Первоначально регистрации были добровольными, но постепенно правила ужесточались, происходил переход к добровольно-принудительным (например, под угрозой невозможности дальнейшей службы по профессии, как в случае с офицерами Генерального штаба²) и прямо принудительным формам.

Летом 1918 г. уже осуществлялись мобилизации офицеров, ставшие единственным способом привлечь массу бывших офицеров на критически важные для большевиков внутренние фронты. 29 июля 1918 г. был издан декрет СНК о призыве бывших офицеров 1892–1897 гг. рождения. Мобилизации проводились только в Москве, Петрограде и в семи губерниях – Московской, Петроградской, Архангельской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Пермской, а также в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов.

Призыв офицеров оказался сопряжен с немалыми трудностями, которые порождали волну недовольства. Печально известна история регистрации офицеров до 60 лет, прошедшая в Москве в августе 1918 г. Тогда тысячи людей оказались согнаны в манеж Алексеевского военного училища и задержаны там под охраной двух рот китайцев³. Несчастные люди провели несколько дней в период с 6 по 13 августа 1918 г. без еды и в антисанитарных условиях, в результате чего у некоторых начались желудочно-кишечные заболевания⁴. Люди не были обеспечены самым необходимым – кипяченой водой и кипятком, горячей пищей, соломой для того, чтобы на ней спать. Военный

ей страны. Они пытаются соединиться с Владивостоком, откуда нам угрожает десант чужестранных империалистов. Чехословацкие мятежники являются, таким образом, орудием чужестранной оккупации и порабощения Российской республики. При этих условиях прятаться за фразу о "Гражданской войне" могут только изменники и пособники иностранных захватчиков.

Объявляю: Советская власть не потерпит никаких уклонений и рассуждений со стороны военнослужащих перед лицом врага. Все негодные и гнилые элементы, которые без возмущения и негодования относятся к мятежу военнопленных чужеземных наемников против свободы и независимости рабочей и крестьянской России, будут низвергнуты, виновные в противодействии будут раздавлены.

Настоящее предупреждение является первым и последним» (Известия ВЦИК. 1918. 15.06. № 121 (385). С. 3).

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М., 2009. С. 45–46, 50–52.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 74.

⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 28.

руководитель Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевич писал начальнику Всероссийского главного штаба А.А. Свечину 14 августа 1918 г.: «Происходящая в Москве регистрация бывших офицеров с массовыми арестами, производя гнетущее впечатление на всю корпорацию бывшего командного состава, еще более ухудшает вопрос возможности добровольного поступления военных специалистов в войска»¹.

Антибольшевистски настроенный мемуарист Н.А. Авенариус недоумевал в связи с августовской регистрацией: «Когда теперь советская власть вызвала всех живущих в Москве офицеров явиться на регистрацию, грозя [укрывшимся] репрессиями, то в Лефортово их явилось около тридцати тысяч. Что ж, угроза расправы за неисполнение приказа так их напугала? Где были они в октябре? Ведь у красных были только единицы»².

1 октября 1918 г. был опубликован новый декрет о призыве бывших офицеров и военных чиновников, не достигших к 1 января 1918 г. 40 лет. 14 ноября было издано аналогичное постановление РВСР³. Параллельно была организована и подготовка собственного, политически лояльного и социально близкого командного состава на многочисленных командных курсах.

Действие рождало противодействие. В условиях слабой легитимности большевистской власти и в обстановке внутреннего противоборства с развертыванием в конце весны 1918 г. полномасштабной Гражданской войны началось бегство оказавшихся в Красной армии бывших офицеров в антибольшевистские армии. Количество перебежчиков исчислялось тысячами. К белым перелетали целые авиаотряды, переходили высокопоставленные военспецы до уровня командующих армиями включительно.

Понятно, что в условиях враждебности офицерства или его нелояльности военспецов требовалось контролировать, для чего был создан институт военных комиссаров.

Положение бывших офицеров в новой армии было непростым. Комиссары и красноармейская масса относились к ним с недоверием, как к заведомым врагам и контрреволюционерам. Красные командиры, окончившие военно-учебные заведения в Советской России, считали бывших офицеров своими конкурентами в борьбе за командные посты, относились к ним враждебно, интриговали против них, пользуясь своей близостью к власти и партийными связями. Возник даже термин «спецеество», отражавший неприятие бывших офицеров в армии рабочих и крестьян. Видный военспец А.А. Свечин сообщил в показаниях по делу «Весна»: «С самого начала моего пребывания в РККА я ощущал атмосферу недоверия ко мне, как к бывшему генералу, отчего возникало известное расхолаживание в сознании бесплодности моих усилий»⁴.

¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 276об.

² Авенариус Н.А. Кремнистый путь. М., 2012. С. 79.

³ Реввоенсовет Республики: Протоколы, 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 114–115.

⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66. Л. 10.

Противники политики Троцкого пытались бороться с предоставлением военспецам власти в Красной армии. Требование Троцкого, чтобы комиссары не вмешивались в оперативную работу, повлекло ожесточенное сопротивление партийных работников Южного фронта. 3 октября 1918 г. И. В. Сталин, С. К. Минин и К. Е. Ворошилов из Царицына потребовали от В. И. Ленина «обсудить в ЦК партии вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта и революции... Пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров»¹. В тот же день Сталин написал Ленину личное письмо, отметив, что Троцкий отдает «все дело фронта в руки заслуживающих полного недоверия, так называемых военных специалистов из буржуазии»². По мнению Сталина, они «внесут разлад между армией и командным составом, погубят фронт окончательно. Наша новая армия строится благодаря тому, что рядом с новыми солдатами рождаются новые революционные командиры»³. Однако Ленин не пошел на поводу у противников привлечения в Красную армию офицерства, к тому же военные специалисты уже начали на деле доказывать свою высокую эффективность в Красной армии.

Разумеется, сам Троцкий не собирался всецело доверять военспецам. Утвержденное им положение о военных комиссарах и членах военных советов гласило: «Вся работа происходит на глазах комиссара, но руководство в специально-военной области принадлежит не комиссару, а работающему с ним рука об руку военному специалисту.

Комиссар не отвечает за целесообразность чисто военных, оперативных, боевых приказов. Ответственность за них падает целиком на военного руководителя. Подпись комиссара под оперативным приказом означает, что комиссар ручается за данный приказ как за продиктованный оперативными, а не какими-либо иными (контрреволюционными) соображениями. В случае неодобрения чисто военного распоряжения комиссар не задерживает его, а только доносит о своем неодобрении стоящему выше Военному совету. Только такой оперативный приказ может быть задержан, относительно которого комиссар приходит к обоснованному выводу, что приказ продиктован контрреволюционными мотивами»⁴. Впрочем, некоторые бывшие офицеры были убеждены, что люди без военной подготовки, какими являлись комиссары, на самом деле не могли контролировать распоряжения военспецов, так как не разбирались в военных вопросах.

Несмотря на недоверие, комиссары должны были оберегать военспецов от солдатских масс и разъяснять бойцам смысл и значение привлечения

¹ Сталин. Труды. М., 2017. Т. 10. С. 128–129.

² Там же. С. 126–127.

³ Там же. С. 127.

⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 105.

бывших офицеров в новую армию¹. Другой функцией комиссаров был политический контроль за военспецами и предотвращение измен. Не все комиссары были к этому надлежащим образом подготовлены. Тем более что для успешной работы необходимо было обладать не только военными знаниями, но и чувством такта. Не случайно в одном из документов в декабре 1918 г. отмечалось, что «за последнее время наблюдаются случаи, когда комиссары, неправильно понимая приказ о необходимости усилить контроль за военными специалистами, окружают командный состав атмосферой подозрения и личного недоверия, что, с одной стороны, создает для честно работающих воен[ных] специалистов обстановку, в которой работать не представляется возможным, и, с другой, колеблющихся побуждает искать выхода, почему в критический момент многие из числа могущих быть полезными на службе в армии перебегают к противнику. Комиссар должен быть уверенным и спокойным как представитель советской власти, воздействуя тем самым на военных специалистов... комиссар не должен превращать контроль в мелочную придирчивость, подчеркивая в то же время строгость и точность в исполнении возложенных на него обязанностей»².

Интересно, как большевики разъясняли рядовым красноармейцам потребность в привлечении на службу офицерства старой армии: «Приходится покуда иметь рядом с красными офицерами командный состав из старых офицеров. Но строй армии таков, что командный состав не имеет того значения, что в прежней армии. Он имеет исключительно технические функции. Выбирать его пока еще не следует. Красноармейцы могут выбирать хорошего товарища, но командир он будет плохой. Что из того, что он хороший товарищ, когда своим неумением он может погубить многих красноармейцев. Назначенный, который знает свое дело, этого не сделает. С другой стороны, не надо забывать того, что за командиром следит политком.

Бывает иногда измена, но зато польза от старого офицерства в тысячи раз больше, чем вред возможных при контроле измен. Многие уже свыклись с советской властью и стали ее друзьями. Если бы не старое офицерство, мы не имели бы такой сильной на научных началах организованной армии, ибо рабочие и крестьяне не имеют таких знаний, как они.

Командиру надо подчиняться. Иногда красноармейцам кажется, что командир — изменник, они отказываются подчиниться его команде, и благодаря этому терпят поражение и напрасно погибают сотни, а иногда и тысячи товарищей. Командиру надо беспрекословно подчиняться. Измена может быть одна на тысячу. А никто ведь не отказывается ездить на пароходах потому, что из тысячи пароходов один, вероятно, потонет благодаря разным

¹ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.

² РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 42. Л. 5–5об.

причинам, и между прочим благодаря тому, что капитан одного парохода может оказаться одновременно и главарем бандитской шайки»¹.

Число изменников было велико. Это были как белые подпольщики, действовавшие в РККА, так и дезертиры, бежавшие из армии. За период 1918–1920 гг. из РККА дезертировал каждый третий генштабист – в общей сложности свыше 500 человек². В ряде случаев происходили коллективные измены. Так произошло, например, летом 1918 г. с Военной академией, штабом Приволжского военного округа, летом – осенью 1919 г. с полевым штабом 14-й армии и штабом 8-й армии. В отношении военспецов-перебежчиков в целом счет шел как минимум на тысячи. Подобное поведение связано во многом с бесправным положением бывших офицеров в Советской России, где их жизнь и судьба зависели от прихоти политработников и чекистов.

Еще генерал А. Г. Шкуро отмечал (правда, о рядовых бойцах), что «были ловкачи, умудрявшиеся по 3–4 раза послужить в каждой из враждебных армий»³. Некоторые офицеры за время Гражданской войны побывали в рядах противоборствующих сторон по два и более раз. Например, генерал-майор К. И. Сербинович дезертировал в 1919 г. из РККА и бежал на Украину, где попал на службу к белым. Позднее он был направлен белым командованием на Дальний Восток, арестован красными в Благовещенске в 1920 г. и после полугодового пребывания в тюрьме бежал, сумев вновь пробраться к белым. Таким образом, он дважды бежал от красных.

Для повышения лояльности специалистов и предотвращения многочисленных измен были приняты серьезные меры. Как еще в 1962 г. справедливо отметил советский историк С. А. Федюкин, «фактов измены и предательства было бы значительно больше, а последствия их тяжелее, если бы партия не установила твердого и бдительного контроля за деятельностью военных специалистов в лице института военных комиссаров»⁴. Первоначально вся ответственность за измены военспецов возлагалась на комиссаров, однако события лета 1918 г. показали недостаточность такого контроля, поскольку комиссары реально не могли предотвращать измены.

Политический аппарат пронизывал РККА сверху донизу и сыграл важнейшую роль в победе большевиков. Военспец бывший генерал В. К. Гондель, задававшийся вопросом, нужны ли были комиссары в Красной армии, если от них было столько проблем в военном управлении, пришел к интересному выводу, что без института военных комиссаров строительство РККА было бы невозможно, так как красноармейская масса, развращенная революционными событиями, просто не приняла бы военспецов. Комисса-

¹ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–2.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 220.

³ Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 234.

⁴ Федюкин С. А. Об использовании военных специалистов в Красной армии // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 42.

ры же, как ни парадоксально, должны были поддерживать авторитет тех, кому сами не доверяли.

Гондель отмечал: «Видя невязку в работе командного и комиссаровского состава, наблюдая часто со стороны комиссаров действия, противные и чуждые военному делу, быту и строю, я нередко задумывался, нужен ли был при строительстве Красной армии институт комиссаров, и пришел к тому выводу, что без него строительство было бы невозможно. Пусть ВЦИК и Совнарком уверовали бы в истину, что добровольно предложившие свои услуги бывшие офицеры в силу воспитанной в них щепетильности и честности не могут быть изменниками и поэтому им надлежит предоставить работать безо всякого контроля со стороны господствующей политической партии. Но как могла отнестись к этому красноармейская масса[?] Составлявшие эту массу рабочие, крестьяне и солдаты были вовлечены в классовую борьбу, а так как старая армия и давно уже была классовая, то и борьбу против военной касты, которую составляло кадровое офицерство. Естественно, что рабочие, крестьяне и солдаты должны были недоумевать, когда увидели, что те, к беспощадной борьбе с которыми их звали еще вчера, являлись сегодня руководителями военного дела в Красной армии, и только присутствие рядом с этими врагами представителей рабоче-крестьянского правительства и господствующей политической партии могло рассеять это недоумение в силу врожденной привычки русского народа без всякой критики подчиняться признаваемой им власти. Как трудна была задача военных комиссаров: они должны были поддерживать авторитет тех, которым не доверяли, к которым относились с подозрением, над которыми были поставлены для явного и тайного контроля. Для этого требовался недюж[ин]ный ум, выдающаяся тактичность, выдержка и чутье, и на почве непонимания и недомыслия вначале создавались эксцессы, вредные для строительства Красной армии»¹.

Взаимоотношения командиров и комиссаров приобретали личностный характер, при котором имели место как конфликты и конфронтации, так и симпатии. Не случайно председатель РВСР Троцкий 21 мая 1919 г. сообщал своему заместителю Э.М. Склянскому для последующей передачи Ленину: «Эти фронтовые привязанности – наша общая беда»². Разумеется, наличие дружеских отношений командиров и комиссаров вело к снижению уровня контроля над военспецами. Недостаточность комиссарского контроля для предотвращения измен привела к поискам иных форм борьбы с изменой.

Одним из способов было устрашение. В частности, 30 сентября 1918 г. Л. Д. Троцкий издал приказ об арестах членов семей изменников из представителей командного состава РККА³. В конце года, учитывая многочислен-

¹ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 85.

³ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 151.

ные новые случаи измены, он вернулся к этому вопросу. 20 декабря 1918 г. он телеграфировал в отдел военного контроля РВСР, что со времени прошлой телеграммы «произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, занимающих командные посты, но ни в одном из случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо. Предлагаю Вам в кратчайший срок заняться выполнением возложенной на Вас в свое время задачи, используя для этого аппарат Всебюркомвоен¹, с одной стороны, и аппарат военного контроля — с другой»². Речь шла теперь о превентивных мерах — учете семейного положения пока еще лояльных большевикам военспецов. Завершить сбор данных требовалось не позднее 1 января 1919 г. Телеграмма была разслана также на все фронты и всем начальникам окружных штабов. Таким образом, по состоянию на конец декабря суровое распоряжение все еще оставалось на бумаге. Троцкий не учел перегруженности штабов оперативной и организационной работой, при которой штабам не хватало времени на такие излишества, как установление семейного положения всех подчиненных военспецов. Большевистская бюрократическая машина едва справлялась с учетом самих военспецов, не говоря уже о членах их семей. По всей видимости, централизованный учет данных о десятках тысяч военспецов с их семьями оказался все же непосильной задачей для советской военной бюрократии.

Штаб Орловского военного округа, например, 28 декабря 1918 г. рассылал следующий приказ: «По приказанию председателя Революционного совета республики товарища Троцкого требуется установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах Советской России, и сообщение каждому под личную расписку — его измена и предательство повлечет арест семьи его и что, следовательно, он берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи...»³ Для этого должны были быть составлены списки со всей необходимой информацией, причем не только по перебежчикам, как требовалось изначально, но уже по всем военспецам вообще. В случае измены военспецов члены их семей подлежали аресту.

¹ Всебюркомвоен — Всероссийское бюро военных комиссаров. Образовано 8 апреля 1918 г. в целях координации деятельности военных комиссаров. С 14 октября 1918 г. в подчинении РВСР. Упразднено по решению VIII съезда РКП(б) на пленарном заседании ЦК РКП(б) нового состава 25 марта 1919 г. Функции Всебюркомвоена в дальнейшем выполнял Политотдел РВСР, а с мая 1919 г. — Политуправление РВСР.

² РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 354. Л. 155об.–156.

³ Цит. по: *Критский М.* Красная армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-ым корпусом Добровольческой армии) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 270.

Однако в начале 1919 г. аппарат военного контроля, который должен был арестовывать семьи военспецов, был упразднен (путем поглощения органами ВЧК), а его функции перешли к Особому отделу ВЧК. Кроме того, борьба с семьями могла вызвать недовольство лояльных красным военспецов и повлечь ответные меры антибольшевистских сил – ведь фронты Гражданской войны разделили и семьи большевиков. Все это, по-видимому и привело к тому, что, несмотря на единичные случаи, на уровне системы заложничество семей военспецов в Советской России распространения не получило¹.

Окончательно проясняет вопрос важное свидетельство Троцкого, оставленное им много лет спустя, уже в Мексике. Тогда Троцкий посвятил заложничеству отдельный раздел «Революция и институт заложничества» своего очерка «Их мораль и наша», в котором писал: «Не будем настаивать здесь на том, что декрет 1919 г.² вряд ли хоть раз привел к расстрелу родственников тех командиров, измена которых не только причиняла неисчислимые человеческие потери, но и грозила прямой гибелью революции. Дело, в конце концов, не в этом. Если б революция проявляла меньше излишнего великодушия с самого начала, сотни тысяч жизней были бы сохранены. Так или иначе, за декрет 1919 г. я несу полностью ответственность. Он был необходимой мерой в борьбе против угнетателей. Только в этом историческом содержании борьбы – оправдание декрета, как и всей вообще Гражданской войны, которую ведь тоже можно не без основания назвать “отвратительным варварством”»³. Таким образом, Троцкий вновь и уже более определенно высказался, что, несмотря на отдельные случаи арестов членов семей военспецов, более серьезных репрессий в их отношении не практиковалось.

Не может быть никаких иллюзий и сомнений, что в случае настоящей необходимости репрессии против членов семей изменников могли быть применены. Военспецы, очевидно, были осведомлены об этом. Одной подобной угрозы уже было достаточно, чтобы многие решали не испытывать судьбу и не рисковать жизнью и здоровьем ближайших родственников. В то же время слухи о заложничестве семей были удобным оправданием при попадании в плен. Взятые белыми в плен военспецы на Северном фронте на вопрос, почему они не переходили к белым добровольно, отвечали, что не могли этого сделать, поскольку семья была в заложниках. Подобные оправдания службы у красных были достаточно распространены и не особенно убедительны для белых, так как мемуарист приводит недовольный ответ опраши-

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 375–394.

² Троцкий ошибочно датировал декрет о взятии заложников, изданный в 1918 г. Можно предположить, что эта ошибка памяти обусловлена тем, что в 1918 г. распоряжение Троцкого еще не нашло практического применения.

³ Троцкий Л. Д. Их мораль и наша // Бюллетень оппозиции (большевики-ленинцев). 1938. Август–сентябрь. № 68–69. С. 14.

вавшего пленных: «Рассказывайте... все вы так говорите»¹. Однако без лишней необходимости военспецы старались не искушать судьбу.

Еще одним способом держать офицеров в напряжении были их произвольные и часто необоснованные аресты. Многие аресты просто невозможно логически объяснить. Объяснение дал член РВСР К. А. Мехоношин: «К арестам же и обыскам специалистов я могу лишь порекомендовать относиться более спокойно — это есть одна из форм контроля и воздействия на них, дабы предавать и изменять было бы не так легко и без риска, что многих слабодушных удержит от измены»². Таким образом, речь шла об упреждающем терроре. Разгул террора против офицеров вызвал появление в августе 1918 г. докладной записки Всероссийского главного штаба в коллегию Наркомата по военным делам, в которой прямо отмечалось: «Проводимые ныне в отношении офицеров меры являются актами даже не классово-борьбы, а борьбы с профессией и притом с такой, которая необходима для государства при всяких условиях его жизни»³.

Использование военспецов сопровождалось рядом важных ограничений. Например, уже с 1918 г. на ответственных должностях в одном учреждении или штабе запрещалось служить близким родственникам⁴.

На VIII съезде РКП(б) во второй половине марта 1919 г. развернулась масштабная дискуссия об использовании военспецов в Красной армии. Противниками политики массового привлечения военспецов была группировка, неформальным лидером которой выступал член ЦК РКП(б) И. В. Сталин (впрочем, всегда оставлявший себе свободу маневра). Ленин тогда поддержал отсутствовавшего Троцкого и подчеркнул важность использования культурно-буржуазного аппарата, не прибегая к излишнему притеснению специалистов, но контролируя их работу.

Именно на плечи военспецов легла вся техническая работа по формированию новой армии. По подсчетам А. Г. Кавтарадзе, военспецы составляли 85% командующих фронтами, 100% начальников фронтовых штабов, 82% командармов, не менее 91% начальников армейских штабов, до 70% начальников дивизий и свыше 50% начальников штабов дивизий, более 90% преподавательского состава военно-учебных заведений периода Гражданской войны⁵, что свидетельствует об их решающем вкладе в дело создания РККА. Не случайно В. И. Ленин весной 1920 г. неоднократно отмечал, что без военспецов не было бы ни Красной армии, ни ее побед⁶. Подтверждают это и свидетель-

¹ Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 50.

² РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 84. Л. 36.

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 71.

⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 79.

⁵ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 198, 208, 210.

⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 40. С. 199, 218.

ства белых военачальников. Так, видный деятель Белого движения на Востоке России генерал В.М. Молчанов в эмиграции отметил, что «спецы, которые служили в Красной армии, причиняли нам большой вред, потому что у них была высокая квалификация и опыт в военном деле»¹.

Особую роль в деле создания Красной армии сыграли сотни бывших офицеров Генерального штаба, служивших красным не за страх, а за совесть. По свидетельству советского главкома бывшего полковника И.И. Вацетиса, «среди лиц Генерального штаба, особенно занимающих высшие ответственные посты, чувствуется большая усталость, нервная издерганность и упадок энергии. На них смотрят как на необходимое зло, которое временно необходимо использовать, а потом выбросить за борт, как выжатый лимон. Тем успехом, который нам удалось достичь при создании Красной армии и привождении ее на ратное поле, мы обязаны почти исключительно тому, что мне удалось в сентябре 1918 года поставить в ряды действующей армии на ответственные штабные должности, а равно и на крупные командные посты, лиц с академическим образованием и бывших офицеров Генерального штаба с большим научным и командным опытом старой армии. Без них, само собой разумеется, у нас не было бы никакой Красной армии и не было бы тех успехов, которых мы достигли. Это необходимо признать, и это колоссальнейшая заслуга бывших офицеров Генерального штаба...»² С этой точкой зрения, делая поправку на самовосхваление Вацетиса, нельзя не согласиться.

Постепенно в Красной армии стали складываться группировки партийных лидеров и поддерживавших их крупных военспецов. Военрук Высшего военного совета, а позднее начальник Полевого штаба РКП М.Д. Бонч-Бруевич, главком С.С. Каменев и командующий Кавказским и Западным фронтами М.Н. Тухачевский были выдвинутыми Лениным. Выдвинутыми Сталина считались командующий Южным и Юго-Западным фронтами А.И. Егоров и командующий 14, 9 и 13-й армиями И.П. Уборевич. Главком И.И. Вацетис мог считаться ставленником Троцкого. В то же время занимавшийся практической военно-административной работой Троцкий, в отличие от политиканствовавших и интриговавших Ленина и Сталина, был в большей степени ориентирован на достижение успехов на фронтах и укрепление Красной армии, безотносительно того, чьими выдвинутыми были те или иные военачальники. По этой причине он не имел достаточного количества своих ставленников в высшем командном составе. Конфликты в большевистском руководстве нередко вели к резонансным делам в отношении военных специалистов, пользовавшихся покровительством тех или иных партийцев. Например, такой характер носили массовые аресты военспецов в Полевом шта-

¹ Молчанов В. М. Последний белый генерал: Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 124.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 236.

бе Реввоенсовета республики в июле 1919 г., в результате которых сменилось высшее военное руководство Советской России. Существуют различные версии этих событий, за которыми стояли Ленин, Сталин и Троцкий.

Важнейшей задачей большевиков было выстраивание мощной армии, в которой, несмотря на приоритетное положение партии, должен был все-таки существовать некий баланс интересов комиссаров и военспецов (при том, что буйные головы встречались как среди одних, так и среди других), поскольку было ясно, что одним принуждением эффективную армию не построить.

Многие бывшие офицеры служили в Красной армии отнюдь не из-под палки. Как отмечал в конце 1918 г. Л. Д. Троцкий, «советской власти совершенно ясно, что многие тысячи и десятки тысяч офицеров, вышедших из школы старого режима, получивших определенное буржуазно-монархическое воспитание, не могли сразу освоиться с новым режимом, понять его и научиться его уважать. Но за 13 месяцев советской власти для многих и многих из бывших офицеров стало ясно, что советский режим есть не случайность, а закономерно выросший строй, опирающийся на волю трудовых миллионов. Для многих и многих из бывших офицеров стало ясно, что никакой другой режим не способен сейчас обеспечить свободу и независимость русского народа от иноземного насилия»¹.

Известны случаи героического поведения военных специалистов. Некоторые за совершенные подвиги были награждены орденом Красного Знамени. Например, приказ о награждении командира Ударной Огневой бригады 51-й стрелковой дивизии бывшего штабс-капитана И. А. Ринка звучал следующим образом: «Командир Ударной Огневой бригады 51[-й] стрелковой дивизии, тов. **Ринк** Иван Александрович – за выдающиеся мужество, храбрость и распорядительность в бою на Каховском плацдарме 15 авг[уста] 1920 г. против частей конного корпуса генерала Морозова. В этом упорном бою тов. Ринк, командуя 457[-м] полком, в течение нескольких часов выдерживал ожесточенные атаки более сильного противника, несмотря на страшное утомление и потери полка, изнемогавшего в неравной борьбе. Видя необходимость поддержать передовые части, тов. Ринк, не имея резервов, собрал небольшую группу истомленных жаждой и долгим боем красноармейцев и сам с винтовкой в руках повел их против атакующей кавалерии противника. Хладнокровие и спокойствие начальника воодушевили товарищей красноармейцев, которые продержались до темноты, когда противник вынужден был отступить.

По принятии Ударной Огневой бригады, тов. Ринк своими знаниями и преданностью делу значительно содействовал поднятию боеспособности бригады и вместе с ней блестящему выполнению поставленных бригаде боевых задач, благодаря чему был взят Перекопский вал, сломлено упорное со-

¹ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 1. С. 152.

противление противника в междуозерном дефиле Перекопского перешейка и отрезан блестящим маневром выход на юг из междуозерных дефиле коннице Барбовича»¹.

Бывший генерал-майор А.П. Николаев, командовавший бригадой 19-й стрелковой дивизии, был взят белыми в плен в мае 1919 г. под Ямбургом. За отказ перейти к белым на службу его повесили². Аналогичный поступок совершил бывший генерал-майор А.В. Станкевич, командовавший 55-й стрелковой дивизией РККА. Попав в плен к белым на Южном фронте в октябре 1919 г., он отказался перейти к ним на службу, за что подвергся жестоким пыткам и был повешен. Позднее Станкевича с воинскими почестями похоронили у Кремлевской стены. Николаев и Станкевич были посмертно награждены орденами Красного Знамени.

Тульский губернский военный комиссар Д.П. Оськин вспоминал, что кадровые офицеры «стараятся скрыть свое отношение к советской власти. Однако можно заметить, что эта группа чрезвычайно тяготится отсутствием чиновничества, которое они имели в старой армии. Их коробит необходимость обращения к красноармейцам: “товарищ”, а не “братец”. Часто видишь, как нервно передергиваются мускулы лиц от обращения к такому офицеру красноармейцев: “Товарищ командир”.

Комиссарский состав ими рассматривается как необходимость для данного периода, причем они стремятся использовать комиссара для защиты военных спецов. При общении с красноармейской массой эти офицеры стремятся спрятаться за спиной комиссара.

Часть из них за полугодовой срок работы успела освоиться с новыми порядками и в силу профессиональной гордости стремится не ударить лицом в грязь.

Некоторых из этих офицеров увлекло получение в Красной армии крупных назначений по сравнению с тем, что их могло ожидать в царской армии. Привел в пример Вишневого, Тресвятского и некоторых других, которые вышли из старой армии в чине капитана, а сейчас по занимаемым должностям приравниваются как бы к полковникам»³.

Офицеры военного времени, по оценке Оськина, группа «самая разнокалиберная и разнообразная. Главная масса занимает средние команд-

¹ Приказ РВСР по личному составу армии. 1921. 04.07. № 207.

² Интересна характеристика Николаева, данная одним из белых офицеров: «Этот человек был... крайне отрицательной личностью; поступивши добровольцем в Красную армию, он всячески добивался порядка в своих частях и был крайне жесток со своими подчиненными» (*Гершельман А. С.* В рядах добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом. 1919 год. М., 1997. Т. 1. С. 26). По одной из версий, незадолго до казни Николаев заявил допрашивавшим его офицерам: «Вы все — преступники, вы идете на Русь с самозваными генералами, а мы, как военные, подчинены правительству; законно или незаконно оно — не наше солдатское дело» (*Маргулис М. С.* Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2: Апрель — сентябрь 1919 г. С. 171).

³ *Оськин Д. П.* Записки военкома. М., 1931. С. 118–119.

ные должности от командира роты до батальонного включительно. Многие из них с демократическими взглядами в прошлом, поэтому современные условия, быт и форма войсковых частей их не смущают. Во всяком случае, для них совершенно безразлично, как обращается к ним красноармеец: “товарищ командир” или “ваше благородие”¹. Наконец, офицеров из нижних чинов Оськин считал наиболее желательной и подходящей группой в РККА.

Прибывший на белый Юг из Петрограда подпоручик В.К. Федоров в октябре 1918 г. сообщил об офицерах, попавших на службу в Красную армию: «Советской властью была объявлена мобилизация всех бывших офицеров и должностных нижних чинов. Причем мобилизация производилась насильственным путем. Среди офицеров, находящихся в Красной армии, были офицеры, которые поступили добровольно, защищая большевизм, большинство этих офицеров с образованием 4-хклассных училищ или произведенные из рядовых. Кроме того, были офицеры, служившие за деньги, а также офицеры, взятые насильственным образом, и офицеры из белогвардейцев, служащие в штабах и провоцирующие против большевизма»².

Режим работы военспецов, в особенности специалистов Генерального штаба, был крайне напряженным. Из-за кадрового дефицита многие работали практически без отдыха, иногда по 17–19 часов в сутки. Работа без сна на протяжении нескольких дней была обычным явлением. При этом отношение к специалистам со стороны политического руководства было нередко исключительно потребительским – максимально использовать их знания и опыт, не считаясь с нагрузкой. Военрук Брянского района завесы бывший генерал-майор П.П. Сытин писал военруку Высшего военного совета бывшему генерал-майору М.Д. Бонч-Бруевичу 28 июля 1918 г., прося об отпуске: «Тяжелая, напряженная работа последних шести месяцев в связи с четырехлетней боевой, строевой службой на войне совершенно подорвали мой организм, и я к ужасу своему почувствовал, что с каждым днем силы мои слабеют. Несмотря на сознание, что работа теперь наиболее необходима, я тем не менее должен иметь в виду, что организм человека в моем возрасте может не выдержать и в этом возрасте его уже не поправишь... у меня семья, а средствами, помимо моего месячного заработка, ничего нет... теперь обстановка более спокойная, но все же, вставая в 7 часов утра, ложиться приходится не ранее 1–2 час. ночи. Целый день проходит в каком-то кошмаре, и к вечеру совершенно теряешь рассудок от усталости»³.

Для покрытия кадрового дефицита предлагались порой оригинальные способы. Так, Л.Д. Троцкий 1 января 1919 г. телеграфировал в Рязань в штаб 2-й стрелковой дивизии: «Недостаток офицер[ов] Генерального штаба не позволяет сосредоточить их в отдельных дивизиях, при крайней нужде фрон-

¹ Там же. С. 119.

² РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 36об.

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 180–180об.

та предлагаю комбинировать генштабов, бывших кадровых офицеров, бывших унтер-офицеров и новых красных офицеров в такой пропорции, чтобы командный состав не впадал в тупик, а был проникнут боевым революционным духом»¹.

При содействии военспецов большевики смогли восстановить сеть до-революционных военных училищ и академий, а часть военно-учебных заведений была создана с нуля. К лету 1919 г. для подготовки командных кадров РККА в Советской России были открыты пехотные курсы в Москве, Петрограде, почти во всех губернских и просто крупных городах. Возникли пулеметные курсы в Москве, Ораниенбауме, Пензе, Саратове; кавалерийские – в Петрограде, Твери, Орле, Тамбове, Борисоглебске; артиллерийские – в Москве, Петрограде, Саратове; инженерные – в Петрограде, Орле, Самаре, Казани; электротехнические – в Сергиевом Посаде; газотехнические – в Москве; железнодорожные – в Торжке; военно-топографические и гимнастическо-фехтовальные – в Петрограде; авиашколы – в Москве и Егорьевске, броневая школа – в Москве и т. д. Планировалось открытие военно-хозяйственных курсов. Весной 1918 г. красные имели лишь 10 курсов подготовки комсостава, в сентябре 1918 г. – уже 34, в феврале 1919 г. – 63, в сентябре – 109, в августе 1920 г. – 117². Красных курсантов на 1 августа 1920 г. было 43 тысячи человек, курс обучения составлял шесть месяцев. Ранее было выпущено 28 тысяч человек со званием красного командира.

Поскольку офицеры военного времени и красные командиры (краскомы), в отличие от старых кадровых офицеров, плохо подходили для занятия ответственных должностей, нужно было срочно повысить их квалификацию. Для этого с середины 1918 г. создавались высшие школы (высшая стрелковая, артиллерийская, кавалерийская, электротехническая, военно-химическая, автомобильно-броневая, военная финансово-хозяйственная, высшая школа дислокации, штабной службы, военной маскировки).

После перехода на сторону антибольшевистских сил старой Военной академии, когда стало ясно, что РККА остро не хватает специалистов Генерального штаба, буквально за два месяца в Москве с нуля была создана и уже в конце 1918 г. начала функционировать академия Генштаба РККА с блестящим преподавательским составом. Однако срок обучения в ней был слишком велик для удовлетворения текущих потребностей быстро растущей армии. В результате была открыта Высшая советская школа штабной службы, в которой по программе ускоренной подготовки обучали специалистов для занятия младших должностей Генштаба и выполнения простейшей технической работы. В школу штабной службы командировались бывшие офицеры и выпускники командных курсов, которые не менее шести месяцев прослу-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 73.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 7об.

жили в РККА и обладали боевым стажем. Фактически этим шагом не просто повышалась квалификация младших офицеров и командиров, но было положено начало массовому введению в специальность Генштаба в рядах РККА. Предполагалось открыть такие школы при каждом из фронтовых штабов, но полностью реализовать столь грандиозный проект не удалось. Аналогов подобным учебным заведениям, являвшимся промежуточной ступенью между военным училищем и академией Генштаба, у белых просто не было.

В целях подготовки высококвалифицированных специалистов в Советской России в годы Гражданской войны были реорганизованы Артиллерийская, Военно-инженерная, Военно-медицинская, Военно-морская и Военно-хозяйственная академии, открылся Военно-педагогический институт. Сроки обучения в этих вузах исчислялись не месяцами, а годами. Слушатели получали солидную подготовку. За годы Гражданской войны советские военные академии подготовили более 4500 выпускников¹.

Среди военспецов оказалось немало таких, кто сумел приспособиться к условиям и требованиям новой армии и даже сделал в ней стремительную карьеру. При отсутствии в Красной армии воинских званий карьера тогда определялась занимаемыми должностями. В период 1917–1922 гг. для быстрого должностного роста в Красной армии требовались личные качества и профессиональные умения, а также лояльность большевистской власти. Важную роль могла играть протекция со стороны того или иного партийного руководителя. Покровительственным и, в целом, доброжелательным отношением к военспецам среди большевистской элиты, например, известны Л.Д. Троцкий, С.И. Аралов (сам являвшийся бывшим офицером), М.В. Фрунзе. Впечатляющей карьерой за годы Гражданской войны могли похвастаться из числа бывших офицеров И.И. Вацетис, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, А.И. Корк, М.И. Василенко (успевший послужить в 1918–1919 гг. даже у белых на Восточном фронте), дослужившиеся до уровня главнокомандующих, командующих фронтами и армиями – высших постов в советской военной иерархии.

Несколько бывших офицеров стали членами высшего органа советского военного управления – Реввоенсовета республики. Среди них были бывшие полковники И.И. Вацетис и С.С. Каменев, бывший контр-адмирал В.М. Альтфатер, бывший подпоручик В.А. Антонов-Овсеенко, бывший штабс-капитан С.И. Аралов, бывший прапорщик Д.И. Курский, бывший мичман Ф.Ф. Раскольников. Таким образом, среди 23 членов РВСР было 7 военспецов (хотя к дезертировавшему еще в Русско-японскую войну Антонову-Овсеенко термин «военспец» может относиться весьма условно), или 30,4% всех членов РВСР, причем Вацетис, Каменев и Альтфатер, которые единственные из всех членов РВСР являлись действительно квалифицированными военспецами, оставались тогда беспартийными.

¹ *Коротков И. А.* История советской военной мысли: Краткий очерк. 1917 — июнь 1941. М., 1980. С. 30.

Военспецы участвовали практически во всех сферах строительства Красной армии. Немало военспецов нашли себя на службе в различных советских учреждениях, в том числе в военных комиссариатах. Неотъемлемой составляющей их деятельности была военно-педагогическая и военно-научная работа. В Гражданскую войну такая деятельность была еще и способом уклонения от прямого участия в братоубийственном конфликте при наличии стабильного места службы в тылу¹. Что касается военно-научной и военно-педагогической деятельности, заниматься этими вопросами военные специалисты могли успешнее, чем их оппоненты в антибольшевистском лагере. Связано это, прежде всего, с центральным положением Советской России. Именно в центре страны, в Москве и Петрограде, были сконцентрированы сохранившиеся от старой России военно-учебные заведения, главные военные библиотеки и архивы, существовала развитая полиграфическая база для издания научных трудов.

В Москве в 1918–1920 гг. издавался военно-научный журнал «Военное дело», на страницах которого печатались статьи как по актуальным событиям Гражданской войны, так и на военно-теоретические и военно-исторические темы, обобщался опыт Первой мировой, предоставлялась возможность для ведения острых дискуссий. Выпуск журнала и развитие военной мысли в РККА активно поддерживал председатель РВСР Л. Д. Троцкий. Журнал пользовался популярностью в среде военной интеллигенции и среди партийных военных работников. Дискуссии в журнале порой отличались немалой остротой. Показательно, что беспартийные военспецы на страницах журнала могли свободно полемизировать с большевистскими лидерами. Например, известный военный ученый бывший генерал А. А. Свечин в подзаголовке своей статьи «Милиция как идеал» указал «Критика тезисов Л. Троцкого»². Никаких негативных последствий для Свечина такая публикация не имела. Правда, Троцкий опубликовал в журнале свой ироничный ответ «Программа милиции и ее академический критик»³. Трудно представить, чтобы офицер в Российской империи мог спорить в таком ключе с военным министром и не поплатился бы карьерой. В этом отношении первые годы большевистской власти представляли куда большую свободу для творчества. В Советской России издавались и другие военные журналы, в том числе ориентированные на менее взыскательную и подготовленную аудиторию — строевых командиров и рядовых красноармейцев.

Целая плеяда военных специалистов трудилась в комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. при Всероссийском главном

¹ См., напр.: *Абинякин Р. М.* Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3–1 (37). С. 57–65.

² Военное дело. 1919. 07.04. № 11–12 (40–41). Стб. 436.

³ Военное дело. 1919. 01.09. № 25 (54). Стб. 806–811.

штабе. Одним из важных центров военно-научной мысли постепенно стала академия Генерального штаба РККА, в которой преподавали многие видные военные ученые. Академия также осуществляла свою издательскую деятельность.

Следует подробнее остановиться на вопросе нелояльности военспецов. Талантливые и популярные у красноармейской массы военачальники, обладавшие лидерскими качествами и харизмой вождей, вызывали обеспокоенность большевистского руководства, опасавшегося развития событий по бонапартистскому сценарию, когда на гребне революционной волны могла родиться военная диктатура. По этим причинам популярных военных руководителей старались устранять. В этом отношении показательна расправа большевиков с возглавившим 2-ю Конную армию бывшим войсковым старшиной Ф.К. Мироновым, арестованным по ложному обвинению и расстрелянным в тюрьме в 1921 г.¹

«Никто не может быть опаснее офицера, с которого сорвали погоны», — говорил коммунист Карл Радек². Опыт российской Гражданской войны подтвердил правоту этих слов. Многие офицеры, претерпев в 1917–1918 гг. невиданные прежде унижения, мечтали о реванше. Соответственно, в Красной армии не могли не возникнуть разнообразные подпольные антибольшевистские организации. В начале Гражданской войны такие организации были распространены едва ли не по всей территории Советской России. Современник отмечал, что «в январе 1918 года в России существовало множество контрреволюционных организаций, возглавляемых гражданскими и в основном военными лицами. По крайней мере десять офицеров из моего бывшего полка, живших в Москве, состояли в этих тайных организациях... Несмотря на всю конспирацию, большинство подобных организаций действовали крайне непрофессионально. Кроме того, в их рядах были предатели и шпионы... во всех этих тайных организациях витал дух романтики. Они могли существовать лишь до той поры, пока у большевиков не была налажена служба тайной разведки»³.

Вместе с тем на целом ряде ответственных постов в Красной армии оказались агенты белых. Крупным белым агентом являлся начальник штаба Северо-Кавказского военного округа, а позднее помощник командующего Южным фронтом бывший генерал-майор А.Л. Носович, осенью 1918 г. бежавший к донским казакам⁴.

¹ Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997. С. 22.

² Цит. по: Плутник А. Как Фейхтвангер грозил Гитлеру кулаком Сталина // Фанел. 1990: Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 287.

³ Литтауэр В. Русские гусары: Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006. С. 241–242.

⁴ Подробнее см.: Ганин А.В. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...»: Противостояние белых подпольщиков и И.В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7. С. 118–121; Он же. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34; Он же. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа

Значительную помощь Добровольческой армии оказал начальник управления по командному составу Всероссийского главного штаба (июнь – сентябрь 1918 г.) бывший генерал-лейтенант А.П. Архангельский¹. На белых работал и начальник оперативного управления Всероссийского главного штаба бывший генерал-майор С.А. Кузнецов. Еще одним видным белым подпольщиком был бывший генерал-лейтенант Н.Н. Стогов². 8 мая 1918 г. он стал первым начальником Всероссийского главного штаба – одного из высших органов управления зарождавшейся Красной армии. Серьезной фигурой в антибольшевистском подполье был начальник военно-статистического отдела и разведывательной части Всероссийского главного штаба и член комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела бывший полковник А.В. Станиславский. Через него руководство разведкой и контрразведкой в Советской России, хоть и не в полном объеме, некоторое время находилось в руках противников большевиков. В сентябре 1918 г. Станиславский бежал на Украину.

В период боев за Петроград осенью 1919 г. был разоблачен еще один белый агент – начальник штаба 7-й армии бывший полковник В.Я. Люндеквист. Первоначально его работа в пользу белых заключалась в передаче сведений о состоянии РККА. В сентябре 1919 г. он переправил в штаб Юденича план взаимодействия участников петроградского антибольшевистского подполья с наступающей Северо-Западной армией. Однако решения о вооруженном выступлении в Петрограде при максимальном продвижении армии генерала Н.Н. Юденича к «колыбели революции» 20–21 октября 1919 г. он так и не принял. Уже в ноябре 1919 г. Люндеквист был арестован, а в январе 1920 г. расстрелян³.

Белые подпольщики активно действовали в штабе 2-й советской Украинской армии, которой командовал бывший штабс-капитан А.Е. Скачко. При содействии начальника штаба группы войск сумского направления бывшего подполковника А.И. Парва белые летом 1919 г. взяли Полтаву, а управление войсками Сумской группы красных оказалось доведено до того, что большевикам пришлось оста-

в августе 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10). С. 32–51; *Он же*. И.В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // «Гороховая, 2». СПб., 2017. (Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения; вып. 15). С. 190–199; *Он же*. Воспоминания генерала А.Л. Носовича о работе белого подполья в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017. С. 89–98; *Он же*. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 67–77.

¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 291–291об.; *Орехов В.* Кончина генерала Архангельского // Часовой (Брюссель). 1959. Децембарь. № 404. С. 4.

² Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 644–694; *Он же*. «Уходили мы из Крыма среди дыма и огня...»: Неизвестные факты из жизни белого генерала Николая Стогова — коменданта Севастополя, последним покинувшего город 95 лет назад // Родина. 2015. № 11. С. 36–39.

³ *Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 412–416.

вить город Сумы. Затем Парв уехал в командировку в Киев и скрывался до прихода белых. Другой белый подпольщик, бывший подполковник Н.Ф. Соколовский, дослужился у красных до поста помощника начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР¹. Разумеется, это лишь отдельные, наиболее известные подпольщики в рядах военспецов. Но даже крупные успехи белых агентов не смогли переломить ход Гражданской войны в пользу антибольшевистских сил. Одиночки не могли перебороть систему планомерно создававшейся Красной армии.

По всей видимости, наиболее крупной подпольной организацией был «Национальный центр». Один из руководящих работников ВЧК В.Р. Менжинский отмечал по итогам ее раскрытия, что «связи организации в военном ведомстве были громадны, белогвардейцы фактически распоряжались Главным управлением [военно-]учебных заведений, Главным военным инженерным управлением, Центральным управлением военных сообщений и штабом железнодорожных войск (обороны). Очень сильные связи у них были во Всероглаштабе, в Московском окружном штабе, Главном артиллерийском управлении, в Военно-законодательном совете и др.»². Впрочем, подобную оценку следует считать преувеличенной, поскольку изъятые при разгроме подполья документы свидетельствовали об отсутствии у подпольщиков выходов на крупных штабных работников, а добытые материалы, в большинстве своем были запоздалыми, малоценными или неточными³. Не способствовало успехам и поразительное непонимание руководителями подполья сущности большевизма. Так, генерал Стогов в своих рассуждениях о красных не шел дальше того, что они были представителями мирового еврейского заговора⁴.

Как уже отмечалось, массовый характер имело и дезертирство военспецов. По всей видимости, счет бежавших из РККА шел на тысячи. В итоге борьба с персональным предательством была обозначена на первом съезде Особых отделов в декабре 1919 г. как наиболее приоритетное направление деятельности этих органов⁵. Разумеется, не все офицеры желали вести двойную игру. Так, авторитетный генерал П.А. Лечицкий на предложение товарищей вступить в РККА, привлечь офицерские массы и затем этим воспользоваться в антибольшевистских целях бросил фразу: «Нам не по пути»⁶.

Как и в Белом движении, в белом подполье тоже не было единства, а белое командование скептически оценивало работу подпольщиков. Генерал

¹ Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

² Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа “Весна”, 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 35.

³ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 276–280.

⁴ НИА. Vrangeli collection. Box 39. Folder 1.

⁵ Архив ВЧК: Сб. док. М., 2007. С. 129.

⁶ Цит. по: Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 357.

А.И. Деникин отметил впоследствии, что «лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред... Работа эта проявлялась в разрозненных вспышках, восстаниях, покушениях, в переходе на сторону “белых армий” и т. д. Свидетельствуя о высоком самоотвержении участников, эти факты имели тем не менее эпизодический характер, мало отражаясь на общем ходе событий»¹.

Измены не поколебали и позицию Троцкого в отношении военспецов. Он отмечал: «У нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом со стороны офицеров, занимавших менее видные посты. Но у нас редко говорят о том, сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава, из-за того, что командир полка не сумел наладить связь, не выставил заставы или полевого караула, не понял приказа или не разобрался по карте. И если спросить, что до сих пор причинило нам больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ»².

Способом ухода военспецов от действительности стало пьянство, позволявшее на время забыть о комиссарах и чекистах, отвлечься от воспоминаний об утраченной прежней жизни. Длительные запои целых штабов не были редкостью. Широкою огласку приобрел инцидент с двухнедельным пьянством командующего 14-й советской армией И.П. Уборевича и члена РВС Г.К. Орджоникидзе в 1920 г., когда приводить в чувство незадачливых военных работников пришлось самому В.И. Ленину³. О пьянстве главкома И.И. Вацетиса вспоминал его товарищ по службе бывший генерал А.Л. Носович, бежавший из Красной армии осенью 1918 г.: «В первый же день Вацетис пригласил меня обедать в штаб. Надо сказать, что встретил он меня обращением на “ты”, и вместо доклада мы дружески болтали. Во время закуски и обеда я был все время в центре его внимания. “Ну, брат, теперь выпьем... А что же теперь нам, военным, осталось, как не женщины, выпить, хорошо поесть и воевать...”»⁴

Пьянствовали и работники штаба 1-й Конной армии, причем дело зашло настолько далеко, что начальника штаба армии бывшего капитана В.А. По-

¹ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 548.

² Троцкий Л. Военные специалисты и Красная армия // Военное дело. 1919. 21.01. № 2 (31). С. 67.

³ В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 317.

⁴ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843 (1) (7) (3). Vox 1. Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Ч. 3. Гл. 3. С. 112.

гребова 1 января 1920 г. командарм С.М. Буденный отрешил от должности. Военспец был предан суду Реввоентрибунала республики. Погребов обвинялся «в появлении в нетрезвом виде на службе, в систематическом пьянстве, в небрежном отношении к своим обязанностям и в том, что, будучи наштармом¹, он, не обхватив обстановку боевых действий фронта и обязанный надблести за передвижением штаба, не только не разработал плана перевозки штарма², но и не учел необходимого количества паровозов, вследствие чего не только штаб оказался оторванным от отдела снабжения, но и фронт»³. Неоднократно в пьяном виде Погребов пускал в ход кулаки. По словам члена РВС 1-й Конной армии Е.А. Щаденко, «Погребов часто напивался пьяным, буйствовал на глазах красноармейцев, “вводил режим мордобойства” и подчиненных ему лиц “приучал пьянствовать вместе с собою”... беспробудное пьянство начальника штаба вместе со своими подчиненными вредно отражалось на работе всего штаба; приказы, в том числе и оперативные, систематически задерживались, и связь “всегда отсутствовала”. По отношению к военкомам Погребов, по словам т. Щаденко, “был грубо циничен и не стеснялся не только обрывать их в пьяном виде, но часто выбрасывать из квартир и бить”»⁴. В итоге Погребова лишили свободы на три месяца с последующей отправкой в штрафную часть на полгода и лишением права занимать командные и административно-хозяйственные посты по 1 января 1922 г.⁵ Впрочем, уже 1 мая его амнистировали с лишением свободы на год условно.

Получили распространение и наркотики. Так, командующий 2-й советской армией В.И. Шорин, а также некоторые работники штаба армии в 1919 г. посещали проституток и кокаинисток Н.С. Соловьеву и Е.И. Сурконт, у которых также бывали агенты белых. Отрицательное влияние этих увлечений армейского руководства на штабную работу было ощутимым – Шорин и член РВС В.И. Соловьев стали реже появляться на службе, вызывая себе вели, компрометировали советскую власть, бывая со своими спутницами в общественных местах, а Соловьев даже попытался из-за женщины покончить с собой и получил ранение. По данным следствия, Сурконт угощала кокаином и легендарного начальника 28-й стрелковой дивизии В.М. Азина, из-за чего «до того времени цветущий и здоровый человек... стал совершенно больным»⁶. Ранее Сурконт якобы сожительствовала с главнокомандующим Восточным фронтом М.А. Муравьевым.

Ради пользы дела большевики готовы были мириться даже с отдельными способными военспецами, замешанными в коррупционных делах. Таким

¹ Начальником штаба армии.

² Штаба армии.

³ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 431. Л. 4–4об.

⁴ Там же. Л. 66об.

⁵ Там же. Л. 77.

⁶ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 148. Л. 6об.

незаменимым человеком, к примеру, являлся бывший штабс-капитан начальник Центрального управления военных сообщений РККА М.М. Аржанов, который успешно обеспечивал работу военных перевозок в Гражданскую войну. В то же время Аржанов допускал в работе значительные имущественные злоупотребления своим служебным положением¹.

Представление о характере службы бывших офицеров в Красной армии в разгар Гражданской войны дает официальная диаграмма распределения убыли летчиков из красного военно-воздушного флота в 1918–1919 гг. Всего из рядов советской авиации за это время выбыли 554 летчика. Из них 56 разбились насмерть, 59 пропали без вести, 92 получили ушибы и увечья, 18 умерли от ран, 15 были уволены по болезни, 63 дезертировали, 43 попали в плен, 92 арестованы, 39 перебежали и перелетели к противнику, 9 расстреляно, 68 выбыли по разным причинам². Суммарно дезертировали, перебежали и перелетели к противнику 102 человека. Если суммировать с пленными, то 26,2% по тем или иным причинам оказались в лагере противника или сбежали от большевиков, 13,4% погибли или умерли от ран, 19,3% оставили службу из-за ранений и болезней, 16,6% были арестованы, 1,6% были расстреляны. К началу 1920 г. в строю оставалось только 378 летчиков³. Таким образом, до 44,4% потерь были связаны с пленом, дезертирством и репрессиями. Как уже отмечалось, дезертировать летчикам было сравнительно легко.

30 мая 1920 г. в центральных советских газетах было опубликовано воззвание бывшего генерала А.А. Брусилова и ряда других старых генералов «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» с призывом сплотиться в борьбе с внешним врагом, забыть старые обиды и вступать в Красную армию для защиты России от наступления поляков. Там были пронзительные слова: «В этот критический, исторический момент нашей народной жизни мы, Ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к Вашим чувствам любви и преданности к Родине и взываем к Вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их Вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской рабоче-крестьянской России Вас ни назначило»⁴.

Воззвание произвело фурор в стране и за ее пределами. Его читали, обсуждали, хвалили и проклинали, а кто-то не мог сдержать слез⁵ — ведь более двух лет офицеры в Советской России находилось на положении изгоев. Документ сыграл немаловажную роль в привлечении еще колебавшихся

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Незаменимый коррупционер. Страницы биографии главного военного железнодорожника Советской России // Родина. 2012. № 3. С. 110–116.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1047. Л. 67.

³ Там же. Л. 69.

⁴ Правда. 1920. 30.05. № 116. С. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 170. Л. 3.

офицеров в Красную армию. Тем более что 2 июня было подписано, а на следующий день опубликовано сообщение СНК об амнистии тех бывших офицеров, кто поможет скорейшей ликвидации белых и победе Советской России¹. Однако это был лишь способ патриотического заигрывания с офицерством. Многие белые офицеры, поверившие этому воззванию и сдавшиеся большевикам, оказались репрессированы.

О настроениях офицерства в то время красноречиво свидетельствует высказывание одного из военспецов после разгрома Деникина в кругу бывших офицеров, в том числе недавних белогвардейцев: «Нет, не деникинцы соберут русскую землю... мы соберем... Увидите, скоро пойдем за Грузией и Арменией»². Эти прогнозы вскоре сбылись.

Такие настроения ярко выразил великий князь Александр Михайлович Романов: «Когда ранней весной 1920-го я увидел заголовки французских газет, возвещавшие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я забыл про то, что и года не прошло со дня расстрела моих братьев. Я только и думал: “Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от ее западных рубежей!” Я не осмелился выражаться открыто, но, слушая вздорную болтовню беженцев и глядя в их лица, я всей душою желал Красной армии победы... Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке»³. Пророчество великого князя сбылось раньше, чем он предполагал.

Похоже свидетельство белого офицера, захваченного красными в августе 1920 г.: «Наполовину серьезно, наполовину шутя говорили в армии во время ожидания посадки на корабли в Новороссийске, что мы поменялись с красными ролями и что они дерутся за “Единую Неделимую”, а мы, признающие всякие государственные новообразования, только вредим но-

¹ Правда. 1920. 03.06. № 118. С. 1.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 381 а. Л. 18.

³ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2001. С. 407–408.

вым «Иванам Калитам»... Все это слышанное подкреплялось воззванием Брусилова, обращенным к нам»¹.

Удивительно схожие суждения высказал и видный советский военачальник бывший капитан Б.К. Колчигин, ставший в 1944 г. генерал-лейтенантом Красной армии. В Гражданскую войну наряду с орденом Красного Знамени Колчигин носил и ленточку лейб-гвардии Литовского полка. В 1920 г. он изложил свои взгляды врачу Л.А. Зильберу: «Знаете, доктор... я не политик, и я ничего в политике не понимаю, но я русский человек, и, конечно, мне очень дороги интересы моей страны. Большевики — они же собиратели земли Русской, продолжатели великого дела Ивана Калиты. Ну что было бы с нашей страной без большевиков? Англичане оттяпали бы Кавказ, японцы — Приморье. Вряд ли сохранились бы в неприкосновенности западные границы. Обкорнали бы нашу матушку Русь. А большевики-то всю нашу землю собирают. Вот поэтому я и с большевиками. А с политикой как-нибудь дальше разберемся»². Зильбер прокомментировал эти слова своими впечатлениями: «Он говорил очень искренне и убежденно, и я нисколько не сомневался, что именно эти мотивы побуждали его так энергично сражаться в рядах Красной армии»³. Далее беседа зашла об униформе Красной армии и о знаменитых шлемах красноармейцев и «разговорах» на шинелях, которые ассоциировались у Колчигина с одеянием средневековых русских ратей. Будущий советский генерал заключал, что РКП(б) является «политической партией русского народа»⁴.

К концу Гражданской войны комсостав Красной армии пополнился бывшими офицерами из белых и национальных армий, которые также были умело использованы в своих интересах советским руководством. К 1 января 1921 г. таких было около 12 тысяч человек, или 5,53% комсостава РККА⁵. В 1921 г. на учет было принято еще 2390 бывших белых офицеров. Среди этой категории военспецов оказались будущие Маршалы Советского Союза И.Х. Баграмян (бывший прапорщик) и Л.А. Говоров (бывший подпоручик).

После пленения такие офицеры ставились на особый учет (местный и центральный — в штабах округов и армий и во Всероссийском главном штабе соответственно), в обязательном порядке подвергались обработке на специальных ускоренных курсах политической подготовки (каждые курсы на 1000 человек) и призывались в армию, причем во избежание проблем служить должны были не на том фронте, где попали в плен. Например, перебежчики из Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича в декабре 1919 г.

¹ Рыхлинский В.А. Плен и побег // Военная быль (Париж). 1964. № 68. С. 39.

² Зильбер Л.А. Записки военного врача // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей» (Москва). 1968. Т. 5. С. 308.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45об.

отправлялись служить на Восточный фронт¹. Особый учет бывших белых офицеров вводился приказом РВСР № 1728/326 от 4 сентября 1920 г. Такой учет являлся формой контроля бывших белых офицеров.

Вот что вспоминал ветеран Отдельной Оренбургской армии полковник Н. Н. Лесевицкий, позднее попавший в РККА: «Отношение было чисто братское... Я да и все мы должны были быть и были поражены и изумлены властью зверей и насильников, какими мы представляли себе большевиков, людей, которые наслаждаются видом крови и залили ею Россию; мы встретили великодушного противника, сразу забывшего все наши вины и давшего почти каждому из нас возможность работать. Арестованы и препровождены в центр были очень немногие из нас, и то исключительно люди, так или иначе причастные к контрразведке...»²

Продуманностью отличались и другие вопросы в отношении пленных. Например, общее число бывших белых офицеров в одной части не должно было превышать 15% наличного состава. Запрещалось назначать офицеров на службу в ту местность, где произошло пленение или добровольная сдача, предписывалось также избегать назначений по месту рождения или постоянного жительства³. Особо отмечалось, что недопустимо отступать от этого принципа в отношении казаков. В течение первого года службы бывшие белые офицеры не имели права пользоваться отпуском, но в остальном обладали теми же правами, что и прочие командиры. По истечении года службы, если не происходило каких-либо эксцессов, они снимались с особого учета и далее уже могли продолжать служить на общих основаниях.

Перешедшие к красным бывшие белые офицеры порой недоумевали по поводу того, почему продолжают воевать с красными их прежние сослуживцы. Примечателен монолог на эту тему бывшего деникинского офицера, ставшего военспецом, адресованный пленному врангелевскому офицеру: «Одного не понимаю... чего вы деретесь? Вас постоянно бросают на произвол судьбы начальники, когда плохо, а сами эвакуируются... То же самое было со мною под Одессой, когда я служил у Деникина... Попал к красным... И я на офицерском положении. Это не то, что быть рядовым, как вы служили у себя в белой армии. Есть вестовые, отдельная столовая, дисциплина в армии строгая... Чего же вам более? Впрочем, сами увидите, когда будете служить. В расстрелы не верьте, это было когда-то»⁴.

Очевидна личная заинтересованность бывших белых офицеров, ставших военспецами, в демонстрации своей лояльности советской власти и добросовестной службе. Тем более что они могли наблюдать и иные варианты развития событий — аресты и расстрелы их товарищей. Однако в совет-

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 567.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 180. Л. 330, 338–339.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 34об.

⁴ Рыхлинский В. А. Плен и побег. С. 40.

ском руководстве сохранялось предубеждение против бывших офицеров в принципе, не говоря о бывших врагах. Поэтому от белогвардейцев старались избавляться. В результате увольнений в Красной армии было оставлено только 1975 бывших белых офицеров, что составило 2,3% командного состава. Из этого количества 33,3% не подлежали увольнению, так как являлись высококвалифицированными специалистами. В белом лагере подобное внимательное отношение к пленным военспецам и их активное и массовое использование на ответственных постах было невозможно. Бывшие белые офицеры были источником постоянного беспокойства советских органов госбезопасности. Для контроля над ними проводились неоднократные регистрации, неучастие в которых было уголовно наказуемо. В 1924–1927 гг. было проведено снятие бывших белых офицеров с особого учета, фактически ставшее новой перерегистрацией.

Тревожным сигналом для военспецов, даже не служивших у белых, стал приказ Реввоенсовета республики № 2112 от 25 сентября 1921 г., подписанный Э.М. Складским: «В Красной армии в отличие от армий капиталистических государств не может быть классового различия между командным составом и рабоче-крестьянской красноармейской массой, и поэтому наиболее ценными являются те лица командного и административного состава, которые самим происхождением своим не отличаются от нее; из числа же вышедших из буржуазных классов могут быть оставляемы на командных и административных должностях только те, кто долгой службой, особенно на боевых фронтах, доказали свою преданность рабоче-крестьянской власти»⁵. Фактически декларировался курс на вычищение ставших не столь нужными после завершения широкомасштабной Гражданской войны «бывших» из армии.

По данным отчета наркомата по военным и морским делам за 1921 г., образовательный уровень командного состава Красной армии был следующим (табл. 1).

К 1921 г. 41,5% комсостава не были подготовлены для занятия командных должностей, не имели военного образования или же обладали квалификацией в объеме учебной команды. Такова была цена создания массовой армии.

⁵ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 186. Л. 29об.

Таблица 1

Образовательный уровень комсостава РККА на 1921 г. (в %)¹

Разряды должностей	Окончили академию Генерального штаба	Бывшие кадровые офицеры	Бывшие офицеры военного времени	Окончили академию Генерального штаба РККА	Окончили командные школы и командные курсы РККА	Окончили учебные команды и не получившие военного образования
Высший комсостав	3,26	29,69	38,02	1,79	6,29	17,21
Старший комсостав	0,42	12,26	45,26	0,18	15,50	24,10
Весь комсостав (до командиров взводов включительно)	0,28	3,71	24,99	0,11	26,17	41,55

Если исходить из данных, которыми пользовались составители отчета (в частности, в документе отмечено, что бывших генштабистов в РККА служило 407), хотя они противоречивы, можно попытаться перевести проценты в абсолютные цифры. Получается, что к этому времени в РККА должны были служить около 5,4 тысячи бывших кадровых офицеров и около 36,3 тысячи бывших офицеров военного времени. Итого 41,7 тысячи бывших офицеров.

Коммунистов в высшем комсоставе в 1921 г. было 41,1%. Всего в 1920 г. партийного комсостава насчитывалось лишь 10,5%. Интересно, что никто из военспецов, занимавших высшие посты в РККА того времени, не был партийным. Беспартийными были и М. Д. Бонч-Бруевич, и главкомы И. И. Вацетис и С. С. Каменев (вступил в партию только в 1930 г.), и начальники Полевого штаба РВСР Н. И. Раттэль, П. П. Лебедев и Ф. В. Костяев, и многие другие, усилиями которых была достигнута победа красных в Гражданской войне. В то время членство в партии еще не воспринималось как необходимость для продвижения по службе или укрепления своего положения.

К началу 1922 г. комсостав РККА сократился более чем вдвое. Данные о командном и административном составе РККА за 1922 г. следующие (табл. 2).

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 46.

Таблица 2

Командный и административный состав РККА в 1922 г.¹

Год рождения	Число лиц	%
1850–1854	1	0,001%
1855–1859	—	—
1860–1864	49	0,054%
1865–1869	90	0,098%
1870–1874	215	0,233%
1875–1879	363	0,394%
1880–1884	1102	1,086%
1885–1889	4288	4,702%
1890–1894	12 508	13,549%
1895–1899	52 520	56,921%
1900–1904	21 182	22,946%
1905	14	0,016%
Итого	92 332	100%

Согласно таблице 2, комсостав Красной армии был очень молодым — 93,4% командно-административного состава РККА в 1922 г. находились в возрасте 18–32 лет, в том числе около 57% в возрасте 23–27 лет. По данным отчета Наркомата по военным и морским делам, в 1922 г. в РККА числилось: 4710 кадровых офицеров, получивших образование до 14 июля 1914 г., 16 592 офицера военного времени, 39 896 командиров без военной подготовки, 220 выпускников военных академий², 2372 выпускника высших школ, 12 752 выпускника школ и курсов комсостава³. Из этих данных следует, что в конце Гражданской войны военных специалистов оставалось не более 23% комсостава (по другим данным — 27,7%⁴).

Доля бывших офицеров в командном составе РККА постепенно снижалась. Если в 1918 г. они представляли 75% комсостава, то в 1919 г. — уже 53%, в 1920 г. — 42% и в конце 1921 г. — 34%. У этого процесса были объектив-

¹ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925. С. 91 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167).

² Эти данные не соответствуют действительности. В «Списке лиц с высшим общим военным образованием» к 1 августа 1922 г. приведены поименные данные на числившихся в РККА 559 выпускников военных академий, а также 23 переведенных в Генштаб или причисленных к нему, в том числе без обучения в академии (см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 84).

³ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 92 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167).

⁴ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1924. Т. 3: Тысяча девятьсот двадцать первый — третий годы. кн. 1. С. 276.

ные (подготовка новых кадров красных командиров, преклонный возраст некоторых военспецов) и субъективные причины (вычищение из командно-начальствующего состава «классово чуждых» элементов и репрессии). Некоторые бывшие офицеры в 1920-е гг. легально и нелегально уехали из Советской России за рубеж.

Сокращение происходило в том числе вследствие давления на военно-политическое руководство СССР со стороны красных командиров, стремившихся занять руководящие посты и вытеснить «бывших». В феврале 1923 г. слушатель Военной академии РККА, латышский стрелок и кавалер ордена Красного Знамени бывший прапорщик В.Р. Розе обратился к К.Е. Ворошилову: «Я глубоко убежден, что политика нашей партии по отношению Кр[асной] армии совершенно устарела¹. Если политика “ставка на старого командира” (от капитанов до генералов включительно) будет продолжаться, то считаю, что мы будем иметь армию за “единую” и “неделимую”, а не за советскую власть. Далее, я глубоко убежден, что до тех пор, пока во главе армии не будут свои люди (я понимаю, начиная с главкома), до тех пор разложение будет продолжаться.

Считаю для оздоровления и создания крепкой, боевой Красной армии необходимым:

1) Взять резкую политику в пользу красного ком[андного] состава...

Далее: Требуется создать крепко спаянную, резко выраженную организацию классового ком[андного] состава – это будет тот остов, который поведет в бой те крестьянские массы, для которых будут непонятны цели международной, партийной политики. Они не пойдут², а их нужно будет вести³ в бой.

Если [к] этому времени не будет своей организации ком[андного] состава, то, имея в виду, что в армию в случае мобилизации вольются 15–20 тысяч белого ком[андного] состава, то считаю, что наше дело будет весьма плохо.

Кончаю и уверен, тов. Ворошилов, что Вы примете резко нашу сторону и поведете борьбу за лозунг “Равнение на красн[ый] ком[андный] состав сверху⁴ донизу”... Толчок активным действиям по этому вопросу я лично получил на совещ[ании] воен[ных] делегатов после заявления Антонова-Овсеенко, что почти половина ком[андного] состава в армии против сов[етской] власти»⁵. На эту записку Ворошилов наложил резолюцию о необходимости посоветоваться с И.В. Сталиным.

Непростые взаимоотношения двух групп комсостава вылились в коллективное письмо 14 командиров РККА в ЦК партии от 10 февраля 1924 г. Этот документ также встретил энергичную поддержку у Сталина, распоря-

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, подчеркнуто К.Е. Ворошиловым.

² Подчеркнуто автором записки.

³ Подчеркнуто автором записки.

⁴ Подчеркнуто автором записки.

⁵ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 104. Л. 69об.–70об.

дившегося его растиражировать. Среди прочего командиры писали: «Все заслуженные, выхоленные выходцы из буржуазного и аристократического мира, бывшие идейные руководители царской армии — генералы остались на своих местах, а иногда даже с повышением. Контрреволюционеры и идейные руководители белогвардейщины, вешавшие и расстреливавшие сотнями и тысячами пролетариат и коммунистов в период Гражданской войны, опираясь на поддержку своих старых товарищей по царской академии или родственные связи со спецами, засевшими в наших главках или управлениях, свили себе прочное, хорошо забронированное осиное гнездо в самом сердце Красной армии, ее центрально-организационных и учебных аппаратах»¹.

Против военспецов был направлен и доклад бюро ячеек Военной академии РККА от 18 февраля 1924 г., вполне естественно встретивший поддержку у Сталина. Не исключено, что все эти коллективные обращения были инспирированы сторонниками Сталина. В докладе с тревогой говорилось, что «количество бывших офицеров Генерального штаба по сравнению с количеством их в армии во время Гражданской войны значительно увеличилось»². Авторы доклада выражали обеспокоенность сплоченностью спецов и доминированием в военно-учебных заведениях их взглядов (например, о национальных, а не классовых войнах), отравляющих классовое сознание слушателей. Иронически отмечалось, что красные генштабисты до сих пор не получили «санкции спеца на руководство вооруженной силой»³.

Из Ленинградского военного округа в марте 1924 г. в адрес ЦК пришел коллективный ответ на «письмо четырнадцати», в котором, между прочим, было сказано о недостаточности работников Генштаба в рядах РККА и о том, что еще не настал тот момент, когда в деле строительства Красной армии можно было бы отказаться от помощи военных специалистов («придет время, когда их нужно будет выбросить»⁴, — лексика, вполне характеризовавшая отношение к военспецам), в первую очередь, в связи с недостаточным уровнем подготовки так называемого пролетарского комсостава. Ленинградцы прямо заявили, что «в период Гражданской войны мы руководили операциями далеко не в соответствии со строгими требованиями стратегии и тактикой... далеко не всегда успех в боях относился на счет наших познаний»⁵. Видимо, речь шла и о том, что многие победы были, прежде всего, заслугой военспецов. В отношении их идеологического влияния авторы отклика полагали, что бояться этого не нужно, а необходимо устранить такое влияние, сведя работу военных специалистов к узко профессиональным вопросам.

¹ Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. (Вестник Архива Президента Российской Федерации). С. 86–87.

² Там же. С. 93.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Там же. С. 106.

В 1924 г. была осуществлена масштабная «чистка» комсостава, в результате которой из РККА были уволены до 8000 человек¹. Разумеется, среди них было немало «бывших». После этих преобразований РККА перешла к практике единоначалия, поскольку считалось, что командный состав уже не нуждается в контроле комиссаров.

На 1 февраля 1927 г. среди 45 347 человек комсостава РККА оставалось 9005 бывших офицеров, в том числе 503 выпускника академий старой России, 2006 выпускников военных училищ мирного времени и 6496 бывших офицеров военного времени. 2563 бывших офицера прошли подготовку и переподготовку в рядах РККА, окончив академии, различные школы и курсы. В административном составе «бывших» насчитывалось 1028 из 8974 человек, а в политическом составе — лишь 85 из 11 489 человек (столь низкий показатель, вероятно, обусловлен тем, что в данном случае в расчет принимались только кадровые офицеры)². Интересно, что на 1927 г. уже 39,6% командного состава РККА не участвовали в Гражданской войне³.

На 1 января 1929 г. бывшие офицеры составляли 5,3% среднего (в том числе 1,4% кадровых офицеров), 48,2% старшего (в том числе 18,1% кадровых) и 73,7% высшего (в том числе 55,2% кадровых) командного состава РККА⁴. Большинство «бывших» составляли офицеры военного времени. Численность командиров, получивших военное образование только в старой армии, в сравнении с 1923 г. сократилась с 52,2 до 8,8%⁵. Многие бывшие офицеры прошли подготовку и переподготовку в военных школах РККА. При этом «бывшие» в массе сохраняли традиционную аполитичность, о чем свидетельствовал сравнительно невысокий процент членов и кандидатов в члены партии в их среде.

По данным на 10 февраля 1931 г., в сухопутных и военно-воздушных силах, а также в центральном аппарате было 6328 бывших офицеров, в том числе 1055 кадровых и 122 бывших белогвардейца или 12,5% начальствующего состава⁶. Процент военспецов в высшем командном составе был существенно выше, доходя до 67,6 в сухопутных войсках⁷. В секретном издании

¹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 92. Л. 21об.

² Там же. Л. 19–19об.; *Рогова Е. М.* Некоторые аспекты политики Советской власти в отношении военных специалистов и «бывших» белых во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. // *Белая армия. Белое дело* (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 123.

³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 92. Л. 21об.

⁴ *Советская армия: годы реформ и испытаний: [в 2 т.]*. М., 2018. (Вестник Архива Президента Российской Федерации). Т. 1. С. 27.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ *Александров К. М.* Драма военспецов // *Родина*. 2011. № 2. С. 38.

⁷ Имеются и другие данные. Так, по материалам секретного издания Главного управления РККА, к 1 января 1930 г. бывшие офицеры составляли 10,6% начальствующего состава (в том числе 14,1% командного состава и 9% административного состава). Самый высокий процент был в высшем комсоставе — 65,9, в старшем — 41,6, в среднем — 4,4. Из этих материалов ясно и то, где концентрировались военспецы: в высшем комсоставе сухопутных частей «бывшие» составляли 74,1%,

Главного управления РККА «Характеристика личного состава РККА» с удовлетворением отмечалось, что «на данном этапе этот контингент начальствующего состава представляет собой ценную, испытанную как в боях, так и в трудностях мирного строительства часть всей РККА и Флота. Очищенный в период 1921–24 гг. от случайно попавшего в ряды РККА и, зачастую, чуждого ей элемента, переподготовленный в ВУЗах Красной армии, “бывший офицер” занимает на фронте мирного строительства полноправное положение руководителя и воспитателя красноармейских масс»¹. Впрочем, ценность «бывших» не спасла их от чисток и репрессий.

Советские органы госбезопасности обладали исчерпывающей информацией о положении и взаимоотношениях бывших офицеров в СССР. В их среду активно внедрялась секретная агентура из таких же военспецов. Органами госбезопасности для служебного пользования издавались книги учета бывших белых офицеров (к примеру, лишь одна такая книга, подготовленная в 1931 г. ГПУ УССР, содержала сведения на 21 тысячу офицеров и военных чиновников²). Как и до революции, офицеры в СССР оказались связаны круговой порукой. Если до 1917 г. она проявлялась в корпоративном духе офицеров, в их многовековых традициях и принципах, то теперь такая порука была им навязана извне, органами госбезопасности и режимом, и сводилась к необходимости доносить обо всем подозрительном. Фактически органы ОГПУ — НКВД переложили немалую часть своей работы на тех, кого сами должны были контролировать.

Положение бывших офицеров в Советской России и СССР оставалось крайне сложным. Те, кто не служил в РККА, как лица непролетарского происхождения подвергались поражению в правах и преследованиям — изгонялись с работы или из учебных заведений. Не все смогли найти себя в новых условиях. Многие опускались и спивались. Однако некоторые сумели проявить таланты и приобрести известность. Среди них, к примеру, бывшие офицеры военного времени, ставшие писателями: В.В. Бианки, Б.В. Житков, М.М. Зощенко, В.П. Катаев³.

Массовые репрессии 1930-х гг. (дело «Весна» 1930–1931 гг. и Большой террор второй половины 1930-х гг.) нанесли тяжелый удар по бывшим офицерам, немалая часть которых была уволена из армии, необоснованно арестована и расстреляна. Жертвами репрессий стали многие из тех, кто

в старшем — 45,1%, в комсоставе центрального аппарата их было 52,2%, в комсоставе окружного аппарата — 51,5%, в военно-учебных заведениях — 31,6%, в прочих учреждениях и заведениях — 23,4% (Характеристика личного состава РККА. М., 1931. Кн. 2: Кадровый начальствующий состав РККА. С. 30–31, 42; РГВА. Ф. 37837. Оп. 1. Д. 11. Л. 13об., 14, 19об.).

¹ Там же. С. 32 (Л. 14об.).

² Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011. Т. 1.

³ *Абинякин Р.М.* «За рюмкой водки мы коснулись ряда политических вопросов...»: Настроения бывших офицеров в Советской России и СССР в 1920–1930-е гг. // Родина. 2015. № 9. С. 111.

внес наиболее весомый вклад в создание Красной армии и в ее победу в Гражданской войне (И.И. Вацетис, А.И. Геккер, А.И. Егоров, А.И. Корк, Н.И. Раттэль, А.А. Свечин, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич и многие другие).

После чисток в Красной армии оставались на службе более 2000 бывших офицеров. Те, кто продолжал служить в армии, приняли участие в Великой Отечественной войне, внося свой посильный вклад в дело победы над нацизмом. Отметим, что среди Маршалов Победы бывшими офицерами являлись А.М. Василевский, Л.А. Говоров, Ф.И. Толбухин и Б.М. Шапошников.

Военные специалисты сыграли важнейшую роль в создании и укреплении Красной армии. Благодаря их деятельности Красная армия сохранила преемственность от старой русской армии. Наличие среди военспецов многих высокообразованных офицеров способствовало повышению интеллектуального уровня Красной армии. Несмотря на трудное существование в советских условиях, недоверие, репрессии, военспецы сумели передать свои знания и опыт следующим поколениям советских командиров, что в конечном итоге способствовало как победе в Великой Отечественной войне, так и превращению Советской армии в самую грозную вооруженную силу в мире в послевоенный период.

Глава 5

Офицеры в Белом движении на Юге России

Наиболее мощным антибольшевистским фронтом Гражданской войны стал фронт, постепенно возникший на Юге России. Именно здесь в начале 1919 г. в единую структуру соединились разнородные вооруженные формирования. Очевидно, что этот фронт привлек и наибольшее количество офицеров, стремившихся бороться с красными. Офицерство белых формирований Юга России было неоднородным и по своему социальному составу, и по политическим взглядам. Разумеется, были у этих людей и общие качества, и особенности.

В конце 1917 г. противники большевиков, жаждавшие активной борьбы, бежали с фронтов или из центра страны на Дон, где генерал М. В. Алексеев формировал Добровольческую армию. Наиболее мотивированное и сплоченное идейное ядро и руководство этой армии составили почти исключительно участники не удавшегося в августе 1917 г. выступления генерала Л. Г. Корнилова, арестованные в городе Быхов (рядом со Ставкой в Могилеве, где многие прежде служили) и бежавшие оттуда в ноябре на Юг.

Добровольческая армия, ставшая основой антибольшевистских формирований Юга России, была создана несколькими группами офицеров Генерального штаба, сложившимися еще до большевистского переворота. Основу армии составила организация генерала М. В. Алексеева. Второй организационной составляющей стала группа офицеров – участников выступления генерала Л. Г. Корнилова, позднее оказавшихся в заключении в Быхове и выпущенных оттуда по приказу генерала Н. Н. Духонина. Разными путями они пробрались из Быхова в Новочеркасск, где с ноября 1917 г. под прикрытием донской казачьей власти во главе с атаманом, генералом от кавалерии А. М. Калединым начали формировать новую армию. Каледин, Алексеев и Корнилов образовали своеобразный триумвират вождей, руководивших антибольшевистским движением на Юге России в конце 1917 – начале 1918 г. Расчет М. В. Алексеева на возможность возрождения страны с Дона и Кубани оказался верным, именно южнорусское Белое движение стало наиболее мощным из антибольшевистских фронтов.

Непосредственно во главе Добровольческой армии с самого ее основания стояли генералы М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов и А. И. Деникин. Все

трое были выдающимися офицерами Генерального штаба, но каждый обладал своими особенностями. Так, Алексеев был крупнейшим стратегом и военным администратором России, но для многих офицеров являлся фигурой одиозной, ассоциировавшейся с вынужденным отречением от престола императора Николая II, произошедшим, по сути, благодаря позиции Алексеева. Не случайно на могиле Алексеева в Белграде во избежание осквернения ее монархистами долгое время было выбито только его имя «Михаил» без фамилии. Весьма характерен и развернутый отзыв Алексеева об императоре как о ничтожном, безвольном, неискреннем и глупом человеке¹. С другой стороны, многие офицеры ехали на Дон именно из-за того, что там находился авторитетный Алексеев.

С прибытием 6 декабря 1917 г. в Новочеркасск генерала Л.Г. Корнилова организация вышла из подполья, был создан единый штаб Добровольческой армии. Объединение Алексеева, Корнилова и Каледина произошло под давлением со стороны московских общественных деятелей, обещавших поддержку лишь при условии совместной работы генералов².

Командование рассчитывало сформировать 6–10 пехотных дивизий³, однако для этого не было ни сил, ни средств. Из-за невозможности доверять солдатам все младшие командные должности должны были замещать офицеры. В Ростове-на-Дону находилось до 15 тысяч офицеров, но лишь немногие из них поступили в Добровольческую армию, а провести мобилизацию малочисленные белые не имели сил и возможностей. До 50% первых добровольцев составляли обер-офицеры. В Добровольческую армию пробирались офицеры с фронтов, из столиц, а также из крупных центров Юга. Заметную роль в этом играла благотворительная организация «Белый крест». Только из Москвы при помощи сестры милосердия М.А. Нестерович-Берг в конце 1917 – начале 1918 г. было переброшено на Дон 2627 офицеров⁴. Пополняли ряды армии и офицеры в составе уже сформировавшихся частей, например Корниловского ударного полка. Летом – осенью 1918 г. активно прибывали офицеры с Украины и из Новороссии.

Для упорядочения потока добровольцев летом 1918 г. возникла система центров Добровольческой армии (в Киеве, Одессе, Харькове, Симферополе, Тифлисе, Екатеринославе, Таганроге, на Тереке, в Тирасполе, Феодосии и Севастополе), которые направляли пополнения в армию в организованном порядке. Летом 1918 г. через центры было переброшено в армию, прежде все-

¹ Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 201–203.

² «Оттянуть гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л. Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 18; Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 280.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 14.

⁴ Нестерович-Берг М. А. В борьбе с большевиками: Воспоминания. Париж, 1931. С. 159.

го через Харьков и Одессу, 3500 добровольцев, включая офицеров¹. Уже осенью 1918 г. в связи с переизбытком офицеров центры получили следующие инструкции по их отбору: «1) Необходимо направлять в армию обер-офицеров и солдат; из штаб-офицеров отправлять лишь тех, кои согласятся первое время быть на должностях младших офицеров; отправляемые штаб- и обер-офицеры должны иметь не свыше 40 лет от роду (имеющих свыше 40 лет брать с особым разбором); генералов, кроме получивших именные приглашения, вовсе не отправлять. Штаб-офицеров Генерального штаба, если они не пожелают служить в строю (на должности помощника командира полка), также не направлять.

2) Офицеры Генерального штаба, служившие в украинской армии, лишаются раз навсегда мундира русского Генерального штаба; в случае прибытия таких офицеров в армию они могут поступать лишь на должности рядовых (сохраняя свои офицерские чины); то же относится и ко всем генералам (не только Генерального штаба), служившим в украинской армии после прихода немцев на Украину»².

Офицеры-добровольцы заключали четырехмесячные контракты, что представлялось крайне ненадежным способом удержать людей в армии. Тем более что Гражданская война затянулась, а красные с лета 1918 г. перешли к мобилизации бывших офицеров. В этой связи в ноябре 1918 г. началась мобилизация всех штаб- и обер-офицеров до 40 лет. В декабре были отменены и четырехмесячные контракты.

Позднее белыми предпринимались частичные мобилизации. Так, в январе 1919 г. такая мобилизация офицеров до 40 лет прошла в Крыму³. Однако тысячи офицеров уклонились от поступления в Добровольческую армию.

С самого начала в армейском руководстве стали возникать конфликты, сопровождавшие Белое движение на Юге России от начала и до конца. Так, быховцы попытались отстранить генерала Алексеева от руководства армией, считая его монархистом, тогда как сами были республиканцами. Сторонники Алексеева оценивали быховцев невысоко, так как провал дела Корнилова по причине плохой подготовки не давал «уверенности в строгом расчете всех действий генерала Корнилова и в его умении не поддаваться на авантюру»⁴. Между Корниловым и Алексеевым существовала и личная неприязнь. Тем более что Корнилов в 1917 г. угрожал арестовать Алексеева и даже арестовал его сына.

Существовали разногласия и внутри самих быховцев. 29 декабря 1917 г. генерал И. П. Романовский писал жене о Корнилове: «Не лучше и на вер-

¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

² Там же. Л. 41.

³ Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг.: (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000. Кн. 1. С. 15.

⁴ ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 76.

хах. Я писал тебе, что все время занимался дипломатией, все склеивал то, что расплзлось. Раза два уже впечатление было: ну вот, наконец, склеил. Смотришь – и опять разъехалось. И сейчас, кажется, опять расплзается. Давно у меня уже закрадывалось сомнение относительно нашего приятеля, не доминирует ли у него над всем честолюбие, и теперь я прихожу к убеждению, что это так... честолюбие такое, которое не хочет ни с чем считаться, не хочет считаться с тем, что раз он прогорел и растратил свое состояние, то теперь надо бросить замашки миллионера и некоторое время посвятить накоплению состояния и при этих условиях быть иногда скромным и, может быть, занимать не первое место. И ты понимаешь, что я начинаю терять спокойствие, когда вижу, что в вопросах, когда сталкиваются интересы Родины и личные, последние доминируют»¹. Атмосфера была столь неблагоприятной, что в 1918 г. в командном составе Добровольческой армии некоторое время существовала мысль о необходимости самороспуска армии².

Генерал М. В. Алексеев, в отличие от Корнилова, не страдал неумеренным честолюбием. Он прямо отмечал: «Я ничего не искал и не ищу лично для себя. Найден другой – достойнейший – ему и книги в руки, а я или уйду в частную жизнь (пора), или остаюсь при Добр[овольческой] армии, ставя целью развитие ее до пределов, отвечающих общегосударственным задачам»³.

В январе 1918 г. штаб Добровольческой армии переехал из Новочеркасска в Ростов-на-Дону. Численность армии к этому времени составляла около 5000 человек. Создатели Добровольческой армии при ее формировании столкнулись с немалыми трудностями. Достаточно отметить, что в январе 1918 г. до четверти всей пятитысячной армии составляли служащие штабов и тыловых учреждений⁴. Развернуть армию не удалось. Казачество, в большинстве своем, воевать не хотело. Чувство одиночества в борьбе привело донского атамана А. М. Каледина к самоубийству. В связи с неудачей борьбы с красными на Дону Добровольческая армия была вынуждена покинуть Ростов и уйти на Кубань – в 1-й Кубанский (Ледяной) поход. Полковник С. М. Трухачев, возглавивший строевой отдел штаба армии, впоследствии писал: «Куда мы идем, надолго ли уходим – об этом никто не знал и не заикался. Как будто было неловко касаться этого вопроса»⁵.

Как справедливо отмечал генерал Н. Н. Головин, перефразируя известное высказывание Деникина о походе армии «за синей птицей»: «Стратегия

¹ Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011. С. 226.

² РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

³ Там же. Л. 97об.

⁴ Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 53.

⁵ ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 92.

“погони за синей птицей” – плохая стратегия; в крайней своей форме она напоминает Дон Кихота, сражающегося с ветряными мельницами»¹.

Фактически никакого определенного плана действий в штабе армии не было, разведка организована не была, информация о внешнем мире практически отсутствовала, руководство в своих решениях нередко основывалось на слухах, подробная карта имела только у самого Корнилова, причем ежедневно вечером с нее перечерчивалось 15–20 схем на ближайший период, которые рассылались частям вместе с приказами. Лишние копии оставлялись для штаба². До штурма Екатеринодара в штабе армии не имелось ни одного телефонного аппарата, не было писарей и пишущих машин.

Существовали фантастические предположения о захвате Кубани и соединении там с мифическими отрядами генерала И.Г. Эрдели (генерал там находился только в роли наблюдателя и никаких отрядов не формировал), о наступлении на Кубань в эшелонах, всерьез обсуждалось предложение отсидеться на Кубани около месяца, пока большевизм не исчезнет сам собой, и т. д. На самом деле вопрос стоял только о сохранении ценнейшего кадра из тех нескольких тысяч офицеров-добровольцев, которые по идейным соображениям поступили в армию. Кубань давала выход к Черному морю, связь с союзниками и опору на кубанское казачество. Лишь в отдаленной перспективе белые стратеги надеялись создать более мощную вооруженную силу, и эти надежды оправдались.

Удивительные картины представлял собой 1-й Кубанский (Ледяной) поход Добровольческой армии. В условиях нехватки нижних чинов и переизбытка офицеров последние выполняли несвойственные им функции. Например, обычным делом было отправить в дозор офицеров Генерального штаба³. Результатом стали многочисленные ранения и гибель представителей военной элиты. Достаточно отметить, что из генштабистов в период 1-го Кубанского похода был убит генерал Л.Г. Корнилов, ранены генерал И.П. Романовский (в ногу, остался в строю), полковник И.Ф. Патронов (в голову, потерял глаз). Потери армии достигали 40% первоначального состава. Однако и в дальнейшем белые военачальники продолжали рисковать жизнью и бравировать бесстрашием на передовой в традициях прежних времен. Надо ли говорить, что такая бравада нередко заканчивалась трагично.

Армию, на две трети состоявшую из офицеров, отличал высочайший боевой дух. Иностраный наблюдатель, оказавшийся в Добровольческой армии, свидетельствовал о службе гвардейских офицеров у белых в начале 1918 г.: «При царском режиме все эти люди были блестящей аристократией, и теперь они сами для себя выбрали это суровое существование. Теперь они носят вещмешок и винтовку, выполняют работы, требующие немало физиче-

¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Б. м., 1937. Кн. 5. С. 77.

² ДРЗ. Ф. 1. Е-166. Л. 126.

³ Там же. Л. 114.

ской подготовки, довольствуются в качестве транспорта пулеметными тачанками и телегами с боеприпасами, чистят оружие, помогают на кухне и, разумеется, устают больше, чем “мужики”. Но они это делают. В бою с ними никто не сравнится, их смелость безупречна. Почти все они получили во время войны ранения. Они воодушевлены благородным чувством воинской чести, они пламенные патриоты и глубоко презирают своего врага, что дает им силы переносить тяжкие испытания партизанской войны.

Уникальное историческое явление: часть, сформированная из одних офицеров!... Вот, как выглядит офицерская рота нашего полка: 1 полковник, 4 капитана, 12 штабс-капитанов, 30 поручиков, 23 подпоручика, 47 прапорщиков, 3 юнкера и 3 добровольца без чина»¹.

1-й Кубанский поход дает множество примеров героизма личного состава. Стратегические разногласия в руководстве проявились по вопросу о необходимости штурмовать Екатеринодар. Взятие столицы Кубани, по мнению генерала Романовского, давало возможность провести успешную мобилизацию казаков, прибавляло армии авторитет. С другой стороны, для штурма требовались значительные силы, а сам штурм мог быть сопряжен с серьезными потерями, опасными ввиду малочисленности Добровольческой армии.

Тем не менее попытка штурма города была предпринята. В ходе осады Екатеринодара 31 марта (13 апреля) 1918 г. погиб генерал Корнилов. Командование армией принял генерал А.И. Деникин, в 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, а в 1918 г. — помощник командующего армией, которого в войсках почти не знали.

Гибель Корнилова воспринималась в армии неоднозначно. По мнению полковника А. А. фон Лампе, изложенному в его дневниковой записи от 2 (15) августа 1919 г.: «По-моему, с Корниловым было бы много тяжелее, и мы давно, находясь под флагом с т а р о й Учредилки, должны были бы, подобно Уфимской Директории, пережить государственный переворот. Но с характером Корнилова и ввиду отсутствия людей, равных ему по характеру, все бы положение сильно осложнилось.

Судьба знает, что делает. Может быть, отдав судьбы армии в руки слабого, но, безусловно, прямого и честного Деникина — она и приведет нас к успеху. Пока в общем надо признать, что его политика оказывалась всегда правильной»².

Штаб Добровольческой армии был сформирован в основном из первоходников. Присоединившиеся к армии позднее могли выдвинуться на руководящие посты с большим трудом безотносительно их квалификации. Как следствие, белый тыл был наводнен опытнейшими генералами, не получившими должностей, а на руководящих постах зачастую остава-

¹ Грондейс Л. Война в России и Сибири. М., 2018. С. 159–160.

² ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

лись неподготовленные молодые офицеры, единственным достоинством которых было то, что они имели большой стаж службы у белых¹. К примеру, генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии полковник Д.Н. Сальников считался алкоголиком, причем характеризовался как «по утрам до полудня не приходивший еще в состояние полного умственного равновесия от выпивки предшествовавшего вечера»². После скандальной вечеринки с сестрами милосердия, завершившейся дракой с его участием, Сальников был снят со своей должности. Позднее оказался у белых на Восточном фронте, где, как говорили, не принес пользы. Ему на смену пришел полковник Ю.Н. Плющевский-Плющик, добросовестный офицер, но со средними способностями. Генерал В.В. Чернавин в этой связи констатировал, что «была же у Деникина полная возможность подобрать к себе в Ставку выдающихся офицеров Ген[ерального] штаба, талантливых, добросовестных, опытных. Выбор у него был большой, но нужны были «свои». Вообще я пришел к заключению, что большим даром является умение выбирать помощников и сотрудников, нет, этим даром ни Деникин, ни Романовский не обладали»³.

Показательно обсуждение Деникиным и начальником штаба армии генералом И.П. Романовским кандидатуры генерала П.Н. Врангеля, которого в начале 1919 г. хотели назначить командующим Добровольческой армией. Врангель присоединился к белым сравнительно поздно, но был выдающимся военачальником. Тем не менее его высокое назначение могло вызвать обиды, которых больше всего боялись белые вожди. В итоге Врангель все же был назначен командующим Кавказской Добровольческой армией. В результате в отставку ушел командовавший корпусом генерал Б.И. Казанович, другие, как писал Деникин, «поворчали, но подчинились»⁴. Трудно представить, сколько талантливых офицеров не могли получить продвижения у белых из-за подобного «местничества». О невозможности аналогичных «обид» в большевистском лагере, где военспецов оценивали по их способностям, не приходится даже говорить.

По свидетельству генерала В.А. Замбржицкого, служившего на белом Юге, подбор кадров у белых не отличался продуманностью: «Мы вообще грешили в назначениях, но это отчасти происходило именно потому, что в Гражданской войне не всегда имелась возможность знать или собрать сведения о подходящих кандидатах. Прежняя система аттестаций сама собою рухнула, и если теперь не находилось человека, который мог бы замолвить словечко, то приходилось сидеть в тени и ждать у моря погоды»⁵.

¹ РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 210. Л. 7об.

³ Там же. Л. 7об.–8.

⁴ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 117.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

Ускоренное чинопроизводство Гражданской войны вело к появлению в штаб-офицерских и генеральских чинах совсем еще молодых и порой неопытных людей, офицеров военного времени. Впрочем, в ряде случаев производства были вполне заслуженными и способствовали выдвиганию ярких командиров, понимавших особенности Гражданской войны. Генералами в 26 лет стали корниловец Н.В. Скоблин и дроздовец В.В. Манштейн, в 27 лет генеральские погоны надел дроздовец А.В. Туркул, не имевший даже военного образования (произведен в офицеры из нижних чинов в Первую мировую войну), А.Г. Шкуро стал генералом в 31 год. Полковник Е.Э. Месснер уже в эмиграции прямо писал, что в Гражданской войне принцип старшинства неприменим, и сокрушался, что войсками Киевской области в 1919 г. руководил инертный старорежимный генерал А.М. Драгомиров, а не молодой и энергичный полковник Б.А. Штейфон, который мог бы мобилизовать на этой территории несколько дивизий, а не одни лишь местные гарнизоны¹.

Как отмечал участник Белого движения на Юге России офицер Д.Б. Бологовской в неопубликованных воспоминаниях «Конец деникинщины», написанных в эмиграции в 1925 г., «определенно чувствовалось отсутствие вождей, ибо Деникин был главнокомандующий, но не вождь, Корнилов, Марков и Дроздовский умерли, а новых вождей не появлялось; т. е. были, конечно, но вожди, если можно так выразиться, не стратегического, а тактического масштаба, как, напр[имер], Туркул, Манштейн и Скоблин. Неизменно доблестные и удачные в боях, они в то время еще, так сказать, не “вышли в люди” и не могли иметь особого влияния на стратегический исход кампании. Со всем было почувствовал себя Мюратом Мамонтов, но не вышло: пришлось спешно эвакуироваться восвояси перед красными казаками Буденного. Усиленно, надрываясь изо всех сил, лез в Мюраты и Шкуро...»²

В октябре 1918 г. Деникиным в целях ликвидации различий между гвардейскими и армейскими офицерами был упразднен чин подполковника, что привело к массовому появлению полковников (чин подполковника был восстановлен уже приказом главнокомандующего ВСЮР № 1950 от 20 августа (2 сентября) 1919 г., а переименование в полковники отменено³). В сентябре 1919 г. последовало аналогичное упразднение чина прапорщика, в результате чего все прапорщики оказались переименованы в подпоручики. Однако определяющее значение в военной иерархии белых имели не чины, а должности.

В обстановке конфронтации с казачьими лидерами и ошутимого немецкого присутствия поблизости Добровольческая армия ушла во 2-й Кубанский поход. Армия пополнялась благодаря сети центров и вербовочных бюро, рас-

¹ ВАР. Е.Е. Messner collection. Вох 3. Месснер Е.Э. Мои воспоминания. Ч. 4. Л. 223; Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 546.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 222. Л. 3.

³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 303; НИА. Р.А. Koussonsky collection. Вох 2.

положенных в разных городах Юга России, в том числе на территории, которую белые не контролировали. Армейское руководство и лично генерал М.В. Алексеев разрабатывали планы переноса боевых действий за Волгу для восстановления Восточного фронта против большевиков и немцев, однако эти планы так и остались на бумаге. В результате похода Кубань была освобождена от красных.

С самого начала Гражданской войны в руководстве Белого движения на Юге России сложилась своеобразная иерархия. Определяющее значение для расстановки кадров и карьерного роста офицеров имел стаж их службы в Добровольческой армии, и прежде всего факт участия или не участия в 1-м Кубанском походе. Генерал А.К. Келчевский отмечал, что командный состав оказался разделен на «князей», «княжат» и «прочих». Под «князьями» понимались быховские узники – ближайшее окружение генерала Л.Г. Корнилова, под «княжатами» – участники 1-го Кубанского похода (первопоходники), «прочими» же были остальные офицеры¹. Подобные суждения о неформальной иерархии и кастовости командного состава Добровольческой армии, а затем и ВСЮР рождались не на пустом месте. Подтверждение находим в еще одном документе, автор которого, один из вождей Белого движения на Юге России полковник М.Г. Дроздовский, сетовал на засилье первопоходников в армейском руководстве, тогда как «почти всех позже пришедших считали чем-то вроде париев. Их не назначали на ответственные должности, а или предлагали идти в строй рядовыми бойцами, или держали в резерве армии»².

Келчевскому вторил генерал Н.А. Обручев, слова которого изложил в своих воспоминаниях генерал П.И. Аверьянов: «В очень сдержанных выражениях, без малейшего желанья кого-либо критиковать или осуждать, генерал Обручев так охарактеризовал общее положение и объяснил причины своего вынужденного бездействия: пока еще Добрармия не велика и не может вместить всех нас для активной работы; вполне естественно, что верхи ее подбирают своих людей, которым верят, которых знают, Добровольческая армия только и может быть крепка полным взаимным доверием; а потому в ней занимают ответственные посты “быховцы”, т. е. сидевшие с Корниловым и Деникиным в Быховской тюрьме, затем, на строевых командных должностях, участники “Ледяного похода”, т. е. первого Кубанского похода, наконец, лица, которые лично симпатичны Деникину и Романовскому, с которыми эти два вершителя судеб Добрармии имеют общие взгляды, общее мировоззрение, с которыми им легче работать и легче столкнуться; я исполнил свой долг и предложил себя в полное распоряжение Добрармии, но активной роли для меня не нашлось, а прикармливаться на счет нищей Добрар-

¹ Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 53.

² РГВА. Ф. 39751. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

мии, состоя в резерве ее чинов, я не считаю удобным...»¹ Те же оценки разделял генерал Д. Н. Воронеж².

Среди 3689 участников 1-го Кубанского похода насчитывалось 2356 офицеров (36 генералов, 242 штаб-офицера и 2078 обер-офицеров, в том числе 5 женщин)³. Таким образом, офицеры составляли около 64%, или $\frac{2}{3}$ Добровольческой армии. Не менее 620 офицеров⁴ (по другим данным, 667 офицеров⁵) участвовали в походе отряда полковника М. Г. Дроздовского с Румынского фронта на Дон.

Костяк Добровольческой армии в дальнейшем составили кадры так называемых цветных (из-за пестрой униформы) или именных частей — корниловцев, марковцев, дроздовцев, алексеевцев с высоким процентом офицеров. К примеру, по данным на август 1918 г., в составе 1-го Офицерского генерала Маркова полка две из двенадцати рот были полностью офицерскими и в них служили 500 офицеров⁶. У марковцев же отмечается наиболее высокий процент офицеров. Интересно, что социальный состав офицеров «цветных» полков отличался абсолютным демократизмом. При высочайшей мотивации, идейности, боевой устойчивости, а также высоком проценте офицеров в частях они несли и тяжелейшие потери, которые невозможно было восполнить равноценными по качеству пополнениями. Так, в корниловских частях за период Гражданской войны погиб 5321 офицер, получили ранения 12 742 человека⁷, что в среднем составило 37,6% всех потерь корниловцев. Впечатляет статистика потерь офицеров Сводно-стрелкового полка и добровольческого отряда полковника М. А. Жебрака-Русановича. Из 454 офицеров — участников похода дроздовцев 135 погибли или умерли от ран и болезней, 7 пропали без вести в бою, один погиб на дуэли, пережили Гражданскую войну и остались в дроздовских частях 257 офицеров (56%)⁸. Разумеется, процент офицеров в «цветных» частях по мере развертывания армии и убыли личного состава стремительно снижался (в начале 1918 г. — до 50%, в начале 1919 г. — около 30%, в 1919 г. — 25%, в 1920 г. — 20%)⁹. Кроме того, к концу Гражданской войны приток офицеров в белые армии практически иссяк.

¹ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 103.

² Там же. Л. 103об.

³ *Скрылов А. И.* Кто совершал Первый Кубанский ген. Л. Г. Корнилова поход // Первопоходник (Лос-Анджелес). 1917. Декабрь. № 10. С. 32. Также см.: *Волков С. В.* Первые добровольцы на Юге России. М., 2001. С. 9.

⁴ Подсчитано по поименным спискам в кн.: Дроздовский и дроздовцы. М., 2006. С. 390–459.

⁵ *Деникин А. И.* Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 326.

⁶ *Гагкуев Р. Г.* Источники комплектования и социальный состав Марковских полков // Марков и марковцы. М., 2001. С. 436.

⁷ *Критский М. А.* Корниловский Ударный полк. Париж, 1936. С. 227; *Левитов М. Н.* Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 563.

⁸ *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 97–98.

⁹ *Гагкуев Р. Г.* Источники комплектования и социальный состав... С. 447.

Иерархия выстраивалась и ниже уровня первопоходников. Далее приоритетным правом назначений пользовались участники боев на Северном Кавказе, тогда как офицерская масса, попадавшая в армию с весны 1919 г., преимуществ уже не имела¹.

В силу обособленности «цветных» формирований на командные посты в них выдвигались представители тех же частей, порой не обладавшие должной квалификацией. Командиров со стороны части могли не принять. По мере продвижения к Москве «цветные» части пополнялись офицерами военного времени². Предпочтение при назначениях на командные посты отдавалось первопоходникам, как проверенным и надежным кадрам. Однако этих кадров не хватало. В итоге к концу войны на командные посты выдвинулись даже офицеры военного времени, не обладавшие должным опытом, но отличившиеся в боях.

К февралю 1918 г. в Добровольческой армии гвардейских офицеров оказалось около ста³. Поведение гвардейцев отличалось своеобразием. Внутренний корпоративизм, определенная элитарность значили для них больше, нежели принадлежность к белым. Кроме того, их отличало презрительное отношение как к красным, так и к белым, а также определенная ревность к тем, кто, как первопоходники, выдвинулся в рядах белых. Потери гвардейцев на начальном этапе Гражданской войны, когда у белых сражались офицерские по своему составу части, были колоссальными. Достаточно отметить, что в одном из боев октября 1918 г. под Армавиром Сводно-гвардейский полк за день потерял 26 офицеров, включая командира полка, убитыми и 30 ранеными⁴. В апреле 1919 г. общее собрание офицеров лейб-гвардии Преображенского полка, служивших на белом Юге, вынесло беспрецедентное постановление, возможное только в обстановке Гражданской войны: «Всем преображенцам из армии генерала Деникина перейти к Верховному правителю в Омск и заявить ему о готовности преображенцев быть, как и встарь, оплотом верховной власти, и в Омске приступить к немедленному формированию полка»⁵. Можно понять недоверие, с каким белое командование воспринимало после этого гвардейских офицеров (при том, что отношение к гвардейцам было непростым и ранее, поскольку вожди белых в основном происходили из армейской среды). Впрочем, в Сибирь уехала лишь одна группа преображенцев. Всего на белом Юге могло служить около 1000 гвардейских офицеров⁶.

¹ Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 62.

² Левитов М. Н. Материалы для истории... С. 305.

³ Андоленко С. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 годы. СПб., 2010. С. 328.

⁴ Там же. С. 335.

⁵ Там же. С. 341.

⁶ Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии... С. 171. Интересны статистические данные по потерям гвардии в Первую мировую и Гражданскую войны. Так, в лейб-гвардии Измайловском полку в Первую мировую войну погибли или умерли от ран 29 офицеров, а в Гражданскую — 19. Но в Гражданскую войну существенными были другие категории потерь: 6 офицеров пропали без

У современников и потомков сложилось впечатление, что белые армии Юга России были офицерскими по составу. Так ли это на самом деле? Если говорить о составе собственно Добровольческой армии в 1918–1920 гг., то, по оценкам исследователей, процент офицеров в ней менялся от 70,1 до 37,8¹. В основном это была военная молодежь (к 1920 г. офицеры военного времени составляли 94,1% офицерского состава).

Пока неизвестны весомые доказательства в пользу того, что в Белом движении на Юге России, как утверждал С.В. Волков, участвовали порядка 115 тысяч офицеров, из которых до 30 тысяч погибли и еще от 5 до 10 тысяч умерли от болезней². Определенные сомнения в том, что подобные цифры в принципе возможны, присутствуют и в работах других исследователей³. Даже с учетом тыловых офицеров, реальных потерь, ротации кадров, производств непосредственно в белом лагере эти данные представляются существенно завышенными и опровергаются самой документацией белых.

Действительно, в 1918 г. офицерский характер армии еще ощущался. В период 1-го Кубанского похода даже некоторые генералы с академическим образованием, как, например, Б.И. Казанович, ходили в атаки с винтовкой в руках в качестве рядовых. Такое отношение к представителям военной элиты невозможно ничем оправдать. Однако, после того как ВСЮР в 1919 г. стали массовой армией, офицерская составляющая растворилась в общей численности войск. Как уже отмечалось, к 5 (18) июля 1919 г. во ВСЮР из 244 890 солдат и офицеров, включая и нестроевых, насчитывалось только 16 765 офицеров⁴. В боевом составе Добровольческой армии из 44 807 бойцов числились 3884 офицера, в Донской – из 43 033 бойцов было 2106 офицеров, в Кавказской – из 18 544 бойцов – 1120 офицеров, а всего в боевом составе ВСЮР – лишь 10 050 офицеров⁵.

Можно предположить, что в период дальнейшего наступления с июля по октябрь 1919 г. с занятием Украины и Новороссии (в особенности таких крупных военных и культурных центров, как Киев и Одесса, где концентрировались десятки тысяч офицеров), а также части центральных губерний белые смогли мобилизовать еще некоторое количество офицеров. Однако если такие пополнения происходили, то, очевидно, не в боевом составе. Так, боевой состав ВСЮР на вышеупомянутую дату 5 (18) июля 1919 г., по данным

вести, 11 были расстреляны красными, 2 погибли в тылу, 4 умерли в походах и 8 умерли в тылу. Итого за Гражданскую войну полк потерял 50 офицеров. Всего за две войны ушли из жизни 79 офицеров полка (BAR. Leib-Gvardii Izmailovskii polk papers. Vox 48. Киселевский Н.М. Мои воспоминания за время моего командования Л.-гв. Измайловским полком. 1908–1914).

¹ Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии... С. 178.

² Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 204, 207.

³ См., напр.: Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России: военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 600.

⁴ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 34. Л. 229.

⁵ Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России... С. 307.

Ставки, насчитывал 136 779 человек, а на пике численности к 5 (18) октября 1919 г. — только 158 469 человек¹. Таким образом, с июля по октябрь он вырос лишь на 21 690 человек.

Речь шла, прежде всего, о пополнении пехотных частей (83,6% пополнений). Очевидно, что офицеры не могли составлять ни всю эту цифру, ни даже бóльшую ее часть. В силу сословной замкнутости казачества не могла заметно пополняться офицерами на занятых территориях и Донская армия. Насколько можно судить, в этот период белые не несли масштабных потерь, сказывавшихся на общей численности боевого состава, либо же потери компенсировались пополнениями. Во всяком случае, численность конницы и инженерных частей менялась мало, а численность пехотных частей лишь возростала.

После октября 1919 г. общая численность на фоне неудач белых стала падать, поток добровольцев и пленных практически иссяк и единичные офицерские пополнения поступали в основном лишь из-за рубежа (например, с разгромленного красными Восточного фронта белых).

Можно допустить существенный рост численности зарегистрированных офицеров, которые оставались в тылу и не рвались на фронт (непомерная раздутость тыла являлась подлинным бичом белых армий) либо же постановка которых в строй затягивалась длительными проверками (о чем будет сказано ниже). Подобная ситуация сложилась в Киеве и в Одессе и не свидетельствует в пользу налаженности мобилизационного аппарата белых, что в конечном счете и стало одной из причин их поражения. Известно, что из 37–45 тысяч офицеров, зарегистрированных в Одессе, в период эвакуации города белыми в 1920 г. угрозами расстрела удалось поставить в строй не более тысячи человек². Десятки тысяч таких зарегистрированных офицеров по документам могли значиться состоявшими во ВСЮР, но по факту их пребывание в армии являлось номинальным.

Что касается качественного состава, то вполне показательны данные о том, что в 1920 г. 93,3% офицеров Добровольческой армии являлись офицерами военного времени³. Причем офицеры военного времени уже встречались даже в чине полковника (например, корниловец М.Н. Левитов и дроздовец А.В. Туркул).

Обособленно держались казачьи офицеры, представлявшие Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска. По данным к 1 мая 1917 г., на Дону числились 3746 офицеров, в большинстве своем — военного

¹ Сводные помесечные данные боевого состава ВСЮР с января по ноябрь 1919 г. по документам РГВА систематизированы нами в таблицу в: *Ганин А. В.* Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 272.

² *Столыпин А. А.* Дневники 1919–1920 годов. *Романовский И. П.* Письма 1917–1920 годов. С. 106; *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии... С. 101.

³ *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии... С. 93.

времени (многие производились в офицеры за отличия из казаков), к концу 1918 г. Донская армия насчитывала 1282 офицера¹. По некоторым данным, с 26 февраля по 14 апреля 1918 г. красными были расстреляны из числа донских офицеров 14 генералов, 23 полковника, 292 кадровых офицера². Офицеры участвовали в восстании на Дону весной 1918 г., но кадров (в отличие от изобиловавшей офицерами Добровольческой армии) не хватало. Младшие офицеры, произведенные в годы Первой мировой войны, обладали слабой теоретической и практической подготовкой. Таким офицерам перед назначением их на должности командиров сотен и рот требовалось пройти повышение квалификации в Донской офицерской школе. Серьезными были и потери. Поэтому уже осенью 1918 г. в развернутой Донской армии во главе полков нередко оказывались обер-офицеры – подъесаулы и даже сотники³.

Для преодоления кадрового дефицита предпринимались меры по усилению офицерского состава Донской армии. Атаманом П.Н. Красновым был запрещен переход казачьих офицеров в Добровольческую армию, а тем, кто туда убыл ранее, было приказано вернуться. Офицерам до 31 года запрещался выход в отставку, а ранее вышедшие подлежали возвращению на службу⁴.

Внутри казачьих частей офицеры чаще всего назначались также из казачьей среды. Такой подход порождал немалые трудности, особенно в связи с некомплектом в некоторых войсках казачьих офицеров. Доминировали фактор землячества и войсковой сословный корпоративизм. Впрочем, в условиях кадрового голода получали назначения и офицеры неказачьего происхождения. Так, технические части Донской армии в 1918 г. были укомплектованы этой категорией офицеров на 60%⁵.

Несмотря на высокий процент офицеров, на белом Юге велась и собственная подготовка офицерских кадров. Особенно необходимы были офицеры казачьим войскам в силу дефицита кадров, обусловленного сословной замкнутостью казачества. В июне 1918 г. открылось Новочеркасское казачье военное училище, рассчитанное на два года обучения и готовившее командные кадры как для казачьей конницы, так и для пехотных частей, артиллерии и инженерных войск. Кроме того, донским командованием была открыта Донская офицерская школа с четырехмесячным курсом для переподготовки

¹ Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 254.

² Денисов [С. В.]. Записки. Гражданская война на Юге России 1918–1920 гг. Константинополь, 1921. Кн. 1. С. 29.

³ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 496. Подробнее см.: Венков А. В., Зубнов В. Н. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2016–2017. Вып. 3, ч. 1–2.

⁴ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 362.

⁵ Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. С. 273.

офицеров на должности командиров сотен и рот¹. На Дону также действовали Офицерская артиллерийская школа, Новочеркасские военные курсы, Инженерная школа, Донская военно-автомобильная школа, школа мотористов, кадетский корпус².

На белом Юге функционировали и другие военно-учебные заведения — Киевское Константиновское военное училище, Кубанско-Софийское военное училище, Кубанское генерала М.В. Алексеева военное училище, Сергиевское артиллерийское училище, Корниловское военное училище, целый ряд кадетских корпусов. За годы Гражданской войны училища в общей сложности выпустили несколько тысяч офицеров.

Отрицательной чертой кадровой политики белых было нерациональное наивно-идеалистическое стремление к «чистоте риз». В результате в армию, в частности, не принимали офицеров, подозревавшихся в сотрудничестве с немцами. Именно такие подозрения не позволили попасть в армию генералу В.Н. фон Дрейеру. На начальном этапе Гражданской войны, когда Красная армия еще строилась по добровольному принципу, пленных военспецов белые нередко расстреливали³. Позднее расстрелы касались партийных военспецов. Происходили и случайные убийства военнопленных-офицеров, причем жертвами могли оказаться и подлинные сторонники белых⁴. Офицеры, переходившие из Красной или национальных армий, подвергались преследованиям, разжалованию в рядовые, были вынуждены проходить многомесечные унижительные проверки. Абсурдность ситуации заключалась в том, что многие перебежчики искренне сочувствовали белым и стремились служить им верой и правдой, однако холодный прием пробуждал иные чувства.

В ноябре 1918 г. был издан приказ генерала А.И. Деникина с требованием ко всем офицерам под угрозой военно-полевого суда незамедлительно покинуть ряды Красной армии, причем сделать это предписывалось до 1 (14) декабря 1918 г. Однако такой приказ скорее отталкивал сторонников от белых⁵.

Генерал В.Н. фон Дрейер свидетельствовал, что «во времена Деникина отношение к этим несчастным людям было самое несправедливое. Теряя при побеге свои семьи, все свое имущество, лишь для того, чтоб под знаменем освобождения пойти против большевиков, они находили в “стане белых” не забвение их прежней подневольной службы, а судебные и военно-след-

¹ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 362.

² Подробнее см.: Венков А. В. Донская армия. Организационная структура и командный состав 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2014. Вып. 1: Донские партизанские отряды. Командование Донской армии. Молодая армия. Военно-учебные заведения. С. 396–416.

³ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 131.

⁴ См., напр.: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 507.

⁵ Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии... С. 82.

ственные комиссии, а в первое время даже пулю в лоб или петлю на шею. В этом отношении многие высшие начальники Добровольческой армии были паразитально бессердечны и безжалостны»¹.

Один из анонимных свидетелей тех событий отмечал: «Не странно ли то, что в то время, как Троцкий употреблял все усилия, чтобы ограбить необходимое ему бывшее кадровое офицерство от расправы красноармейцев и своих сочленов из РКП, из ВЦИКа и Реввоенсовета, в то же самое время в белых армиях относились к ним с суровым осуждением и грозили стенкой»².

Обычным вердиктом судов была смертная казнь, заменявшаяся освобождением из-под суда, разжалованием или каторжными работами. Это, конечно, отталкивало от белых их потенциальных сторонников и, возможно, даже стало одной из причин поражения белых армий. В частности, по свидетельству протопресвитера Добровольческой армии и флота Г. Шавельского, «в июле этого (1919. — А.Г.) года в Орле двадцать два офицера Генерального штаба, служащие у большевиков, обсуждали вопрос, как им быть, ввиду установившегося в Добровольческой армии отношения к перебежчикам. И решили: доселе мы играли в поддавки, теперь начнем воевать по совести»³. Как отмечал анонимный военспец, «когда развивались события на Волге, у Орла, у Гатчины, конечно, мы ждали своего поражения как избавления. Но ждали мы с двойственным чувством, думая: “А что будет с нами, как отнесутся?” А у некоторых, хотя и чуждых идеологически новому режиму, но добровольно или случайно завязших в нем поглубже, уже тогда копошилась мысль: “Еще неизвестно, чья возьмет, еще поборемся. Этак будет надежнее”»⁴.

Наиболее известен случай с генералом Л.М. Болховитиновым — видным военным ученым и крупным администратором (в Первую мировую — начальник штаба Кавказской армии), разжалованным у белых за службу в Красной армии и вынужденным долгое время служить рядовым. Профессиональная квалификация Болховитинова оказалась невостребованной и была принесена в жертву абстрактным идеалам.

При занятии крупных городов (Киев, Одесса) под властью белых оказывались буквально тысячи офицеров. Киев был занят белыми 18 (31) августа 1919 г. Уже 3 (16) сентября главное командование ВСЮР сообщало начальнику 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Н.Э. Бредову, что «в Киеве зарегистрировано около двенадцати тысяч офицеров и военных чиновников,

¹ Дрейер В., фон. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918–1920 года. Берлин-Шарлоттенбург, 1921. С. 113.

² Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 4.

³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 359–360.

⁴ Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 4.

оставшихся после ухода большевиков в городе»¹. Очевидно, такое могло произойти лишь вследствие крайней поспешности ухода красных.

Как отмечал генерал В.Н. фон Дрейер, «у всех был высокий подъем духа, все горело желанием служить Родине. Но судебная волокита тянулась месяцами, и первоначальный порыв явившихся постепенно угасал, во время томительного ожидания перед дверями следственных комиссий. А недостаток средств и необходимость кормить семью иногда толкали их искать частную службу, и, таким образом, много хороших боевых офицеров было потеряно для армии»².

По свидетельству очевидца, «регистрация происходила во дворе комендантского управления. Когда я пришел туда, там была уже масса военных — полковники, капитаны, поручики, прапорщики; было несколько генералов. Одни ходили уже в форме, другие, меньшинство, — в штатском. Знакомились, делились впечатлениями... Записывали офицеров в алфавитном порядке. До меня очередь в этот день не дошла; около четырех часов все разошлись... На другой день мне удалось наконец, несмотря на еще бóльшую толпу, получить регистрационную карточку. На ней стояло мое имя, фамилия, год рождения, чин и полк, где я служил во время германской войны. С этой карточкой мне надо было явиться в реабилитационную комиссию и представить, кроме того, свое *curriculum vitae*³ от начала германской войны до настоящего момента. Для тех, которые у большевиков не служили и имели какие-нибудь старые документы, удостоверявшие их личность, дело кончалось в реабилитационной комиссии: они могли поступать в Добровольческую армию немедленно.

В противном же случае дело выходило сложнее; раз в *curriculum vitae* офицер писал, что он служил у большевиков, реабилитационная комиссия отсылала его дело в контрразведку. Из контрразведки товарищ прокурора отсылал дело со своим заключением в четвертое учреждение — Военную судебно-следственную комиссию. Эта комиссия рассматривала дело окончательно и препровождала его на заключение к коменданту города. Причем, если кто не имел старого послужного списка или других не менее солидных документов, он должен был доказать свою личность при помощи управляющего домом и двух благонадежных свидетелей.

Вот что надо было пройти. У меня, как и у большинства офицеров, никаких документов, кроме советских, не было.

И вечером, сидя над своей биографией, я задумался — писать или не писать о службе у большевиков?

Написать — значит быть канцелярской волоките. Я подумал, поколебался и написал. Может быть, чтобы не краснеть потом и не быть уличенным во лжи.

¹ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 359.

² Дрейер В., фон. Крестный путь во имя Родины. С. 113.

³ «Ход жизни» (лат.) — автобиография.

С превеликим трудом кончил я свое *curriculum vitae*.

Лучше было бы, если бы можно было совсем не писать, служил человек или нет — советской власти. Раз люди пришли добровольно, рискуя не только собой, но и своими родными, — какие вопросы могли быть еще.

Так думал я, глядя на свою биографию...»¹

Как результат волокиты с реабилитацией, немалая часть офицеров просто предпочла скрыться от нового режима. Между тем десять тысяч офицеров были крупной силой, фактически корпусом, сплоченным, сильным своей высокой выучкой и идейностью, подобная сила под надлежащим контролем вполне могла бы позволить Деникину одержать победу над красными. Однако деникинский режим вместо этого предпочел заниматься бюрократической волокитой. Более того, многие офицеры в Киеве подвергались совершенно незащищенным преследованиям, арестовывались на основе анонимных доносов.

На этом фоне показательны неоднократные приказы председателя РВСР Л.Д. Троцкого о недопустимости расправ с пленными белыми офицерами и солдатами. В приказе по войскам Южного фронта № 126 от 18 июля 1919 г. в связи с предстоящим наступлением Троцкий предупреждал: «Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары! Пусть ваш справедливый гнев направляется только против неприятеля с оружием в руках. Щадите пленных, даже если это заведомые негодяи. Среди пленных и перебежчиков будет немало таких, которые по темноте или из-под палки вступили в деникинскую армию. Деникинские генералы распространяют среди насильно мобилизованных ими солдат и младших офицеров лживые слухи, будто красные войска истребляют пленных. Этим путем деникинцы стремятся, с одной стороны, запугать своих солдат и офицеров, чтобы удержать их от перехода на нашу сторону, а с другой стороны — ожесточить свои войска и довести их до зверских погромов над рабочими и крестьянами.

Тем важнее для нас показать деникинским солдатам и офицерам, что мы истребляем только врагов. Кто приносит повинную, кто переходит на нашу сторону с чистым намерением или кто попадает к нам в руки как пленник — тому пощада.

Приказываю: пленных ни в коем случае не расстреливать, а направлять в тыл по указанию ближайшего командования»². Разумеется, сложно говорить о том, насколько твердо выполнялся этот приказ.

Аналогичный приказ Троцкого от 24 октября 1919 г. касался войск 7-й армии, оборонявшей Петроград: «Товарищи красноармейцы, щадите пленных, встречайте по-товарищески перебежчиков. В белогвардейской армии только ничтожное меньшинство состоит из бесчестных, развращенных, продажных врагов трудового народа, подавляющее большинство состоит из оду-

¹ *Норсак В. У белых.* Париж, 1931. С. 12–14.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 44. Л. 109.

раченных или насильственно мобилизованных. Даже среди белого офицерства значительная часть сражается против Советской России из-под палки или обманутая агентами англо-французских и русских биржевиков и помещиков... Бессмысленная кровожадность чужда Рабоче-крестьянской Красной армии. Перебежчикам не грозит в нашей среде ни малейшей опасности...

На Восточном фронте из армии Колчака к нам перебежали многие сотни офицеров, которые прониклись величайшим уважением к организации и сплоченности и героизму Красной армии.

Теперь они служат в наших рядах.

Нет сомнения, что предстоящий распад армии Юденича толкнет в наши ряды лучшую часть белогвардейских офицеров, которые ныне еще идут на вожжах у Юденича. Всякий, кто искренно и честно хочет служить рабоче-крестьянской власти, найдет место в наших рядах»¹.

Парадокс истории и показатель уровня мышления руководства сторон Гражданской войны: большевики сумели успешно использовать враждебное им офицерство, тогда как белые не смогли в полной мере воспользоваться даже дружественными себе офицерами.

Добровольческое офицерство (в основном офицеры военного времени) обладало коллективным мировоззрением, которое иногда называют специфически маргинальным². Отличительными чертами его были неприимчивость к врагу, воинствующий национализм, мессианское самовосприятие, фатализм, авантюризм, обесценивание жизни и морали. Эти особенности вели к негативному восприятию носителями подобного мировоззрения даже сторонников белых, которые какое-то время находились на советской территории или служили у красных. В результате белые теряли часть своей социальной базы.

Белое офицерство никогда не было единым, представляя собой конгломерат различных групп и группировок, стремившихся к обособлению. Это имело негативные военно-политические последствия для самих белых. На протяжении всего 1918 г. командование Добровольческой армии едва находило общий язык с казачьими атаманами по вопросу совместных действий. С разгромом Германии в ноябре 1918 г. и прекращением ее помощи Дону назрел вопрос об объединении Добровольческой и Донской армий под единым командованием. Объединение двух сил, боровшихся с большевиками, позволило бы равномерно распределить имевшиеся у каждой из сторон ресурсы (рядовой состав, командные кадры, снабжение), но этот процесс протекал очень болезненно.

На встрече Деникина с донским атаманом П. Н. Красновым на станции Торговая 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.) с большим трудом, несмо-

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 479. Л. 113–113об.

² *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии... С. 180.

тря на протесты командования Донской армии, удалось достичь соглашения о военном единстве Добровольческой армии, Дона и Кубани. Из добровольческих, донских, кубанских, терских и горских частей были образованы Вооруженные силы на Юге России под командованием Деникина¹.

Штаб главнокомандующего ВСЮР был сформирован из аналогичного штаба Добровольческой армии. Прежняя натянутость отношений с донским командованием сохранилась. Например, Деникин 12 (25) января 1919 г. позволил себе назвать докладывавшего начальника штаба Донской армии и ныне подчиненное Деникину донское командование злейшими врагами Добровольческой армии². Лишь после кадровых перестановок на Дону в феврале 1919 г. отношения нормализовались.

Командование Донской армии в эпоху атамана П.Н. Краснова также отличалось неэффективностью. По оценке генерал-майора З.А. Алферова, командующий Донской армией генерал-лейтенант С.В. Денисов «фактически армией не мог командовать, так как, никому не доверяя, всюду видя измену и революцию, в особенности в делах гражданских, ген[ерал] Денисов постарался захватить в свои руки почти всю власть на Дону, принимая без конца посетителей (особенно его осаждали со всякими просьбами дамы), военных чинов и агентов гражданской власти, и на его главное, прямое дело — командование Донской армией — у ген[ерала] Денисова просто не хватало времени. Донская армия фактически оставалась без возглавления. Последствия такого печального факта сами собой понятны»³. Полковник В.В. Добрынин отмечал слабость донского командования эпохи атамана П.Н. Краснова, когда «работали люди без всякого опыта на высших командных должностях. Командующий армией лишь отбыл стаж командира полка, начальник штаба армии (и войска) попал на эту должность со скромной должности капитана штаба армии (мировой войны), заведывающего автомобильным делом. Оба они больше интересовались тыловыми делами, интригами и сплетнями. Оперативная часть штаба отягощалась ими вечными сборами данных, служащих оправдательными документами их неудачных стратегических шагов, разоблачаемых постоянно в Круге офицерами Генерального штаба — недругами командующего армией и его начальника штаба.

Если у командования не хватало стратегических способностей, зато оно обладало избытком бюрократической важности, напыщенности, недоступности. Этим особенно отличался юный начальник штаба. Обычным правилом его было выдерживать посетителей в приемной, особенно если это было лицо старше его по летам и чинопроизводству.

Фронтом командование не интересовалось, в армии никогда не бывало»⁴.

¹ Протокол совещания см.: РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 45.

² Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 584.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 209. Л. 37.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 46. Л. 22.

Командующий Донской армией генерал С. В. Денисов обладал громадным самолюбием, считал А. И. Деникина себе равным и слишком гордился своей работой. В. В. Добрынин подметил, что «ограниченность донского командования резко проявлялась в моменты совместных заседаний с добровольческим командованием. Конечно, донцы уступали добровольцам, со стороны которых выступали люди со значительным опытом мировой войны. Однако, как это ни странно, старые, убеленные сединами помощники ген[ерала] Деникина, проявляя в спорах свое стратегическое превосходство над юными помощниками атамана Краснова, не умели проявить должного самообладания. В их выпадах проглядывало столько злобы и несдержанности, как и у донского командования»¹.

Кадровые проблемы остро стояли и на нижестоящем уровне. Как отмечал служивший на Дону генерал-майор В. А. Замбжицкий, «в условиях Гражданской войны, за неимением людей, приходится комплектовать и оперативный кадр, что называется, с бору да с сосенки, стало быть, невозможно предъявлять большие требования и подручным; где уж тут искать академиков-специалистов или хотя бы кадровых офицеров? Хватаешь то, что под руки попало, но по собственному опыту на Дону, где я по отзывам начальства вполне успешно справился с[о] сложной работой армейских и корпусных штабов, не имея ни одного подготовленного специалиста, я знаю, что из окружающей среды, а тем более такой богатой воинскими качествами, как казачья, всегда можно найти неоценимых помощников, кои блистательно справятся с возложенной задачей. Я с глубокой благодарностью вспоминаю своих незаметных и безвестных, скромных героев-тружеников, сотрудников по штабу Северного фронта и 2-й Донской армии, войскового старшину Попова, подъясаула Стефанова, сотника Сухарева и иных, кои, будучи людьми штатскими и никогда дотоле не бравшими в руки не только оперативного, но просто военного пера, проявили себя блестящими офицерами Генерального штаба, которые бы составили честь и гордость специалистов этой профессии»².

Конфронтация у командования Добровольческой армии сложилась не только с казачьими лидерами. На протяжении многих месяцев 1918 г. продолжался тяжелый конфликт и внутри самой армии. Речь идет о взаимоотношениях командования с полковником М. Г. Дроздовским. Дроздовский присоединился к армии в мае 1918 г. с мощным отрядом, пришедшим с Румынского фронта. Данное обстоятельство позволяло ему претендовать на руководящую роль в белом лагере, положение которого на Юге России до того оставалось неустойчивым. Однако в этом отношении он столкнулся с противоборством продвигавшего своих людей добровольческого командования. Для руководства армии Дроздовский оставался чужаком. Он возгла-

¹ Там же. Л. 24.

² ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 18.

вил 3-ю пехотную дивизию, которая, по свидетельству одного из участников событий, находилась на положении пасынка штаба армии в отношении пополнений людьми и материальной частью. Свою роль в конфронтации играли и политические взгляды Дроздовского, не совпадавшие со взглядами Деникина и Романовского. Есть данные о том, что Дроздовский был одним из руководителей тайной монархической организации в деникинской армии¹, тогда как Деникин и его окружение были республиканцами или конституционными монархистами. После эвакуации остатков врангелевской армии из России уже в лагере в Галлиполи был раскрыт заговор дроздовцев против командования. Во главе заговора якобы стоял полковник П. В. Колтышев².

Дроздовский обладал качествами военного вождя периода Гражданской войны, был честолюбивым и самолюбивым человеком. Разумеется, прежнее командование стремилось удержать власть, интегрировать пришедших с Дроздовским в армию, подчинив их общим порядкам. В отношении недавно самостоятельного начальника, своего рода «атамана», при отсутствии у Деникина достаточных сил это было непросто. Возник острый конфликт. Деникин даже объявил Дроздовскому выговор, возмутивший последнего. Любое неосторожное решение могло привести к расколу армии и уходу из нее строптивного начальника.

Ситуация разрешилась лишь тогда, когда в конце 1918 г. Дроздовский был тяжело ранен и затем при не выясненных до конца обстоятельствах скончался. Как отмечал генерал Л. М. Болховитинов, «по общему отзыву от него (Дроздовского. — А. Г.) шли с верхами все время крупные трения, он пришелся, как говорят, не ко двору и от него стремились “отделаться”». Теперь это достигнуто...»³ По армии поползли слухи, что к смерти Дроздовского причастен генерал Романовский. На этом эпопея не закончилась, так как Романовский в апреле 1920 г. был убит офицером, вероятно, мстившим за Дроздовского.

Невысокая квалификация отдельных представителей белого командования прослеживается по документам. Показателен доклад генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР начальнику штаба, подготовленный в октябре 1919 г. В этом докладе генерал-майор Ю. Н. Плющевский-Плющик откровенно писал о собственной некомпетентности и нераспорядительности в связи с успехами украинских повстанцев Н. И. Махно: «Лично я был уверен, что главный артиллерийский склад у нас в Волновахе, на которую мною и было обращено все внимание. Признаю себя виновным в том, что не отдал распоряжения об эвакуации всех складов района после перехода Махно через Днепр, хотя убежден, что приказ этот был бы платоническим,

¹ Дроздовский и дроздовцы. С. 102.

² Достовалов Е. И. О белых и белом терроре // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 670.

³ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 236.

ибо в период с 22 по 27 сентября при условии перерыва железнодорожного сообщения и бедности нашего морского транспорта задача эта была невыполнима»¹. Из документа следует, что третий человек в военном руководстве белого Юга толком не знал расположения важнейших артиллерийских складов армии в своем тылу (они располагались не только в Волновахе, но также в занятых махновцами Бердянске и Мариуполе).

Не лучше обстояло дело и в нижестоящих штабах. К примеру, сохранилось яркое описание работы штаба 7-й пехотной дивизии генерала Н.Э. Бредова в занятом белыми Киеве. Генерал Бредов часами принимал штатских просителей с благодарностями и абсурдными вопросами (например, ехать ли имяреку лечиться на Минеральные Воды), но не имел времени и сил выслушать важнейший оперативный доклад своего сотрудника, а когда тот приходил докладывать поздно ночью, Бредов засыпал в ходе доклада, а докладчик от изнеможения после многочасовой работы опирался на стену, чтобы не отключиться. Проявлением той же деструктивной тенденции в белом военном администрировании было личное участие генерала Бредова, например, в расцепке вагонов штабного поезда². Бредов игнорировал собственного начальника штаба, не одобряя его образ жизни. При этом Бредов, по отзыву служившего с ним штабного офицера, «понял характер Гражданской “неправильной” войны и, ведя “неправильные” операции, побеждал не менее блестяще, нежели прославленные генералы того периода – Кутепов, Врангель, Май-Маевский, Покровский. Это был человек сильной воли и самых честных офицерских правил – он решительно ничем не пользовался во время войны и ушел в эмиграцию бедняком, чего нельзя было сказать о многих других героях войны. Служить с ним было нелегко – он не щадил себя, но и выжимал все силы из подчиненных, которым доверял. Его недостатком было желание во все вникнуть лично»³.

Критические отзывы о военном строительстве на белом Юге сохранились в личной переписке опытного генерала Л.М. Болховитинова. 16 (29) декабря 1918 г. он писал жене о том, что Добровольческая армия – это «просто какая-то кочевая банда... И это новая армия!? Подумай только!!!... Вы будете, вероятно, читать... “славословия” про здешние дела, но нас, старых воробьев, на мякине не проведешь»⁴. Критикуя порядки, установленные белыми, Болховитинов в своих письмах начала 1919 г. рассуждал о «генеральской сволочи», засевшей в тыловом Екатеринодаре, отмечал, что грабежи белых ничем не лучше лозунга красных «Грабь награбленное», что затягивание Гражданской войны может привести к взаимному истреблению народа и к скорейшей гибели страны.

¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 17. Л. 266об.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 529–530.

³ Там же. С. 530.

⁴ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 220об.–221.

Утрата моральных ориентиров, обесценивание жизни вели к разгулу преступности, в том числе в офицерской среде. Частыми были случаи убийств офицеров своими же товарищами, зафиксировано много случаев самоубийств, расправы над пленными. Неудивительно, что гибель некоторых известных белых военачальников незамедлительно обростала слухами о том, что они убиты кем-то из своих (например, такие слухи ходили о смерти генералов М.Г. Дроздовского и К.К. Мамантова¹). Массовый характер приобретали различные аферы, злоупотребления властью, грабежи, «самоснабжение». Получили распространение пьянство, кутежи. Немало вреда белым принес и конфликт фронта и тыла, под воздействием которого фронтовики считали допустимыми любые беззакония по отношению к тыловикам. Неудивительно, что генерал П.Н. Врангель эмоционально писал генералу А.И. Деникину 15 (28) февраля 1920 г.: «Армия, воспитываемая на произволе, в грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим развращавшими войска, такая армия не могла спасти Россию»².

Основные причины неудачи белого Юга (и прежде всего Донской армии) в офицерском вопросе обрисовал генерал А.Н. Алексеев в обширном письме генералу П.Н. Врангелю от 2 марта 1921 г. Документ содержал рекомендации по устранению недочетов в целях возобновления борьбы с большевиками. Алексеев, в частности, отметил: «Ненормальные, смехотворные явления в армии должны быть теперь уничтожены раз навсегда. Все эти опереточно-кустарные генералы, полковники обязаны уступить место людям опыта, знания и долга. Нужно призвать на должности опытных кадровых офицеров, умело и храбро сражавшихся в Великую войну. Троцкий понял это и призвал всех, требуя лишь работы, не считаясь с их политическими воззрениями; вот почему такие генералы, как Гутор, Парский, Клембовский, Брусиллов, служат в Красной армии, а у нас такой ученый специалист, как генерал Пашенко, сидит без места, торгует в кантине, все ожидая персонального вызова. Русской армии нужны люди, нужно их много, чтобы творить дело.

Вундеркинлизм впервые явился с благословения ген[ерала] Краснова, который, подражая Наполеону, стал создавать себе маршалов; они должны были дать ему опору и вес, но маршалы Наполеона завоевали 1/2 мира, а наши маршалы ничего не завоевали, но зато побежденные с валютой расхаживают по Константинополю, Белграду, Парижу. Ген[ерал] Краснов умудрился получить в один день 2 чина, его командующий армией в 3 месяца получил 2 чина, то же проделал и начальник штаба (был только что произведенный подполковник, а через 4 месяца надел генеральские погоны), немудрено, что, благодаря взятому тону, прапорщики 1917 года ныне уже

¹ Гагкуев Р.Г. Последний рыцарь // Дроздовский и дроздовцы. С. 107–111; Рейд 4-го Донского корпуса генерала К.К. Мамантова (август — сентябрь 1919 г.): Док. и мат. Подольск, 2018. С. 552.

² РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 201об.

полковники и генералы; так же щедро награждались и те офицеры, которые сидели в канцеляриях, управлениях, обозах и в Войсковом Круге, так, член Войскового Круга, бывший пристав, уволенный в отставку подполковником, сидя в Войсковом Круге, через три месяца был уже генерал-майор. Тон, взятый в Донской армии, нашел отзвук в Добровольческой армии. Вакханалия чинопроизводства и наград дошла до карикатурных размеров. В общем, по тем наградам и чином, которые давались в Донской армии, можно было думать, что эти высоко талантливые молодые начальники революционного периода не только овладели Москвой, Петербургом, Берлином, Парижем, перебросились к Нью-Йорку, овладели Чикаго, но и победно продвигаются к С[ан-]Франциско, а между тем результаты плачевны: все эти начальники топтались на Дону, Кубани, Крыму, а затем и были выброшены в С[ан-]Стефано.

В настоящей нормальной армии никаких чинопроизводств в Гражданскую войну не должно быть или если таковые даются, то весьма ограниченно, так, в междоусобную войну Севера и Юга Америки действительно талантливый полководец полковник Ли был к концу войны произведен в генерал-майоры. Можно оправдывать производство казаков в офицерские чины как прием или средство, усиливающее ряды офицеров. Так же нелепо награждать царскими орденами.

Авторитет вундеркиндов ничтожен. Поднявшись на высокую ранговую ступень, не впитав еще службой понятие долга и чести, такой молодой начальник отлично пользуется обстановкой ненаказуемости, перестает быть дисциплинированным и зачастую начинает изощряться во всех способах быстрого обогащения, особенно видя пример своих начальников, таких же революционных героев, быстро проскочивших в дамки. Более хитрые и предусмотрительные сумели вовремя скупить ценности и дома. Сделавшись богатыми, у них интерес к борьбе отошел на задний план; вот почему при отступлении в 1919 году некоторые из таких начальников не только не пожелали исполнить приказ двинуться в тыл Думенко, наступавшему в Новочеркасск, но и заговорили о необходимости мира с большевиками. Нельзя не сознать, что в этот период паника шла сверху, и, наоборот, казаки твердо верили в успех и недоумевали, почему отступление идет так поспешно.

В общем вундеркинды не спасли Россию, а, напротив, довели нас до настоящего тяжелого положения. Мое отрицательное отношение к вундеркинзму еще не значит, что ими нельзя воспользоваться: я полагаю, что они будут полезны, но только их нужно поставить на настоящее место: теперь вундеркинд командует дивизией, бригадой, полком, а между тем его надлежало быть только командиром сотни и самое большее – командиром полка, храбро бросающимся в атаку. Отличительная черта вундеркиндов – недисциплинированность, невыполнение боевых приказов, что пагубно от-

ражается и на казаках¹, и [на] солдат[ах], которые перестают быть послушным орудием своих начальников...

Кроме вундеркиндизма отрицательной стороной, возбуждающей неудовольствие, является протекционизм... Привожу характерный случай: в учреждение баронессы Врангель обратился с просьбой о выдаче одежды заслуженный генерал, плохо одетый, ему было княгиней Урусовой отказано. Сейчас же после ухода генерала трем молодым офицерам, заявившим кн. Урусовой, что они — гвардейские офицеры и нуждаются в обмундировании и белье, было все просимое выдано... Впоследствии один из офицеров рассказал, что они обманули княгиню, назвавшись гвардейцами, ибо знали, что только гвардейским офицерам выдавались костюмы, пособия. Разумеется, полученные костюмы были проданы на рынке, а генерал, действительно нуждавшийся в платье, остался без костюма. В Донской армии со времен [генерала] Краснова офицеры Атаманского полка стали быстрым темпом производиться в генерал-майоры и генерал-лейтенанты и так быстро, что сами стали удивляться, откуда у них обнаружались такие великие таланты...»² По мнению генерала П.И. Аверьянова, Деникин отталкивал старшее кадровое офицерство и тяготел «к новому офицерству революционной и добровольческой формации»³.

15 (28) декабря 1918 г. Деникиным был выпущен приказ о том, что в Добровольческой армии обер-офицеры служат до 43 лет, штаб-офицеры — до 50 лет⁴. Материальное обеспечение офицерства оставляло желать лучшего. Так, в конце 1918 г. прапорщик получал 450 руб. жалованья, а главнокомандующий — 3000 руб., в конце 1919 г. — 700 и 5000 руб. соответственно⁵. При этом даже 700-рублевый офицерский оклад едва превышал прожиточный минимум. Для сравнения, суточная норма продуктового потребления на человека в Екатеринодаре на 1 ноября 1919 г. оценивалась в 26,16 руб.⁶ В 1920 г. ситуация ничуть не улучшилась. В сентябре 1920 г. ежедневный кормовой оклад офицера составлял до 800 руб., тогда как простой обед из трех блюд стоил 5–10 тысяч руб.⁷ С марта по октябрь 1920 г. размер прожиточного минимума для семьи из трех человек в Крыму вырос более чем в 23 раза⁸. Никакие оклады не поспевали за столь стремительным ростом цен.

Во многих случаях представители белого командования лишь констатировали наличие серьезных недочетов в организации армии, но не пытались

¹ В документе несогласованно — казаков.

² НИА. Р. А. Koussonsky collection. Box 6.

³ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

⁴ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 34. Л. 158об.

⁵ Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. С. 248–249.

⁶ Там же. С. 255.

⁷ Там же. С. 391.

⁸ Там же.

их устранить. К примеру, генерал А.И. Деникин писал генералу П.Н. Врангелю 10 (23) августа 1919 г.: «Вопросы снабжения... действительно у нас хромают, и Вы знаете, что вполне наладить это дело при общей разрухе промышленности, при расстройстве транспорта, при самостийности Кубани — выше моих сил»¹. Таким образом, Деникин просто констатировал факт невозможности наладить снабжение, полагая, что какие-либо особые усилия в этом отношении предпринять нельзя. Думается, если бы большевики рассуждали аналогичным образом, они вряд ли могли бы рассчитывать на победу. Генерал А.К. Келчевский в 1919 г. прямо заявлял своему знакомому генералу: «Силенки у нас мало»².

Высшие офицеры белых армий, в отличие от их оппонентов из Красной армии, были вынуждены не только заниматься военными вопросами, но и отвлекаться на сферу гражданского управления. Генерал А.И. Деникин тратил на это значительную часть своего времени, хотя никакого опыта в этом отношении не имел. В результате страдали боевые операции, а вопросы гражданского управления также не получали правильного разрешения. Такой подход нередко провоцировал недовольство местного населения, поскольку крестьяне скептически относились к старому генералитету. Об этом, в частности, докладывал начальник Харьковского разведывательного пункта начальнику разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР 28 октября (10 ноября) 1919 г.³ Кроме того, военные часто были плохими гражданскими администраторами.

Между тем в самой военной сфере у белых хватало проблем. Достаточно отметить, что командование Донской армии только в оперативном отношении, а администрации казачьих войск лишь формально подчинялись Деникину, на деле они нередко проводили свою линию, шедшую вразрез с линией главного командования. Как отмечал британский офицер Х. Уильямсон, «в штабе Донской армии... творились жуткие интриги; и никогда нельзя было различить, кто во что верил по-настоящему»⁴. Другой современник отмечал, что командовавший Донской армией генерал В.И. Сидорин мог игнорировать приказы и Деникина, и донской администрации и «чувствовал себя маленьким царьком»⁵.

Интриганством отличался и командовавший Кавказской армией генерал П.Н. Врангель, разногласия которого с Деникиным по военным вопросам переросли в настоящее противоборство группировок в белом руководстве. Стоит

¹ Цит. по: *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 327.

² Цит. по: *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров: Воспоминания. М., 1996. С. 488.

³ Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского ОСВАГа. / публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург). 1991. № 2. С. 346.

⁴ *Уильямсон Х.* Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920. М., 2007. С. 79.

⁵ *Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля // Казачий исход. М., 2003. С. 28.

отметить, что Деникин и его окружение были представлены в основном армейцами, тогда как в окружении Врангеля заметную роль играли гвардейцы.

Как справедливо отмечал командующий советским Южным фронтом А.И. Егоров, «постоянного и неусыпного контроля, немедленного исправления недочетов, реагирования на нужды и запросы боевых частей – со стороны белой ставки не было; то же наблюдалось и в армейских органах. А распущенность и самостийность старших войсковых начальников довершали отрицательную характеристику методов управления.

Красные армии в этом отношении находились в совершенно другом и, несомненно, более выгодном положении. Метод живого, постоянного руководства высшего командования, частое личное общение с подчиненными при своевременной постановке задач войскам не могли не способствовать успеху»¹.

Начальник штаба Донской армии генерал-лейтенант А.К. Келчевский в своих неопубликованных воспоминаниях характеризовал штаб Деникина следующим образом: «Царившие в штабе главнокомандующего и особенно в тыловых военных управлениях косность, рутина, шаблон и бюрократизм исключали всякую живую мысль и возможность сдвинуть это дело с мертвой точки... Система отсутствовала»².

Весной – летом 1919 г. выявились острые противоречия в руководстве ВСЮР по стратегическим вопросам. Вдохновителем идеи «похода на Москву» был сам главнокомандующий – генерал А.И. Деникин. Его оппонентом выступил командующий Кавказской армией (ранее – Кавказской Добровольческой армией) генерал П.Н. Врангель, считавший приоритетной задачей соединение с Восточным антибольшевистским фронтом адмирала А.В. Колчака. Между штабом Кавказской армии и штабом главнокомандующего шел непрерывный торг относительно переброски Врангелю частей и передачи им ряда формирований в другие армии. В условиях малочисленности ВСЮР командованию приходилось заниматься латанием дыр, что приводило к конфликтам на фронте и обидам. Положение усугублялось плохим снабжением войск.

Резко критическую характеристику белого командования оставил британский офицер Х. Уильямсон. По его мнению, «командование на всех уровнях было действительно жутким... Ни один генерал не желал, чтобы им руководил кто-то другой, а так как у всех [у] них было слишком много власти, единства командования никогда не существовало. Они могли бы держаться годами, если бы отступили в укрепленные районы или координировали свои усилия, но они всегда были заражены амбициями либо леностью, которые убеждали их делать слишком много или недостаточно или оставаться

¹ Егоров А.И. Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 364.

² ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 234.

абсолютно безразличными»¹. Оценки иностранного наблюдателя созвучны дневниковому свидетельству полковника А. А. фон Лампе, датированному 3 (16) августа 1919 г.: «[Генерал В. Л.] Покровский смело и открыто заявил, что Кубанская армия — это ерунда, т. к. никаких технических сил у нее нет, а я добавлю “и управления”, что есть только казаки и лошади, да и то первых самостийники сбивают с толку — значит, остаются одни лошади. Да это и верно. Подражая Дону, Кубань забывает, что там людей больше и там стонут от недостатка офицерства, а высший командный состав (на[чальник] шт[аба] арм[ии] — Келчевский) приходится брать извне»². Негативную роль играло нежелание казачества активно сражаться за пределами войсковой территории, что, несомненно, должен был учитывать Деникин. Подобные оценки во многом были обоснованными. Ситуация усугублялась личными недостатками некоторых военачальников. Например, командующего Добровольческой армией генерала В. З. Май-Маевского, злоупотреблявшего спиртными напитками, что отражалось на эффективности управления войсками.

Отличительными чертами белого командования являлись шапкозакладательство и фатальная недооценка противника, которому отказывали в какой-либо квалификации. Усугубляло неудачи белых непонимание их руководством сути большевизма, способности его лидеров учиться на ошибках, быстро приобретать административный и организационный опыт. Как справедливо отметил близкий к руководству ВСЮР современник, «к Красной армии у нас относились так же упрощенно и прямолинейно, как и к революции и к большевизму вообще. Если революция часто исчерпывалась для нас понятием “бунта”, а большевики были не более как “германские агенты”, то вся Красная армия естественно сплошь состояла из “преступников”: ординарных — солдат и квалифицированных — офицеров»³. Показательно, что в начале 1920 г. белое командование старательно выясняло у случайно попавшего в плен военспеца М. П. Строева (Рихтера), нет ли в РККА немецких инструкторов или солдат⁴, очевидно, по-прежнему считая большевиков немецкими агентами.

Генерал А. М. Драгомиров писал генералу А. И. Деникину 12 (25) декабря 1919 г. о действиях войск Киевской области: «Мне только крайне тяжело сознание, что я со своими войсками не оказываю Вам той помощи, на которую Вы вправе были рассчитывать».

Вместо активных ударов всюду, не считаясь с силами красных, вместо самых дерзких маневров по тылам, мои войска оказались способными только на затыкание дыр и на позорное временами “непротивление злу” и остав-

¹ Уильямсон Х. Прощание с Доном... С. 85–86.

² ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

³ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина // Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 181.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...»: Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // Родина. 2013. № 1. С. 131; Он же. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 722–744.

ление своих позиций даже без сопротивления от одного вида большевиков, идущих в атаку. Наиболее удручающим было то, что сами начальники сознавали, что красных не так уж много, что настроение у них неважное, что они босы, легко одеты, голодны, злы на своих комиссаров, что это, в сущности, “рвань”, против которой достаточно одного-двух хороших полков. И тем не менее мы все уходили от этой “рвани” и никакими силами нельзя было вызвать войска не только на смелые, активные решения, но и на самое элементарное упорство»¹.

Катастрофа на фронте реанимировала многочисленные противоречия, сохранявшиеся в войсках и в тылу. Активизировались казачьи лидеры, все чаще стали проявляться конфликты в командном составе, интриги, войска были деморализованы, возросло дезертирство, начались восстания «зеленых» – нередко бывших солдат и офицеров самой деникинской армии. Противник Деникина – генерал Врангель зондировал почву для возможной смены командования, за что был вынужден на некоторое время уйти со службы и уехать из России. Оказавшиеся весной 1920 г. в безвыходной ситуации белые войска на Северном Кавказе тысячами сдавались в плен красным или интернировались в Грузию. Некоторые остававшиеся на фронте офицеры всю вину возлагали на генералов И.П. Романовского, А.М. Драгомирова, А.С. Лукомского и, в меньшей степени, на А.И. Деникина. Обсуждались возможности убийства первых трех².

Часть войск с Северного Кавказа была эвакуирована в Крым. Командир Добровольческого корпуса генерал А.П. Кутепов фактически предъявил ультиматум главному командованию, потребовав приоритетной эвакуации своих частей и предоставления ему диктаторских полномочий. Однако попытка Кутепова взять власть не удалась³. Серьезные потери в офицерских кадрах белые понесли при оставлении Северного Кавказа и уходе в Крым весной 1920 г.

С начала 1920 г. обострились отношения между командованием Донской армии и штабом Деникина. Донские генералы обвиняли Ставку в бездеятельности, утрате руководства, стремлении эвакуировать в Крым прежде всего добровольцев, а не казаков, и, по сути, предательстве⁴. В дальнейшем конфронтация лишь нарастала.

В марте 1920 г. остатки Донской армии были эвакуированы с кавказского побережья в Крым. Эвакуация из Новороссийска не была должным образом подготовлена, расчеты постоянно менялись. Сначала донское командование

¹ НИА. Р.А. Koussonsky collection. Box 10.

² Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 401.

³ Подробнее см.: Абинякин Р.М. Смена главнокомандующих Вооруженными силами на Юге России в 1920 г.: проблема сочетания «добровольческих» и «регулярных» устоев // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 15–25.

⁴ Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. 1. С. 475; Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. С. 182; Раковский Г.Н. В стане белых // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2004. Кн. 9: Донская Вандея. С. 325–326.

ввиду развала армии предполагало эвакуировать только офицеров (порядка 5000 человек), но затем стало очевидно, что хотят эвакуироваться и простые казаки, для чего не было необходимого тоннажа¹. В результате разразилась настоящая катастрофа. Был брошен конский состав, войска испытывали огромные трудности с эвакуацией из-за отсутствия судов, целые казачьи части были вынуждены оставаться на кавказском побережье, сдаваться в плен красным или присоединяться к повстанческим отрядам «зеленых». Командующий армией генерал В.И. Сидорин был настолько возмущен Деникиным, не выделившим, по его мнению, донцам необходимых транспортных средств, что, по одному из свидетельств, собирался застрелить его прямо на пристани². В разговоре с Деникиным вышедший из равновесия Сидорин обвинил главнокомандующего в предательстве³. В действительности же Деникин пытался в крайне сложной обстановке делать все возможное для эвакуации армии⁴.

Эвакуировавшиеся в Крым остатки Донской армии (около 10 тысяч человек) находились в плачевном состоянии, не имели лошадей и подчас даже оружия. По оценке начальника штаба армии генерала А.К. Келчевского, «это были не воинские части, а толпа обозленных, до глубины души оскорбленных людей, готовых к бунту»⁵. Уже в Крыму по политическим соображениям генералы В.И. Сидорин и А.К. Келчевский были сняты со своих постов, отданы под суд и уволены со службы⁶.

В результате катастрофы на военном совете в Севастополе 22 марта (4 апреля) 1920 г. было принято решение о смене руководства ВСЮР. На том же совещании председательствовавшим генералом А.М. Драгомировым был оглашен ультиматум британского правительства к белому командованию о необходимости завершения неравной и безнадежной борьбы и готовности англичан выступить посредниками на переговорах⁷. В случае отказа от мирных переговоров англичане прекращали какую-либо помощь и поддержку. Тем не менее борьбу решено было продолжать, а новым главнокомандующим стал генерал П.Н. Врангель.

Катастрофа постигла на кавказском побережье и 40-тысячную Кубанскую армию белых. В ответ на ультиматум РВС 9-й Кубанской армии крас-

¹ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 3. С. 796.

² Раковский Г. Н. В стане белых. С. 339.

³ Там же. С. 340.

⁴ Подробнее о новороссийской эвакуации см.: Венков А. В. Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014. С. 366–373; Дробязко С. И. Эвакуация войск ВСЮР с кавказского побережья (январь — май 1920 г.) // Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах (станция Еланская). 2010. № 4. С. 20–52.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

⁶ Подробнее см.: Ганин А. В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило». Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Док. и мат. М.; СПб., 2016. С. 54–75.

⁷ НИА. Vrangeli papers. Box 162. Folder 37.

ных командование во главе с генералом Н. А. Морозовым приняло решение сдать, что и произошло в начале мая 1920 г. Часть личного состава удалось эвакуировать в Крым, другая часть ушла в Грузию, но большинство сдались в плен. Всего было зарегистрировано 34 337 сдавшихся, включая 373 офицера от капитана до генерала и 858 офицеров в чинах до штабс-капитана¹. Таким образом, всего сдался 1231 офицер.

С приходом к власти на белом Юге генерала П. Н. Врангеля начались реорганизация остатков армии, органов военного управления и упорядочение тыла. Как свидетельствовал современник, «с первых же шагов командования армией генералом Врангелем, несомненно, всеми и везде почувствовалось управление. Число свободных офицеров в тылу стало заметно уменьшаться, войсковые части пополнялись, по[д]тягивались и в скором времени отправлялись на фронт, начали исчезать излюбленные до того “реквизиции”, якобы для надобностей армии в порядке “самоснабжения”, с которым генерал Деникин слишком мало боролся и что, однако, сильно вооружало население против Добрармии...»² Такое свидетельство не единично. По оценке генерала В. А. Замбржицкого, «после Деникина хаос и развал царили всюду, в верхах и в низах, но главным образом в верхах. Врангель сумел в короткий срок упорядочить все...»³ В армии возросла дисциплина.

Реорганизация армии проводилась в соответствии с докладом генерала П. С. Махрова от 8 (21) апреля 1920 г., в котором признавалось превосходство РККА над белыми и содержалась программа переустройства армии на регулярной основе⁴. Махров среди прочего предлагал всех боеспособных отправить на фронт, оставив минимальными аппараты управления и снабжения. Тем не менее сделать это не удалось.

Как отмечал генерал П. И. Залесский, «армия по существу оставалась прежняя, со всеми ее прежними недостатками... Те же “дивизии” из 400 штыков, те же поручики на ролях генералов; те же “вундеркинды” всюду — и в военной и в гражданской администрации; тот же протекционизм, те же “свои” везде, та же “лавочка” всюду; то же служение лицам... младшие командовали старшими без всяких данных на такое предпочтение... Управление Генеральным штабом было вручено офицеру, который гораздо лучше знал жандармское, чем военное дело...»⁵

Не были изжиты и многие противоречия, органически присущие белому лагерю. В частности, не прекращались конфликты внутри военного руко-

¹ Черкасов А. А. Трагедия войск генерала Шкуро на территории Сочинского округа в апреле — начале мая 1920 г.: Материалы исследования. Сочи, 2003. С. 23.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 221. Л. 69.

³ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 142.

⁴ Публикацию доклада см.: Секретный доклад генерала Махрова // Грани. 1982. № 124. С. 183–243.

⁵ Залесский П. И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 252–253.

водства. Например, генерал Я. А. Слащов обвинялся Врангелем в интригах¹. Врангель даже считал Слащова психически больным человеком². Слащов, в свою очередь, не доверял штабу Врангеля³, считал, что штаб главнокомандующего не способен управлять войсками в стратегическом масштабе⁴. Неудивительно, что такой генерал был вынужден уйти из армии.

Младшее офицерство также лихорадило. Распространенными были рассуждения о предательстве командования. В Крыму в начале 1920 г. восстание против белых поднял командир 1-го добровольческого полка капитан Н. И. Орлов. Это движение вызвало определенное сочувствие в рядах белых на фоне фронтовых неудач и разочарования в способностях командного состава. Орлов на короткий срок захватил Симферополь, Ялту. В дальнейшем со своим полком вернулся на фронт. В марте, однако, он увел полк с фронта и после неудачного столкновения с частями белых скрылся в горах с небольшой группой соратников. Впоследствии к нему примкнули другие дезертиры, а его выступление переросло в повстанческое движение в Крыму, получившее наименование орловщины. Движение боролось с белыми вплоть до их эвакуации из Крыма. Впрочем, в декабре 1920 г. Орлов вместе с братом были расстреляны красными.

Врангелем были амнистированы все офицеры, перешедшие от красных и подвергшиеся каким-либо преследованиям⁵. Попытки пополнить офицерский состав за счет привлечения на свою сторону военспецов РККА (в частности, Врангель подготовил воззвание к офицерам, оказавшимся в Красной армии⁶) значимых результатов не дали. Меры эти были запоздалыми. Война завершалась и не в пользу белых, в этот период даже самым недалеким офицерам была очевидна бесперспективность присоединения к терпящей поражение стороне.

Осенью 1920 г. остатки Русской армии генерала П. Н. Врангеля оставили Северную Таврию, избежав окружения, а затем были вынуждены покинуть Крым. По расчетам белого командования Крым нельзя было длительное время оборонять в условиях блокады по причине недостаточности имевшихся запасов продовольствия⁷. Как только отход белых в Крым стал неизбежным, Врангель отдал распоряжения о подготовке флота к возможной эвакуации. В результате удалось избежать трагических обстоятельств, сопровождавших предыдущую новороссийскую эвакуацию. В ноябре 1920 г. остатки врангелевской армии покинули Крым. На 126 судах были эвакуированы в Турцию

¹ Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 176.

² Там же. С. 268–269.

³ Слащов Я. А. Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 88.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 177об.

⁶ Новая русская жизнь (Гельсингфорс). 1920. 10.06. № 123. С. 2.

⁷ Октябрь 1920-го. Последние бои Русской армии генерала Врангеля за Крым. М., 1995. С. 98.

145 693 человека, не считая судовых команд, из них до 100 тысяч человек относились к армии¹.

С занятием Крыма частями РККА 16 ноября 1920 г. был образован Крымский революционный комитет, председателем которого стал венгерский интернационалист Б. Кун. Развернулись массовые репрессии в отношении оставшихся в Крыму «бывших» людей. Одной из особенно пострадавших категорий было офицерство. По заслуживающим доверия данным, было расстреляно не менее 12 тысяч человек (в том числе до 30 губернаторов, более 150 генералов и 300 полковников)².

¹ Русская армия и флот в изгнании (1920–1923 годы). Севастополь, 2007. С. 3; Карпов Н. Крым — Галлиполи — Балканы. М., 2002. С. 20.

² РГВА. Ф. 33988. Оп. За. Д. 41. Л. 304; Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 105; Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 152–153. Списки части расстрелянных см.: Абраменко Л. М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005.

Глава 6

Офицеры в антибольшевистском лагере на Востоке России

Вторым по численности офицеров антибольшевистским фронтом после Южного стал Восточный. По площади территории белый лагерь на Востоке России был наиболее крупным, однако специалисты едины в оценке того, что офицерские кадры Восточного антибольшевистского фронта значительно уступали белому Югу как количественно, так и качественно. По общим оценкам из примерно 30 тысяч офицеров белых армий Востока России кадровые офицеры составляли не более 6%, или 1800 человек¹.

Первоначально сопротивление красным здесь носило очаговый характер, только к осени 1918 г. можно говорить о возникновении единого лагеря. Как и на Юге, на Востоке России офицеры сыграли руководящую и во многом определяющую роль в борьбе с большевиками. Казачьими офицерами являлись лидеры первых антибольшевистских очагов сопротивления, возникших на Южном Урале и в Забайкалье еще в конце 1917 г., – полковник А.И. Дутов и есаул Г.М. Семенов. Их окружение также состояло во многом из казачьих офицеров. Первоначально силы противников красных были малочисленны. Так, в отряде Г.М. Семенова к началу января 1918 г. состояли 556 человек, включая 51 офицера, всего же с января по август 1918 г. в Особом Маньчжурском отряде успели послужить свыше 700 офицеров². Интересно, что среди них, помимо составлявших большинство русских офицеров, были сербы, японцы, буряты, монголы, корейцы, китайцы и турки.

Первые очаги борьбы были красными разгромлены, а образование серьезного фронта произошло в начале лета 1918 г. в результате восстания Чехословацкого корпуса (в котором тоже служили русские офицеры) и последовавших выступлений подпольщиков. Офицеры стояли во главе практически всех значимых антибольшевистских движений начального периода Гражданской войны на Востоке. Сыграли они решающую роль и в приходе к власти в результате омского переворота 18 ноября 1918 г. адмирала А.В. Колчака. Ставший Верховным правителем и Верховным главнокомандующим (факти-

¹ Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 221.

² Атаман Семенов. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999. С. 126; Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013. С. 182.

чески диктатором и единоличным руководителем Белого движения на Востоке России) адмирал А.В. Колчак также представлял офицерскую корпорацию. Офицерами являлись и его преемники во главе различных антибольшевистских режимов Востока России периода 1920–1922 гг. — генералы Г.М. Семенов и М.К. Дитерихс.

Источники комплектования белых армий Востока России офицерским составом различны. Одним из значимых являлись офицеры-добровольцы. Прежде всего, это были участники многочисленных в Сибири антибольшевистских подпольных организаций (в основном эсеровского толка), действовавших с конца 1917 по середину 1918 г. Именно на базе подпольных организаций летом 1918 г. формировалась Сибирская армия.

Один из участников подполья, бывший полковник Л.Д. Василенко, впоследствии показал, что «во всех городах и крупных пунктах Сибири организовались боевые организации, имевшие цели в свержении советской власти Сибири. Организации эти состояли по преимуществу из офицерства, эсерствующего реакционного студенчества.

Инструкции и директивы организации получали из своего центрального органа Сибправительства в лице военного министра Краковецкого. Так, организацией оттуда были получены 2 ориентировки о положении правительства на Дальнем Востоке и предполагаемом объединении на борьбу с Советами и всех дальневосточных вооруженных сил, в том числе и атамана Семенова.

Организации на местах имелись почти всюду. Во главе их в Восточной Сибири стоял генерал Эллерц-Усов... в Западной Сибири — Гришин-Алмазов. В Западной Сибири, начиная от реки Енисея, организации офицеров были в Красноярске, Ачинске, Тайге, Новониколаевске, Омске, Барнауле, Семипалатинске и других местах»¹.

В работе подполья по всей Сибири участвовали сотни офицеров (только в иркутской организации состояли 142 офицера, в канской — 38, в нижнеудинской — 47)². Подпольные организации зафиксированы не менее чем в 38 пунктах от Урала до Забайкалья. Общая численность подпольщиков оценивается примерно в 6000 человек. В некоторых местах они успешно внедрились в советские органы. Например, бывший генерал В.Л. Попов занял пост начальника штаба Сибирского военного комиссариата. Подполье существовало и в Поволжье³, где летом 1918 г. начала формироваться Народная армия.

Как правило, добровольно выступали против большевиков офицеры казачьих войск (на Востоке России — Уральского, Оренбургского, Сибирского,

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 331. Л. 167.

² Ларьков Н. С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 128, 233.

³ В частности, казанская организация генерала И.И. Попова насчитывала порядка 450 членов (прежде всего, офицеров), однако к началу лета 1918 г. была раскрыта (Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 101). Подпольные организации существовали также в Самаре, Пензе, Саратове и Симбирске.

Семиреченского, Енисейского, Иркутского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского). По большей части, это были высокомотивированные командиры. Показательно соотношение казачьих офицеров в противоборствующих лагерях. Так, из числа офицеров-уральцев, участвовавших в Первой мировой войне, 564 человека сражались в антибольшевистских формированиях, тогда как за красными пошли только 14 человек¹. Начальник штаба Отдельной Уральской армии генерал В.И. Моторный, находясь в плену, показал: «К началу войны в войске числилось около 400 офицеров, из коих лучших 50 человек было оставлено для учебного полка и 60 человек пущено на льготы; остальным было предложено делать что угодно. Однако с объявлением войны все они были призваны, но назначения на фронт получали более молодые; старики оставались не у дел. Убыль командного состава (офицерского) пополнялась производством из урядников и выпуском из школы юнкеров, образованной в Уральске в середине 1918 года, и пополнялась казаками – участниками Гражданской войны, т. е. уже получившими боевой опыт. Часть офицеров была прислана Деникиным, но едва ли общее число их превышало 30 человек. Колчак прислал трех офицеров для занятия должностей Генштаба»².

К категории добровольцев относились также участники антибольшевистских восстаний в Ярославле, Рыбинске, Муроме, на Ижевском и Воткинском заводах (в общей сложности участники восстаний дали белым несколько сотен офицеров). Часть офицеров-добровольцев прибывала из-за границы.

Однако в отличие от Юга России, куда офицеры-добровольцы стекались со всех концов страны, «в Сибирь... пробиралось и там оседало главным образом офицерство, имевшее какую-либо связь с этим обширным краем Российской державы. Число офицеров, не связанных с Сибирью, попавших туда случайно, главным образом по причине стремления в отряды Дутова и Семенова, было в общем незначительным»³.

Другой существенный источник комплектования представляли офицеры – перебежчики из Красной армии. Летом 1918 г. на Востоке страны многие офицеры, ранее оказавшиеся в Красной армии, перешли на сторону антибольшевистских сил. Среди них такие, позднее получившие известность деятели Белого движения, как А.И. Андогский, Б.П. Богословский, В.О. Капель, А.Ф. Матковский, Ф.Е. Махин, П.П. Петров и многие другие. Наибольшей массовостью отличался переход на сторону антибольшевистских сил Военной академии в Екатеринбурге и Казани. Тогда в различные антибольшевистские формирования перешли преподаватели и служащие академии, а также не менее 170 офицеров – слушателей старшего класса (80,6% слу-

¹ Картагузов С. В. Офицерский корпус Уральского казачьего войска в годы Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 2, ч. 1. С. 44.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 582. Л. 122–122об.

³ Филимонов Б. Б. На путях к Уралу: Поход степных полков: лето 1918 года. Шанхай, 1934. С. 11.

шателей) и 80 слушателей младшего ускоренного курса (69,6% слушателей)¹. У красных за некоторым исключением остались лишь те, кто болел, находился под арестом, в командировках и отпусках. Однако неприятие белыми офицерами любых форм примиренчества и тем более сотрудничества с большевиками ударяло по тем, кто переходил к белым из Красной армии.

По этим причинам, например, длительное время подвергались травле перешедшая от красных Военная академия и ее представители. Показательным стал инцидент с несостоявшимся назначением начальника академии генерал-майора А.И. Андогского начальником штаба Ставки адмирала А.В. Колчака. Опасаясь отрицательного мнения о себе в военном руководстве белого Востока России, только что пришедший к власти Колчак в ноябре – декабре 1918 г. провел опрос старших офицеров о возможности этого высокого назначения для ранее служившего у красных Андогского. Несмотря на незначительный перевес сторонников Андогского, Колчак так и не решился назначить этого генерала. В результате интриг начальником штаба Ставки стал полковник Д.А. Лебедев, с деятельностью которого современники и исследователи связывают неудачу наступления белых на Восточном фронте весной 1919 г. Согласно подписанному позднее тем же Лебедевым приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего № 189 от 8 марта 1919 г., пленные военспецы подлежали военно-полевому суду, а добровольные перебежчики из генералитета подлежали отправке в Омск в распоряжение начальника Главного штаба.

Предубеждение против перешедших из Красной армии военспецов было напрасным. Многие из них блестяще себя проявили в рядах белых. Проиллюстрируем это приказом 7-й Уральской дивизии горных стрелков № 46 от 7 октября 1918 г. об одном из бывших военспецов М.А. Демишхане: «18 сентября во главе отряда, сформированного из передавшихся на нашу сторону красных, на Режевский фронт выступил капитан Демишхан.

Сумев не только сколотить роты, но и воспитать в них истинный воинский дух, капитан Демишхан повел свой отряд в бой.

Проведя в боях время от взятия Егоршино до Алапаевска, предводительствуемые капитаном Демишхан роты выполняли всевозможные ответственные боевые операции.

В течение последних 6 дней, с 21 по 27 сентября, капитан Демишхан, командуя самостоятельной группой, получил задачу обеспечения левого фланга колонны, в силу чего группе пришлось, преодолевая сопротивление красных, обходом по размытым дождями дорогам пройти более 120 верст.

27 сентября, после чрезвычайно тяжелых переходов, во исполнение задачи, впереди своих цепей, под перекрестным огнем пулеметов, ружей и орудий с фланга с криком “Ура” отважный капитан Демишхан бросился на про-

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

тивника, и только благодаря внезапности и порыву превосходящие силы красных не устояли и, дрогнув, оставили дер. Алапахна.

Когда наша цепь под губительным огнем красных залегла, капитан Демишхан, проходя во весь рост по цепи, поверял расположение людей, запас патронов и ободрял солдат для новой атаки.

Но этот героический подвиг стоил крови храбрейшего из храбрых капитана Демишхан. Он тяжело ранен ружейной пулей в грудь навывлет и контужен в руку.

С гордостью объявляю этот подвиг в приказе, с грустью болею душой за героя — георгиевского кавалера и с нетерпением и затаенной радостью ожидаю быстрого выздоровления дорогого моему сердцу славного бойца...»¹

Перебежчики от красных и взятые в плен офицеры подвергались преследованиям и в 1919 г. Командующий Северной группой Сибирской армии генерал А. Н. Пепеляев докладывал командующему армией генералу Р. Гайде 21 июня 1919 г. о том, что «роковую роль сыграл в этом отношении приказ наштаверха² № 189, в котором всех взятых приказано предавать суду. Приказ этот настолько не соответствует жизни, что мне непонятна цель, которой хотел достигнуть отдававший его.

В Перми ко мне присоединился 701 красный офицер, почти все они занимают командные должности, из них сформирована Пермская дивизия, боевая работа которой блестяща. Что же остается делать офицеру, у которого позади пуля комиссара, а впереди военно-полевой суд? Ясно, да это подтвердилось теперь показаниями пленных, что офицеры, сдававшиеся раньше десятками, теперь дерутся до конца. Насколько этот приказ недалековиден политически, настолько он жесток по отношению к строевому офицерству, клавшему тысячами свои головы на германской войне и кладущему их сейчас вольно и невольно на всех многочисленных фронтах России»³.

Разумеется, основным источником комплектования антибольшевистских армий Востока России стали мобилизации. В Народную армию Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча) летом 1918 г. оказались мобилизованы до 6000 офицеров (сюда же входили и добровольцы). Мобилизации подлежали офицеры до 35 лет⁴. В Сибирскую армию к 1 октября 1918 г. призвали 10 754 офицера⁵. В Сибири офицерская мобилизация охватывала лиц до 43 лет (этот же предельный возраст был позднее подтвержден приказом Колчака № 75 от 18 декабря 1918 г.). В Сибири не хва-

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 247–247об.

² Начальника штаба Верховного главнокомандующего.

³ Цит. по: «Россия погибнет в волнах новой анархии» / публ. Н. Д. Егорова и Н. В. Пульченко // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 81.

⁴ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь — октябрь 1918 г.). М., 2011. С. 260.

⁵ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 72. Л. 1об.

тало штаб-офицеров, существовали трудности с назначениями командиров полков и батальонов, не хватало генштабистов, военных инженеров, военных юристов, интендантов¹.

Развертывание единых антибольшевистских вооруженных сил привело к складыванию совершенно иной ситуации. Офицеров оказалось недостаточно уже не только на штаб-офицерских должностях, но и на должностях младших офицеров, причем этот дефицит белые так и не преодолели даже в 1919 г. Некомплект командных кадров в июле 1919 г. достигал порядка 10 тысяч человек, включая примерно 8500 обер-офицеров — т. е. командиров младшего и среднего звена².

Мобилизации, конечно, не могли дать столь мотивированных командиров, какие пришли в армию добровольно. Офицеры нередко не горели желанием участвовать в Гражданской войне. Так, красные провели в Казани в начале августа 1918 г. регистрацию офицеров, выявившую около 3000 человек. Белые же после занятия города 7 августа 1918 г. смогли сформировать лишь две офицерские роты общей численностью не более 730 человек³. Проблема уклонения офицеров от призыва, несмотря на угрозы, не была решена и позднее при Колчаке. В этой связи неудивительно, например, что наиболее известные лидеры сибирских и дальневосточных красных партизан являлись бывшими офицерами (А. Д. Кравченко и С. Г. Лазо имели чин прапорщика (в отношении Лазо также фигурирует чин подпоручика), П. Е. Щетинкин — штабс-капитана). Большое количество офицеров, попав на службу, уклонялись от отправки на фронт.

По некоторым данным, к началу 1919 г. некомплект офицеров у Колчака достигал 10 000 человек⁴. Некомплект офицеров в частях Оренбургского казачьего войска по отношению к штату, по данным на 15 октября 1918 г., достиг чудовищной цифры — не менее 63 штаб-офицеров и не менее 801 обер-офицера⁵. Во многих казачьих полках некомплект исчислялся двузначными цифрами⁶. По штату в казачьем конном полку полагались 4 штаб-офицера и 45 обер-офицеров. Так, во 2-м Оренбургском казачьем полку не хватало до штатного количества 2 штаб-офицеров и 31 обер-офицера, в 5-м — 1 штаб-офицера и 40 обер-офицеров. Атаман А. И. Дутов 7 сентября 1918 г. даже обратился к казачьим офицерам с призывом не покидать свои части в связи с некомплектом⁷. Бывало, что на офицерских должностях из-за нехватки

¹ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 87об.

² Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала... С. 59.

³ Каревский А. А. В. О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевистской борьбы в Поволжье в 1918 г. // Каппель и каппелевцы. М., 2007. С. 635.

⁴ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 148.

⁵ Подсчитано по: ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 106. Л. 1–5.

⁶ Подробнее см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 255–256.

⁷ РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 72. Л. 35.

офицерского состава находились унтер-офицеры¹. Тыл же, наоборот, был переполнен офицерством. Не способствовало исправлению ситуации и суровое отношение к бывшим офицерам, ранее служившим у красных и попавшим в плен к белым.

В Сибирской армии на 1 марта 1919 г. значились 83 кадровых офицера и 3193 офицера военного времени², на 15 марта – 70 кадровых офицеров при 3009 офицерах военного времени³. В IV Оренбургском армейском корпусе к 1 апреля состояли 19 кадровых офицеров и 389 офицеров военного времени⁴. К 15 апреля 1919 г. во всей Западной армии насчитывалось 138 кадровых офицеров и 2548 офицеров военного времени⁵. Во II Уфимском армейском корпусе к той же дате состояли 49 кадровых офицеров и 924 офицера военного времени⁶. В мае 1919 г. в 4-м Оренбургском казачьем полку насчитывалось 3 кадровых офицера и 2 офицера военного времени, в 33-м Оренбургском казачьем полку – 1 кадровый офицер и 4 офицера военного времени⁷. В Сибирской армии в мае не хватало офицеров даже для укомплектования штабов двух армейских групп, которые комплектовались по штатам штабов неотдельных армий⁸.

Имевшиеся в наличии офицеры оставляли желать много лучшего, причем не только по своей подготовке. По свидетельству министра иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукина, «командный состав наших войск, без всяких сомнений, был крайне неудовлетворителен. Младшие офицеры представляли собой серую массу, недостаточно воспитанную, старшие же начальники были лишены дарований, дисциплины и настойчивости, которых требовали тяжести условий борьбы. В этом отношении Красная армия всегда имела над нами решающее преимущество, ибо ее командный состав был, с одной стороны, опытен, а с другой – вынужден подчиняться строжайшей дисциплине, которую большевики особенно применяли в отношении офицеров»⁹.

В связи с кадровым голодом на Востоке России была организована собственная ускоренная подготовка офицеров в военных училищах, школах прапорщиков, инструкторских школах и на военно-училищных курсах. Военно-учебные заведения создавались, прежде всего, в крупных центрах – Уральске, Перми, Екатеринбурге, Челябинске, Кургане, Петропавловске, Омске, Томске,

¹ Напр.: *Волегов И.К.* Воспоминания о Ледяном походе. Данденонг, 1988. С. 37.

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

³ Там же. Л. 57.

⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 11 об.–12.

⁶ Там же.

⁷ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 63. Л. 169 об., 171.

⁸ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 56 об.

⁹ Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // *За спиной Колчака: Док. и мат. М.*, 2005. С. 414–415.

Чите, Хабаровске, Владивостоке. Использовались и военно-учебные заведения, сохранившиеся с дореволюционных времен (например, Оренбургское казачье и Иркутское военное училища). Считается, что белые смогли подготовить на Востоке России порядка 6000 офицеров. Осуществлялось производство в офицеры и унтер-офицерского состава. При этом военно-учебные заведения оттягивали на себя немалое количество офицеров постоянного состава (преподавателей, администраторов), прежде всего кадровых, столь необходимых на фронте. Кроме того, велась и переподготовка, а также повышение квалификации. Так, в начале 1919 г. в Томске возобновила учебную работу Военная академия. В мае 1919 г. академия по сокращенной программе выпустила 152 офицера младшего класса курсов 4-й очереди, которые были распределены в основном по колчаковским штабам.

Генерал А.Н. Пепеляев в этой связи отмечал в июне 1919 г.: «В первый период существования нашей армии не было сделано ничего для увеличения офицерского состава, создавались лишь повторительные школы разных типов, отнимавшие офицеров от строя, о школах прапорщиков начали думать недавно, но напряженной работы в этом направлении не видно и до сих пор. Необходим призыв интеллигенции в широких размерах, необходимо, наконец, облегчить доступ к офицерскому чину солдат, это теснее сплотит тех и других в одну дружную семью, что так необходимо в Гражданской войне. Положение офицерского вопроса грозно и требует решительных мер к его упорядочению»¹.

Впрочем, пополнения, готовившиеся белыми в 1919 г., оценивались очевидцем критически. Так, в 11-й Сибирской стрелковой дивизии «офицеры были малоопытны и малоавторитетны... Офицеры были молодцы, отличные гимнасты, вероятно, не хуже и стреляли, но с солдатом обойтись, подойти к нему не умели. Это были отличные рядовые бойцы и только»². Разумеется, неслаженное формирование без подготовленных офицеров, в котором было распространено панибратское отношение нижних чинов и командного состава, не могло дать хороших результатов в боевой обстановке.

Яркую характеристику молодых мобилизованных колчаковских прапорщиков дал иностранный наблюдатель: «Они были студентами, их мобилизовало омское правительство... Как большинство их товарищей, они из средней и мелкой буржуазии, и на эту войну отправились без большой охоты. Они далеки от жертвенности добровольцев и не собираются вступать с ними в соревнование. Именно в таких офицерах нуждается новая Россия, в добровольческих отрядах мало представителей "интеллигенции". Вынужденно попав на военную службу, молодые буржуа не противятся и добросовестно принимают исполнять свои обязанности. Они участвуют в войне надежными

¹ «Россия погибнет в волнах новой анархии». С. 81.

² ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 6об.

пешками, каковыми и являются. Без большого опыта, но старательно исполняют работу, которую поручают им их язвительные нетерпеливые начальники.

Офицер старого режима раздражает пришедшего служить солдата жесткостью, недоступностью и обращением всегда свысока. Эти прапорщички обращаются с такими же, как они, молодыми солдатами, доброжелательно, что не уменьшает авторитета.

Молодые офицеры одеты бедно, чуть ли не в лохмотья, лишены всех удобств, какие в изобилии в тылу. Здесь не увидишь красивой формы – плащей, ярких доломанов, киверов, богато украшенных сабель как в Омске, Иркутске, Чите, Харбине, Владивостоке, где царские офицеры, объявившие, что революция их разорила, поражают и эпатажируют общество расточительностью. Здесь, в действующей армии, нет ни табака, ни сахара, ни кофе, нет даже муки, хотя все это имеется в интендантстве армейского корпуса и армии... Мои молодые друзья – старшему двадцать лет – живут и в своей новой жизни домашними привычками. Один из них прекрасно играет на виолончели¹. Тот же наблюдатель отмечал, что «молодость и неопытность офицеров, в большинстве своем недавних гимназистов, которым нет и 20, часто ставит армию на низшую ступень боевой готовности»².

Острая нехватка офицерских кадров приводила к ускоренному чинопроизводству и к стремительному продвижению по службе младшего и среднего звена командного состава. До 1918 г. менее половины высших руководителей Белого движения на Востоке России имели генеральские чины, большинство же начальников высших штабов и командующих армиями имели до 1918 г. чин полковника, не говоря уже о нижестоящих начальниках³. На высшие командные посты (командующих армиями, корпусами, дивизиями) белые, за рядом исключений, подтверждающих правило, старались не назначать высококвалифицированных генералов старой армии.

Генералами нередко становились еще совсем молодые люди, достаточно энергичные, но не обладавшие ни жизненным, ни административным опытом. К примеру, Р. Гайда, А.Я. Крузе и Н.П. Сахаров получили первый генеральский чин в 26 лет, А.Н. Пепеляев – в 27, А.В. Круглевский и А.И. Тирбах – в 28, Г.М. Семенов – в 29, И.П. Калмыков – в 30 лет. Помимо харизмы лидеров, энергии, понимания природы Гражданской войны молодежи в генеральских погонах были свойственны недооценка противника, военно-политический авантюризм, шапкозакидательство, легкомыслие. В общей сложности генеральские и адмиральские чины в 1918–1922 гг. на Востоке России получили свыше 384 офицеров⁴. Всего же в антибольшевистских силах Во-

¹ Грондейс Л. Война в России и Сибири. М., 2018. С. 239.

² Там же. С. 391.

³ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 269.

⁴ Подсчитано с уточнением по: Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011.

стока России служили не менее 728 генералов и адмиралов. Таким образом, более 53% белых генералов и адмиралов Востока России получили высшие чины непосредственно в Гражданскую войну. Следует учесть, что как до возникновения централизованного командования антибольшевистскими силами Востока России, так и в период распада белых армий Восточного фронта практиковались производства в генеральские чины различными местными властями и атаманами. Молниеносность производства порой являлась поводом для ироничных наблюдений¹. Сотни новоиспеченных генералов были явно избыточны для белых формирований Востока России и, наоборот, усугубляли нехватку кадровых офицеров на более низких ступенях служебной иерархии.

Показателем слабости военной системы белых и фактического отсутствия централизации и единоначалия стало и то, что в период конфронтации опиравшегося на Японию атамана Г.М. Семенова с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком первый осуществлял собственные массовые производства в генеральские чины. При этом 30 из 35 генералов, произведенных Семеновым в 1918–1921 гг., в первой половине 1918 г. служили в его Особом Маньчжурском отряде, т. е. являлись лично преданными ему проверенными людьми с боевым опытом Гражданской войны². Фактически речь шла о создании Семеновым собственной генеральской группировки. Среди семеновских производств можно отметить генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова, произведенного в этот чин в сентябре 1921 г. Чин генерал-майора Глебов получил в октябре 1920 г. в возрасте 32 лет, а на 1917 г. был всего лишь хорунжим. Генерал Будберг писал, что семеновские начальники «присваивают себе небывалые титулы, пугачевские производства и никогда не заслуженные георгиевские кресты»³.

Децентрализованные производства в высокие чины, общность принадлежности к тому или иному казачьему войску или учреждению, объединение вокруг какого-либо военного вождя — все это вело к формированию офицерских и генеральских группировок и землячеств. Группировки офицеров разобщали командный состав, боролись друг с другом и нередко играли политическую роль, а их представители отстаивали и лоббировали коллективные интересы. Например, такую сплоченную группу образовали сотрудники Военной академии, оказавшейся на Востоке России. «Академическая группировка» сыграла видную роль в событиях омского переворота 18 ноября 1918 г. и прихода к власти в качестве Верховного правителя адмирала А.В. Колчака⁴.

¹ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 313.

² Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. С. 186.

³ НИА. А. Р. Budberg collection. Вох 1. Л. 5об.; опубли в: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 599.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. «Академическая группировка»: участие в подготовке и реализации омского переворота 18 ноября 1918 года // Личность, общество и власть в истории России:

У истоков Белого движения на Востоке России стояли, как правило, молодые штаб-офицеры, которые достаточно быстро получили генеральские чины. Ускоренное чинопроизводство продолжалось и в дальнейшем. Такая кадровая политика вела к появлению «выскочек» и «вундеркиндов», вызывала недовольство старых заслуженных генералов, получивших свои чины в результате многолетней службы (до Февральской революции правом производить в генеральские чины обладал лишь император). Генералы дореволюционного производства на должностях начальников дивизий и командиров корпусов были единичны и в основном себя в условиях Гражданской войны не проявили. Генеральская молодежь, вполне естественно, не собиралась уступать старшему поколению. Тем более что многие молодые генералы обладали значительными заслугами перед Белым движением. На это накладывалась специфика Гражданской войны, которую старые офицеры не всегда могли уловить и должным образом перестроиться¹. Отзвуки противоречий сохранились даже в эмиграции. Так, генерал В.М. Молчанов, получивший первый генеральский чин в 33 года, заявил критиковавшему «выскочек» заслуженному генералу А.П. Будбергу, который был на 17 лет старше: «Вы, барон Будберг, занимали пост военного министра — Вы укрылись! А почему Вы не пошли командовать корпусом, почему Вы не пошли командовать дивизией? Наладить это дело? Простите, потому что Вы не были подходящи для этого. Потому что Вы знали: дивизия, по-вашему, — это 14 тысяч штыков, а мы дивизией считаем — у нас до 1500 штыков доходило. И выполняли дивизионные задачи»².

Генерал А.Н. Пепеляев, ставший генерал-майором и генерал-лейтенантом в возрасте 27 лет, был противником привлечения на командные посты старого офицерства. Он писал другому такому же молодому генералу Р. Гайде в июне 1919 г.: «Нельзя пополнять недостатка в офицерах старыми начальниками. В нашей армии, требующей чрезвычайной напряженности работы для одержания победы, не место старым рутинерам, безвольным и апатичным, неспособным бороться за идею возрождения; они разложат нашу так же быстро и хорошо, как разложили царскую. Не все они таковы, среди них имеются выдающиеся люди неослабевшей энергии, к которым присоединяется лишним плюсом опыт зрелых лет, таков, например, начдив³ 16-й Сибирской генерал-майор Шаров, пошедший, несмотря на свои 54 года, добровольцем в армию и оказавшийся выдающимся по энергии начальником. Но необходимым строжайший выбор только исключительных начальников»⁴.

Сборник научных статей, посвященный 70-летию д.и.н., проф. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 272–294.

¹ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 50.

² Молчанов В. М. Последний белый генерал: Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 109–110.

³ Начальник дивизии.

⁴ «Россия погибнет в волнах новой анархии». С. 81.

Еще в начале ноября 1918 г. был издан приказ главнокомандующего генерала В.Г. Болдырева о приостановке чрезмерно ускорившегося чиновного производства. Предписывалось делать представления о производстве лишь за особо выдающиеся подвиги, а в остальных случаях ограничиваться объявлением благодарностей¹. В войсках Колчака командующие армиями в июне 1919 г. получили право производить офицеров в чины до капитана включительно². Вышестоящие производства осуществлялись приказами Верховного правителя и Верховного главнокомандующего. 28 августа 1919 г. последовал приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 179 о том, что в генеральские чины вне театра военных действий разрешалось производить лишь за боевые отличия и за особые государственные заслуги.

Как свидетельствовал генерал М.А. Иностранцев, «в Сибири чувствовался вообще большой недостаток офицеров Генерального штаба, что при ответственной и требующей больших и специальных знаний работе созидания армии должно было очень серьезно давать себя чувствовать. На фронте действующих³ против большевиков войск недостаток тех же специалистов также был настолько силен, что многие ответственные должности в штабах были заняты совсем молодыми, не имеющими никакого опыта офицерами, зачастую имеющими и минимальное военное образование»⁴.

Нельзя назвать слаженной и работу штабов. Между различными штабами были развиты дух соперничества и антагонизм, что особенно ярко проявилось в вопросах взаимодействия колчаковских армий в период весеннего наступления 1919 г. Когда на фронте Западной армии начались неудачи, командующий Сибирской армией и его штаб вместо оказания немедленной поддержки явно и недальновидно радовались неудаче своего соседа слева⁵. Очень скоро красные перебросили часть освободившихся при разгроме Западной армии войск против Сибирской армии, и ее командующий повторил печальную судьбу предшественника. По свидетельству генерала С.А. Щепихина, в штабе 2-й армии в конце 1919 г. «ни спайки, ни даже простого сотрудничества в работе не было и в помине... все чины сидели по своим углам, не имея особого желания встречаться и общаться с другими работниками штаба»⁶. Конфликты генералитета разъедали тыл, что особенно ярко проявилось в период неудач белых.

Главный интендант Военного министерства полковник И.И. Сторожев в рапорте на имя военного министра от 9 сентября 1919 г. с горечью писал:

¹ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 24. Л. 70.

² РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 172. Л. 2.

³ В документе ошибочно — действующем.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 38; *Иностранцев М.А.* Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А.В. Ганина. М., 2017. С. 748–749.

⁵ *Будберг А.П.* Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 235; *Сахаров К.В.* Белая Сибирь: [Внутренняя война 1918–1920 гг.]. Мюнхен, 1923. С. 91.

⁶ НИА. S.A. Shchepikhin collection. Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг. Л. 28.

«Нельзя воевать в образе толпы, а наша армия близка к этому... Пренебрежение и игнорирование определенными принципами в деле организации влечет за собою потерю управления, дезорганизацию, боевые неудачи, т. е. все то, что мы видим теперь в нашей армии»¹.

Если на Юге в связи с переизбытком офицеров и нехваткой рядового состава создавались целые офицерские части, в которых офицеры служили в качестве рядовых (что вряд ли можно признать рациональной практикой), то на Востоке после развертывания единых вооруженных сил такой подход стал невозможен в силу нехватки кадров, а полномасштабного обмена кадрами между белыми фронтами организовано не было.

Часть офицеров самоотверженно сражались на фронте, некоторые даже проявили чудеса храбрости, за что были удостоены георгиевских наград. Так, приказом войскам Сибирской армии № 90 от 28 февраля 1919 г. среди других награжденных орденом Св. Георгия 4-й степени был командир 3-й роты 1-го Сибирского штурмового батальона поручик А. Струнге, отмеченный за то, что «23-го декабря 1918 г., исполняя приказание взять мост через реку Каму, имеющий большое стратегическое значение, и перерезать провода к минам, подошел к мосту с полуротой и, несмотря на сильный пулеметный и ружейный огонь, бросился в штыки, заставил замолчать пулеметы, выбил противника с моста и перерезал провода к минам — мост спасен. Противник потерял 40 человек убитыми, 300 пленными, один пулемет и подрывную команду с двумя подрывными аппаратами. Пулемет был взят быстрым налетом и тотчас же обращен против противника»².

Случаи героизма не меняли общей картины низкого профессионального уровня командных кадров. Среди них преобладали офицеры военного времени, не вполне соответствовавшие требованиям к командному составу. Подтверждается это и результатами инспекций. Так, в полках IV Восточно-Сибирского корпуса офицеры не владели уставами, положением об обучении пехоты и программой обучения молодых солдат³. Командирами полков порой становились обер-офицеры. Многие опытные старшие офицеры — ветераны нескольких войн, наоборот, оказывались на тыловых должностях. Младшими офицерами повсеместно являлись офицеры военного времени, часто из нижних чинов. Такое положение вещей приводило к панибратским отношениям рядового и офицерского состава, падению авторитета офицера и, как следствие, к выходу из подчинения командирам. Генерал С. А. Щепихин летом 1919 г. оказался очевидцем следующей неприглядной сцены в 11-й Сибирской стрелковой дивизии: «Офицеры, молодежь, как я видел, очень сжились со своими солдатами, но и сильно от этой близости теряли в авто-

¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 884. Л. 3–4.

² Цит. по: *Ситников М. Г.* Полковник Е. И. Урбанковский и его штурмовики // *Белая армия. Белое дело* (Екатеринбург). 2003. № 12. С. 44.

³ *Симонов Д. Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 135.

ритете. Я видел, как в игре солдат участвовал и офицер, — но не в качестве руководителя, а рядового игрока, и как ему, офицеру, солдаты с большим аппетитом всыпали шлепки по спине и ниже. При этом на лицах некоторых солдат я заметил ядовитые улыбочки»¹.

Наглядным показателем качества командного состава являются сравнительные данные о численности выпускников Николаевской военной академии в белых армиях Юга и Востока России. Если через белые армии Юга России прошли 1082 выпускника академии, то через белые армии Востока России — только 641. Причем среди этих офицеров лишь 229 обучались в академии до Первой мировой войны по полной, а не по сокращенной программе. На Юге же старую академию окончили не менее 828 офицеров². Показательно и соотношение по «коренным» офицерам лейб-гвардии Преображенского полка. Если на белом Юге их оказалось не менее 53 человек, то на белом Востоке России — только 11, включая семерых, приехавших с Юга³.

Не отличалось рациональностью и распределение офицеров по должностям. Тыловые учреждения были переполнены офицерами. Уже в июне 1918 г. управление Военного министерства в Омске и штаб Степного корпуса поражали своими размерами, совершенно не адекватными реальной численности войск. Наличие большого количества служащих создавало хаотическую и не подходящую для деловой работы обстановку. Сторонний наблюдатель был очевидцем откровенного бездельничания штабных. В Ставке Верховного главнокомандующего, в управлении Восточным фронтом и в управлениях армий фронта по штату к 1 июля 1919 г. значились 681 офицер и 660 военных чиновников, в 12 управлениях армейских корпусов — 396 офицеров и 132 чиновника⁴. Реально же, как отмечал генерал-лейтенант А.П. Будберг, «Ставка разрослась в нечто чудовищное по своим размерам и совершенно не соответствовавшее той ничтожной положительной работе, которая там производилась. По наружности работали много, по-своему, усердно и добросовестно, но, по неопытности, с малыми практическими результатами. Продуктивнее других отделов работал отдел дежурного генерала, более определенный по своим функциям и подобранный большие кадры старых опытных работников. Оперативная работа сводилась к составлению сводок, к разного рода статистике и к мелочному вмешательству в действия армий, состояния которых Ставка не знала, в местности, описания которой в Ставке не было, и при условиях, которые ставочные младенцы и представить себе не могли,

¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 6об.

² Ганин А. В. Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: статистический обзор // Историческая информатика (Барнаул). 2016. № 1–2. С. 54.

³ Андоленко С. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 годы. СПб., 2010. С. 326–352, 359.

⁴ Боевые расписания армий Восточного фронта. 1918–1919 гг. / публ. А. А. Каревского и Р. Г. Гагкуева // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия. Исторический альманах. 2001. № 5. С. 156.

сидя в Омске»¹. Генерал В. А. Кислицын вспоминал, что в Ставке «были забиты все коридоры толпившимся здесь офицерством... Штабные офицеры держали себя надменно. Они точно оказывали посетителям, таким же офицерам, как и они, честь и милость, разговаривая с ними»². Безделье процветало и в некоторых войсковых штабах. Так, офицеры штаба II Степного Сибирского отдельного корпуса, расположенного в Семиречье, в апреле 1919 г. в связи с переизбытком свободного времени организовали охотничий и сценический кружки, а также кружок любителей конного спорта³.

Командующий Северной группой Сибирской армии генерал А. Н. Пепеляев писал в июне 1919 г. командующему армией генералу Р. Гайде: «Всякая армия держится офицерами. У нас на фронте их мало, в тылу — много. Часть из них позорно уклоняется от исполнения долга, большая часть, что особенно обидно, стремится на фронт, готова бежать без разрешения, но удерживается на местах, иногда под угрозой предания суду “за дезертирство”. Между тем на фронте гибнет цвет офицерства, остаются худшие и полки слабеют. Постановка офицеров в строй из штабов должна относиться, прежде всего, не к войсковым штабам, где их немного, а к тыловым, где они преступно задерживаются. Наконец, это капля в море в сравнении с тем количеством офицеров, которое имеется в отрядах атамана Семенова и на Дальнем Востоке, которое необходимо привлечь на фронт прежде всего. У армии не остается теперь даже последнего ее офицерского резерва — офицеров, бегущих от красных, так как наши неудачи парализуют их стремление к переходу»⁴.

Многие целенаправленно уклонялись от службы на фронте, где находилось менее половины офицерства (так, на июнь 1919 г. в Сибирской, Западной и Южной армиях значились 11 343 офицера⁵). Одним из весомых мотивов являлось нежелание участвовать в братоубийственной войне. Впрочем, нахождение в тылу не давало гарантий безопасности. Например, в Омске подпольщики по ночам убивали одиночных офицеров⁶. Тысячи офицеров проживали в тыловом Харбине. В целях привлечения офицерства на фронт предпринимались порой необычные меры. Интересен приказ Восточному фронту армий № 119 от 20 сентября 1919 г., подписанный генералом М. К. Дитерихсом: «Для усиления мощи Оренбургской армии откомандировать из всех тыловых окружных штабов, главных управлений, управлений и учреждений различных иных наименований тыла всех казачьих офицеров Оренбургского, Уральского, Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск, занимающих не специальные казачьи штатные должности и не числящихся

¹ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 342.

² Кислицын В. А. В огне Гражданской войны. М., 2016. С. 72–73.

³ Считания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 368.

⁴ «Россия погибнет в волнах новой анархии». С. 80–81.

⁵ Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала... С. 233.

⁶ Считания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 385.

по Генеральному штабу, и направить всех таковых офицеров в распоряжение Походного атамана казачьих войск в Омске»¹.

Характерно поведение, казалось бы, непримиримого борца с большевиками Б.В. Анненкова, который во главе своего отряда, по существу, делал что хотел, но явно не рвался на общий фронт. Бывший депутат Государственной думы от Семиреченского казачьего войска, беженец Я.И. Егошкин 12 декабря 1918 г. писал на имя Верховного правителя, что отряд Анненкова «бездействует, живет в станице Урджарской, обедает и без того скудно собранные продукты, ведет себя как в стране завоеванной, никого кроме Анненкова признавать не хочет, а сам Анненков живет себе в Семипалатинске, собирая новых и новых добровольцев. Говорят, что он тянет, потому что не хочет признавать власти генерала Ефремова (Ионова), кстати сказать желающего показать твердость, но ее нет у него и нет последовательности... дело не в личности Ефремова, а просто в мелких честолюбивых, скажу, даже низменных и прочих побуждениях Анненкова: Я-де подавлю большевизм, а честь припишут другому...»²

Примечательно то, как сам Анненков аргументировал отказ покидать Семиречье перед командиром II отдельного корпуса: «Приказание о смене моей дивизии и переброске на Западный фронт может быть выполнено при том условии, если я буду заменен другим начальником дивизии, так как я лично, как патриот, любящий свою Родину, считаю преступным не использовать силы, сосредоточенные здесь... Считаю долгом донести, что я не получил за весь год существования дивизии не получил³ ни одной пушки, ни одного пулемета. Многое положенное от казны дивизия не получала, а все это ложилось бременем на население... Китайский полк, добровольческий, в составе около 700 штыков, имеющий тяготение к своей границе, также не может быть переброшен на другой фронт... Вы сами можете вывести заключение, сколько положено труда, энергии и силы воли всего командного состава, чтобы создать такие части... Становиться же игрушкой по воле интриганов, вроде Ионова (чин не имею нравственного права указывать, так как больно, что такие люди, губящие, ради личных выгод, край, губящие дело, уже погубившие раз его, тоже стоят у власти и именуются офицерскими чинами), забывать свой долг перед страной в угоду единых лиц я не в состоянии, не хочу и не могу. Изменником я не был и не буду, я буду продолжать борьбу с большевиками, в Семиречье, хотя бы с кучкой людей...»⁴ На общий фронт Анненков так и не отправился. Очевидец событий капитан И.А. Бафталовский отмечал, что Анненков «свое честолюбие ставил выше долга и общего

¹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 642.

² ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 9. Л. 70.

³ Так в документе.

⁴ РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 4. Л. 117.

национального дела»¹. Более того, атаман Г.М. Семенов втайне от адмирала А.В. Колчака вел с Б.В. Анненковым переговоры, пытаясь создать коалицию против Омска². Как отмечал министр иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукин, «атаманы в своих действиях были злейшими выразителями автократических приемов власти, страдая в то же время общеказачьей склонностью к демагогии и политиканству»³.

Материальное положение офицеров на Востоке России в обстановке Гражданской войны было чувствительным — жалованья многим не хватало даже до прожиточного минимума.

Возвращение офицерам прежних знаков различия, в частности погон (в Народной и Сибирской армиях их не носили, опасаясь возможных эксцессов), проходившее осенью 1918 г., воспринималось населением неоднозначно. Генерал М.А. Иностранцев вспоминал об увиденной им ситуации на базаре в белом Томске: «Какая-то торговка вовсе не революционного, а скорее буржуазного типа, увидав одного казачьего офицера, проходившего мимо нее в новых, блестящих погонах, громко сказала другой: “Опять офицерá погоны надели, как при царях, опять нашему брату плохо придется!” — а стоявший тут же сибирский мужик с усмешкою прибавил: “Да, офицерáм погоны надели, а солдату есть нечего будет!”

Этот диалог мне показался чрезвычайно характерным, несмотря на несомненную нелепость его. Он показал правильность мнения Гришина-Алмазова, что невежественные, но настроенные еще революционно массы всегда будут отождествлять всякий признак старого — с возвращением к старому же и порядку»⁴.

Политизация и послереволюционное разложение сказались на офицерском корпусе белых армий Востока России. Взаимоотношения внутри социально неоднородного офицерства были далеко не простыми. Существовали группировки офицеров, связанные с их квалификацией (кадровые офицеры и офицеры военного времени), происхождением (например, казаки и неказаки), местами прежней службы (как в старой армии, так и в Гражданскую войну), полученным образованием (особняком держались генштабисты) и политическими пристрастиями (монархисты, либералы, социалисты). Между различными группировками происходили конфликты, столкновения интересов. Свою роль играл и личный фактор — персональные противоречия и обиды⁵.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 243. Л. 2.

² РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 62. Л. 126. Подробнее см.: Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 573–575.

³ Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 462.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 19.

⁵ Этот фактор не следует недооценивать. Трения в офицерской среде ощущались достаточно болезненно. Порой важны были даже мелочи. Так, например, генерал С.Н. Розанов на параде в Челябинске (по всей видимости, это произошло летом — осенью 1918 г.) лишь кивнул генералу А.И. Андогскому вместо приветствия, что было воспринято как проявление неуважения и послужило

Борьба различных группировок командного состава стала неотъемлемой частью истории Белого движения на Востоке России. Одним из факторов, предопределивших поражение белых, являлась атаманщина. В силу обширности территории, контролировавшейся белыми на Востоке страны, местные начальники приобретали своеобразный статус «удельных князей», проводивших свою собственную политику и считавшихся с приказами центра лишь постольку, поскольку они сами этого хотели. Атаманщина была связана не обязательно лишь с казачьими деятелями. Такая линия поведения была характерна и для тех, кто прямого отношения к казачеству не имел. Одиозную известность приобрели в этом отношении такие деятели, как Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг, Г.М. Семенов, Б.В. Анненков, дискредитировавшие белых и самим своим существованием подрывавшие авторитет омского правительства.

Исходя из принадлежности того или иного офицера к определенной группировке порой производились назначения. Так, оренбургский атаман А.И. Дутов старался назначать на руководящие посты своих соратников, ограничивая продвижение офицеров, действовавших независимо от него (например, лидеров казаков-повстанцев, образовавших по сути альтернативную группировку оренбургских офицеров). Гражданская война вывела на авансцену общественной жизни и многочисленных авантюристов, которые встречались среди офицерства.

Если до 1917 г. для офицеров политики как таковой не существовало, то в новых условиях политические пристрастия нередко предопределяли их поступки. В результате выступления Чехословацкого стрелкового корпуса в конце мая 1918 г. от красных была освобождена обширная территория от Волги до Тихого океана, на которой возникли антибольшевистские правительства различного толка, создававшие свои армейские структуры. Летом 1918 г. в Среднем Поволжье началось формирование частей Народной армии Комуча, отличавшейся своеобразием в ряду антибольшевистских армий того периода. Армия формировалась под полным контролем со стороны партии социалистов-революционеров первоначально на добровольческой основе, а с начала июля 1918 г. — по призыву. Оказавшееся в Народной армии Комуча офицерство не горело желанием сотрудничать с эсерами, а последние не без оснований не доверяли офицерам.

По своей политической ориентации коалиционное (от эсеров до монархистов, с преобладанием представителей правого крыла) Временное Сибирское правительство, возникшее в Омске, было значительно правее эсеровского Комуча, что являлось одной из причин острых разногласий между этими государственными образованиями. Под властью омского правительства формировалась Сибирская армия.

основанием для далеко идущих выводов. Исключение из Военной академии генерала А. Ф. Матковского за дисциплинарный проступок летом 1918 г. сделало его непримиримым врагом академического руководства на протяжении 1918–1919 гг.

По итогам сентябрьского Государственного совещания в Уфе возникло Временное Всероссийское правительство (Директория), вооруженные силы Народной и Сибирской армий объединялись. Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России (реально – антибольшевистскими вооруженными силами на Востоке России) стал генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Этот генерал позиционировал себя как выходца «из мужиков» и гордился своим незнатным происхождением. По своим взглядам Болдырев был близок к правым эсерам, выступал сторонником народного самоуправления. Разумеется, в Гражданскую войну подобные взгляды являлись наивным идеализмом и утопией, поскольку для победы требовались жесткие авторитарные методы управления.

В результате объединения антибольшевистских сил Востока России под единым командованием осенью 1918 г. командный состав Народной армии эсеровского Комуча оказался на вторых ролях. Впоследствии некоторые ветераны Народной армии лишь собственными заслугами смогли добиться продвижения на руководящие посты. Между тем многие представители командного состава их воспринимали как эсеров, что не соответствовало действительности. В это время на Востоке России развернулось острое военнополитическое противоборство между эсерами и их сторонниками и правыми кругами, лидером которых выступил А.В. Колчак. Именно он в результате омского переворота 18 ноября 1918 г. занял пост Верховного правителя России. Офицеры сыграли важнейшую роль в омском перевороте. Среди участников переворота был и приехавший из Добровольческой армии полковник Д.А. Лебедев, вскоре назначенный начальником штаба Ставки Колчака.

После прихода к власти Колчака офицеры, ориентировавшиеся на эсеров (а таких было немало среди офицеров военного времени), оказались в оппозиции и в дальнейшем всячески подрывали колчаковские войска изнутри (на территории Сибири действовало эсеровское военное подполье, видную роль в котором играл штабс-капитан Н.С. Калашников, впоследствии он возглавил антиколчаковское восстание в Иркутске и сумел захватить город, что предопределило последующую гибель Колчака). Многие в организации белых армий повторяло порядки старой армии и воспринималось офицерами не всегда положительно. Так, один из колчаковских офицеров, В.С. Савченко, жаловался в феврале 1919 г. на плачевную ситуацию с наградами за Пермскую операцию и отмечал, что положение напоминает «старый николаевский режим»¹.

Очевидцы отмечали отсутствие единообразия в устройстве колчаковских войск: «Каждую дивизию и корпус можно было определить по совершенно своеобразным настроениям и приемам, которые в них господствовали»². Обособленность и слабая дисциплина вели к противоречиям и конфликтам,

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 77аоб.

² Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 412.

не говоря о том, что сохранение партизанского характера армии лишало ее надежд на успех в борьбе с регулярными формированиями красных.

Разделились офицеры и по вопросу об ориентации на Антанту или на центральные державы. В белых армиях господствовала проантантовская ориентация, причем абстрактная верность союзническому долгу была одним из мировоззренческих принципов белого офицерства. Многие офицеры стремились слепо, несмотря на революционную катастрофу 1917 г., следовать идеалу верности союзникам по Первой мировой войне, пытаясь в 1918 г. восстановить Восточный фронт против немцев. Находились и германофилы, рассматривавшие Первую мировую войну как недоразумение, спровоцированное интересами Великобритании и Франции, считавшие Германию естественным союзником России. На Востоке России ярким германофилом был генерал К.В. Сахаров.

Союзнический долг воспринимался многими представителями военной элиты как нечто незыблемое, а к случаям его нарушения относились болезненно. Когда чехословаки в конце 1919 г. сняли с себя все обязательства и, пользуясь бессилием белых, повели себя как в завоеванной стране (отбирали у беженцев исправные паровозы и эшелоны, причем взяли в Красноярске даже два паровоза из эшелона самого адмирала А.В. Колчака¹), генерал В.О. Каппель вызвал командующего чехословацкими войсками генерала Я. Сырового на дуэль, однако ответа не последовало. Разочарование в союзниках, обвинения в их адрес в отсутствии или недостатке помощи были свойственны многим белым офицерам.

Обособленность демонстрировало казачье офицерство, замыкавшееся в своей среде. В армиях с преобладавшим казачьим элементом (Отдельная Оренбургская, Отдельная Уральская) практиковались назначения почти исключительно из казаков, часто вопреки профессиональным качествам. Наиболее крупную роль в военно-политической жизни Востока России играли представители Оренбургского, Сибирского и Забайкальского казачьих войск.

Белое командование на Востоке России нередко признавало свою определенную вторичность по отношению к командному составу Добровольческой армии и ВСЮР. В частности, высокие назначения в колчаковском лагере получили некоторые приехавшие с Юга офицеры. Среди них В.В. Голицын, Н.Н. Головин, Д.А. Лебедев, Д.Н. Сальников, Н.А. Степанов, при том, что не все из них были достойными кандидатами.

Многие участники событий считали генерала Д.А. Лебедева основным виновником неудачи наступления армий Колчака на Москву весной 1919 г. По поручению Колчака была образована комиссия для расследования деятельности Лебедева в составе трех опытных генералов-генштабистов М.К. Дитерихса, М.А. Иностранцева и А.Ф. Матковского. Один из членов комиссии, генерал-майор Иностранцев, вспоминал: «Ознакомление наше с деятельностью Ставки и ге-

¹ Вырыпаев В. О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. С. 321.

нерала Лебедева вообще и в частности с оперативными директивами убедили **всех нас трех членов комиссии**, что дело управления армии находится в совершенно неопытных до младенчества и невежественных, хотя и самоуверенных, руках, что в вопросах организации царит полнейший произвол, хаос и импровизация»¹. При этом в мае 1919 г. на Лебедева помимо занимаемой должности, которой он не соответствовал, были возложены еще и обязанности военного министра. Ставка и министерство находились в Омске, удаленном от фронта на тысячу с лишним километров, что также негативно сказывалось на управлении.

Конечно, вряд ли один человек, даже самый бесталанный, мог быть виновен в провале такого масштабного движения. Представляется, что Лебедев в общественном сознании стал «козлом отпущения» и был обвинен в том числе и в тех ошибках и неудачах, за которые ответствен не был. Чего стоит наивность и недальновидность других колчаковских полководцев и самого Верховного правителя?! Оренбургский атаман А.И. Дутов, к примеру, в обстановке эйфории от успехов весеннего наступления заявлял журналистам, что в августе белые будут уже в Москве², но к августу они оказались отброшены в Западную Сибирь. Похожее отношение к себе в войсках и обществе испытал после неудачи Белого движения на Юге России начальник штаба Вооруженных сил на Юге России генерал-лейтенант И.П. Романовский, судьба которого сложилась еще более трагично, чем у Лебедева. С неприязненным отношением войск к себе сталкивался и начальник штаба Северного антибольшевистского фронта генерал-лейтенант М.Ф. Квецинский.

Однажды в разговоре с генералом М.А. Иностранцевым Колчак заявил: «Вы скоро сами убедитесь, как мы бедны людьми, почему нам и приходится терпеть, даже на высоких постах, не исключая и постов министров, людей, далеко не соответствующих занимаемым ими местам, но — это потому, что их заменить некем»³.

Подполковник И.С. Ильин записал в дневнике 6 июня 1919 г.: «Матковские, Марковские, Степановы, Лебедевы и пр. не могут и не должны быть у власти, ибо с ними дело возрождения России снова может погибнуть. Как это ни горько, но я оказываюсь прав. Что делали они, кроме интриг “мексиканщины”, грубой глупости? Что сделали они к моменту, когда оказались нужными резервы, новые готовые части, когда понадобилось полное напряжение сил для окончательной победы?»

Солдаты неодеты, части, которые должны были быть готовы, оказались несформированными, а эти господа занимались интригами. Жалкие, ничтожные люди»⁴.

¹ *Иностранцев М.А.* История, истина и тенденция. По поводу книги ген[ерал]-лейт[енанта] К.В. Сахарова «Белая Сибирь» (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Прага, 1933. С. 8.

² ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 2.

³ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 89.

⁴ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 375.

По-настоящему талантливых и опытных военачальников и штабистов у белых на Восточном фронте было крайне мало. Наиболее яркие имена можно пересчитать буквально по пальцам: генералы В.Г. Болдырев, В.О. Каппель, С.Н. Войцеховский, М.К. Дитерихс, С.А. Щепихин, А.Н. Пепеляев, И.Г. Акулинин, В.М. Молчанов. Вот, пожалуй, весь список тех, кого можно сходу отнести именно к талантливым военным деятелям высшего звена. Но даже эти более чем скромные кадровые ресурсы использовались белым командованием нерационально. Например, приход к власти Колчака лишил белых такого талантливого военного руководителя, как прежний главком генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Именно о нем советский главком И.И. Вацетис написал в своих мемуарах: «С появлением ген[ерала] Болдырева на горизонте Сибири мы должны были считаться особо»¹. Генерал Дитерихс от решения военных вопросов долгое время был фактически отстранен и всю первую половину 1919 г. по поручению адмирала Колчака занимался расследованием убийства царской семьи, что могло быть с таким же успехом поручено гражданскому чиновнику. В.О. Каппель с января по начало мая 1919 г. также не участвовал в боевых операциях, занимаясь формированием своего корпуса в тылу.

Командующие всех трех основных армий Колчака были подобраны крайне неудачно. Во главе Сибирской армии был поставлен 28-летний плохо управляемый авантюрист Р. Гайда, с кругозором австрийского фельдшера, более других колчаковских генералов способствовавший своими действиями срыву весеннего наступления. В июле 1919 г. из-за конфликта со Ставкой Гайда был отстранен от должности и уволен из армии, а позднее даже лишен генеральского чина. Западную армию возглавлял генерал М.В. Ханжин – опытный офицер, но артиллерист по специальности, при том, что командарм должен был решать не только узко технические вопросы артиллерийского дела. Командующий Отдельной Оренбургской армией атаман А.И. Дутов был скорее политиком, чем полководцем, поэтому значительную часть времени в первой половине 1919 г. его замещал начальник штаба генерал-майор А.Н. Вагин, на другие руководящие должности в казачьих частях выдвигались почти исключительно казаки по происхождению.

Сам адмирал Колчак как моряк плохо разбирался в сухопутной тактике и стратегии, вследствие чего в своих решениях был вынужден полагаться на штаб во главе с Лебедевым, и одной лишь общей военной культуры² Колчаку для успешного руководства оказалось недостаточно. Как отмечал генерал-лейтенант А.П. Будберг, «военного дела он не знает совершенно, даже хуже, ибо схватил только общие места и приобрел кое-какие теоретические сведения, дающие видимость знания, но крайне опасные в практическом применении»³. Ни Лебедев, ни Колчак, в отличие от противостоявших им совет-

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 752.

² Кручинин А. С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2009. С. 380.

³ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 332.

ских военных специалистов, не имели опыта управления крупными силами в Гражданскую войну. Существует даже точка зрения, что Колчак намеренно выдвигал Лебедева, поскольку на его фоне не так заметно было непонимание самим адмиралом основ сухопутной войны¹.

По оценке Будберга, не имевший своего мнения по ряду ключевых вопросов Колчак был «большим идеалистом», «беспомощной игрушкой в руках тех, которые приобрели его доверие и овладели его волею»², «это мягкий воск, из которого можно лепить все что угодно; горе в том, что присяжные и доверенные лепщики очень плохи»³. Между тем так называемые вундеркинды, оказавшиеся в военном руководстве Белой Сибири и сумевшие подчинить своему влиянию Колчака, фатально недооценивали противника и его возможности.

Генерал Д.В. Филатьев писал 16 августа 1919 г. А.И. Гучкову о положении колчаковских войск: «Генералов и офицеров там нет, руководители — зеленая молодежь, главнок[омандующий] Дит[е]рихс отличается, как Макдональд, поразительной незадачливостью во всех своих делах. Стратегия же и тактика и администрация не прощают забвения своих законов»⁴.

Существует прямая взаимосвязь между низким уровнем квалификации колчаковских полководцев, отсутствием у белых продуманного плана операции и примитивизмом их стратегического планирования. Совещание командующих армиями, их начальников штабов и адмирала А.В. Колчака 11 февраля 1919 г. в Челябинске, когда решался принципиальный вопрос о наступлении, было откровенным фарсом. Не приехавший на совещание Лебедев давно уже принял свой собственный план, который Колчак должен был заставить принять всех командующих армиями, а последние имели свои планы действий и руководствовались ими без должной координации с соседями⁵. О легкомыслии сибирских стратегов в вопросах военного планирования писали генералы А.П. Будберг и М.А. Иностранцев⁶.

Характерным проявлением отсутствия гибкости мышления колчаковского командного состава является история бывшего командира 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии РККА полковника В.В. Котомина, перешедшего к белым на Восточном фронте летом 1919 г. Котомин подготовил для белых подробный доклад о состоянии Красной армии. Однако в колчаковском лагере важные свидетельства перебежчика о колоссальных успехах военного строительства в Советской России, установлении там более строгой дисциплины,

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 106.

² Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 332.

³ Там же. Т. 14. С. 332–333.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78об; Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 76.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 69; Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. С. 340–341.

чем у белых, не были приняты всерьез и даже вызвали скандал, а сам Котомин приобрел репутацию большевика, хотя искренне желал победы белым. Для сравнения, доклад Котомина, позднее захваченный частями Красной армии, привлек к себе самое пристальное внимание высшего военно-политического руководства Советской России, в том числе В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Ф.Э. Дзержинского. Неудивительно, что победа осталась за теми лидерами, которые продемонстрировали бóльшую дальновидность и готовность прислушиваться к разумной критике¹. Аналогичный доклад с тем же результатом представил полковник-генштабист Г.И. Клерже на рубеже 1918–1919 гг.²

Далеко не все офицеры в условиях Гражданской войны отличались дисциплинированностью. 1917 г. разложил не только солдат, но и офицерство. Уже осенью 1918 г. наблюдатели отмечали, что на фронте офицеров не хватает, зато в тыловом Оренбурге они встречаются в избытке³. В офицерской среде стали проявляться неисполнение приказов, непочтительность, широко распространились карточная игра и другие развлечения, пьянство и даже мародерство.

Практически не было ни одного начальника дивизии, командира корпуса, командующего армией (Р. Гайда, А.Н. Пепеляев, А.И. Дутов), не говоря уже об атаманах, которые бы в условиях Гражданской войны не совершали дисциплинарных проступков. Так, Гайда 26 мая 1919 г. направил в Омск фактический ультиматум с требованием отправить в отставку генерала Д.А. Лебедева, которого считал виновником многих неудач на фронте. Начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии Западной армии георгиевский кавалер генерал-майор В.В. Ванюков в июне 1919 г., например, отказался выполнить приказ о передислокации дивизии, так как обещал солдатам отдых, за что был отстранен от командования и попал под следствие⁴. Сменивший генерала Ханжина на посту командующего Западной армией генерал-майор К.В. Сахаров без стеснения писал, что в его армии единственным эффективным способом командования было прямое управление войсками, поскольку «бумажные приказы оставались всегда неисполняемыми или неисполнимыми... прежний способ приучил строевых начальников отписываться, смотреть на полученный приказ как на простой лоскут бумаги»⁵.

Старшие начальники подавали дурной пример всем остальным. Абсолютного значения приказа не существовало. По сути, любой сколько-нибудь значимый воинский начальник в новых условиях являлся своеобразным атаманом для подчиненных. Интересы своей части, отряда, дивизии, корпуса,

¹ См. Приложение.

² Клерже Г.И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания. Мукден, 1932. Ч. 1. С. 138–139.

³ Александр Ильич Дутов: Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант. Краткая биография, выборки из печати, статьи и проч., относящиеся к деятельности Войскового атамана. Составлено согласно пожеланий, выраженных депутатами 3-го Чрезвычайного Войскового Круга войска Оренбургского партизанами отряда атамана Дутова. [Троицк, 1919]. С. 64.

⁴ Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 103.

⁵ Там же. С. 111.

армии, войска ставились выше приказов сверху, которые исполнялись лишь по мере необходимости. Такой «атаман» для своих подчиненных был и царь, и бог. За ним они готовы были пойти куда угодно. Как отмечал современник, «в условиях Гражданской войны нет “устойчивости частей”, а все зиждется лишь на “устойчивости отдельных вожаков”»¹. И действительно, колчаковскую армию трудно назвать единой воинской силой, сформированной по одному образцу, штату и т. д. Почти каждый корпус или отряд отличался от остальных², что отнюдь не свидетельствовало в пользу «регулярства» этой армии, о котором иногда пишут, а скорее говорило о партизанском и импровизационном характере формирований.

Полная дезорганизация собственного военного управления и впечатляющие успехи противника приводили к утрате в рядах белых веры в победу. Наиболее ярко разочарование можно проследить по высказываниям представителей командного состава, оценки офицерской и рядовой массы должны были быть куда жестче. Состоявший в распоряжении Войскового штаба Оренбургского казачьего войска генерал-майор Л. Н. Доможиров, выступая весной 1919 г. на станичном сходе в станице Кизильской, говорил казакам о бесцельности борьбы с красными³. «Я чувствую, что у меня подрывается вера в успех нашего святого дела»⁴, — отметил в начале мая 1919 г. генерал-майор Р. К. Бангерский. Генерал-майор А. П. Перхуров летом 1919 г., разочаровавшись в колчаковском командовании, сформировал собственный партизанский отряд и перешел к автономным действиям⁵.

Временно исполняющий должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал С. Н. Розанов⁶ и главнокомандующий Восточным фронтом генерал К. В. Сахаров злоупотребляли алкоголем. Пьяные выходки представителей командного состава порой приводили к скандальным последствиям. Например, один из видных участников омского переворота 18 ноября 1918 г. войсковой старшина И. Н. Красильников 26 октября 1918 г. устроил пьяный дебош на обеде в честь британских офицеров. По свидетельству участника застолья, «Красильников напился со своими казаками и, вынудив наган, подошел к музыкантам и заставил их сыграть “Боже, царя храни”. Разумеется, все встали и стояли, а гимн повторялся три раза. Очевидно, Красильников хотел тут показать настоящий казачий национализм. Впечатление неприятное. Англичане были, видимо, порядочно удивлены, а наши генералы старались инцидент замять»⁷.

¹ Сулавко А. В. Этюды по тактике в Гражданской войне. Никольск-Уссурийский, 1921. С. 19.

² См., напр.: Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 412.

³ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 30.

⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 66.

⁵ Голпер К. Я. Четыре катастрофы: Воспоминания. Рига, 192?. С. 161.

⁶ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 341, 342, 397.

⁷ Там же. С. 340.

Недуг затронул даже командиров полков. К примеру, в приказе по Восточному фронту № 85 от 8 сентября 1919 г. говорилось, что командир 6-го Оренбургского казачьего полка войсковой старшина А.А. Избышев «за уклонение от боевых операций и непрерывное пьянство» разжалован в рядовые¹. О масштабах явления можно судить по тому, что разжалованиям в рядовые за пьянство только в период с июля по сентябрь 1919 г. подверглись не менее сотни офицеров². Разумеется, реальный размах пьянства определить невозможно. Очевидно, это явление было обусловлено стремлением уйти от тягостной действительности.

Характерен приказ войскам Западной армии № 250 от 16 мая 1919 г.: «Против прапорщика 18-го Оренбургского казачьего полка Павла Александровича Никольского возникает обвинение: 1) в том, что в ночь на 13 мая 1919 г. в гор. Уфе он напился пьяным до потери приличного воинскому званию вида; 2) в том, что тогда же и там же, находясь в кафе “Трудовая артель”, носил при себе бутылку со спиртом, каковой в означенном кафе и распивал, причем вел там себя неприлично, шумя, ругаясь и ходя-шатаясь по ресторану, чем вызвал возмущение находившейся в кафе публики и требование удалить его из кафе; 3) в том, что непосредственно после изложенного в предыдущих пунктах, получив от дежурного по караулам штаба Западной армии подпоручика Совкова требование следовать в комендантское управление, он, прапорщик Никольский, означенного требования не исполнил, обругав подпоручика Совкова и присутствовавшего с ним в кафе подпоручика Говырина площадной бранью, порочил скверной руганью штабных офицеров, вследствие чего подпоручик Совков для удаления его из кафе вынужден был применить силу, причем, будучи приведен в комендантское управление, он говорил присутствовавшим там военнослужащим, что он, Никольский, служит в войсках Дутова, какового только одного и признает, а до остального ему нет дела»³. Офицер был разжалован и отправлен рядовым на фронт в одну из казачьих частей.

Похожее содержание имел приказ войскам Западной армии № 447 от 21 июля 1919 г.: «30 июня 1919 года на ст[анции] Сулея, в санитарном поезде № 7, был обнаружен прапорщик 45[-го] Сибирского стрелкового полка Якимов 1-й, оказавшийся пьяным до состояния полной невменяемости и бывший в истерзанном виде с разбитым лицом. При этом прапорщик Якимов был настолько перепачкан рвотой, что солдаты, выносившие названного обер-офицера из санитарного поезда, должны были завернуть его в мешок, чтобы не запачкаться его рвотой.

Во время отправления с вокзала на гауптвахту прапорщик Якимов кричал, что он офицер и его нельзя арестовывать, сопровождая свой крик

¹ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 57. Л. 59.

² *Симонов Д. Г.* Адаптация офицерского корпуса антибольшевистских вооруженных формирований Востока России к условиям Гражданской войны (середина 1918 — начало 1920 г.) // *Власть и общество в Сибири в XX веке.* Новосибирск, 2014. С. 100.

³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 427.

площадной бранью, причем таким своим поведением вызвал негодование присутствовавшей на вокзале многочисленной публики, состоявшей из железнодорожных служащих и солдат»¹. Офицера также лишили звания и отправили рядовым на фронт.

Разложение дошло до того, что 3 августа 1919 г. главнокомандующий Восточным фронтом издал суровый приказ расстреливать по приговорам военно-полевых судов тех офицеров, которые изобличались в пьянстве вместе с солдатами или принуждали их добывать алкоголь нелегальным путем. Кроме того, предписывалось разжаловать офицеров за пьянство в общественных местах, а в случае доходящего до безобразия пьянства дома или в офицерском собрании – после первого предупреждения².

В приказе по войскам временно ему подчиненной Западной армии генерал Р. Гайда во многом справедливо отмечал, что армия отступает без должного сопротивления, «в некоторых частях Западной армии появились перебежчики, убийства офицеров и даже случаи насильственного увода офицеров к красным. В частях тыла возрастают случаи пьянства. Появление в разных районах вооруженных шаек из местных большевиков и дезертиров, которые терроризируют население, и большое явление самосуда. Командный состав растерялся. Явлением всего этого считаю виновным³ командный состав, который слишком далеко стоит от своих подчиненных, а во время боев находится слишком далеко от своих частей. Начальники частей и интендантство не заботятся о регулярном снабжении частей продовольствием, так что есть случаи, что в некоторых частях люди по несколько дней не получали хлеба и горячей пищи. Командиры полков и начальники дивизий дают неправильные и неточные сведения о составе своих частей, именно штыков, пулеметов, орудий и т. д., а также доносят о тяжелых боях и больших потерях, но на самом деле не существующих. Некоторые начальники при малейших опасностях уходят со своими штабами, причем вызывают панику у подчиненных. Самая главная вина командного состава та, что он в бою не принимает решительных мер к солдатам, не исполняющим приказаний и бегущим с фронта»⁴. Однако такой приказ стороннего начальника не принес пользы, а глубоко оскорбил командный состав Западной армии⁵, усугубив прежнюю конфронтацию командования двух армий.

Некоторые офицеры не гнушались ловить рыбу в мутной воде и в период братоубийственной войны занимались личным обогащением за счет армии. Утрата моральных ограничений, распущенность коснулись и личной жизни офицерского корпуса. Некоторые высокопоставленные военные од-

¹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 139. Л. 22.

² РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 172. Л. 20.

³ Так в документе.

⁴ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 59. Л. 149об.–150.

⁵ Сахаров К. В. Белая Сибирь. С. 108–109.

новременно имели по несколько семей (например, белые генералы С.Н. Войцеховский, А.И. Дутов, А.П. Перхуров и др.), заводили любовниц, походно-полевых жен, пользовались услугами проституток, употребляли наркотики. Не имея возможности жить на два дома, часть офицеров держали семьи при себе, вследствие чего войска производили не вполне военное впечатление, а личные интересы порой превалировали над служебными¹.

Общее падение нравов и ожесточение вели к появлению в офицерской среде лиц с изуродованной психикой — садистов и палачей. Наибольшую известность в этом отношении приобрел генерал барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг. Психическим расстройствам были подвержены и некоторые другие видные деятели Белого движения на Востоке России. Супруга генерала М.К. Дитерихса летом 1919 г. рассказывала, что они с мужем ежедневно «устраивают бдения, прячутся друг от друга, потом ищут и, найдя, молятся»². Характерной была и обстановка вагона Дитерихса в декабре 1919 г.: «На столе стояли два больших шандала по три свечи в каждом. Посередине шандал с одной свечой. Прямо сзади стула Дитерихса на стене был прикреплен большой синий щит с белым восьмиконечным крестом, по бокам два полотнища хоругвей. Во всем было что-то таинственно-мистическое... Было что-то совершенно ненормальное во всем этом, а между тем передо мной сидел Дитерихс, в этом не было никакого сомнения»³.

Разумеется, среди колчаковских офицеров было множество непримиримых, которые не только боролись с красными до конца, но отличились или даже погибли в этой борьбе либо ушли в эмиграцию, но не сдались. К таким офицерам относились А.В. Колчак, В.О. Каппель, А.И. Дутов, И.Г. Акулинин, М.К. Дитерихс, С.Н. Войцеховский, М.В. Ханжин и др. Однако в целом лояльность офицерства на Востоке России в сравнении с белым Югом была существенно ниже. Отражалось это и на потерях офицерского состава. По неполным данным, ударная Западная армия за период весеннего наступления с 6 марта по 26 апреля 1919 г. потеряла 68 офицеров убитыми и 219 — ранеными, контужеными и пропавшими без вести⁴. Для сравнения, на Юге России за Гражданскую войну в наиболее мотивированных корниловских частях погиб 5321 офицер⁵.

Особенно ярко неустойчивость командного состава проявлялась в периоды неудач на фронте. В конце 1919 г. разочарованные колчаковские генералы перешли к более радикальным действиям, что, в конечном счете, привело к гибели и самого Колчака. 17 ноября 1919 г. во Владивостоке поднял мятеж против Колчака бывший командующий Сибирской армией Р. Гайда, ранее уволенный из армии с лишением чина генерал-лейтенанта. После

¹ Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 416.

² Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 389.

³ Там же. С. 416–417.

⁴ Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала... С. 164.

⁵ Критский М. А. Корниловский Ударный полк. Париж, 1936. С. 227.

подавления мятежа, поддержанного эсерами, Гайда был выслан в Чехословакию. 9 декабря 1919 г. командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев с братом, колчаковским премьер-министром В. Н. Пепеляевым, будучи недовольны неумелым, по их мнению, руководством командующего Восточным фронтом генерал-лейтенанта К. В. Сахарова, сместили его с должности и арестовали на станции Тайга¹. Колчак, не располагавший тогда реальной силой, был вынужден смириться с такими действиями. Место Сахарова, освобожденного из-под ареста уже вечером следующего дня, занял генерал-лейтенант В. О. Каппель. Примером утраты доверия к руководству в среде высшего командного состава стал ответ генерала М. К. Дитерихса на декабрьское предложение Колчака вновь возглавить фронт. Дитерихс соглашался при условии незамедлительного отъезда Колчака за пределы Сибири.

Начальник гарнизона Новониколаевска и командир 2-го Барабинского полка полковник А. В. Ивакин предпринял попытку арестовать в Новониколаевске генерала К. В. Сахарова, а после ее провала – штаб 2-й армии во главе с генералом С. Н. Войцеховским. Однако и эта попытка не удалась, Ивакин был арестован и застрелен. Командующий войсками Енисейского района и начальник гарнизона Красноярска генерал-майор Б. И. Зиневич поднял восстание против Колчака, а 23 декабря 1919 г. направил Колчаку ультиматум с требованием передать власть Земскому собору, после чего по телеграфу сдал Красноярск красным. В результате выступления Зиневича поезд Колчака оказался отрезан от колчаковских армий, еще не добравшихся до Красноярска, что предопределило трагическую гибель Верховного правителя.

На рубеже 1919–1920 гг. большое количество колчаковских офицеров, оказавшись перед перспективой полного лишения отступления по зимней тайге, сдались красным. Среди тех, кто в тот период перешел на сторону РККА, был и будущий Маршал Советского Союза Л. А. Говоров, прослуживший у белых добровольно (ранее со слов самого Говорова считалось, что он был мобилизован, но выявленные нами документы свидетельствуют об ином) с сентября 1918 по декабрь 1919 г. в 5-й Прикамской батарее, переименованной позднее в 3-ю батарею 8-й Камской стрелковой артиллерийской бригады и даже произведенный адмиралом А. В. Колчаком в июле 1919 г. из прапорщиков в подпоручики (этот факт, как и добровольный характер своей службы у белых, Говоров от красных скрыл)².

Массовой добровольной сдачей представителей командного состава отмечены события под Красноярском в начале января 1920 г. Здесь в плен частям 5-й советской армии добровольно сдалась большая группа офицеров, в том числе немало генералов, что свидетельствовало о деморализации ко-

¹ Нупцов И. В., Буянов А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России... С. 405–406, 485.

² РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 12. Л. 17; Д. 138. Л. 54; Ф. 7. Оп. 8. Д. 328. Л. 164.

мандного состава колчаковских войск. Так, в эшелоне дежурного генерала штаба Восточного фронта сдались в плен 2 генерала, 12 штаб-офицеров, 53 обер-офицера и военных чиновника. С этой же группой прибыли 10 генералов-генштабистов и 15 штаб- и обер-офицеров-генштабистов¹. Часть сдавшихся белых офицеров становилась в ряды Красной армии. К примеру, только в советских войсках, действовавших в районе Иркутска в январе 1920 г., бывших белых офицеров насчитывалось 635 человек².

В результате отступления в начале 1919 г. наблюдалось массовое дезертирство из рядов Отдельной Оренбургской армии. Тогда целые части расходились по станицам. Например, в 13-м Оренбургском казачьем полку осталось всего 13 офицеров³. Массовые сдачи происходили и осенью 1919 г. Полковник Ф.А. Богданов, командовавший 2-й отдельной Оренбургской казачьей бригадой, 8 сентября 1919 г. вместе с бригадой в полном составе (более 1500 сабель, в том числе 80 офицеров) и со всем вооружением перешел на сторону красных. В ночь на 22 сентября Богданов и другие перешедшие к красным казачьи офицеры были представлены председателю ВЦИК М.И. Калинину, прибывшему на фронт, причем «Богданов и другие военнопленные горячо благодарили за прием, оказанный советской властью, каялись в своих ошибках, клялись честно служить народу, защищать советскую власть»⁴. В дальнейшем бригада Богданова успешно действовала в составе РККА против поляков, врангелевцев и басмачей⁵. По различным подсчетам, на фронте 1-й советской армии в сентябре 1919 г. сдались в плен от 30 до 57 тысяч человек, в том числе не менее 400 офицеров⁶. Характерны взгляды сдавшихся в плен. Так, на митинге в Оренбурге представитель пленных офицеров Смолоданов заявил: «Мы своим переходом, может быть, дадим возможность скорей закончить войну и тогда великое счастье, которое ожидает весь мир, засветит над когда-то славной великой Россией, и она уже не будет подметкой французских, английских и немецких генералов. Она будет единой и неделимой Россией, чистой Россией, но не немецкой, французской и английской

¹ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 66.

² *Войнов В. М.* Офицерский корпус белых армий на Востоке страны (1918–1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 61.

³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 184об.

⁴ Цит. по: *Тимошков С.* Разгром Южной армии Колчака (август — сентябрь 1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 53.

⁵ Подробнее об оренбургских казачьих офицерах см.: *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007.

⁶ *Алескеров Ю. Н.* Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959. С. 138; *Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане.* Алма-Ата, 1964. Док. и мат. Т. 2: Сентябрь 1919 г. — декабрь 1920 г. С. 75; *Кирюхин Н. И.* Из дневника военного комиссара. Гражданская война 1918–1919 годов. М., 1928. С. 163; М. В. Фрунзе на фронтах Гражданской войны: Сб. док. М., 1941. С. 211, 217; Начало конца (стенограмма митингов колчаковских солдат и офицеров в Оренбурге). Самара, 1919. С. 21; *Тимошков С.* Разгром Южной армии Колчака... С. 51.

Россией»¹. Таким образом, это были патриотические взгляды, характерные для офицерства по обе стороны баррикад.

Офицеры участвовали в тяжелейшем отступлении разгромленных белых армий в Туркестане (Голодный поход Отдельной Оренбургской армии, исход Отдельной Уральской армии) и в Сибири (Сибирский Ледяной поход). Эти события сопровождались массовыми сдачами в плен, эпидемиями, гибелью людей от голода и холода.

В апреле 1920 г. в Форте Александровском на берегу Каспийского моря красным сдались 2 генерала, 70 офицеров и более тысячи нижних чинов из состава Отдельной Уральской армии².

Положение пленных белых офицеров было неоднозначным. В разгар Гражданской войны отношение к пленным белым офицерам порой отличалось крайней степенью ожесточения. Документально зафиксированы и случаи варварских казней пленных. Так, например, на станции Яйсан Ташкентской железной дороги в 1918 г. участниками событий с советской стороны отмечено несколько случаев сожжения заживо пленных белых офицеров³, генерала З.Ш. Дашкина, попавшего в плен в 1919 г., утопили в Аральском море, а его сына-офицера застрелили⁴.

По окончании широкомасштабных боевых действий отношение к пленным стало меняться (впрочем, со своими особенностями в зависимости от региона). Показательны итоги работы Екатеринбургской губЧК за год с лета 1919 по лето 1920 г. За этот период чекисты завели 3777 дел на 6229 бывших белых офицеров, 122 человека приговорили к расстрелу, треть освободили, остальных приговорили к различным срокам принудительных работ⁵.

Некоторые пленные находились перед выбором между голодной смертью и расстрелом. Так, в июле 1921 г. из Екатеринбургского концентрационного лагеря № 1 бежали шесть пленных белых офицеров. Все они служили на младших офицерских должностях в антибольшевистских формированиях Востока России и понимали, что в случае поимки их ждет расстрел, но тем не менее решили бежать. Причиной побега стал голод (он свирепствовал тогда даже вне мест заключения, а положение арестованных было более тяжелым). Еще 27 мая 1921 г. в Екатеринбургской губернии для борьбы с побегам заключенных была введена круговая порука, по которой за каждого бежавшего расстреливались 5 человек из его группы. В соответствии с этим приказом губЧК расстреляла 30 офицеров, которые отбывали наказание вместе

¹ Начало конца... С. 28.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 747–749.

³ ОГАСПИ. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 211. Л. 9–10; ГАОО. Ф. Р-2900. Оп. 1. Д. 172. Л. 121.

⁴ ГАОО. Ф. Р-2900. Оп. 1. Д. 172. Л. 48.

⁵ Дмитриев Н. И., Рогова Е. М. Репрессии большевиков против чинов белых армий. 1919 — начало 1930-х годов. Результаты новых исследований // Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10–14 сентября 2011 года: Сб. статей и материалов. СПб., 2012. С. 238.

с бежавшими. Многие из них о побеге даже не подозревали. Через несколько дней скитавшихся по деревьям в поисках пропитания беглецов поймали, все они также были расстреляны¹.

Внутренние противоречия продолжали разъедать офицерство и на заключительном этапе истории Белого движения на Востоке России. Губительным стало наличие на Дальнем Востоке двух антагонистических группировок военных — каппелевцев (основной массы колчаковских войск, пришедших в 1920 г. в Забайкалье после Сибирского Ледяного похода) и семеновцев (войск атамана Г.М. Семенова, находившихся в Забайкалье). Вовлечены в этот затяжной конфликт были и многие офицеры. Поскольку за Семеновым стояли японцы, каппелевцы до некоторых пор не могли успешно противодействовать его сторонникам. При этом сам Семенов в августе 1920 г. зондировал почву на предмет своего перехода на сторону красных «под влиянием, как он сам объяснил, примера Брусилова и краха панской Польши»².

Из Маньчжурии в ноябре — декабре 1920 г. армия по КВЖД была перебросена в Приморье. Формально это была уже не армия, а люди, искавшие пристанища, однако в действительности армейская структура была сохранена, хотя командование было вынуждено находиться на нелегальном положении. Положение белых в какой-то степени облегчалось наличием в Приморье японских войск. На новом месте войска были расквартированы по линии железной дороги от Гродеково до Владивостока. Армия сохранила свою организацию, но оставалась практически без оружия, бездействовала и, находясь в постоянном контакте с местным населением, начинала разлагаться. Широкий размах приобрело пьянство. Несмотря на жесткие меры командования, направленные на укрепление дисциплины, справиться с процессом разложения частей было невозможно. Моральное разложение и пьянство коснулись и офицерского состава. К этому в отношении офицеров добавлялись сильнейшая политизация и интриганство. Из-за отсутствия оружия войска не могли противостоять не только партизанскому движению, но и обыкновенному бандитизму, широко распространившемуся в Приморье.

В результате переворота 26 мая 1921 г. во Владивостоке, совершенно силами армии, было свергнуто пробольшевистское Приморское областное управление Дальневосточной республики и к власти пришло Временное Приамурское правительство под председательством С.Д. Меркулова. Армия после переворота стала получать оружие (при содействии японцев) и смогла приступить к своей первоочередной задаче — наведению порядка в Приморье. Переворот был одобрительно встречен в войсках как среди каппелевцев, так и среди семеновцев, но последние не спешили подчиниться новому

¹ Подробнее об истории этого побега и его последствиях см.: *Дмитриев Н.И.* Побег из застенка // *Белая армия. Белое дело* (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 98–121; 2012. № 20. С. 81–103.

² *Шишкин В.И.* Неудавшийся политический зигзаг атамана Г.М. Семенова. Август 1920 г. // *Вестник архивиста*. 2018. № 1. С. 200.

командованию. После майского переворота атаман Семенов прибыл 30 мая во Владивосток на пароходе «Киодо-Мару», но сойти на берег ему запретили. Позднее атаман тайно нарушил этот запрет и уехал к верным ему войскам в Гродеково. Конфликт двух группировок внутри армии был столь глубоким, что иногда доходил даже до применения силы. В этой связи весьма показателен приказ командующего Гродековской группой войск генерал-лейтенанта Н.И. Савельева генерал-майору В.П. Малакёну от 12 июля 1921 г., в котором предписывалось «пройти через Раздольное и никаких требований каппелевских комендантов не выполнять. Думаю, что Вашего отряда достаточно, чтобы Вас не арестовали. Имейте в виду, что японцы не позволят стрелять. В случае надобности на рысях выйдет Забайкальская казачья бригада...»¹ Столкновение произошло, были убитые и раненые.

Под давлением японского командования, не имея ни средств, ни былой популярности, Семенов был вынужден отступить и покинуть Приморье. Определяющую роль сыграла зависимость войск от финансовых возможностей той или иной группировки. Когда снабжение перешло к бывшему каппелевскому руководству, войска, в целом, смирились со сложившейся ситуацией. Тем не менее определенная внутренняя рознь между уже бывшими семеновцами и каппелевцами сохранялась и в 1922 г.,² даже после того, как 14 сентября 1921 г. Семенов покинул Приморье, хотя период наиболее острых противоречий остался позади.

К лету 1921 г. Дальневосточная армия находилась в крайне тяжелом положении. В июне ее общая численность составляла от 12 до 15 тысяч человек³. Вся эта масса людей оставалась безоружной⁴ и была морально надломлена бесправным и совершенно пассивным существованием на положении беженцев в течение полугода. Кроме того, как уже отмечалось, армия была расколота на два враждебных лагеря и не имела общего командования.

Полковник М.Ф. Воротовов писал в мае 1922 г.: «4 года прошло, как могучая волна восстания охватила Поволжье, Урал. И вот остатки сильной армии адмирала Колчака теперь в Приморье, несколько раз переформированные, продолжают свое существование. Сказать открыто, армия несет только лозунг, а все остальное, дисциплина, этика, порядочность, если не утрачено, то оставляет желать много лучшего. Взамен этого: мародерство, хищения, дезертирство, пьянство, разнузданность. Безусловно армия дошла до такого состояния благодаря небывалым условиям военной жизни. Ей много пришлось пережить и многое извинить. Офицерский состав за Гражданскую войну пополнился недоброкачественным элементом, благодаря производству

¹ РГВА. Ф. 39730. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.

² РГВА. Ф. 39817. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

³ ГА РФ. Ф. Р-7598. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

⁴ По данным на 1 июня 1921 г., армия имела лишь 86 винтовок, через месяц эта цифра возросла до 252, а еще через месяц — примерно до 500 винтовок (ГА РФ. Ф. Р-7598. Оп. 1. Д. 6. Л. 4).

из нижних чинов в офицеры за боевые отличия. Среди офицеров развелось много проходимцев, спекулирующих на добром имени офицера. Придет время. Восстанет из трупов Россия, и эта армия из Приморья донесет до сердца родной страны свою национальную идею, которую столько лет в лишениях и невзгодах хранила. И этим армия отряхнется от пыли, нанесенной на нее тяжелыми годами, и будет гордо держать в руках русское знамя»¹. К этому времени численность офицерства в антибольшевистских формированиях на Дальнем Востоке сократилась до 3567 человек (по данным боевого расписания на апрель 1922 г.²).

С приходом в начале июня 1922 г. к власти генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса в армии стали осуществляться преобразования, направленные, прежде всего, на ее объединение. Значительно изменилась структура армии. Дальневосточная армия была переименована в Приамурскую Земскую Рать, полки – в дружины, а командующий – в Воеводу Земской Рати. Введением исторических наименований генерал Дитерихс, судя по всему, преследовал цель поднять дух частей напоминанием о событиях Смутного времени, однако эта мера была неоднозначно воспринята в войсках. После вывода из Приморья японских войск, 4 октября 1922 г. началось наступление Народно-революционной армии Дальневосточной республики на последний очаг антибольшевистского сопротивления на территории России. Выдержав 8–14 октября ряд ожесточенных встречных боев, Земская Рать оставила Никольск-Уссурийский (17 октября) и Владивосток (25 октября). До 1922 г. в антибольшевистских формированиях Востока России дослужили меньшинство офицеров. Остальные сдались в плен, эмигрировали или погибли.

¹ НИА. Colonel Vorotovov collection. Folder VW Russia V954. Л. 37–38.

² ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 135. Л. 18.

Глава 7

Офицеры в антибольшевистском лагере на Севере России

Еще 6 марта 1918 г. произошла высадка союзников на Мурмане. Однако Северный фронт Гражданской войны образовался несколько позже, чем Восточный и Южный. Первые столкновения интервентов с советскими отрядами здесь относятся только к концу июня. С конца июля – начала августа 1918 г. стала формироваться Мурманская армия. Первоначально принцип комплектования был добровольческим, жалование и паек предоставлялись британским правительством¹.

В Архангельске со второй половины июня 1918 г. действовало белое подполье. В ночь на 2 августа в городе в связи с приближением союзников произошел антибольшевистский переворот, образовалось Верховное управление Северной области (ВУСО) во главе с народным социалистом Н.В. Чайковским. Красные покидали город в панике². Часть военспецов перешла на сторону белых. После освобождения Архангельска примерная численность войск союзников в этом районе составила 12 тысяч человек³. Под их руководством началось создание антибольшевистских вооруженных сил. При ВУСО возникло военное управление (с ноября 1918 г. – штаб командующего войсками Северной области). Командующий русскими войсками капитан 2-го ранга Г.Е. Чаплин находился в оперативном подчинении главнокомандующего всеми союзными вооруженными силами в России генерал-майора Ф.К. Пуля⁴. Вследствие дальности расстояний белый Север был изолирован от других антибольшевистских фронтов, не располагал необходимыми для ведения войны ресурсами и, если бы не поддержка союзников, вряд ли мог продержаться столь длительное время.

Источники комплектования офицерскими кадрами белых сил на Севере имели свои региональные особенности. Мобилизационный ресурс Север-

¹ ГАМО. Ф. Р-919. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.

² Недров М.С. За Советский север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 96–97.

³ Свечников М. Союзническая интервенция на севере Советской России с 2 июля 1918 г. по 1 октября 1919 г. // Кто должник? Сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции. М., 1926. С. 446.

⁴ Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005. С. 88.

ной области был невелик и оценивался всего в 25 тысяч человек¹. Офицеры в Архангельской губернии были немногочисленны. По оценке С. В. Волкова, до мобилизации на фронт выступили до 200 офицеров². Затем по проведенной мобилизации оказались призваны более 500 офицеров³. Белые провели призыв офицеров до 35 лет. В дальнейшем приток офицеров замедлился. Кроме того, уже осенью 1918 г. стало очевидно, что Северный фронт оказался второстепенным. Регистрация офицеров, проведенная постановлением главнокомандующего союзными силами от 20 ноября 1918 г.⁴, дала около 2000 человек, включая военных чиновников, из которых годные к службе офицеры составляли порядка 1000 человек⁵. К февралю 1919 г. зарегистрированные получили назначения⁶.

Новая власть столкнулась с огромными трудностями, в том числе в вопросах военного строительства и мобилизации. Однако помощь белым шла с разных сторон. В частности, переброску офицеров-добровольцев осуществляло белое подполье. Например, добровольцев в Славяно-британский легион на Мурмане переправляла подпольная петроградская организация генерала Б. В. Геруа в 1918 г.⁷ Содействовали переброске офицеров и англичане. В частности, с их помощью прибыли офицеры бывшей гетманской армии с Украины, затем попавшие в Германию и Великобританию. В связи с близостью Финляндии, многие офицеры прибывали оттуда. Офицеров, прибывавших из Финляндии и оставивших там семьи, на Мурманском фронте называли «финикийцами»⁸. Из Европы прибыли 400–700 офицеров⁹. Некоторые получили офицерские чины непосредственно при белых, причем на Севере действовали и военно-учебные заведения (Артиллерийская школа, школа подготовки офицеров в Мурманском районе, Архангельская пулеметная школа, Архангельская школа телеграфно-телефонной связи и т. д.¹⁰). Потери офицеров были незначительны. Тем не менее белые испытывали острейшую нехватку кадровых офицеров¹¹. В особенности не хватало генштабистов, артиллеристов, интендантов, военных юристов. Достаточно много было флот-

¹ *Марушевский В. В.* Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 279.

² *Волков С. В.* Северный край в судьбах русского офицерства // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1 (3). С. 30.

³ *Дерябин А. И.* Белая армия на Севере России 1918–1920 гг. М., 2002. С. 5.

⁴ ГАМО. Ф. Р-919. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

⁵ *Марушевский В. В.* Год на Севере... С. 213.

⁶ Там же. С. 243.

⁷ *Игнатьев В. И.* Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.). Ч. 1 // Белый Север. Вып. 1. С. 108, 119; *Тучков А. И.* Исторический фон // Гражданская война на Севере России глазами британцев. Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008. С. 164.

⁸ *Зеленов Н. П.* Трагедия Северной области // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 2. С. 232.

⁹ Там же. С. 212.

¹⁰ Белое движение на Севере России. Белая гвардия. Исторический альманах. 2006. № 9. С. 78.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 18. Л. 21.

ских офицеров (поименно известны 285). Интересны данные о старших офицерах. На Севере служили не менее 40 генералов и адмиралов, не менее 100 полковников и капитанов 1-го ранга, не менее 135 подполковников и капитанов 2-го ранга.

Основные надежды белые возлагали на прибытие офицеров из-за границы (телеграмма о переброске на Север как можно большего количества офицеров, в том числе генштабистов, была направлена генералу Д.Г. Щербачеву¹) и на переход ко всеобщей мобилизации населения вместо набора добровольцев. Однако мобилизованные не отличались надежностью. Основную массу составляли офицеры военного времени. Так, среди более 500 мобилизованных офицеров насчитывалось лишь 6 кадровых², обладавших сколь угодно серьезной подготовкой и опытом. Со временем, разумеется, количество кадровых офицеров возросло, но проблема не исчезла. Что касается офицеров-генштабистов, то на белом Севере их служило 29 человек, включая 23 выпускников довоенной академии и 6 курсовиков. Именно небольшая группа кадровых офицеров, и прежде всего генштабистов, возглавила Белое движение на Севере России и во многом стала его организационным ядром.

По мнению нового британского главнокомандующего генерала У.Э. Айронсайда, русское командование в лице вызванного из Лондона полковника Б.А. Дурова (с 18 сентября 1918 г. — командующего войсками и генерал-губернатора Северной области³) и его начальника штаба генерал-майора («революционного производства», по ироничному замечанию генерала В.В. Марушевского⁴) С.Н. Самарина оказалось некомпетентным. За два месяца они, по словам англичанина, ничего не сделали, а призыв в армию считали недемократичным. Айронсайд потребовал замены этих офицеров⁵. Британский генерал отметил, что «разведка предоставила мне их послужные списки, но в них не было ничего выдающегося. Ни один из них не имел опыта командования в старой русской армии... ни Дуров, ни Самарин не имели ни малейшего авторитета у бывших царских офицеров»⁶.

О Дурове и Самарине военный прокурор С.Ц. Добровольский писал: «Высшая военная власть в лице полк[овника] Д. и ген[ерала] С. не обнаруживала никакой заботливости... части были предоставлены самим себе, а все распоряжения, приказы и уставы полк[овника] Д. носили на себе отпечаток того, что получило в армии меткое название “керенщины” и что характеризует собою отсутствие твердости, демагогическую болтовню и бессилие

¹ Марушевский В. В. Год на Севере... С. 244.

² Зеленов Н. П. Трагедия Северной области. С. 205.

³ ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 327.

⁴ Марушевский В. В. Год на Севере... С. 200.

⁵ Айронсайд У. Э. Архангельск. 1918–1919 // Зброшенныя в небытие: Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 240–242.

⁶ Там же. С. 240.

лишенного дисциплинарной власти командного состава. Нет никакого сомнения, что никакая армия в таких условиях существовать не может... Увы, в глазах лиц категории полк[овника] Д. и ген[ерала] С. всякое мероприятие, направленное к поднятию воинской дисциплины, вызывало опасение, как бы не прослыть контрреволюционером...»¹ Причины такого курса полковника Дурова современники усматривали в том, что в 1917 г. он находился за границей, а по возвращении попал под влияние Самарина, который был одним из ближайших сотрудников А. Ф. Керенского. Дуров допускал митинги, беспорядки и не принимал строгих дисциплинарных мер². Лишь вмешательство англичан положило конец подобной близорукой политике руководства антибольшевистских сил в условиях Гражданской войны, когда РККА с каждым днем становилась все сильнее.

3 ноября 1918 г. Дурова менее чем на три недели сменил контр-адмирал Н. Э. Викорст, а Самарина — подполковник В. А. Жилинский. Только в ноябре 1918 г. из Стокгольма прибыл генерал-майор В. В. Марушевский, с 19 ноября возглавивший антибольшевистские вооруженные силы вместо не подготовленного к этому Викорста. Это назначение было сделано, видимо, не без влияния союзников, которым Марушевский был известен по службе на Западном фронте. По мнению очевидца, «лишь только с приездом генерала Миллера и генерала Марушевского началась правильная работа. Генерал Марушевский хорошо справился с трудной задачей формирования войск в такой трудной обстановке. Будучи человеком большого ума и работоспособности, начал вводить очень энергично и твердо дисциплину. К несчастью, он скоро подорвал к себе уважение, ведя совершенно непристойный для командующего войсками образ жизни»³. При Марушевском были установлены начала твердой дисциплины, осуществлен возврат к прежней форме и ранее запрещенным погонам. Как вспоминал сам Марушевский, «часть офицерства с восторгом одела погоны и кое-как раздобыла кокарды, ордена и другие наружные отличия. Другие боялись этих погон до такой степени, что мне пришлось бороться уже с помощью гауптвахты и дисциплинарных взысканий»⁴.

Начальник штаба генерала Е. К. Миллера генерал М. Ф. Квецинский, по воспоминаниям начальника 3-й Северной стрелковой бригады полковника И. А. Данилова, «никаких руководящих данных мне дать не мог, ибо сам в Двинском районе ни разу не был и какого-либо представления о том, что творилось на Двине, не имел, кроме того, что там имеется речная флотилия капитана 2-го ранга Чаплина, который и доносил ему о творившемся там

¹ Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 23.

² ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.

³ Там же.

⁴ Марушевский В. В. Год на Севере... С. 214.

хаосе»¹. По мнению многих мемуаристов, Квецинский был исключительно кабинетным работником, привыкшим воевать по карте, слишком самоуверенным и далеким от жизни фронта и от понимания реалий Гражданской войны на Севере². Тем не менее он все же сумел хорошо организовать прием военного имущества, которое было оставлено на Севере англичанами. С фронтовиками Квецинский находился в конфликте и даже так ни разу и не побывал на фронте. Впоследствии он бежал из Архангельска, как ранее он бежал из захваченного петлюровцами Киева, в обоих случаях оставив подчиненных ему офицеров на произвол судьбы. Именно из-за ассоциаций с киевскими событиями назначение его Миллером на столь ответственный пост было вызовом офицерству, но, видимо, других кандидатур не находилось. Некоторые из офицеров, попавших в плен к красным, собирались после освобождения отыскать Квецинского в эмиграции и убить его³. Непонятно, как поведение Квецинского сочеталось с орденом Св. Георгия 4-й степени, которым был награжден генерал в годы Первой мировой войны. При этом Квецинский оказывал значительное влияние на Миллера и принимавшиеся последним решения.

Печально известным сдачей в плен под Сольдау во время Восточно-Прусской операции был пожилой, но считавшийся талантливым генерал-лейтенант Н.А. Ключев. Летом 1919 г. он приехал на Север из Германии, причем его ходатайство о принятии на службу было, по некоторым данным, удовлетворено генералом Е.К. Миллером лишь ввиду бедственного материального положения Ключева после плена⁴. По воспоминаниям генерала Марушевского, «я увидел полубольного старика, на работу которого рассчитывать было трудно»⁵. По другой оценке, Ключев — «бывший командир одного из корпусов Самсоновской армии, пробывший в плену в Германии с 14 года. По прибытии своем в [Северную] область, объехал все фронты и только после этого был назначен на должность и весьма быстро для генерала его возраста и человека, почти не видевшего войны и совершенно не видевшего революции, освоился со своим положением. Начал сам нашу наступательную операцию на железной дороге и вел ее вполне удовлетворительно. Человек не глупый, бодрый и хорошо разбирается в обстановке. Как и все, ненавидит Квецинского»⁶.

Вместе с Ключевым прибыли и другие генералы (в том числе Квецинский, П.П. Петренко и еще четыре человека), негативно ассоциировавшиеся в обществе лишь со старым режимом⁷. И хотя появление этих лиц

¹ Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 46.

² Там же. С. 55–56; Добровольский С. Борьба за возрождение... С. 48, 51–52.

³ Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе... С. 69.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Марушевский В.В. Год на Севере... С. 332.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

⁷ Добровольский С. Борьба за возрождение... С. 41.

вызвало недовольство в офицерской среде, они все же получили высокие назначения в армии Миллера. Ключев занял пост генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего (пусть и являвшийся формальным и якобы даже созданный специально для него). Впоследствии он уехал из Северной области, как говорили злые языки, «получив весьма загадочную командировку и весьма реальный чек в несколько тысяч шведских крон»¹. Генерал С. С. Саввич, занимавший должность заведующего военными школами, «в этот период уже начал свою коммерческую карьеру и не хотел ею жертвовать для политической работы... на его энергичное сотрудничество рассчитывать было нельзя»².

В то же время на белом Севере были и способные начальники, к числу которых можно отнести генералов В. В. Марушевского и Е. К. Миллера, подполковников (впоследствии – полковников) Л. В. Костанди и В. А. Жилинского и некоторых других.

В. В. Марушевский был последним начальником русского Генерального штаба (исполнял обязанности с 26 сентября 1917 г.) перед большевистским переворотом. По мнению А. А. Свечина, служившего с Марушевским в годы Первой мировой, он был яркой личностью: «Очень способный офицер Генерального штаба, он в первый год войны был начальником штаба нашей дивизии и в качестве такового стяжал себе редкую популярность. Всегда обо всем осведомленный, он каждому в нужный момент давал правильную ориентировку, напоминал, объяснял – всегда с редким тактом, предвидел развитие действий и всегда заблаговременно подготовлял все нужное. Командиром полка он приехал на три недели позже меня. Он был умен и дальновиден по-прежнему, но нервы ему изменяли... он умел ладить с людьми, но не приказывать и не перевоспитывать их. Блестящий советник, но отнюдь не вождь»³. Марушевскому удалось за несколько месяцев заслужить доверие русского офицерства, правительства и союзников. При нем была проведена перерегистрация всех русских офицеров (всего около 2000 человек), осуществлено переиздание уставов⁴, восстановлены дореволюционные награды, сокращено военное управление, началось введение основ дисциплины в войсках, что протекало не без осложнений. Марушевский не всегда производил впечатление серьезного человека. К примеру, в разговоре с прибывшими на Север из Советской России через Мурман офицерами он предпочитал пожаловаться на невозможность достать шпоры для сапог, чем выслушать ценную информацию, которой располагали гости.

Л. В. Костанди впоследствии разочаровался в Белом движении и при эвакуации решил остаться на Севере в качестве командующего Архангель-

¹ Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 55.

² Марушевский В. В. Год на Севере... С. 200.

³ Свечин А. А. Искусство вождения полка: [по опыту войны 1914–1918 гг.]. М., 2005. С. 72–73.

⁴ Дерябин А. Белая армия на Севере России. С. 6.

ским округом и коменданта города и, видимо, стремясь в Советскую Россию. Он сам говорил, что за границей ему не место¹.

Прибывший в Архангельск 13 января 1919 г. генерал Миллер оказался в непростой ситуации. К этому времени генерал Марушевский за два месяца своей службы на Севере уже успел завоевать авторитет и в войсках, и в тылу, и у союзников. Заменять его Миллером было нежелательно. В этих условиях правительством был достигнут определенный компромисс в разделении властных полномочий. С прибытием генерала Миллера Марушевский сохранил пост командующего войсками с подчинением в организационном (но не в оперативном) отношении Миллеру, получившему права командующего отдельной армией. В оперативном отношении Марушевский подчинялся английскому командованию. Фактически первоначально Миллеру отводилась роль «свадебного генерала», который должен был лишь сдерживать аппетиты союзников. В некоторой степени ограничить полномочия вновь прибывшего генерала пытался глава правительства народный социалист Н.В. Чайковский, который до революции многие годы боролся с властями и их опорой в лице армии. Однако Чайковский 23 января уехал в Париж и препятствовать работе Миллера уже не мог. Настала очередь борьбы за власть в военном ведомстве. Если первоначально Миллер из деликатности все военные вопросы выяснял у Марушевского, то постепенно полномочия Марушевского были урезаны (например, непосредственно Миллеру подчинена полевая военная прокуратура), а его назначенцы заменены креатурами Миллера. 30 апреля 1919 г. Миллер признал верховную власть адмирала А.В. Колчака. На Севере начали складываться элементы военной диктатуры Миллера, формирование которой было ускорено эвакуацией союзников и устранением генерала Марушевского. Миллер был, безусловно, представителем элиты русского Генерального штаба и, вероятно, одним из лучших генштабистов русской армии. Даже по мнению своих политических противников Миллер являлся честным и порядочным человеком. По убеждениям был монархистом, но, в целом, лояльно относился к приверженцам других взглядов (кроме леворадикальных) и выступал против жестокостей. По свидетельству очевидца, «и Миллер, да и все правительство... было помешано на правовых началах — в противоположность большевистскому произволу мы должны были насаждать правовой строй...»² На Севере России Миллеру отводилась скорее политическая, чем военная роль, к чему он вряд ли был подготовлен.

Офицерство разьедали внутренние конфликты и противоречия. Уже говорилось о сложных взаимоотношениях генералов В.В. Марушевского и Е.К. Миллера, предопределенных их служебным статусом. Определенную остроту имел вопрос о старшинстве (своего рода местничестве в русском

¹ Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928. С. 66.

² Игнатъев В.И. Некоторые факты и итоги... С. 142.

офицерском корпусе, отмененном в РККА), из-за чего регулярно происходили различные неловкие ситуации. Так, выпускник ускоренных курсов Военной академии полковник П. Т. Акутин у белых был назначен командиром одного из полков¹. Между тем ранее этот способный офицер сумел организовать оборону на Пинеге и сформировать там вполне надежные силы, за что был произведен в подполковники, а позднее получил чин полковника². Однако с этого фронта Акутин был снят и отправлен командовать полком лишь потому, что англичане попросили назначить на Пинегу другого офицера, а генерал Марушевский считал, что по своему образовательному цензу и опыту Акутин не мог находиться в подчинении у нового назначенца. Генерал С. Н. Самарин, обладавший высшим военным образованием, и вовсе командовал ротой. Сам генерал Марушевский особенно смущался по поводу старшинства и служебной этики, считал своим долгом, как бы оправдываясь, затрагивать эту «проблему» в разговорах со всеми находившимися на Севере офицерами Генштаба, которые были старше его по выпуску из академии и которыми он должен был руководить. Вопросы их подготовленности и физического состояния почему-то определяющего значения не имели, даже если это были дряхлые старики или люди, уже устранившиеся от активной военной службы.

Тот же Акутин осенью 1919 г., будучи командиром 6-го Северного стрелкового полка, позволил в присутствии солдат повысить голос на командира батальона и дойти до площадной брани. Нервность командира связали с постоянным участием в боях. Из-за заслуг командование ограничилось лишь выговором³.

Ощутимым было деление офицеров на местных уроженцев и приезжих. Некоторая часть местного северного офицерства опасалась активной службы на фронте, предпочитая оставаться в тылу на случай поражения белых. Офицеры военного времени из местного населения часто были малоавторитетны в глазах солдатской массы и даже нередко мало отличались от солдат. По свидетельству участника событий, «солдаты в них видели своих школьных и деревенских товарищей, и им трудно было признать над собой авторитет и дисциплинарную власть “Колек” или “Петек” и величать их “г[осподин] поручик”, а часто даже “г[осподин] капитан” или “г[осподин] полковник”, так как производство у нас носило интенсивный характер»⁴. Делилось офицерство на фронтовиков и тыловиков, причем взаимоотношения этих двух групп сопровождалась острыми конфликтами и громкими скандалами.

Существовали и политические разногласия. После антибольшевистского переворота в 1918 г. многие офицеры были недовольны эсеровским курсом правительства и построением армии по образцу 1917 г., вследствие чего

¹ Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе... С. 68.

² Марушевский В. В. Год на Севере... С. 263, 264.

³ ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 47. Л. 172об.

⁴ Добровольский С. Борьба за возрождение... С. 73.

не желали поступать на службу в антибольшевистские формирования¹. Полковник князь А.А. Мурузи в знак протеста против левого курса ВУСО демонстративно поступил на службу в Славяно-британский легион рядовым². Ранее его, как перешедшего из Красной армии³, по причине недовольства этим обстоятельством офицерской молодежи, не назначили начальником штаба Северной области. Между тем высокая квалификация Мурузи позволяла ему стать весьма эффективным начальником штаба. Прибывшие с Украины офицеры гетманской армии были проникнуты германофильством, тогда как командование на Севере ориентировалось на Антанту. В лучшую сторону по своему развитию выделялись помимо единичных генштабистов офицеры-артиллеристы⁴.

В обстановке Гражданской войны и слабой власти даже в офицерской среде распространялось разложение. Генерал В.В. Марушевский вспоминал о периоде своего приезда в Архангельск в ноябре 1918 г.: «В городе каждый день происходили офицерские драки. Комендантское управление было бессильно и лишь подробно доносило мне о всех скандалах, происшедших ночью, с указанием увечий и побоев»⁵. Для наведения порядка была проведена регистрация офицеров, создана гауптвахта, усилены комендантское управление и органы военной юстиции.

Интересно, что Марушевский отказал в приеме на службу знаменитой женщине-поручику М.Л. Бочкаревой – инициатору создания женских частей в 1917 г. В специальном приказе командующего от 27 декабря 1918 г. отмечалось: «Считаю своим долгом заявить, что в пределах Северной области, слава Богу, уже наступило время для спокойной созидательной государственной работы, и полагаю, что привлечение женщин к военным обязанностям, несвойственным их полу, лежало бы тяжким укором и позорным клеймом на всем населении Северной области»⁶.

Среди пороков, которыми страдало офицерство, на Севере, как и в других местах, было пьянство. Оно усугублялось и тяжелыми климатическими условиями Севера. Пьянство было особенно распространено в тех частях, где офицеры и солдаты происходили из одной среды и царили панибратские отношения. В частности, одним из таких формирований был 3-й Северный стрелковый полк⁷. Белое командование даже издавало специальные прика-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 5. Л. 151.

² Тучнов А. И. Исторический фон. С. 172.

³ По имеющимся данным, Мурузи служил у красных по принуждению и возглавлял подпольную антибольшевистскую офицерскую монархическую организацию «Белый крест» в Архангельске (Там же. С. 147; Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере (1918 г.) // Белое дело: Летопись белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 4. С. 16–17).

⁴ Добровольский С. Борьба за возрождение... С. 74.

⁵ Марушевский В. В. Год на Севере... С. 213.

⁶ ГААО. Ф. И-32. Оп. 5. Д. 1. Л. 134.

⁷ Добровольский С. Борьба за возрождение... С. 73.

зы против этого явления, в особенности против появления нетрезвых офицеров в публичных местах. Впрочем, ближе к финалу белого Севера пьянство усугубилось.

Очевидно, в условиях хаоса появились и самозванцы — желающие назваться офицерами, чтобы получить преимущества по службе и довольствию. Не случайно генерал В.В. Марушевский приказал тщательно проверять регистрируемых офицеров на предмет того, действительно ли они имеют права на офицерский чин¹. К этой работе привлекалась и контрразведка, поскольку самозванцы вполне могли быть советскими агентами.

По инициативе подполковника В.А. Жилинского и полковника в отставке К.Я. Витукевича в марте 1919 г. началось формирование Национального ополчения (по финскому образцу), численность которого к 1 февраля 1920 г. достигла 10 тысяч человек при 75 офицерах. С 15 апреля 1919 г. в Северной области осуществлялся призыв всех офицеров до 45 лет включительно². 24 мая 1919 г. помощник генерал-губернатора Северной области по управлению Мурманским районом В.В. Ермолов издал аналогичный приказ о призыве всех офицеров, врачей и военных чиновников до 45 лет³.

3 июня 1919 г. началась эвакуация союзников с Севера, что, как признавали белые, предопределило последующий разгром и их самих. 10 июня по решению Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака Миллер был назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против большевиков на Северном фронте. 12 июля правительство передало Миллеру всю полноту власти, но уже 2 августа отменило свое решение.

Летом 1919 г. произошло несколько восстаний в войсках белых и союзников, в некоторых случаях сопровождавшихся убийствами собственных офицеров, часть восставших (5-й Северный стрелковый полк, группа солдат 6-го полка) даже сумела перейти к красным. В общей сложности, за год, начиная с 29 августа 1918 г., в антибольшевистском лагере на Севере России произошло 18 солдатских выступлений⁴. В результате одного из них 22 июля 1919 г. белым пришлось оставить город Онегу. Под влиянием этих событий союзники ускорили эвакуацию с Севера.

В августе белые осуществили перегруппировку сил. Их численность к началу осени 1919 г. была доведена до 25 тысяч человек, около 700 офицеров и военных чиновников прибыли из-за границы. Порядка 12 тысяч человек находилось на фронте. В Архангельске, по данным на 4 сентября 1919 г., насчитывалось всего лишь 39 штаб-офицеров⁵. К 1 февраля 1920 г. силы бе-

¹ Марушевский В. В. Год на Севере... С. 213.

² ГААО. Ф. Р-5915. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

³ ГАМО. Ф. Р-566. Оп. 1. Д. 9. Л. 42.

⁴ Дерябин А. И. Белая армия на Севере России. С. 10.

⁵ ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 47. Л. 89.

лых на Севере насчитывали 1492 офицера, 668 врачей и военных чиновников, 39 828 строевых нижних чинов, 13 456 нестроевых нижних чинов, 1568 строевых и 3292 обозных лошади, 125 орудий и 1039 пулеметов¹. Советская сторона обладала информацией о том, что у белых к концу января 1920 г. имелись 2262 офицера². Впрочем, эти данные нельзя считать официальными.

16 января 1920 г. командующий 6-й советской армией А. А. Самойло издал приказ о подготовке к наступлению на всех направлениях. Наступление красных, несмотря на глубокий снег, 40-градусный мороз и плохое обмундирование, увенчалось успехом. Оно сопровождалось полным развалом Северного фронта белых, массовым солдатским дезертирством, связанным с осознанием бессмысленности продолжения борьбы. Фактически в период с 8 по 15 февраля красные ликвидировали основные участки сопротивления. По мнению полковника В. А. Жилинского, «Северная область существовала настолько, насколько существовала военная сила»³.

Как и на некоторых других антибольшевистских фронтах, офицерская масса винила во всех неудачах начальника штаба армии, т. е. генерала М. Ф. Квецинского. Утверждали, что «генералу Квецинскому своя рубашка ближе к телу!»⁴. Было распространено мнение о том, что, окажись Квецинский в плену вместе с другими офицерами, его бы непременно убили свои же⁵, а расстреливаемые «на мхах» вокруг Архангельска якобы даже «просили живых — клятвенно завещать передать миру, что Квецинский — палач и редко встречающийся негодяй»⁶. Недовольство начальником штаба было столь велико, что Миллер в угоду общественным настроениям был вынужден уволить Квецинского, хотя последний фактически продолжал выполнение обязанностей начальника штаба до самого падения Северной области.

16 февраля 1920 г. из Архангельска в Мурманск был отправлен оперативный отдел штаба главкома. Однако Миллер до последнего сохранял оптимизм и, лишь узнав о безнадежном положении фронта за несколько часов до падения области, «положительно осунулся и постарел»⁷. Морозным утром 19 февраля 1920 г. белые эвакуировали Северную область, отправившись на ледоколе «Козьма Минин» и паровой яхте «Ярославна» в изгнание. Эвакуация белых не была заранее подготовлена и скорее напоминала позорное бегство, а число желавших покинуть Север существенно превышало количество мест на этих судах. В итоге тысячи солдат и офицеров были вынуждены остаться, а выехали, прежде всего, чины штаба Миллера, родственники

¹ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 32. Л. 71.

² ОДСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 720. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 97. Л. 5об.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 98. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 5–5об.

⁷ Добровольский С. Борьба за возрождение... С. 132.

и знакомые белого командования, личная охрана Миллера из датских солдат, а также архангельские купцы и спекулянты, получившие места за взятки¹. Первоначально предполагалось высадиться в Мурманске, но в связи с его падением «Минин» направился в Норвегию (Тромсе). Среди эвакуировавшихся в Норвегию были Е.К. Миллер (летом 1920 г. уехал в Париж), М.Ф. Квещинский и С.С. Саввич². Вместе с Миллером эвакуировались 220 сухопутных и около 100 флотских офицеров, позднее с Мурманского фронта эвакуировались 377 офицеров, итого не менее 697 человек³.

21 февраля 1920 г. части Красной армии вошли в Архангельск. Тех, кто не успел эвакуироваться за границу, ждала тяжелая участь. Из Архангельска некоторое время никого не выпускали для проведения регистрации офицеров (а затем еженедельных перерегистраций) и репрессий. После падения Северного противобольшевистского фронта многие офицеры, служившие у белых, попали в плен и подверглись репрессиям. Они обоснованно считали себя преданными штабом Миллера. Представляются достоверными данные о том, что в плен в разных местах попали 826 офицеров⁴.

Обобщенная статистика движения офицерского корпуса антибольшевистских вооруженных формирований белого Севера представляется в следующем виде. К первоначально участвовавшим в борьбе 200 офицерам летом 1918 г. прибавились 500 мобилизованных. К концу 1918 г. зарегистрировались около 1000 офицеров (по всей видимости, сверх 700, уже находившихся на службе), не менее 700 офицеров приехали из-за рубежа, некоторое ко-

¹ Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 66.

² Голдин В. И., Тетеревлева Т. П., Цветнов Н. Н. Русская эмиграция в Норвегии. 1918–1940 // Страх и ожидания: Россия и Норвегия в XX в. Архангельск, 1997. С. 112.

³ Белый Север. Вып. 2. С. 437, 453.

⁴ Волков С. В. Северный край в судьбах русского офицерства. С. 31. Следует отметить, что нередко в учетных документах офицеры указывались вместе с военными чиновниками. К сожалению, очевидной тенденцией является завышение сведений о попавших в плен белых офицерах. Так, С. В. Волков утверждает, что в Покровском лагере в Москве к маю 1920 г. содержались 1300 офицеров в основном из белых формирований Севера России (Там же. С. 32; *Он же*. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 220). Однако документы Московского политического Красного Креста содержат именной список пленных офицеров и чиновников архангельской группы Северного фронта белых, в котором значатся только 153 человека, включая 5 чиновников (ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 119. Л. 60б.). В списке, в частности, указаны генералы П. М. Баранов, Б. Н. Вуличевич, В. И. Замшин, взятые в плен в разных местах. Эти данные подтверждаются мемуарами одного из высланных, генерала И. А. Данилова, отметившего, что из Архангельска в Москву отправлялась партия в 150 человек (*Данилов И. А.* Воспоминания о моей подневольной службе... С. 79). Утверждения о том, что 826 офицеров были взяты в плен на фронте, а сверх того в Архангельске попали в плен еще порядка 2000 офицеров (*Волков С. В.* Северный край в судьбах русского офицерства. С. 32; *Дойков Ю. В.* Красный террор. Россия. Украина... 1917–1924. Архангельск, 2008. С. 120), также представляются ошибочными, поскольку такого количества офицеров на Севере просто не было. Причина ошибки заключается в некорректном анализе имеющихся учетных материалов Ю. В. Дойковым, который утверждал, что в Государственном архиве Архангельской области хранятся учетные карточки на 2028 пленных белых офицеров-северян (*Дойков Ю. В.* Красный террор. Россия. Украина... С. 120). В действительности это учетные карточки не пленных, а вообще всех офицеров (в том числе эмигрировавших), упоминавшихся в документации белых, к тому же содержащие многочисленные повторы (ГААО. Ф. Р-2617. Оп. 1. Д. 6–30).

личество было произведено в офицерские чины в 1918–1920 гг. Всего через антибольшевистские формирования на Севере России за время Гражданской войны прошли не менее 2393 офицеров. К февралю 1920 г. до 1000 человек уехали с Севера, попали в плен или погибли. К концу войны на службе оставались 1492 человека. Из оставшихся порядка 700 человек эмигрировали и около 800 попали в плен. Вопрос о численности репрессированных бывших белых офицеров-северян остается открытым¹.

¹ Утверждения о том, что из армии Миллера были расстреляны 2000 офицеров и военных чиновников (*Волков С. В. Северный край в судьбах русского офицерства. С. 36*), не соответствуют действительности, поскольку превышают общее количество офицеров, взятых в плен на этом фронте.

Глава 8

Офицеры в антибольшевистском лагере на Северо-Западе России

Основой формирования Северо-Западной армии послужил Отдельный Псковский добровольческий корпус Северной армии (Отдельный корпус Северной армии, Северный корпус, Северная армия), сформировавшийся при германской поддержке осенью 1918 г. в Псковской губернии. Корпусом командовали генерал-майоры Б. С. Малявин, А. Е. Вандам, полковник Г. Г. фон Неф.

Первоначально в корпус записались 1500 человек, 40% которых составляли офицеры¹. После этого приток желающих резко пошел на убыль. К 20 ноября 1918 г. в корпусе по документам числились 2 генерала, 52 штаб-офицера и 640 обер-офицеров. Большинство офицеров находились во Пскове. Другими пунктами их сосредоточения были Остров и Режица². По свидетельству побывавшего в Пскове осенью 1918 г. генерала А. П. Родзянко, формирования выглядели несерьезно: «Шатающиеся по городу офицеры были, по-видимому, люди ничем не занятые; во многих магазинах за прилавками я видел приказчиков, одетых в офицерскую форму. Еще более я убедился в правильности своего первого неблагоприятного впечатления, когда пришел в штаб: главную роль там играли молодые немецкие офицеры, прикомандированные к германскому Генеральному штабу, но производившие далеко не солидное впечатление»³.

В силу обстоятельств на Северо-Запад приезжали офицеры, ранее служившие в украинских войсках и затем оказавшиеся в Германии. При этом многие офицеры не стремились в организованные немцами войска. Другим источником комплектования стали перебежчики из Красной армии. Таким путем в антибольшевистские формирования попали будущие видные их деятели Б. С. Пермикин, С. Н. Булак-Балахович, Д. Д. Нелидов и др. Часть белых отрядов формировалась в Прибалтике (в частности, в Риге) под руководством светлейшего князя А. П. Ливена и капитана К. И. Дыдорова. Прибывали офицеры и из других государств (прежде всего, бывшие военнопленные, оказавшиеся в Европе). Иногда пополнения поступали с неожиданной стороны. Так, летом 1919 г. в Северо-Западную армию прибыли порядка 80 офицеров в составе Туль-

¹ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 29.

² НИА. В. Gerua collection. Box 8. Folder 11.

³ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000. С. 11–12.

ского отряда из восставших в Гомеле в конце марта 1919 г. частей 2-й (Тульской) бригады 8-й стрелковой дивизии РККА. Восставшие перешли на сторону петлюровцев, некоторое время сражались вместе с ними, после чего ушли в Польшу, были интернированы и затем попали в Северо-Западную армию.

Первоначально антибольшевистские формирования были крайне слабыми при пассивно державшемся командовании, в войсках не было должной дисциплины, по мере увеличения количества офицеров стали развиваться и интриги. Споры возникли по вопросу о необходимости проведения мобилизации. Заметную роль в формированиях играли немецкие офицеры. Показательно, что по причине малочисленности войск в ноябре 1918 г. пришлось даже распустить штаб 1-й добровольческой стрелковой дивизии¹.

После поражения немцев в Первой мировой войне началась их эвакуация. Одновременно активизировались и части РККА, перешедшие через демаркационную линию и занявшие Псков. Слабые русские формирования отошли в Эстонию. Поддержка русских формирований резко ослабла. По официальным данным, к 24 ноября 1918 г. в Отдельном Псковском добровольческом корпусе состояли 689 офицеров, в том числе один генерал. Общая численность соединения составляла 3459 человек². По другим подсчетам, офицеров могло быть до 810 человек³.

В связи с отступлением на фронте и переходом русских формирований на эстонскую территорию корпус вошел в подчинение Эстонии. Отдельный корпус Северной армии 3 января 1919 г. возглавил полковник А. Ф. Дзерожинский, назначенный на этот пост эстонским главнокомандующим Й. Лайдонером. Эстонские власти опасались белых (был зафиксирован ряд преступлений с их стороны, эстонцы боялись и возможного захвата власти), но стремились их использовать для отражения советского наступления. При этом высказывались сомнения в боеспособности русских формирований. На 13 января 1919 г. в корпусе числились 22 штаб-офицера и 450 обер-офицеров⁴. При реорганизации корпуса командование столкнулось с проблемой дефицита квалифицированных кадров, в частности офицеров-генштабистов.

Численность офицеров постепенно менялась. К 10 марта в корпусе служили 2 генерала и 743 офицера, к 16 апреля — 2 генерала, 65 штаб-офицеров и 587 обер-офицеров⁵. Интересно, что в белых формированиях на Северо-Западе фигурируют и офицерские части (например, отдельная офицерская сотня). Хотя численность офицерства здесь едва ли позволяла активно прибегать к такой практике.

¹ Розенталь Р. Северо-Западная армия: хроника побед и поражений. Таллин, 2012. С. 22.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 621.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 67.

В мае 1919 г. Отдельный корпус Северной армии при поддержке Эстонии участвовал в наступлении на Петроград. Одной из причин неудачи стала слабость офицерского состава. 19 июня корпус был переименован в Северную армию, которая вышла из оперативного подчинения эстонским властям. Несколько ранее, 5 июня 1919 г., по решению Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака главнокомандующим русскими войсками на Северо-Западном фронте был назначен генерал Н.Н. Юденич — герой Кавказского фронта Первой мировой войны.

Северо-Западная армия была создана 1 июля 1919 г. из Северной армии. Непосредственное командование ею Юденич принял в октябре 1919 г., несмотря на недовольство командовавшего армией генерала А.П. Родзянко. Родзянко стал помощником командующего фронтом. Штаб главнокомандующего Н.Н. Юденича также конфликтовал со штабом армии генерала А.П. Родзянко. Подобный конфликт в период решающей операции был излишним. Уровень конфронтации вполне обрисовывает оскорбительная и абсурдная характеристика, данная Родзянко весной 1920 г. Юденичу — заслуженному военачальнику эпохи Первой мировой войны с непререкаемым авторитетом: «Огромная ответственность за гибель армии лежит на самом генерале Юдениче, человеке безвольном и упрямом, которому были совершенно чужды стремления и желания борцов за правое дело. Этот дряхлый старик не имел права брать на себя столь ответственную роль»¹. Напомню, что «дряхлому старику» в период наступления на Петроград осенью 1919 г. было только 57 лет, а безволие и упрямство являются во многом взаимоисключающими качествами.

Однако этот конфликт не был единственным. Конфликтовали командир Талабского полка полковник (позднее — генерал) Б.С. Пермикин и начальник 3-й пехотной дивизии генерал Д.Р. Ветренко, причем командование даже стало избегать дислоцировать подчиненные им части на соседних участках. Существовала тенденция не допускать в армию и некоторых офицеров немецкой ориентации². Белое командование беспокоила вероятность возникновения в освобожденном от большевиков Петрограде прогерманского правительства, враждебного белым³.

В июле 1919 г. армия была реорганизована — появились корпуса и дивизии. К концу июля численность офицеров составляла 763 человека (при 13 962 штыках и 487 саблях), а к 3 октября — 978 человек (при 14 048 штыках и 345 саблях)⁴. Численность морских офицеров в войсках Юденича к концу

¹ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 170.

² Там же. С. 165.

³ РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 7.

⁴ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 424. Впрочем, есть и другие данные. Так, в боевом составе на 2 октября 1919 г. значились 839 офицеров (НИА. N. Iudenich collection. Box 2).

наступления на Петроград составляла до 250 человек¹. Офицеров-авиаторов на 1 января 1920 г. насчитывалось 22 человека (управление инспектора авиации, три авиаотряда и авиабаза)². Максимальная документально подтвержденная численность офицеров-северо-западников составляет 1200 человек³.

Как и на других антибольшевистских фронтах, развертывание армии, появление многочисленных штабов и управлений приводило к ухудшению ее качества. В небольшой армии оказались 54 генерала⁴. Командный состав не понимал психологии Гражданской войны⁵. При этом стала ощущаться нехватка офицеров. Помимо мотивированного ядра офицеров-добровольцев, стремившихся активно бороться с красными, существовала и значительная масса тех, кто предпочитал отсиживаться в тылу, занимая выгодные места. Так, на 13 сентября 1919 г. в штабе армии числились уже 500 офицеров и военных чиновников. В тыловой Нарве находились порядка 1600 офицеров, тыловой гарнизон в составе 993 человек, включая 77 офицеров, существовал даже в Ревеле. Характерной структурой стал Морской походный штаб при генерале Н.Н. Юдениче, которым руководил контр-адмирал В.К. Пилкин. В распоряжении штаба числились 130 флотских офицеров, хотя флота у Юденича не было⁶. Предполагалось, что с занятием белыми Кронштадта штаб можно будет использовать для организации управления Балтийским флотом.

Бичом белых стало ускоренное винопроизводство при нехватке опытных и квалифицированных кадров. Известны случаи столкновений офицеров с эстонцами под воздействием разных факторов (в том числе на почве ожидания от Эстонии более значительной поддержки белым), среди офицеров встречались самозванцы⁷, получило распространение и пьянство⁸. Уже после отхода армии Юденича на территорию Эстонии, в ноябре – декабре 1919 г. были образованы комиссии для расследования преступлений и сабо-

¹ Верзунов В. Офицеры флота и чины морского ведомства, служившие в Отдельном Северном корпусе — Северо-Западной Добровольческой армии или пребывавшие в пределах Эстляндии после октябрьского переворота и Гражданской войны в России. М.; Таллин, 2006. С. 16. Утверждение, что около половины морских офицеров Северо-Западной армии погибли (*Кадесников Н.З.* Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах. М., 1993. С. 30; *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 229), не соответствует действительности, поскольку даже с учетом жертв эпидемий и казненных за воинские преступления в 1918–1919 гг. погибли лишь отдельные офицеры (подсчитано по: *Верзунов В.* Офицеры флота и чины морского ведомства...).

² *Доронин Ю.П.* Авиация Северо-Западной армии в годы Гражданской войны // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2001. № 9. С. 23.

³ Таким образом, общая оценка численности офицеров-северо-западников до 5000 человек, из которых около 1000 погибли (*Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. С. 227, 229), представляется существенно завышенной.

⁴ *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 326–327.

⁵ *Пермикин Б.С.* Генерал, рожденный войной: Из записок 1912–1959 гг. М., 2011. С. 51.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ BAR. N.N. ludenich collection. Box 9. Folder 61.

⁸ *Розенталь Р.* Северо-Западная армия... С. 249–251.

тажа в тылу. По итогам работы этих комиссии в наиболее значимых преступлениях изобличались 112 офицеров и военных чиновников¹.

По оценкам исследователей, Северо-Западная армия существенно превосходила противостоявшие ей части РККА по качеству командиров тактического звена². Однако председатель Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкий в докладе на заседании ВЦИК 7 ноября 1919 г. озвучил иную точку зрения: «Наших коммунистов – командиров и комиссаров – не могут заменить Юденичу те офицеры, которых так много в главных его частях. Эти офицеры, конечно, способны на героизм. Там было немало истреблено их, таких офицеров Юденича, в жестоких боях, но это все же представители мелкобуржуазной интеллигенции: они способны на порыв, легко окрыляются при успехе, но после первой же неудачи падают духом. Совсем другое дело московские и петроградские пролетарии: чем их больше бьют удары судьбы, тем они делаются крепче»³. Основным преимуществом армии Юденича, по мнению Л. Д. Троцкого, была подвижность⁴.

В Северо-Западной армии имелись два корпуса и отдельная бригада⁵. Несмотря на высокий профессионализм Юденича, армия не имела налаженного тыла, страдала от плохого снабжения, испытывала серьезные организационные и кадровые проблемы, в том числе с командным составом. Выбора кадров и достаточного количества генштабистов не было, что сильно осложняло работу штабов⁶. Всего на белом Северо-Западе служил 31 выпускник Николаевской военной академии, еще 9 генштабистов служили в Западной Добровольческой армии П. Р. Бермондта-Авалова. Командиры корпусов Северо-Западной армии высшим военным образованием не обладали. Из шести начальников дивизий таковым обладали трое. Тыловые администраторы не отличались энергичностью.

По причине общей слабости и разрозненности белых какой-либо координации в обмене кадрами с другими антибольшевистскими армиями и фронтами (например, с Югом России, где существовал переизбыток офицеров всех специальностей) не проводилось. Проблематично было перебрасывать даже тысячи офицеров, оказавшихся в Европе. Генерал П. А. Томилов отмечал: «Итак, дело пополнения армии до состава, необходимого для перехода к решительной операции против Петрограда, по-прежнему стояло на мертвой точке. Особенно чувствителен был острый недостаток в офицерском составе для образования действительно прочных кадров, в которые можно было бы

¹ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 400–401.

² Розенталь Р. Северо-Западная армия... С. 292–293.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1375. Л. 81.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Боевое расписание см.: Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 125–127. Уточненный вариант см.: Гершельман А. С. В рядах Добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом. 1919 год. М., 1997. Т. 1. С. 79–81.

⁶ См., напр.: Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 94.

вливать в течение самого наступления переходящих на нашу сторону красноармейцев, а также добровольцев из населения вновь занимаемых районов. Неиспользованных еще русских офицеров было много разбросано по всей Европе, но отправление их эшелонами встречало такие же затруднения, как и отправления солдат; так, например, вопрос о тоннаже для перевозки 400 офицеров из Англии затянулся до того, что они попали наконец на Северо-Западный фронт тогда, когда уже наступательная операция потерпела фиаско и армия отошла к границам Эстонии. Удавалось пробираться одиночным порядком офицерам, обладавшим достаточной настойчивостью и инициативой, но и для этого нужны были средства для выдачи на проезд и особенно для обеспечения семейств, а средств достаточных, ресурсов на это не было»¹. Не увенчались успехом попытки проведения мобилизации русских офицеров в Европе — местные власти не собирались контролировать процесс, и мобилизация осталась лишь на бумаге. Не горели желанием воевать и сами офицеры. Так, по оценке белой разведки, на 1 июня 1919 г. «в Финляндии русские офицеры — частные люди. Частью негодяи, частью живут впроголодь, денег нет, разбегаются»².

Как и на других антибольшевистских фронтах, на Северо-Западе также выделились энергичные и по-своему талантливые командиры партизанского толка, не всегда подчинявшиеся приказам, — тщеславные авантюристы, искатели приключений, пользовавшиеся революционным безвременьем и слабостью верховного командования. К подобному типу начальников относился С. Н. Булак-Балахович, которого некоторые сослуживцы прямо считали бандитом³. Этот авантюрист менее чем за год службы у белых проделал головокружительную карьеру от штабс-ротмистра до генерала и командира корпуса. При этом приобрел одиозную известность печатанием фальшивых керенок и актами террора. Впоследствии Балахович даже захватил и арестовал главнокомандующего генерала Н. Н. Юденича, чтобы добиться от него выплаты денег, но затем сам скрылся от ареста. Печально известен и другой авантюрист — полковник П. Р. Бермондт-Авалов, возглавивший прогерманскую (и в значительной степени состоявшую из немцев — 40 тысяч из 52 тысяч человек⁴) Западную Добровольческую армию. Вопреки приказам Н. Н. Юденича эта армия воевала вместо красных с латышами, что наносило белым непоправимый ущерб, ослабляя и раскалывая фронт. В результате для отражения наступления Бермондта на Ригу объединились латыши, эстонцы, англичане и французы. По существу Бермондт реализовывал интересы германских правых кругов, заключавшиеся в ослаблении опира-

¹ НИА. Р. А. Tomiloff collection. Box 1. Л. 183.

² РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 322.

³ Кручинин А. С. Генералы С. Н. и И. Н. Балаховичи // Белое движение: исторические портреты. М., 2011. С. 1155.

⁴ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 342.

шихся на Антанту белых. В октябре 1919 г. Юденич специальным приказом объявил Бермондта изменником и исключил его из армии¹. Еще одним постоянным нарушителем приказов являлся начальник 3-й стрелковой дивизии генерал Д. Р. Ветренко.

Не оправдались надежды и на содействие сравнительно мощного белого подполья в Петрограде, которое оказалось разгромлено ВЧК. В середине ноября армия после неудачного похода на Петроград отступила на территорию Эстонии. 29 ноября из Ревеля в Иркутск капитан 1-го ранга П. А. Новопашенный, руководивший разведкой и контрразведкой Северо-Западной армии, отправил телеграмму, в которой сообщал: «Старый режим не в состоянии победить большевиков. Старый режим в смысле казенной мертвечины и бездушного службизма. Армия организовалась с полным пренебрежением к особенностям Гражданской войны и настоящей психологии масс. Армия не была живым организмом с единым сознанием, с телом. Ответственные посты были заняты разношерстной группой начальников, разнородно политически настроенных, разных ориентаций. Людей, непопулярных среди солдат и чуждых им, иногда ярых службистов»².

В разгар наступления на Петроград начальник 3-й пехотной дивизии генерал Ветренко не выполнил приказ командования перерезать Николаевскую железную дорогу в районе Тосно, взорвать мосты, прервать сообщение с Москвой и перекрыть поступление пополнений в «колыбель революции» (впрочем, железнодорожное сообщение с Москвой существовало и через Вологду). По всей видимости, именно на Ветренко лежит основная ответственность за срыв операции³. При этом нужно учитывать, что малочисленность армии Юденича и жесточенность намечавшегося на улицах Петрограда сопротивления едва ли могли принести успех белым.

По оценке генерала П. Н. Симанского, неудача армии Юденича произошла вследствие несогласованности действий начальников, неорганизованности и слабой сплоченности войск, наличия большого количества отдельных частей во главе с «атаманчиками», отсутствия дисциплины и авторитета командного состава, мягкости самого Юденича⁴. Генерал П. А. Томилов отмечал, что «с имевшимися силами и средствами, в сущности, вовсе нельзя было предпринимать такую серьезную операцию, как взятие Петрограда, что вполне сознавал Юденич, но вынужден был уступить давлению со всех сторон»⁵.

¹ РГВА. Ф. 40147. Оп. 1. Д. 9. Л. 32об.

² РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 62. Л. 261.

³ Подробнее см.: НИА. Р. А. Tomiloff collection. Вох 1. Л. 388–389; Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. С. 145–149; Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 162–166.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 125. Л. 1–2.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 40.

Армия прекратила свое существование в январе 1920 г. К этому времени интернированные эстонцами войска были охвачены чудовищной эпидемией тифа, жертвами которой стали несколько тысяч человек (от тифа умер даже генерал-майор К. А. Ежовский¹). Для оценки мотивации офицеров-северо-западников показательны результаты опроса здоровых солдат и офицеров относительно дальнейшей службы, проведенного в январе 1920 г.: 1176 офицеров выразили желание отправиться служить на Юг России и 25 офицеров выбрали Север². Характерно и то, что если солдаты в начале 1920 г. массово переходили к красным (только с 3 января по 2 февраля 1920 г. ушли 7611 человек), то офицерский корпус, за некоторым исключением, продемонстрировал твердость убеждений.

¹ Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 231. Известно людоедское высказывание начальника штаба Вирусского фронта эстонской армии Н. Реека (бывшего капитана русской армии) о северо-западниках и русских беженцах: «Если зараза среди них распространится, нам не будет слишком больно и даже слишком жалко, если количество русских в Причудье немного уменьшится... Совершенно точно то, что у руководства Эстонии и эстонского командования было значительно больше возможностей улучшить положение своих бывших союзников, спасти и облегчить судьбу многим из них» (Пермикин Б. С. Генерал, рожденный войной. С. 73).

² НИА. Р. А. Tomiloff collection. Box 1. Л. 534; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 405.

Глава 9

Офицеры в национальных армиях

В 1917 г. наряду со многими новыми явлениями российской жизни на развалинах империи стартовал процесс образования независимых национальных государств. Разумеется, в этот процесс не могли не быть вовлечены тысячи офицеров и солдат, происходивших из губерний, отошедших к новообразованным государствам, или принадлежавших к доминировавшим там национальностям. Волна националистических настроений захлестнула русскую армию. Стали появляться разнообразные национальные формирования — польские, украинские, прибалтийские и закавказские.

Национализация части русской армии была тем политическим процессом, отдаленные последствия которого никто из высших военных деятелей в 1917 г. даже не мог себе представить. Первоначально такие формирования были санкционированы властями в целях оздоровления разлагавшейся революционной армии. Историческим парадоксом является тот факт, что этот «ящик Пандоры» открыли отнюдь не радикалы-националисты, а те лица, которые в последующей антибольшевистской историографической традиции считались едва ли не единственными государственно мыслящими людьми России того времени. Речь идет, в частности, об одном из будущих вождей Белого движения генерале от инфантерии Л.Г. Корнилове. Гетман Украины П.П. Скоропадский, тогда командовавший XXXIV армейским корпусом, вспоминал, что летом 1917 г. украинизация осуществлялась в соответствии «с настоятельным требованием бывшего главнокомандующего Корнилова, теперь уже верховнокомандующего, который, наоборот, требовал полной украинизации вплоть до лазаретных команд»¹. Корнилов, видимо, полагал, что украинизация позволит повысить боевой дух войск, однако жестоко просчитался. Самого Скоропадского, якобы предупреждавшего Корнилова о своем неблагоприятном впечатлении от Украинской рады, удивило легкомыслие, с которым тот относился к этому вопросу. Сторонниками украинизации как способа повышения боеспособности части вооруженных сил были генералы Н.Н. Духонин и А.Е. Гутор.

Очень скоро стало понятно, что национальные формирования могут привести только к окончательному развалу и расколу армии. Точка зрения

¹ *Скоропадський П. П.* Спогади. Київ; Філадельфія, 1995. С. 72.

государственно мыслящих людей России на этот вопрос выражена командующим 7-й армией генерал-лейтенантом В.И. Селивачевым, который записал в своем дневнике 22 августа 1917 г.: «Вечером приехал генерал Скоропадский, все, конечно, со своими бесконечными жалобами и просьбами по вопросу украинизации. Пришлось крупно поговорить с ним, т. к. он стал доказывать, что в этой разрухе не он виноват, а те, кто согласился на украинизацию, намекая, конечно, в числе “тех” на меня. Я, не выдержав, резко ответил ему, что он с первых же шагов сделал неправильно, взяв с собой неукраинских офицеров, а теперь поставил их так, что, работая, они могут ожидать только своего ухода из дивизий, которые они обучают, ради каких-то “самостийных” идей, что, на мой взгляд, для России не только вредно, но просто преступно»¹. Сохранились свидетельства о том, что противниками национализации армии были в будущем видные деятели Белого движения генералы М.В. Алексеев, А.И. Деникин и С.Л. Марков, однако последнее слово осталось не за ними.

Незавидной была участь русских офицеров в украинизированных формированиях. По свидетельству Деникина, старые офицеры подвергались издевательствам, оказавшись во власти «щирых» украинских прапорщиков, поставленных над ними². Комитеты без опасений входили в прямую конфронтацию с высшим командованием, поскольку были уверены в собственной безнаказанности. Командир XXXIX армейского корпуса генерал-лейтенант В.Н. Егорьев, вступивший в должность 9 сентября 1917 г., вспоминал: «Первый инцидент произошел с организацией корпусного украинского комитета... На организацию комитета я согласился, присутствовал на его открытии, дал из собственных средств 100 рублей на обучение украинскому языку (присутствовавшие говорили или по-русски, или на каком-то жаргоне), но в поддержке из казенных сумм и предоставлении прав официального комитета отказал. Как курьез могу отметить, что комитет начал сейчас же рассылать внутренние телефонограммы на украинском языке, что путало работу и что пришлось скоро прекратить. Это мое запрещение было доведено до Киева и послужило источником нападков на меня в украинской печати... За украинским сформировался корпусный польский комитет»³.

Предпринимались попытки готовить национальные кадры генштабистов на ускоренных курсах Военной академии в Петрограде. В частности, соответствующие квоты были выделены осенью 1917 г. для польских офицеров⁴. Командование польских войск в России стремилось пополнить будущую национальную армию квалифицированными офицерскими кадрами и ходатайствовало о приеме офицеров на курсы. Зачисление «на польскую вакансию» позволяло попасть в академию, минуя общий конкурсный от-

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 12об.

² Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 459.

³ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 10.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 41.

бор. Украинские власти тоже пытались воспользоваться открытием в Петрограде ускоренных курсов академии Генерального штаба и вытребовать квоты на обучение офицеров-украинцев с тем, чтобы они в дальнейшем служили в украинских формированиях. Именно с такой просьбой представитель украинской Центральной рады при ГУГШ обратился в октябре 1917 г. к русскому командованию. Он просил командировать на курсы академии 15 офицеров-украинцев, «предназначаемых для штабов украинизируемых дивизий и корпусов»¹. Однако эта просьба натолкнулась на справедливый протест высшего военного руководства. Исполняющий должность начальника Генерального штаба генерал-майор В. В. Марушевский телеграфировал 5 октября генерал-квартирмейстеру Ставки генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу, что, по его мнению, «создание офицеров Генерального штаба специально для украинских дивизий внесет путаницу в прохождение службы Генерального штаба. Генеральный штаб должен быть единый»². Впрочем, на соответствующие послабления в отношении польских офицеров Ставка уже пошла. В итоге было принято решение не выделять специальных квот для украинских офицеров³.

Большевики, придя к власти, свернули процесс национализации армии. Один из видных большевистских военных работников Э. М. Склянский сообщал главнокомандующему Н. В. Крыленко в ноябре 1917 г.: «Необходимо замедлить отправку украинских частей из Питера на Украину. Отсюда мы национальных частей не отправляем, избегаем сейчас по стратегическим соображениям формировать какие бы то ни было новые боевые национальные единицы, национализацию старых боевых единиц мы будем производить только [в] том случае, если за это выскажется референдум данной боевой единицы»⁴.

Офицеры русской армии поступили на службу в вооруженные силы Финляндии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Грузии, Армении и Азербайджана. Одной из самых многочисленных была их корпорация в рядах украинских армий. По некоторым данным, офицеров украинского происхождения на 1917 г. могло быть до 60 тысяч человек⁵. Разумеется, не все они оказались в украинских войсках. В армию гетмана Скоропадского было мобилизовано до 7000 офицеров. Пошедшие по пути национализации офицеры совершенно не обязательно были националистами или носителями антироссийских взглядов. Прибывший с Украины в Екатеринодар капитан Петров докладывал белому командованию осенью 1918 г., что украинские офицеры

¹ Там же. Л. 312.

² Там же.

³ Там же. Л. 313.

⁴ РГВА. Ф. 33221. Оп. 1. Д. 272. Л. 3.

⁵ Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2011. Кн. 2. С. 60.

Генерального штаба «открыто и искренно говорят, что они готовят часть будущей русской армии»¹.

Украинизировавшиеся офицеры лишь в редких случаях владели украинским языком, что было поводом для множества шуток, звучавших даже впоследствии, в годы эмиграции. Так, среди 51 офицера Генерального штаба, включенного в список от 24 мая 1918 г., только 37,2% считали себя или своих родственников украинцами, а украинским языком в той или иной степени владели лишь 44%². По списку на 21 ноября 1918 г., на 305 офицеров владевших украинским языком было еще меньше — 35%, 21% офицеров только изучали язык и владели им слабо, 42% вообще не знали языка³.

Если летом 1917 г. офицеры еще писали рапорты с просьбами о переводе в те или иные национальные формирования, то к осени 1917 г. относятся уже самовольные переходы в национальные армии, осуществлявшиеся вопреки распоряжениям высшего начальства. Так, например, по данным на декабрь 1917 г., генерал-майор А.П. Греков на протяжении полутора месяцев не прибывал на должность генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. Выяснение его местонахождения показало, что он перешел в украинские войска⁴. В дальнейшем Греков занял видное место в украинской военной элите.

К концу 1917 г. через генерального секретаря по военным делам УНР С.В. Петлюру должны были проходить все назначения в украинизированных формированиях. Например, в Особой армии, располагавшейся в районе Полесья. В частности, Петлюрой не был утвержден назначенный ранее командующим войсками этой армии генерал-лейтенант В.Н. Егорьев. Последний платил Петлюре той же монетой, игнорируя его оперативные приказы. В армии сложилось даже своеобразное противостояние армейского комитета, поддерживавшего Егорьева, с армейской радой, подчинявшейся Петлюре и действовавшей в обход командующего армией. В итоге Егорьев арестовал раду, но в ночь на 31 декабря 1917 г. сам был арестован гайдамаками атамана Певнего (по другим данным — атамана Кудри) и отвезен в бердичевскую тюрьму. Из-за отсутствия верных частей командующий армией не мог обеспечить даже собственную безопасность⁵. Из Бердичева через двое суток его перевели в Лукьяновскую тюрьму Киева, где пришлось сдать шашку, причем всерьез обсуждалось, арестован ли Егорьев или же взят в плен. С занятием Киева красными в конце января Егорьеву удалось освободиться, причем, как он вспоминал, «у Крыленко я застал т. т. Подвойского и Дыбенко и, указав, что я не украинец, и обещав, что в случае опасности для

¹ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 110.

² Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 93.

³ Там же. С. 95–96.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1294. Л. 58.

⁵ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 15–16.

Москвы я, как москвич родом, готов стать на ее защиту, просил отпустить меня к моей Особой армии, командармом которой продолжал считать себя. Просьба эта была уважена...»¹

В 1918 г. на территории гетманской Украины, по сути находившейся под германским протекторатом, оказались тысячи офицеров старой армии. Многие из них пошли служить в гетманскую армию. Фактически Украина тогда была наиболее спокойным местом на охваченных Гражданской войной землях бывшей Российской империи. К тому же по отношению к Центральной России это было наиболее близкий в территориальном и культурном плане регион. Здесь сохранялся русский язык, а военная служба по своим принципам была очень похожа на дореволюционную.

По этим причинам масса офицеров решила перебраться сюда, спасаясь от красного террора и втягивания в Гражданскую войну. Как правило, офицеры были настроены антибольшевистски, но отнюдь не в украинском, а скорее в русском имперском духе. Как справедливо отметил современный украинский исследователь М. А. Ковальчук, «для многих кадровых офицеров служба в армии Украинской Державы была лишь вынужденным этапом в борьбе за “возрождение России”»². Единственная оговорка — эта борьба для русского офицерства не заключалась в кавычки.

По свидетельству украинского генерала и бывшего офицера русской армии А.И. Удовиченко, в это время «как в государственный, так и в военный аппарат было собрано для работы немало людей, которые в силу своих русофильских тенденций смотрели на Украину как на плацдарм для формирования антибольшевистских сил»³. Тот факт, что большинство офицеров, служивших на Украине при гетмане Скоропадском, были враждебно настроены по отношению к украинской национальной идее, признают и сами украинские авторы⁴.

Полковник Б.И. Бучинский писал генералу А.И. Деникину 23 июля 1922 г.: «С огромным интересом прочел I том Ваших “Очерков” и еще раз пережил ту горечь и боль, которую пережили все любящие свою Родину люди, когда на наших глазах разваливалась армия и гибла Россия. К сожалению, в 18 и 19 годах, когда была полная возможность избавить Россию от большевизма и дать ей национальное правительство, дело наше провалилось. Интересно, как Вы объясните это в Вашем труде. Я полагаю, что несчастье все в том, что большинство преследовало свои личные цели мелкого карьеризма⁵ и благополучия, совершенно не заботясь об интересах

¹ Там же. Л. 18.

² Ковальчук М. А. Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006. С. 50.

³ Удовиченко О. І. Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил 1917–1921. Київ, 1995. С. 42 (перевод мой).

⁴ Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1. С. 7.

⁵ Подчеркнуто А.И. Деникиным.

страны. Достаточно вспомнить¹, что большинство офицеров Ген[ерально-го] штаба, старших начальников и чиновников явились к нам только после крушения гетманства, потеряв там свое жалование². Таким образом, по мнению одного из штаб-офицеров Генерального штаба, которое, скорее всего, разделял и сам Деникин, подчеркнутый наиболее острый фрагмент этого письма, в гетманской армии офицеры задерживались из-за жалования и карьерных соображений.

При увольнении летом 1918 г. офицеров военного времени из гетманской армии с предоставлением им права доучиваться в военных училищах многие из уволенных пополнили ряды противников режима, поддерживав народных вожаков С.В. Петлюру и Н.И. Махно³.

После падения режима гетмана Скоропадского из украинской армии бежали тысячи бывших офицеров русской армии, которым было не по пути с пришедшими на смену Скоропадскому радикальными украинскими националистами из Директории. Тем более что Директория была ответственна за расстрелы офицеров в Киеве и гонения на офицерство. Численность офицерского корпуса сократилась примерно вдвое. Даже начальник украинского Генерального штаба подполковник (с 31 октября 1918 г. — полковник) А.В. Сливинский (Слива) после крушения гетманской власти оказался в Одессе, был зарегистрирован у красных, а затем перешел к белым⁴. В белых армиях отношение к офицерам, пошедшим по пути национализации, было отрицательным (хотя и не столь нетерпимым, как к красным), при попадании к белым такие офицеры подлежали военно-полевому суду.

В то же время служба в национальных армиях предполагала ряд условий, шедших вразрез с традиционными взглядами русских офицеров. К примеру, признаком лояльности офицера петлюровскому (в меньшей степени гетманскому) руководству являлось отсутствие с его стороны контактов с какими бы то ни было организациями или частными лицами, устойчиво ассоциировавшимися с Россией, неиспользование русского языка в устной или письменной речи, презрительное отношение к «москалям» (как во многих украинских документах того времени именовались русские). В Украинской галицийской армии выходцы из старой русской армии должны были служить вместе со своими недавними врагами — австрийцами, поскольку кадровые офицеры бывшей австро-венгерской армии составляли основу старшего и высшего командного состава галицийских войск. Только младший и средний комсостав был представлен украинцами и галичанами.

¹ Далее предложение отчеркнуто на полях А. И. Деникиным.

² Копия письма любезно предоставлена А. И. Рудиченко (Нью-Йорк).

³ Герасименко Н. В. Батько Махно: Мемуары белогвардейца. М., 1990. С. 25.

⁴ Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Александр Владимирович Сливинский // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 19–45.

Офицерами, действительно связавшими свою судьбу с украинским национальным движением, могут считаться лишь те, кто находился в украинских войсках на протяжении всей Гражданской войны. Разумеется, таких было гораздо меньше, чем прослуживших в украинских армиях какой-то период войны. Например, среди выпускников академии Генерального штаба таких было только 10%, в том числе знаковые для украинского национального движения фигуры генералов В.Н. Петрова, А.И. Удовиченко и некоторых других. Как правило, эти люди, сделавшие в украинских формированиях неплохую карьеру, являлись махровыми националистами и русофобами. Например, на страницах своих мемуаров генерал Удовиченко писал о белых и красных «москалях», порабощавших Украину¹. Точно так же рассуждал и бывший начальник Генштаба УНР генерал Петров, потомок шведов и норвежцев, любивший для подчеркивания своей «щирости» ходить в украинской «вышиванке».

Интересны рассуждения служившего в украинских войсках генерала русской армии Г.Е. Янушевского о различных категориях украинских офицеров. Офицеры военного времени из бывших унтер-офицеров, по мнению Янушевского, были одной из наиболее ценных составляющих украинского офицерства. «Эта категория старшин², по крайней мере, знала низшую, ремесленную сторону военного дела»³. Янушевский считал, что с грехом пополам они могли быть младшими офицерами и даже сотенными командирами. Генерала больше всего возмущало самомнение этих лиц, которые, несмотря на отсутствие должного образования, претендовали на посты в армейском руководстве, а некоторые даже дослужились до генеральских чинов. Другой категорией украинского офицерства военного времени была учащаяся молодежь. Как правило, это были националисты-романтики, увлеченные борьбой за Украину. Большинство же офицеров из повстанческих «отоманов» и «отоманчиков» никакого образования не имели. Их основным занятием был грабеж, при этом такие командиры гордились тем, что они «щирые» (искренние) и «певные» (надежные), поскольку умели говорить на «ридной мове». Не случайно головного атамана С.В. Петлюру украинские офицеры неофициально именовали «уголовным атаманом»⁴. Янушевский резюмировал: «В те времена разговор на каком-нибудь ином языке, кроме украинского, считался вполне достаточным основанием для изгнания из армии без всякого разговора образованных старшин как “непевных”»⁵.

Уровень подготовки украинских офицеров ярко демонстрирует интереснейший доклад от 20 мая 1919 г. командующего Северной группой армии УНР полковника В.И. Желиховского главному атаману и наказному атама-

¹ Удовиченко О. І. Україна у війні... С. 127–128.

² Офицеров (укр.).

³ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 32об.

⁴ Там же. Л. 88.

⁵ Там же. Л. 33об.

ну о состоянии войск группы. В докладе отмечалось, что новые работники штаба группы не были знакомы с функциями штабного аппарата¹. «В самом штабе Северной группы пришлось встретиться², как уже и раньше отмечено, аппарат расстроенный, многие из офицеров, за исключением оперативного отдела, оказались мало подготовленными к своей работе; например, управление дежурного генерала не могло составить точной и приведенной в систему ведомости состава войсковых частей, штабов и инстанций, входящих в состав группы. В результате пришлось отчислить от должности дежурного генерала полковника Ластовского и назначить взамен его, а также коекого из офицеров — офицеров из состава штаба Отдельного пограничного корпуса. В штабе группы работа, по-видимому, не имела характера систематически точно налаженного часового механизма, каковою она должна быть на самом деле, чтобы действительно быть продуктивной. Раньше все делалось, очевидно, между прочим, походя, и большинство распоряжений отдавались, писались самолично бывшим начальником штаба, генералом Агапеевым, который, благодаря этому, один был в курсе всех дел и вполне ориентирован, а остальные чины штаба — в очень малой степени»³. По мнению Желиховского, «офицерский состав в частях в общем стоит далеко не на должной высоте... были случаи, когда офицеры первыми покидали порученные им боевые участки, когда под их влиянием козаки отказывались идти на позицию... Особенно трудно стоит вопрос с[o] старшим командным составом на ответственных должностях — командиров полков и начальников дивизий... Очень тяжело стоит вопрос с офицерами Генерального штаба: во-первых, их мало, во-вторых — в большинстве это молодые без достаточной теоретической и практической подготовки люди»⁴. В целом, офицерский корпус УНР был немногочисленным. По сведениям к 1 июня 1922 г., в армии УНР, интернированной на территории Польши, насчитывалось 2863 офицера⁵. В различные периоды 1919–1922 гг. численность офицерства колебалась в пределах 2414–3888 человек⁶, что существенно ниже семитысячного офицерского корпуса, мобилизованного при Скоропадском. Всего через украинские армии могло пройти до 12 тысяч бывших офицеров русской армии. В период Гражданской войны на Украине велась подготовка национальных офицерских кадров. Несколько выпусков в конце 1917 г. дали украинское отделение 2-й Киевской школы прапорщиков и 1-й и 2-й Украинских военных школ. Осенью 1919 г. был осуществлен выпуск 163 хо-

¹ ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 6. Д. 13. Л. 3. Выражаю благодарность к.и.н. М. А. Ковальчуку (Киев) за указание на этот источник. При цитировании отдельные украинские слова, имевшиеся в документе, переведены на русский язык.

² Здесь и далее — подчеркнуто в документе.

³ Там же. Л. 4об.–5об.

⁴ Там же. Л. 10об.–11об.

⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 838. Л. 353.

⁶ Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус... Кн. 2. С. 61.

рунжих из Житомирской военной школы. Дальнейшие выпуски офицеров производились уже в эмиграции.

Создатели польской армии столкнулись с завышенными амбициями офицеров. Так, например, генерал-лейтенант И.Р. Довбор-Мусницкий при формировании польского корпуса в 1917 г. отмечал, что некоторые офицеры-поляки из русской армии требовали себе назначений на два чина выше, чем имели. При этом остро ощущалась нехватка старших офицеров¹.

Поляки традиционно уделяли повышенное внимание внешней атрибутике. В рапорте командующему польскими войсками во Франции генералу Ю. Галлеру о состоянии польских войск в Сибири от 19 января 1919 г. сообщалось: «Не имея никаких указаний по вопросу о повышении в чинах, командование вынуждено было повысить звания большому числу офицеров. Это было сделано по двум причинам: 1-е, у нас совершенно нет офицеров высших званий и слишком разительной была бы разница между званием и занимаемой должностью; 2-е, это необходимо для сношений с русскими, которые привыкли уважать чины, только высокие звания могут им импонировать. Кроме того, повышение офицеров очень запаздывает, в конце концов начальство вынуждено было использовать это средство как необходимый стимул для работы и как вознаграждение»².

К 23 сентября 1919 г. в польской армии насчитывалось по списку 11 040 офицеров, в том числе 3950 в боевом составе³. Польская армия формировалась на основе сочетания опыта и традиций различных европейских армий. Выходцы из русской армии были лишь одной из нескольких групп польского командного состава, в котором количественно лидировали австрийские офицеры. Таким образом, польский офицерский корпус не обладал необходимым единством, офицеры польской армии представляли различные военные школы и даже еще недавно враждующие армии. Интересно сравнение численности генералов и старших офицеров в польской армии в марте и в сентябре 1920 г. по их происхождению (табл. 3).

¹ *Dowbor Muśnicki J.* Moje wspomnienia. Warszawa, 1935. S. 184–185.

² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. 2: Ноябрь 1918 г. — апрель 1920 г. С. 76.

³ *Wyszczelski L.* Wojsko Polskie w latach 1918–1921. Warszawa, 2006. S. 75.

Таблица 3

**Происхождение высшего и старшего командного состава польской армии
(март — сентябрь 1920 г.)¹**

Чин	Дата	Происхождение						Всего	%
		Австрийская армия	Русская армия и восточные формирования	Легюны	Армия Ю. Галлера	Немецкая армия	Гражданских		
Генералы	03.1920	42	71	5	—	2	—	120	7,9
	09.1920	54	56	11	4	3	—	128	5,7
Полковники	03.1920	116	200	7	—	1	1	325	21,3
	09.1920	159	133	49	10	14	—	365	16,3
Подполковники	03.1920	187	196	31	—	2	21	437	28,7
	09.1920	297	254	128	28	57 ²	—	764	34,2
Майоры	03.1920	222	162	95	—	15	147	641	42,1
	09.1920	439	234	224	41	40	—	978	43,7
Итого	03.1920	567	629	138	—	20	169	1523	100
	09.1920	949	677	412	83	114	—	2235	100
		37,2%	41,3%	9%	—	1,3%	11,1%		
		42,5%	30,3%	18,4%	3,7%	5,1%	—		

¹ СМВ. І.303.9.3. Л. 6. Внесены исправления при пересчете.

² В том числе 18 врачей и 18 судей.

В таблице 3 представлены данные о высшем и старшем командном составе. Выходцы из русской армии в нем насчитывали примерно от 30 до 41%. Приведем данные об офицерах русской армии во всей польской армии. По сведениям на 1917 г., в русской армии насчитывалось 119 генералов польского происхождения и до 20 тысяч офицеров-поляков. Разумеется, не все они перешли в национальную армию. Достаточно вспомнить, что наполовину поляком был вождь Белого движения на Юге России генерал-лейтенант А.И. Деникин, которого польское командование едва ли могло считать своим единомышленником. В общей сложности к марту 1920 г. в польской армии служили 71 генерал, 200 полковников, 196 подполковников, 162 майора, 523 капитана, 1758 лейтенантов и 3294 подлейтенанта из русской армии или восточных формирований. Всего 6204 человека, или 26,9% офицерского корпуса. Для сравнения, австрийские офицеры составляли 38,2%, офицеры из легионов – 17,7%, офицеры из немецкой армии – 5,3%¹. Бывшие русские офицеры преобладали в старшем и высшем командном составе. Так, к марту 1920 г. бывшие русские офицеры составляли более 59% всех польских генералов, 61,5% всех полковников польской армии. Далее процент снижался. Например, среди подполковников выходцы из русской армии, будучи наиболее многочисленной группой, составляли 44,8%. Среди майоров уже доминировали австрийцы. Однако по политическим причинам главенствующее положение в польском командном составе постепенно заняли близкие Ю. Пилсудскому выходцы из польских легионов, а не представители тех групп командного состава, которые доминировали количественно. Главнокомандующим польской армией был противник Пилсудского, авторитетный бывший генерал русской армии И.Р. Довбор-Мусницкий, претендовавший на лидерство в армии и в стране. Проиграв более искусственному в политике Пилсудскому, он оказался отстранен от власти и в марте 1920 г. был вынужден уйти в отставку. К сентябрю 1920 г. соотношение различных групп офицеров изменилось не в пользу «русских». В генералитете они были представлены теперь только 43,7% офицеров, хотя оставались самой крупной группой, среди полковников «русские» составляли лишь 36,4%, среди подполковников – 33,2%, среди майоров – менее 24%. Таким образом, на протяжении 1920 г. состав польского офицерского корпуса радикально изменился за счет ухода из него генералов и полковников русского происхождения, наплыва офицеров из австрийской армии и польских легионов.

Тем не менее в 1921 г. выходцы из русской армии составляли 44% генералитета (41 человек)². К 1921 г. общая численность польского офицерства достигла 145 генералов и 29 960 офицеров. По штатам мирного времени решено было оставить на службе 18 943 офицера, для чего была проведена

¹ САУ. І.303.9.3. Л. 7.

² *Wojtaszak A. Generacja Wojska Polskiego 1921–1926. Szczecin, 2005. S. 122–123.*

переаттестация. Ее успешно прошли 18 172 генерала и офицера, в том числе 6426 офицеров австро-венгерской армии, 5079 офицеров русской армии, 1449 офицеров немецкой армии. Неаттестованные были уволены в отставку или переведены в резерв. В период 1918–1921 гг. в Польше сложилась целая сеть военно-учебных заведений различного профиля. Подготовка и переподготовка польских офицеров в этот период осуществлялись при помощи инструкторов из французской военной миссии.

Как и польская армия, финские вооруженные силы имели несколько разнородных источников комплектования офицерским составом. В начале 1918 г. на службу в финскую армию перешли порядка 150 офицеров русской армии, мобилизация дала еще около 100 офицеров¹. Как и для некоторых других национальных армий, возникших на развалинах Российской империи, для финской армии было характерно постепенное вытеснение выходцев из русской армии с руководящих постов и замена их офицерами иного происхождения – прибывшими из Германии антирусски настроенными финскими добровольцами – участниками егерского движения из 27-го Прусского королевского егерского батальона германской армии². На фоне того, что в Финляндии шли этнические чистки русского населения, бывшие русские офицеры воспринимались егерями с недоверием как представители государства, подавлявшего финскую независимость. Несколько десятков егерей получили генеральские чины в финской армии и влияли на ее развитие вплоть до второй половины XX в. Тем не менее выходцы из русской армии заняли ряд важных руководящих постов. По подсчетам исследователей, на высших должностях оказались 105 таких офицеров³. Отцом-основателем финской государственности был бывший русский генерал-лейтенант барон Карл-Густав-Эмиль Маннергейм. Начальником финского Генштаба некоторое время состоял известный военный разведчик, полковник русской армии О.К. Энкель. Бывший генерал-майор П. К. фон Герих возглавил военно-учебные заведения Финляндии. Руководил егерями бывший пленный русский генштабист полковник В.В. Теслев, ставший в 1918 г. военным министром и главнокомандующим финской армией. В начале 1918 г. в финскую армию поступили 84 шведских офицера, что вызвало определенные трения и языковые проблемы. Таким образом, в финской армии сочетались три военные школы – русская, шведская и германская.

По данным на октябрь 1920 г., в финской армии служили 110 бывших русских офицеров⁴. В целом, численность финского офицерского корпуса была

¹ Никитин В. Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017. С. 11.

² Лайдинен Э.П., Веригин С.Г. Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 83.

³ Никитин В. Финская армия: русский след. С. 12.

⁴ Там же. С. 18.

невелика. С учетом резервистов на 1919 г. она составляла около 880 человек, на 1921 г.— 730 человек¹. Бывшие русские офицеры находились в очевидном меньшинстве, хотя и занимали немало руководящих постов (так, на март 1922 г. выходцами из русской армии были все восемь финских генералов, а также 12 из 14 полковников²). Разумеется, это порождало конфликты. Уже в 1920 г. на страницах печати звучали призывы изгнать из армии офицеров, ранее служивших в русской армии. К 1930 г. в результате чисток в финских регулярных вооруженных силах остались служить 35 бывших офицеров Русской императорской армии³.

Офицеры русской армии служили и в армиях государств Закавказья. Создание национальных частей из закавказских народов было санкционировано решением Временного правительства от 28 июня 1917 г. Осенью 1917 г. в Закавказье в обстановке развала Кавказского фронта из частей русской армии началось формирование национальных корпусов — Армянского, Грузинского, Азербайджанского и Русского. Позднее первые три корпуса стали основой национальных армий независимых закавказских республик.

В период Гражданской войны, как и в других новообразованиях, здесь также, за исключением Армении, велась активная антирусская пропаганда. 9 ноября 1919 г. главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин издал приказ, касавшийся выходцев из русской армии, служивших в вооруженных силах Азербайджанской республики: «Ввиду враждебного отношения азербайджанских⁴ властей к Русской армии и ввиду вероломного покушения азербайджанских войск на земли Армении, приказываю всем офицерам русской службы, состоящим в азербайджанских войсках, покинуть их ряды»⁵.

В анонимном очерке «Бакинские события» об азербайджанцах говорилось следующее: «Многолетнее систематическое непривлечение их к воинской повинности не мешало им дать русской армии множество прекрасных офицеров, с честью служивших государству»⁶. Как и в некоторых других национальных армиях, у истоков создания азербайджанской армии стояла группа националистически настроенных старших офицеров-азербайджанцев, служивших в русской армии. Начальником Генерального штаба Азербайджанской республики стал генерал-лейтенант С.А. Сулькевич, ведший, по оценке генерала А.И. Деникина, «русофобскую работу»⁷, военным министром — генерал от артиллерии С.-Б. Мехмандаров, его помощником — генерал-лейтенант А.-А. Шихлинский, ранее командовавший Азербайджанским корпусом.

¹ Подсчитано по: Preliminär tjänsteställningslista öfver aktiva officerare och reservofficerare i aktiv tjänst vid armen. Helsinki, 1919; Virkaikäluelletelo upseereista vakinaisessa sotapalveluksessa 1.3.1921.

² Никитин В. Финская армия: русский след. С. 20.

³ Там же. С. 22.

⁴ Здесь и далее — так в документе.

⁵ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 64.

⁶ НАА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

⁷ Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 398.

Офицеры штаба Азербайджанского корпуса при его расформировании пополнили аппарат Военного министерства¹.

Становлению азербайджанской армии способствовали также турецкие инструктора. В частности, с их помощью в июне 1918 г. в Гяндже была открыта школа прапорщиков, преобразованная в ноябре 1918 г. в военное училище на 250 слушателей, готовившее пехотинцев и артиллеристов. Первый выпуск состоялся уже в октябре. На протяжении 1919–1920 гг. были открыты кавалерийское, артиллерийское, инженерное училища, а также авиационная и военно-фельдшерская школы. Однако ускоренные выпуски готовили неквалифицированных офицеров. В 1919 г. спорным оставался вопрос о приеме в школу турок ввиду того, что это негативно воспринималось британским командованием в Закавказье².

В азербайджанской армии, в том числе в связи с нехваткой кадровых офицеров-мусульман³, помимо азербайджанцев также служили русские и грузинские офицеры⁴. Интересно, что о последних в азербайджанской армии сложилось критическое мнение⁵. Соответственно, в офицерском составе было немало тех, кто не владел азербайджанским языком. Азербайджанская армия отличалась слабой дисциплиной. Принцип единоначалия не был проведен в войсках в должной мере, вследствие чего местные начальники, по данным на начало 1919 г., могли принимать на службу кого желали в обход Главного штаба⁶. В хаотическом состоянии находился вопрос производства офицеров в следующие чины, из-за чего, по данным на сентябрь 1919 г., нередко представляли к производству тех, кто получил предыдущий чин тремя-четырьмя месяцами ранее⁷. Получило распространение и самозванство офицеров. Характерен приказ по военному ведомству Азербайджанской республики № 66 от 9 февраля 1919 г.: «В последнее время замечается, что многие офицеры Азербайджанской армии носят погоны, не соответствующие их действительным чинам, а также именуют себя, даже в официальных бумагах, чином выше, нежели они имеют, мотивируя тем, что представление об их производстве уже сделано»⁸.

Русские офицеры, оставшиеся на территории Азербайджана, шли в азербайджанскую армию из-за отсутствия средств к существованию, причем

¹ Степлов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928. С. 16.

² ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 26. Л. 16–16об.

³ ГААР. Ф. 970. Оп. 1с. Д. 61. Л. 8.

⁴ Дарабади П. Г. О вооруженных силах Азербайджанской демократической республики (1918–1920 гг.) // Известия Академии наук Азербайджана. Серия истории, философии и права. 1991. № 1. С. 29–30; Гогитидзе М. Грузинские офицеры в вооруженных силах Азербайджанской демократической республики в 1918–1920 гг. // Азербайджанская республика — 100: История, политика, культура: Сб. статей. СПб., 2018. С. 155–168.

⁵ ГААР. Ф. 2901. Оп. 1. Д. 12. Л. 24об.

⁶ ГААР. Ф. 2898. Оп. 2с. Д. 5. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 467.

⁸ Там же. Л. 383.

многих не смущало получение продовольственного пайка и денежного вознаграждения от недавних врагов — турок. Руководство военного ведомства пыталось сглаживать межнациональные трения, но это было едва ли выполнимо. Появление в армии русских офицеров вызывало недовольство националистов. Тем более что русские офицеры были настроены в пользу белых. Звучали угрозы и в адрес руководства азербайджанской армии, которое шло на сотрудничество с русскими. В частности, такие угрозы поступали в адрес военного министра Мехмандарова. В декабре 1918 г. произошло восстание в гарнизоне Агдама. Среди требований восставших было немедленное удаление из армии русских офицеров и замена их турецкими.

Обстановка обострилась после скандального ареста в апреле 1919 г. капитана А. С. Чернышева, который возглавлял деникинскую разведывательную сеть в Азербайджане. Агенты Чернышева работали в азербайджанском Главном штабе, имели выходы даже на высшее руководство Азербайджанской республики. Организация Чернышева работала как в интересах Деникина, так и в интересах английского командования в Закавказье¹. Военно-политическое руководство Азербайджана оказалось в тупиковой ситуации: оно должно было избавиться от русских офицеров, но заменить их было некем. Тем более что привлечению турецких офицеров препятствовали англичане. Характерно, что на допросе Чернышев заявил, что не считает себя виновным, так как работал на своей территории, т. е. на территории бывшей Российской империи, тогда как существование независимого Азербайджана никем не признано. В связи с этим делом часть русских офицеров была выслана на Юг России через территорию Грузии.

Офицеры-азербайджанцы оказались замешаны в многочисленных случаях растраты и злоупотреблений. Обычным явлением стали преувеличенные данные о численности личного состава ради получения большего довольствия на «мертвые души», хищения вооружения и боеприпасов для их продажи. При этом азербайджанские власти культивировали офицерский корпоративизм.

В пятом выпуске «Сводки сведений о противнике на Кавказском фронте» по данным к 8 мая 1920 г., выпущенной типографией штаба Кавказского фронта РСФСР, отмечалось, что азербайджанская армия была разношерстной по своему составу и плохо одетой. Младший комсостав состоял из турецких офицеров, высший — из русских. В войсках ощущалась нехватка патронов и пулеметов. Солдаты, по данным на апрель 1920 г., ждали прихода Красной армии². Неудивительно, что азербайджанская армия оказалась небоеспособной и фактически не оказала сопротивления частям РККА, занявшим территорию этой страны в апреле 1920 г. Некоторые офицеры перешли на службу в Красную армию, среди них был и генерал Шихлинский.

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Разведчики эпохи дилетантов // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2016. № 4 (21). С. 98–123.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 584. Л. 216.

Общей чертой закавказских армий (за исключением грузинской) была острая нехватка квалифицированных офицерских кадров. Обилие офицеров в Грузии было обусловлено наличием здесь органов управления Кавказским фронтом, а также традиционным для грузинской аристократии выбором военной карьеры¹. По причине переизбытка множество офицеров было уволено из-за отсутствия штатных мест², некоторые грузинские офицеры иногда переходили в армии соседних закавказских государств. Кроме того, подготовка кадров велась в Тифлисской военной школе с двухгодичным курсом обучения³. После занятия Грузии частями Красной армии некоторая часть грузинских офицеров перебрались в Турцию, а затем в Польшу, где с 1922 г. по распоряжению Ю. Пилсудского им было разрешено поступать на военную службу⁴. В польской армии оказались, таким образом, около 90 грузинских офицеров.

О национальном составе офицеров грузинской армии писал в 1920 г. в одном из своих донесений в Москву советский военный атташе в Тифлисе бывший генерал П. П. Сытин: «Офицерский состав в пехоте и кавалерии почти исключительно грузины, в специальных и технических частях, особенно в авиации и автороте — не грузинский состав (русские, армяне, поляки, немцы и пр.)»⁵. Более того, в связи с требованием знания грузинского языка многие кадровые офицеры (в том числе грузины) не могли устроиться на службу и были вынуждены искать применения в других государствах. В частности, в Государственном архиве Азербайджанской республики сохранилась такая переписка об устройстве на службу в азербайджанскую армию штабс-капитана А. А. Джапаридзе⁶.

В грузинской армии и в ее командном составе особую роль играли эсеры и меньшевики. Несмотря на переизбыток национальных офицерских кадров, положение офицеров было очень тяжелым. Назначения на ответственные посты осуществлялись нередко вовсе не по способностям кандидата, а исходя из соображений лояльности офицера социалистической власти. Так, командиром Грузинского корпуса стал полковник С. Г. Ахметелов, являвшийся родным братом одного из лидеров социал-демократической партии, начальником штаба корпуса стал социалист-федералист капитан И. К. Гедеванишвили⁷. Политики считали, что так достигается баланс представительства двух партий в военном руководстве. В итоге корпус так и не был сформирован.

¹ Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921. Париж, 1985. С. 15; Безугольный А. Ю. Демократическая республика Грузия и ее вооруженные силы. 1918–1921 гг. // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 91.

² Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания... С. 16.

³ Безугольный А. Ю. Демократическая республика Грузия... С. 91.

⁴ Подробнее см.: Rukkas A. Georgian Servicemen in the Polish Armed Forces (1922–1939) // The Journal of Slavic Military Studies. 2001. Vol. 14, № 3. P. 93–106.

⁵ ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670. Л. 20.

⁶ ГААР. Ф. 2901. Оп. 1. Д. 12. Л. 24–25об.

⁷ Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания... С. 20.

Власти относились к офицерской массе с подозрением, боялись бонапартизма, старались внести раскол и раздор в офицерский состав, некомпетентно вмешивались в технические вопросы военного дела, в армии поощрялось доноительство, производились обыски и аресты офицеров. Исключительно в противовес армии была сформирована более политически ориентированная Народная гвардия, которая численно вдвое превосходила армию. Конфронтация дошла до того, что Генштаб подготовил доклад «О вреде Народной гвардии»¹. Опытные офицеры изгонялись из армии, на их места приходила неподготовленная молодежь.

В докладе помощника военного министра генерал-майора А. М. Гедеванова председателю правительства об организации грузинской армии, датированном мартом 1919 г., отмечалось: «Командный состав нельзя сказать, чтобы был вполне на высоте своего назначения: кадровых офицеров осталось мало, а молодежь не получила вследствие войны должной теоретической подготовки, хотя и находится в солидных чинах ввиду сокращенных сроков на выслугу чинов во время войны. Постоянные же боевые действия не позволили нам пропустить эту молодежь через соответственные офицерские курсы.

Кроме того, наш командный состав съехался со всех концов бывшей Российской республики, вследствие чего друг друга не знали, и это было, может быть, причиной тому, что при назначениях и выдвижениях (что в военном деле имеет особо исключительное значение) больше руководствовались приятельскими и партийными соображениями, чем служебными качествами данного лица»².

Что касается настроений офицеров, то в том же документе сообщалось: «Вследствие, быть может, частных разговоров, а также выступлений в прессе, командный состав не был уверен, что ему вполне доверяют и что его работа и жертвы действительно должным образом будут оценены народом в лице его представителей. Эта неуверенность у слабых духом ослабляла энергию в работе»³.

Схожие оценки давал в 1920 г. советский военный атташе в Грузии бывший генерал П. П. Сытин. Так, в докладе от 5 сентября 1920 г. он сообщал в Москву: «С точки зрения военного искусства грузинские вооруженные силы не могут из себя представлять сильной, мощной, хотя и незначительной по количеству, армии. Коэффициент боеспособности этой армии весьма мал, и причинами этого надо отметить следующее.

Командный состав армии хотя и состоит из бывших офицеров с большим боевым опытом, но эти офицеры совершенно не пользуются авторитетом среди своих солдат. Командный же состав Народной гвардии в большинстве случаев недостаточно образован с точки зрения военной специализации.

¹ ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670. Л. 1.

² ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 127. Л. 3.

³ Там же.

Тяжелые условия существования вследствие дороговизны жизни, в связи с весьма скромными окладами содержания заставляют почти всю массу командного состава изыскивать на стороне средства к поддержанию своего существования, что вредно отзываясь на служебной подготовке частей, и командный состав больше занимается коммерческими делами, нежели обучением своих солдат военной службе.

Постоянная служба на границах, частые передвижения частей в зависимости от политической обстановки, полубоевая, тревожная жизнь войск не только нервно измотали войска, но и прекратили возможность вести регулярные занятия в частях.

Притока людей с высшим военным образованием в армию нет. Она в настоящее время живет за счет тех военных специалистов, которые ей остались по наследству от армии Кавказского фронта. Военное училище, пополняющее командный состав армии, представляет из себя довольно слабую по подготовке школу, которая не может выполнить, хотя бы сносно, поставленной ей задачи.

Во главе военного управления стоят специалисты с крайне ограниченным военным кругозором, к тому же не пользующиеся полным доверием своего правительства, которое весьма часто ограничивает благие порывы этих сотрудников, не считаясь с военной необходимостью и принимая лишь к сведению партийные цели»¹.

Армия комплектовалась и собственными командными кадрами: «Для комплектования в будущем войск офицерским составом существует в Тифлисе военная школа, состоящая из 4-х отделений: пехотного, артиллерийского, кавалерийского и инженерного с 2-хгодичным курсом, куда принимаются молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет с законченным средним образованием»².

Нередко на командные посты в грузинской армии назначались несоответствующие лица. Советский военный атташе П.П. Сытин в этой связи отмечал: «...обращает на себя внимание назначение на должности лиц, совершенно не соответствующих как в нравственном отношении, так и по подготовке. Так, например: командиром единственного конного полка в армии является, как было указано раньше, бывший пехотный офицер; начальником арсенала был долгое время бывший командир батальона (полк[овник] Коринтели) — пехотинец, которого впоследствии уже заместил строевой артиллерийский офицер (полк[овник] Туманов), хотя эту должность с большим успехом и пользой для дела мог бы занимать артиллерист-академик, офицер со специальной подготовкой; начальник главного инженерного склада (майор Багратион-Давыдов) также бывший пехотный офицер, окончивший в 1909 году Тифлисское пехотное юнкерское училище.

¹ ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670. Л. 11–12.

² Там же. Л. 20.

В прохождении службы офицерами необходимо отметить, что повышение в чинах ни в какой степени не зависит от полученной подготовки и продолжительности службы. Все зависит от оценки высшим начальством, и, благодаря этому, получается впечатление, что зачастую лица, благодаря родственным или иным отношениям, приобретают преимущества над не имеющими таковых.

Важно отметить, кстати, что старший лейтенант Парезашвили получил чин капитана и командование 7-й ротой 7-го пех[отного] полка только потому, что является женихом дочери командира полка — полк[овника] Вачнадзе; между тем в полку есть более старшие и достойные офицеры»¹.

Материальное положение офицерства было плачевным. Сытин докладывал: «...современная действительность указывает, что означенные оклады слишком малы и не в состоянии удовлетворить офицеров, особенно семейных, и благодаря этому большой процент офицеров наряду со службой занимается спекуляцией, а многие не брезгают казенными деньгами, вверенными им по службе. Не без греха в этом отношении и помощник военного министра по хозяйственной части ген[ерал] Гедеванов, который, как утверждают многие офицеры Ген[ерального] штаба, проигрывает в клубах по 100–200 тысяч р. чуть ли не ежедневно, но пока умело предоставляет оправдательные документы.

Одной из наиболее характерных бытовых черт в служебной жизни грузинского офицерства является чрезмерно развитое “кумовство”, которое играет здесь первенствующую роль, и зачастую офицерский состав части подбирается почти исключительно из родственников.

Отмечая чрезвычайно развитое казнокрадство, приходится отметить, что это явление довольно вредно отзывается на интересах республики, так как все хищения соразмерены с аппетитом не одного лица, а целой группы. Для примера обращу внимание на дело бывш[его] ген[ерал]-губернатора Шалвы Маоликелидзе и хищение в офицерском экономическом обществе. В первом случае казна пострадала на сумму свыше полумиллиона, во втором — на 2¹/₂ миллиона»².

Близкие к власти офицеры — члены социалистических партий и им сочувствующие стремительно получали высокие чины (в том числе производством через чин), награды и назначения. Как следствие, некоторые офицеры преднамеренно вступали в левые партии только для того, чтобы быстрее продвинуться по службе и завоевать доверие гражданских властей. Именно так, например, поступил полковник В. Д. Каргалетелли, записавшийся в эсеры. Благодаря своей партийности, Каргалетелли был избран в Грузинский национальный совет и даже вошел в доверие к его предсе-

¹ Там же. Л. 18–19.

² Там же. Л. 17–17об.

дателю А.И. Чхенкели. Далее решение о назначении этого офицера на высокий военный пост было чисто политическим. Каргалетелли стал начальником дивизии (один из высших постов по меркам грузинской армии), к чему совершенно не был подготовлен. Когда его несоответствие занимаемой должности стало очевидным, он был уволен, после чего перешел в азербайджанскую армию. На новом месте офицер также преуспел в карьерном отношении. В Азербайджане было крайне мало генштабистов, что сразу дало офицеру доступ на высокие посты в азербайджанском ГУГШ, он стал генерал-квартирмейстером. После азербайджанской армии Каргалетелли перешел на сторону красных и, по некоторым данным, явно в конъюнктурных целях вступил в большевистскую партию. Советский военный атташе в Грузии охарактеризовал его следующим образом: «Беспринципный, бестактный, он является человеком, ненавидящим русских. В международном совете он все время вел явную антирусскую политику. Говорят, что он примкнул к партии коммунистов — ни на одну минуту не могу поверить искренности этого...»¹

Партийный вопрос не ускользнул и от внимания советского военного атташе в Тифлисе. Сытин сообщил в Москву, что «при укомплектовании войск офицерским составом офицерам с партийным признаком было дано преимущество перед офицерами, стоящими вне партии, благодаря чему части заполнены молодежью выпусков 1914–17 гг., а кадровые офицеры старой армии, обладающие широким общим образованием и отличной военной подготовкой, не нашли себе места в родной армии или им уделены там весьма скромные должности»².

Как и на Украине, в Закавказье тоже существовала проблема незнания старшими и высшими офицерами национального языка. Например, не знал родного языка один из организаторов грузинской армии генерал Г.И. Квинитадзе³.

Что касается комплектования офицерского корпуса на случай войны, П.П. Сытин отмечал: «При переходе по мобилизации войск на военное положение офицерский состав укомплектовывается призывными из запаса.

В настоящее время комплект офицеров в армии полный, а в некоторых частях офицеры имеются сверх комплекта.

В пехоте и кавалерии на 25 солдат приходится по одному офицеру, а в специальных и технических частях по одному на 20, помимо штабных офицеров.

Всего грузинская армия насчитывает от 1300 до 1500 человек офицеров. Кроме того, в Грузии имеется около 500 кадровых офицеров бывшей Кавказской армии, оставшихся не у дел, которые в случае столкновения Грузии с Советской Россией, несомненно, вступят в ряды грузинской армии»⁴.

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 41. Л. 43.

² ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670. Л. 18.

³ Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания... С. 18.

⁴ ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670. Л. 19.

16 ноября 1917 г. был издан приказ армии и флоту, санкционировавший формирование Армянского корпуса. 20 ноября в Эривани был проведен офицерский съезд, принявший решение о создании армянской национальной армии. Тем не менее многие участники событий склонялись к мысли о том, что формирование армии началось слишком поздно. По другую сторону фронта находились турецкие войска, занимавшиеся безжалостным уничтожением армянского населения на занятых ими территориях в целях отуречивания контролируемых районов и создания мононационального турецкого государства. Ситуация усугублялась не менее варварским поведением, как тогда говорили, татарского населения (азербайджанцев), которое под прикрытием турок или ввиду слабости армянских сил также вырезало армян. Армянские войска нередко отвечали тем же. Но в ситуации значительного превосходства сил противника вопрос создания национальной армии фактически был вопросом выживания армянского народа перед лицом тотального истребления. И конечно, важнейшую роль в этом должны были сыграть бывшие офицеры русской армии, как армяне, так и представители других национальностей, пошедшие на службу в армянские войска.

Основой создания армии стали армянские батальоны (развертывавшиеся в полки) бывшей русской армии, составившие впоследствии Армянский корпус. Назначения на высшие военные посты осуществляли Армянский национальный совет и его военная секция. Именно они утвердили командующим Армянским корпусом генерал-майора Ф.И. Назарбекова. Последний уже при формировании штаба корпуса столкнулся с отсутствием подготовленных национальных кадров. Сложность заключалась не только в нехватке подходящих по своей квалификации офицеров, но и в том, что офицеры должны были соответствовать пожеланиям национального совета, занимавшегося политиканством. По этой причине считавшиеся не вполне лояльными совету офицеры не могли рассчитывать на назначение¹. Получившие уже назначения были вынуждены терпеть постоянные вмешательства представителей военной секции в специальные военные вопросы. Кроме того, сами офицеры были развращены революционными событиями и при поступлении на службу нередко выдвигали целые списки требований – например, добивались более высоких назначений, чем в русской армии, либо не желали служить на фронте и в удаленных местностях².

Исключительная роль в создании армянской армии принадлежала офицерам русского происхождения, которые стремились стать на защиту армян. В самое трудное время, в 1918 г., когда армянский народ находился на грани уничтожения, стараниями этих офицеров была создана национальная армия. В самые напряженные периоды офицеры штаба Армянского корпуса

¹ НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 13. Л. 22.

² Там же. Л. 24об.

работали с 8 утра до полуночи с перерывом с 15 до 17–18 часов, т. е. по 13–14 часов в сутки¹. В армянских войсках вместе служили высококвалифицированные кадровые офицеры русской армии, в том числе с академическим образованием, и настоящие национальные партизанские вожаки без какого-либо образования и подготовки, но с огромной силой духа и стремлением к бескомпромиссной борьбе за свой народ. Такие вожаки были крайне популярны в народе, и эта популярность кружила им головы, они переставали прислушиваться к советам опытных военных профессионалов и даже могли себе позволить нарушение дисциплины и неподчинение приказам, если были с ними не согласны. К таким командирам относятся легендарные герои армянского народа А. Озаян и Д. Канаян (Дро).

Начальник штаба отдельной Армянской стрелковой бригады капитан А.К. Шнеур впоследствии вспоминал о событиях начала 1918 г.: «Люди уставшие, ни во что не верящие, развращенные грабежом и резней, совершенно не были настроены воевать дальше, а посматривали в глубокий тыл. Офицеры два-три хороших не старше чина капитана, все военного времени. Командовал полком капитан-поляк — безусловно хороший, но несколько слабый характером. За нач[альника] штаба [бригады] — поручик. Боже мой, что это были за офицеры! Крепкий характером, но в военном деле неопытный, очень порядочный адъютант полка Агороян, а остальные все — ничего не кончившие, произведенные в военное время в прапорщики — настоящие четники... не привыкшие выполнять приказания и чтобы их приказания выполнялись. Вот с такими офицерами надо было мне формировать заново бригаду и притом формировать на ходу, между переходами и перестрелками»². Командир бригады, по той же характеристике: «Большой оригинал и авантюрист, но храбрый джентльменски настроенный националист»³. Неудивительно, что автор этих воспоминаний, окончивший лишь ускоренные курсы академии Генерального штаба, в дальнейшем стал начальником армянского Генерального штаба, причем некоторое время состоял на этом посту, даже не имея армянского гражданства.

О том, с каким трудом формировались штабы национальной армии, свидетельствует анонимный очерк об обороне Эрзинджанского района в начале 1918 г. По свидетельству автора очерка, в конце 1917 — начале 1918 г. штаб Эрзинджанского отряда формировался следующим образом: «Что касается офицерского состава, то только 5% его были кадровые офицеры, остальные же произведены во время войны. Однако среди них было много людей достаточно подготовленных в боевом отношении в смысле опыта, выносливости и готовности к самопожертвованию за Родину. Но они мало влияли на солдат, отчасти благодаря отсутствию самостоятельного порыва и силы воли, которая,

¹ НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 15. Л. 45об.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 552. Л. 42.

³ Там же. Л. 15.

не будучи развита в них военным воспитанием, окончательно была подавлена устрашающим кошмаром революционной разрухи, когда волна поднявшегося темного пролетариата грозила поглотить все интеллигентное и сознательное. У очень многих офицеров была сильна именно эта робость перед разнузданным солдатством, хотя бы по близкому для них примеру русских частей. Но все-таки в офицерской армянской среде нашлось много идейных тружеников и бойцов, беззаветно преданных своему долгу и искренно принесших себя в жертву за родное дело. Русские офицеры были по большей части кадровые, опытные, добровольно оставшиеся в рядах армян и идейно им сочувствовавшие. Но и они страдали общим недостатком гражданской бесстрашной воли и не владели сердцами своих подчиненных. Штаб отряда был составлен с большим трудом из 3 армян и 6 русских (в том числе и начальник штаба подполк[овник] Бурков). Офицеры эти работали и за себя и за писарей, т. к. русские писаря все отказались служить, а подходящих армян не нашлось... Вообще набрать штаб удалось с крайним трудом, т. к. большинство офицерства упорно уклонялось в тыл. Упадок чувства Родины был чрезвычайно ярок, и шкурные интересы везде брали верх над запросами общего долга и самопожертвования. Все считали войну окончательно проигранной, и на этом основании большинство махнуло рукой на все и беспокоилось только о себе»¹.

Советский военный атташе в Тифлисе П.П. Сытин сообщал в Москву в ноябре 1920 г. об офицерах армянской армии: «Офицерский состав молодой, воински малограмотный, не умеет вести правильно подготовку одиночного бойца, не интересуется военным искусством и военным делом. Высшее командование: к[оманди]ры полков недостаточно опытни и интересуются больше хозяйством и им поглощены...»²

Армения была наиболее близким по духу России государством Закавказья, в период Гражданской войны здесь были популярны русофильские настроения. Именно поэтому Армения была союзницей ВСЮР генерала А.И. Деникина. По этой причине вплоть до осени 1919 г. ключевые посты в армянской армии занимали русские офицеры, позднее уехавшие на белый Юг.

Когда угроза безопасности Армении спала, начались гонения на русских офицеров. Как и в других национальных государствах, национальная политическая элита, принадлежавшая в Армении к партии дашнаков, с недоверием относилась к элите военной, представленной бывшими офицерами русской армии, в том числе русскими по национальности. Под предлогом отсутствия у офицеров армянского гражданства и незнания армянского языка русских пытались вытеснить³. В результате интриг офицеры русского происхождения были вынуждены покинуть ряды армянской армии. Назначения стали осуществляться по принципу близости к национальной по-

¹ НАА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

² ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 2. Л. 236.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 552. Л. 87.

литической элите, а не по компетентности и опыту. В тяжелом положении оказались и добросовестные внепартийные офицеры-армяне, которые были готовы служить вместе с русскими и поддерживали их.

В качестве органа высшего военного управления в 1918 г. был создан Военный совет Республики Армения из старших офицеров под председательством Назарбекова. Отдельно существовало Военное министерство, при котором возник военный штаб из строевого и мобилизационного отделов.

Бывший военный министр Армении генерал-лейтенант И. В. Ахвердов в своих воспоминаниях «Военные очерки Армении» писал: «Во всех назначениях на более значительные должности Военное министерство было связано не только правительством, но еще больше и партией, и отдельные лица, желающие занять ту или другую должность в армии, всегда могли, благодаря знакомству с членами партии, получить желаемое назначение... Такое своего рода “кумовство”, помимо умаления роли военных властей, вредило и делу, т. к. таким способом добивались назначения на должности лица, совершенно не пригодные или не подходящие в лучшем случае»¹. Неудивительно, что армия с таким командным составом не смогла противостоять советизации.

Среди офицеров военного времени, служивших в армянской армии, а затем поддержавших большевиков, оказался и будущий Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян. Почти весь командный состав вооруженных сил закавказских республик, кроме тех офицеров, которые предпочли эмигрировать, был захвачен в плен частями Красной армии в период советизации Закавказья в 1920–1921 гг. За три месяца существования советской власти на территории Армении было арестовано около 1400 офицеров, включая 20 генералов и 30 полковников². Часть офицеров армянской армии была в начале 1921 г. направлена Особым отделом 11-й советской армии в концентрационный лагерь в Рязань для фильтрации. Отдельные представители высшего и старшего командного состава были отделены от младших офицеров и содержались в тюрьмах. Спустя несколько месяцев офицеры были освобождены и амнистированы, некоторая часть вступила в Армянскую Красную армию и в РККА. Достаточно отметить, что начальником штаба Наркомата по военным делам Советской Социалистической Республики Армения стал бывший полковник В. Ф. Притоманов, ранее служивший в армянской армии, причем по направлению с белого Юга. Впрочем, генштабисты-армяне не подходили большевикам в самой Армении, поскольку были ограничены национальными рамками, тогда как Красная армия формировалась в основном по интернациональному принципу. По этой причине нарком по военным делам Советской Армении А. Ф. Мясников (Мясникян) телеграфировал 23 мая 1921 г. ко-

¹ НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 32. Л. 12.

² *Мартиросян Г. А.* Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань, 2002. С. 15.

мандующему 11-й армией А.И. Геккеру: «Просил бы Вас прислать нам сюда 2–3 старых генштабистов русского происхождения»¹.

Самостоятельные национальные армии возникли и в Прибалтике. Несмотря на то что эти армии были сравнительно невелики, Латвия, Литва и Эстония сумели сохранить свою независимость в период Гражданской войны. Многие офицеры литовской, латвийской и эстонской армий до революции вместе учились в Виленском военном училище.

Первым главнокомандующим латвийской армией стал Д.П. Симонсон — бывший генерал-майор русской армии, окончивший Николаевскую академию Генерального штаба по 2-му разряду. Симонсона на посту главнокомандующего в 1919 г. сменил бывший капитан русской армии Я. Балодис, возглавивший борьбу против немцев и белых и остававшийся на этом посту до 1921 г. Поступившие в латвийскую армию офицеры-латыши слабо знали родной язык. Для пополнения офицерских кадров в Латвии было открыто военное училище. В латвийской армии имелось 11 выпускников Николаевской военной академии. За неимением собственной военной академии офицеров-латышей, стремившихся получить высшее военное образование, командировали в иностранные академии. В Риге осенью 1919 г. открылась военная школа, первый выпуск которой (300 слушателей) был осуществлен в мае 1920 г.² Общая численность латвийского офицерского корпуса к 1920 г. составляла более 1800 человек³.

К осени 1917 г. в русской армии служили порядка 3000 офицеров эстонского происхождения, причем две трети офицеров-эстонцев оказались в 1918 г. и позднее на службе в эстонской национальной армии. Несколько сотен офицеров перешли в эстонскую армию из эстонских национальных частей русской армии. Эта группа офицеров проявила себя наиболее активно в период Гражданской войны, поскольку обладала достаточно высоким уровнем национального самосознания. 76% офицеров эстонской армии периода 1918–1920 гг. были офицерами военного времени, многие из них закончили службу в русской армии штабс-капитанами. Молодежь, по всей видимости, еще недостаточно инкорпорировалась в среду офицерства русской армии и была больше связана со своей малой родиной.

Диаметрально противоположным было поведение старших офицеров эстонского происхождения, которые отнюдь не горели желанием вставать на национальные рельсы. Из трех генералов-эстонцев в войне за независимость Эстонии не участвовал ни один, из 22 полковников-эстонцев и 32 подполковников — участвовало только по четыре человека соответственно. Таким образом, 57 генералов и штаб-офицеров эстонского происхождения

¹ НАА (партийный архив). Ф. 1435. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

² Rutkiewicz J. *Wojsko Łotewskie 1918–1940*. Warszawa, 2005. S. 133.

³ Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. *Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940: Biogrāfiska vardnica*. Rīga, 1998. S. 522.

дали эстонской армии только 8 руководящих работников¹. В русской армии к 1917 г. насчитывалось до 17 генштабистов эстонского происхождения. Из них в эстонской армии оказались лишь шестеро.

Зарождению национальной эстонской армии благоприятствовал фактор немецкой оккупации Эстляндии в 1918 г. Создателем эстонских вооруженных сил может считаться офицер русской армии, выпускник академии Генерального штаба, подполковник Й. Лайдонер, ставший в 34 года главнокомандующим эстонской армией. Неудивительно, что в Эстонии не нашлось более высокопоставленных и старших претендентов на этот руководящий пост. Лайдонер сумел получить признание в офицерской среде. Несколько офицеров Генерального штаба – выходцев из русской армии смогли объединить вокруг себя националистически настроенную офицерскую молодежь и создать национальную армию. В ноябре 1918 г. в эстонской войне за независимость в рядах национальной армии приняли участие около 2000 офицеров. К июлю 1919 г. в войсках оставалось 1109 офицеров.

В эстонской армии остро ощущалась нехватка высококвалифицированных кадров, в частности офицеров Генерального штаба и лиц с командным опытом. Особенно серьезным был недостаток офицеров-генштабистов в центральных органах военного управления и в дивизионных штабах. В результате органы военного управления (штаб главнокомандующего, Генеральный штаб, штабы дивизий) были заполнены младшими офицерами, не обладавшими необходимой подготовкой и опытом. Во всей эстонской армии только два офицера имели опыт командования полками (русской армии). Офицеров с опытом командования бригадами и дивизиями не было вообще. Сам главнокомандующий Лайдонер в русской армии был начальником штаба дивизии. Отдельной проблемой был поиск подходящих кадров для артиллерии и технических частей (в соответствующих подразделениях русской армии офицеры-эстонцы служили лишь на младших должностях). По возрасту эстонские офицеры были очень молодыми. Командирам бригад и отдельных пехотных батальонов в среднем было по 32 года, командирам дивизий – по 35 лет. Не менее 80% офицеров эстонской армии в годы Гражданской войны находились в возрасте до 30 лет. Между офицерами и солдатами были не столь сильные различия, как в старой армии.

Вследствие нехватки старшего и высшего командного состава ротации на руководящих постах почти не наблюдалось. По подсчетам эстонских военных историков, за период 1918–1920 гг. на уровне командиров бригад находилось от одного до трех офицеров. Старшие офицеры были перегружены работой. Сравнивая кадры офицеров эстонской армии и РККА, эстонские военные историки, признавая превосходство красных в старшем командном составе

¹ Juhid ja juhtimine eesti vabadussõjas 1918–1920. Tartu, 2010. P. 608.

на фронтовом, армейском и дивизионном уровне, отмечают превосходство эстонских командиров в бригадном, батальонном и ротном звене¹. С такой оценкой можно согласиться, поскольку квалифицированный командный состав буквально растворялся в многомиллионной Красной армии, тогда как в куда более компактных эстонских вооруженных силах был сконцентрирован. Однако рассчитывать на успех в затяжной войне с красными такая армия не могла.

Часть офицеров поступила в эстонские войска после разгрома белой Северо-Западной армии. В общей сложности не менее 250 офицеров перешло в эстонскую армию из РККА и не менее 500 из белых армий.

Помимо собственно эстонцев в эстонской армии служили офицеры других национальностей – русские, немцы, латыши, финны, шведы, поляки. Больше всего офицеров других национальностей служило в эстонском военно-морском флоте, меньше всего – в пехотных частях. Как и в других национальных армиях, руководство эстонской армии болезненно реагировало на немалый процент офицеров, не владевших национальным языком. В конце мая 1920 г. приказом военного министра всем офицерам под угрозой разжалования было предписано в течение полугода выучить эстонский язык. В 1922–1924 гг. 183 офицера и военных чиновника были уволены со службы из-за незнания языка, 13 офицеров по той же причине разжалованы в рядовые.

Офицеры-эстонцы служили и в других армиях Гражданской войны – в Красной, белых и украинских². Отдельные офицеры за период Гражданской войны успели послужить во всех трех прибалтийских национальных армиях (например, бывший подполковник В. А. Озол).

После заключения РСФСР мирного договора с Эстонией туда перебрались некоторые бывшие офицеры, служившие в Красной армии. В частности, известный военный ученый, генштабист Д. К. Лебедев и некоторые другие военспецы. Сходный процесс происходил и в других республиках. Так, в 1923 г. в Латвию уехал бывший генерал-майор А. И. Аузан, ранее руководивший корпусом военных топографов в Красной армии.

По предложению Лайдонера 22 апреля 1919 г. в Эстонии открылась военная школа, готовившая офицерские кадры по принципу подготовки прапорщиков военного времени в русской армии. Первый выпуск 106 слушателей состоялся 3 августа 1919 г. В 1921 г., после Гражданской войны (в Эстонии она именуется войной за независимость), открылись курсы подготовки офицеров Генерального штаба (с 1925 г. – высшая военная школа)³. В 1921–1940 гг. подготовку в этом военно-учебном заведении прошли 232 офицера, в том числе 3 финских и 3 латышских.

¹ Ibid. P. 611.

² Kröönström M. Eesti sõjaväe juhtivkoosseis Vabadussõjas 1918–1920. Tartu, 2008. P. 303–309; Абисогомян Р. Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие: дис. ... magister atrium. Тарту, 2007. С. 45–46.

³ Juhid ja juhtimine eesti vabadussõjas. P. 602.

Национальное самосознание литовцев к началу Гражданской войны было значительно ниже, чем у латышей и эстонцев. В Литве было сильно польское влияние. Офицеры-литовцы были немногочисленны и являлись в основном недавними прапорщиками без какого-либо опыта. Тем не менее в конце 1918 г. начала создаваться литовская армия. Первоначально в ней значилось несколько десятков офицеров. Военным министром и главнокомандующим стал генерал-майор русской армии С.К. Жуковский (Жаукаускас). К 3 мая 1919 г. в армии насчитывалось уже 440 офицеров, 127 чиновников и 10 729 солдат. В Каунасе 25 января 1919 г. открылась военная школа, выпустившая 6 июля 1919 г. 89 офицеров и 7 сержантов, а 16 декабря 1919 г.— 200 офицеров и 24 сержанта. К 25 сентября 1919 г. офицерский корпус литовской армии насчитывал 676 человек, а к 1 июля 1920 г. — уже 957 человек¹.

После присоединения Прибалтики к СССР в 1940 г. многие оставшиеся в живых к этому времени бывшие офицеры русской армии были депортированы вглубь СССР и подверглись репрессиям. Среди депортированных и позднее арестованных были и главнокомандующие латвийской и эстонской армиями периода Гражданской войны генералы Балодис и Лайдонер, проведенные по 12–13 лет в заключении, причем Лайдонер в заключении и скончался.

Проведенный анализ позволил свести данные об общей численности бывших русских офицеров в национальных армиях в таблицу (табл. 4).

Таблица 4

Численность бывших офицеров русской армии в армиях национальных государств периода Гражданской войны (1917–1922)

Государство	Бывших офицеров русской армии
Украина	До 12 000
Польша	6204
Финляндия	Около 250

¹ Рудиченко А. И., Тинченко Я. Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. Украина. Белоруссия. Литва. Киев, 2011. С. 386–387, 432.

Таблица 4. (Окончание)

Государство	Бывших офицеров русской армии
Латвия	1800
Литва	440
Эстония	2000
Грузия	Несколько тысяч человек
Армения	1500
Азербайджан	Не более 1000 (?)
Итого	Не менее 27 000

Таким образом, офицеров, перешедших из русской армии в войска новых независимых государств, возникших на окраинах разрушенной империи, было не менее 27 тысяч человек. Большинство офицеров, оказавшихся в этих армиях, были офицерами военного времени. Общей чертой всех национальных армий стали попытки националистически настроенных политиков изгнать из их рядов или вытеснить с руководящих постов офицеров русского происхождения. В некоторых армиях, где русских по происхождению офицеров почти не было, предпринимались попытки изгнания бывших офицеров русской армии безотносительно их национальности (Финляндия). Общей чертой многих национальных армий стало незнание офицерским составом национального языка. Прежде всего, это касалось Украины и Закавказья. Как следствие, делопроизводство нередко велось на русском языке, понятном для всех. Подобного явления почти не было среди офицеров в Польше и Финляндии, где существовал сильный национальный дух.

Заключение

Раскол офицерства являлся одной из составляющих общей трагедии русского общества революционной эпохи. Очевидно, что раскол этот был неизбежен, даже несмотря на определенную общность взглядов кадрового офицерства. У большинства офицеров попросту не было выбора, на чьей стороне сражаться, в силу того, что мобилизации проводили все противоборствующие лагеря. Следовательно, вопрос определялся местонахождением офицера в конкретный период времени и качеством работы мобилизационного и карательного аппарата той или иной стороны. В Красной армии эти органы функционировали достаточно эффективно, что позволило красным по максимуму использовать потенциал оказавшегося на советской территории офицерства. Разумеется, в условиях маневренной войны, при быстроте изменения линии фронта, нестабильной и переменчивой военно-политической ситуации, слабости воюющих режимов и отсутствии каких-либо обязательств по отношению к ним, внутреннем характере противостояния и наличии альтернатив для службы офицер мог перейти на противоположную сторону, сделав уже сознательный идейный выбор. Такие переходы не могли предотвратить ни комиссары, ни особисты.

Сегодня биографии многих представителей офицерского корпуса той поры известны достаточно подробно. Это позволяет исследовать вовлечение офицеров в события Гражданской войны персонифицированно, на микроуровне, проследить родственные и служебные связи, изучать круг общения, анализировать выбор человека и его окружения. На этом уровне погружения мы видим, что по разные стороны баррикад порой оказывались близкие родственники, недавние товарищи по службе, однокашники, подчас даже люди одного мировоззрения. Причем распространялись эти особенности и на высокопоставленных лиц.

К примеру, широкую известность в качестве военных специалистов РККА в Гражданскую войну приобрели братья Раттэли Николай и Иван Иосифовичи, первый из которых в старой армии дослужился до генерала, а второй — до полковника. В рядах РККА Н.И. Раттэль занимал важный пост начальника Всероссийского главного штаба, а И.И. Раттэль служил по военным сообщениям (в том числе был начальником военных сообщений Южного фронта). Однако удалось установить, что их младший брат Евгений, полковник старой армии, успел за Гражданскую войну два раза послужить у красных, а в перерыве служил в войсках Деникина¹. По совпадению родной брат другого

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 319. Л. 109–109об.

начальника Всероссийского главного штаба, бывшего генерала А.А. Свечина, генерал М.А. Свечин, также служил на белом Юге. Все это демонстрирует по-настоящему братоубийственный характер Гражданской войны при том, что перечисленные выше родные братья не считали друг друга врагами.

Поразительный пример крепости семейных чувств дает история отца и сына Клембовских. Бывший генерал В.Н. Клембовский в 1920 г. оказался среди членов Особого совещания при советском главкоме С.С. Каменеве и в этом качестве среди прочих подписал знаменитое воззвание к бывшим офицерам русской армии с призывом забыть старые обиды и вступить в Красную армию для защиты России. На это с гневной и оскорбительной отповедью откликнулся знаменитый писатель А.И. Куприн, живший тогда в Финляндии. Однако сын Клембовского подполковник Г.В. Клембовский, ветеран Белого движения на Севере России, несмотря на то что участвовал в Гражданской войне по другую сторону баррикад, вызвал Куприна на дуэль (писатель от поединка уклонился). В одном из писем в связи со случившимся Г.В. Клембовский отметил: «Уверен в том, что большевизм в России придет к скорому концу и будущая правдивая история обновленной России сумеет воздать должное и моему отцу»¹.

Но, конечно, непримиримость не обошла стороной и офицерство. Многие офицеры из белых и национальных армий, равно как и красные военспецы, при попадании в плен оказались жертвами террора. Если пленных военспецов белые расстреливали лишь в исключительных случаях и чаще всего в порядке самосуда (по оценке А.Г. Кавтарадзе, речь идет о нескольких десятках человек²), то расстрелы пленных белых офицеров в Советской России приобрели масштабный характер³. На архангельском Севере в 1920–1921 гг. были расстреляны сотни офицеров и нижних чинов белых армий⁴. Как от-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 94. Л. 2. Подробнее см.: *Ганин А. В.* Проигранный поединок Куприна // *Родина*. 2017. № 4. С. 45–48; *Он же.* «Я готов вам дать удовлетворение оружием...»: Несостоявшийся поединок писателя А.И. Куприна и сына генерала В.Н. Клембовского в 1920 г.: опыт микроисторического исследования // *Новое прошлое* (Ростов-на-Дону). 2017. № 2. С. 63–76.

² *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 224.

³ См., напр.: РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 41. Л. 304; *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 105; *Тумшиц М., Палчинский А.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 152–153; *Абраменко Л. М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005.

⁴ Архангельск. Расстрельные списки 1921 года / подгот. текста и послесл. Ю.В. Дойкова. Архангельск, 2000. С. 3. По официальным данным, Архангельской губЧК в 1920 г. было приговорено к смертной казни 258 человек (*Кубасов А. Л.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 — февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. С. 164). Расстрельные приговоры выносили и другие органы — Петроградская ЧК, ревтрибуналы, расстрелы осуществлялись и по личному распоряжению Ф.Э. Дзержинского. В литературе приводятся нуждающиеся в проверке данные о расстреле летом 1920 г. в районе Холмогор более тысячи кубанских казаков, о расстреле в марте — апреле 1921 г. 422 пленных белых офицеров (Там же. С. 166). К 1 января 1921 г. в Северном крае находились под арестом органов ЧК 245 человек, в 1921 г. на территории Северного края Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губЧК было арестовано 1993 человека, 1102 заключенных были освобождены, 582 перечислены, 358

мечалось в советском документе, датированном сентябрем 1921 г., «красный террор стусебал все бывшие насилия белых»¹.

Если сравнивать роль офицерства в РККА и в белых армиях, очевидно принципиальное отличие. Белые армии так и не смогли преодолеть как свою разобщенность, так и партизанский, кустарный характер, тогда как Красная армия планомерно выстраивалась как единая система. И если говорить о роли личности в истории, то личные качества того или иного белого военачальника в условиях партизанской армии оказывались намного важнее, чем достоинства и недостатки красного командира, представлявшего лишь один из элементов системы. Не случайно деникинский генерал Б. А. Штейфон отмечал, что к катастрофе белых привело забвение принципа «организация не терпит импровизации»².

Центральное положение красных сыграло свою роль и в офицерском вопросе. Прежде всего, красные, несмотря на враждебную политику по отношению к офицерству, смогли пополнить в свои ряды колоссальное количество бывших офицеров. Количество переходило в качество. Поэтому до сих пор встречающиеся даже в работах профессиональных историков утверждения о том, что вахмистры (у красных) разгромили царских генералов (у белых), далеки от реальности. В то же время белые фронты вследствие своей географической разобщенности и удаленности друг от друга не смогли наладить даже необходимый обмен командными кадрами в целях восполнения дефицита, существовавшего на некоторых фронтах (например, на Восточном), и более эффективного использования кадров при их избытке (как на Юге). Основными белыми фронтами стали Южный и Восточный, с большим отрывом от прочих лидировавшие и по количеству офицеров. В силу своей периферийности Северный и Северо-Западный фронты белых являлись второстепенными, в том числе и в отношении контингентов офицеров.

Наряду с численностью офицерства в противоборствующих лагерях не менее важен вопрос эффективности использования этих кадров. И здесь при меньшей численности военспецов в сравнении с белым офицерством организационным превосходством обладала Красная армия, строившаяся на началах строгой централизации (многое было перенято из опыта Великой

осуждены и 21 скончался, остались в местах заключения 175 (*Мозохин О. Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2011. С. 349, 352). За период с февраля по октябрь 1920 г. Архангельской губЧК в лагеря принудительных работ было направлено 419 человек, за тот же период было освобождено 660 заключенных. К концу 1922 г. во всех местах лишения свободы на территории РСФСР содержалось 68 297 человек (*Упадышев Н. В.* ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 годы. Архангельск, 2004. С. 18–20). Эти данные соответствуют известным на сегодня спискам расстрелянных на Севере, в которых числятся несколько сотен человек. Также см.: *Волков С. В.* Северный край в судьбах русского офицерства // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1 (3). С. 30–37.

¹ *Дойков Ю.* Красный террор на Севере. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 12.

² *Штейфон Б. А.* Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 105.

французской революции) при развитом мобилизационном, политическом и карательном аппарате. Эта эффективность прослеживается по многим показателям.

Так, в РККА на высоком уровне стоял учет кадров, а следовательно, и распределение (назначения) также могло осуществляться эффективнее¹. Белые же были связаны в этом вопросе множеством условностей, унаследованных от старой армии и старой России. Например, проблематично было назначить в казачью часть офицера-неказака и, наоборот, изъять офицера из казачьих формирований и перевести его в армейскую часть. Серьезные трения вызывали вопросы чинопроизводства и старшинства (своего рода местничества), перенесенные белыми из старой армии и сильно ограничивавшие кадровые решения. Даже представителей высшего командного состава белых всерьез беспокоил вопрос о допустимости нахождения у них в подчинении офицеров с преимуществом в старшинстве. Белым было непросто осуществлять назначения в нарушение последнего (и в особенности в нарушение старшинства службы в белой армии). Достаточно болезненным был вопрос назначений на ответственные должности перебежчиков из Красной армии.

В Красной армии наряду с чинами было отменено и старшинство, что было в обстановке Гражданской войны прогрессивным преобразованием. Устранение чинов позволило избежать многих конфликтов, от которых страдали белые (особенно в связи с неупорядоченностью чинопроизводства в Гражданскую войну). Фактически основными критериями при кадровых назначениях в РККА становились образование кандидата и его реальные заслуги на командных постах в новой армии. Таким образом, проводился в жизнь наиболее эффективный меритократический принцип выдвижения на руководящие должности.

Поскольку большевики не были связаны многочисленными условностями, существовавшими в старой армии, они могли решать кадровые вопросы гибче, чем противник, и с лучшим результатом (это особенно заметно на примере специалистов Генерального штаба, использовавшихся исходя из факта обучения офицера в академии, а не из формальных критериев причисления и перевода в Генштаб, как было у белых).

Красная армия обладала преимуществом и в том, что сфера деятельности военспецов ограничивалась военными вопросами, тогда как у белых офицеры занимались самым широким спектром задач, включая вопросы организации гражданского управления, что снижало их возможности в собственно военной сфере. Должностные обязанности бывших офицеров в РККА в большей степени соответствовали задачам, стоящим перед офицерами любой армии. Касалось это и высшего командного состава. В то же время у белых на Юге России

¹ Особенно ярко это прослеживается на примере такого дефицитного кадрового ресурса, как бывшие офицеры Генерального штаба. Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 34–145.

в связи с переизбытком офицеров и дефицитом солдат офицеры нередко выполняли солдатские обязанности. Наиболее яркое выражение такой подход нашел в участии некоторых белых генералов, в том числе с академическим образованием, в боях в качестве рядовых.

Еще одним преимуществом красных стало наличие контроля над офицерами и своего рода третейских судей в лице комиссаров. В Советской России РКП(б) обладала политической волей и последовательно реализовывала ее. Партийные контролеры стояли над офицерской средой и как внешний арбитр не зависели в своих решениях от влияния той или иной группировки офицерства. Между тем высшее руководство белых само происходило из офицерства и было связано множеством обстоятельств и личными взаимоотношениями со сторонами возникавших противоречий. В результате белые буквально погрязли в конфликтах внутри командования. В РККА, помимо этого, отсутствовала и присущая некоторым белым армиям неформальная иерархия офицеров, отрицательно влиявшая на возможности выдвижения способных командиров снизу.

Наконец, типичной чертой белых армий являлось наличие тысяч офицеров-едоков в тылу. Современники, описывавшие советскую действительность, не упоминают о фланировавших без дела по городам или сидевших по ресторанам офицерах. При этом существует множество описаний такого явления применительно к белому тылу, прежде всего на Юге России и в меньшей степени на Востоке. Сами участники Белого движения на Юге страны признавали серьезные просчеты командования в деле оперативного учета и постановки в строй офицерских пополнений даже на пике Гражданской войны осенью 1919 г., когда, казалось бы, мобилизационный аппарат должен был быть уже отлажен.

Помимо этого в РККА в целях покрытия кадрового дефицита ставились в строй в массовом порядке и пленные белые офицеры. У белых бывшие военспецы, наоборот, встречались крайне настороженно и подвергались преследованиям.

В революционной армии изменились сами принципы отбора командных кадров. Была организована массовая подготовка и переподготовка собственных командиров, на руководящие должности назначались способные унтер-офицеры старой армии. Нехватка кадров покрывалась использованием всех кадровых ресурсов. Минусом такой неизбирательности стал невысокий общий уровень квалификации комсостава РККА (к 1921 г. 41,55% младших командиров до командиров взводов включительно не имели никакого военного образования или же проходили только через учебные команды).

Разумеется, в чрезвычайных условиях Гражданской войны красные не могли избежать ошибок в офицерском вопросе. В результате ряд руководящих постов заняли агенты белых. Кроме того, эффективность использования военспецов красными значительно снижалась общей тяжелой

атмосферой недоверия и подозрительности к бывшим офицерам, часто необоснованными арестами и расстрелами. Этого явления в созданных кадровым офицерством белых армиях не наблюдалось, как не было в них и массового антиофицерского террора, проводившегося в Советской России.

Но большевистские лидеры сумели понять то, чего не сумели их оппоненты, военные профессионалы по другую линию фронта, – принципы ведения войны в новых условиях, соединив войну и политику, о чем писал еще выдающийся прусский военный теоретик XIX в. К. фон Клаузевиц и что не удалось белым. Именно создание массовой Красной армии под управлением квалифицированных офицеров старой армии, контролировавшихся комиссарами, а также выдвижение понятных и привлекательных для большинства населения лозунгов принесло большевикам победу. У белых были свои преимущества, но эффективно воспользоваться ими они не смогли. В итоге красная организация победила белую импровизацию.

Основная масса офицеров старой армии сражалась в рядах красных и белых. Не менее 27 тысяч оказались в национальных армиях. Но к различным антирусским выступлениям примкнули немногие. Десятки тысяч офицеров уклонились от участия в братоубийственном конфликте. По нашим оценкам, несколько больше офицеров оказалось у белых, чем у красных. Произошло это в силу того, что само Белое движение во многом являлось движением офицерства (офицеры не только почти повсеместно возглавляли это движение, но и составляли его наиболее активную, цементирующую и мотивированную часть). При этом крупный контингент бывших офицеров оказался в РККА. Если совокупно можно считать, что белых офицеров было больше, чем военспецов, то каждый из белых фронтов в отдельности уступал Красной армии по данному показателю. Кроме того, офицерство в Советской России для решения военных задач использовалось эффективнее, чем в белом лагере. В конце Гражданской войны несогласные с большевистским режимом офицеры в основном покинули Россию. После этого оставшееся в стране большинство бывших офицеров оказалось на стороне РККА или вынужденно смирилось с советскими порядками.

Так или иначе, в массе своей офицеры и в РККА, и в белых армиях боролись за Родину, хотя и понимали ее будущее по-разному. Думается, позицию основной их массы в ту эпоху можно охарактеризовать цитатой из письма бывшего полковника Б. А. Энгельгардта И. В. Сталину в 1946 г.: «Каковы бы ни были мои убеждения в прошлом, я всегда являлся верным сыном своей Родины, когда вставал вопрос о ее защите»¹.

¹ ЦВА. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 16925. Л. 4.

Избранная библиография

- Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005.
- Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957.
- Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001.
- В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.
- Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959.
- Верцинский Э.А.* Год революции: Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929.
- Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005.
- Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993.
- Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001.
- Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1–2.
- Гагкуев Р.Г.* Белое движение на Юге России: военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012.
- Ганин А.В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.
- Ганин А.В.* Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России: дис. ... д.и.н. М., 2013.
- Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.
- Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013.
- Ганин А.В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016 (2-е изд., испр.: М., 2017).
- Ганин А.В.* Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.
- Ганин А.В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018.
- Главкомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис: Сб. док. Рига, 1978.
- Голдин В.И.* Лихолетье. Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006.
- Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1–2.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987.
- Гребенкин И.Н.* Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015.
- Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты: в 3 кн. М., 2003. Т. 1–5.

- Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008.
- Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004.
- Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.
- Коротков И.А. История советской военной мысли: Краткий очерк. 1917 – июнь 1941. М., 1980.
- Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).
- Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1–2.
- Махров П.С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994.
- Минаков С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX века. М., 2004.
- Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000.
- Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М., 2004.
- Минаков С.Т. Сталин и заговор генералов. М., 2005.
- Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011.
- Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России 1905–1917. М., 1990.
- Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г.– 28 авг. 1923 г.). М., 1991.
- Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1–2.
- Смирнов А.А. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года). М., 2013. Т. 1–2.
- Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998.
- Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000.
- Черушев Н.С. Жизнь военной элиты. За фасадом благополучия. 1918–1953 гг. М., 2014.
- Шапошников Б.М. Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1982.
- Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М., 2014.
- Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18); № 2 (19).
- Erickson J. The Soviet High Command. A Military-Political History, 1918–1941. L.; Portland, 2001.
- Reese R.R. Red Commanders. A Social History of the Soviet Army Officer Corps, 1918–1991. Lawrence (KS), 2005.
- The Trotsky papers 1917–1922 / ed. and annotated by J.M. Meijer. L.; Hague; P., 1964. Vol. 1; Hague; P., 1971. Vol. 2.

Приложение

«Непреренно прочесть Дзержинскому и всем цекистам»

Доклад полковника В. В. Котомина о состоянии Красной армии¹

Одним из важных источников, посвященных состоянию Красной армии и условиям службы в ней военных специалистов – бывших офицеров является доклад дезертировавшего из РККА командира 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии бывшего полковника В. В. Котомина колчаковскому командованию, написанный летом 1919 г. и затем захваченный красными.

В числе первых этого перебежчика упомянул в своем романе «Два мира» писатель В. Я. Зазубрин. По стечению обстоятельств доклад В. В. Котомина, являющийся важнейшим историческим источником, длительное время не удавалось опубликовать. Вероятно, первым из исследователей (если не относить к таковым Л. Д. Троцкого, выпустившего в 1919 г. по материалам доклада пропагандистскую статью в «Известиях») проанализировал этот документ в 2000 г. к. и. н. А. В. Крушельницкий, выступивший с докладом о Котомине на VII научно-практической военно-исторической конференции «Гражданская война в России, 1917–1922 гг.» в Москве. К сожалению, выступление ученого не увенчалось публикацией. Однако А. В. Крушельницкий заинтересовал сюжетом о Котомине автора этих строк. Позднее, работая в качестве ведущего редактора над специальным выпуском журнала «Родина», посвященным истории Красной армии², я обратился к А. В. Крушельницкому с предложением опубликовать его материал в журнале, но и тогда, к сожалению, публикация не появилась. В результате исследователи продолжали анализировать различные аспекты доклада Котомина и оценки им состояния РККА по косвенным свидетельствам (как правило, на основе статьи Л. Д. Троцкого и воспоминаний генерала К. В. Сахарова)³. Статья Н. Д. Егоро-

¹ Впервые опубликовано в: *Ганин А. В.* «Непреренно прочесть Дзержинскому и всем цекистам»: Доклад полковника В. В. Котомина о состоянии Красной армии // *Россия в эпоху великих потрясений: Научный сборник к 50-летию А. С. Кручинина*. М., 2018. С. 369–422. Публикуется с дополнениями.

² *Родина*. 2011. № 2: Неизвестная Красная армия 1918–1922.

³ *Будницкий О. В.* *Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)*. М., 2005. С. 132–133; *Волков Е. В.* *Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчана в период Гражданской войны*. Иркутск, 2005. С. 93, 95; *Волков С. В.* *Трагедия русского офицерства*. М., 2001. С. 335; *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 676; *Он же.* *Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком*. М., 2016. С. 153; *Зданович А. А.* *Органы государственной безопасности и Красная*

ва¹ стала первой специальной работой о В.В. Котомине, прояснила обстоятельства дезертирства военспеца и позволила реконструировать ряд фактов его биографии периода Гражданской войны. Однако идея публикации доклада перебежчика вновь осталась пожеланием на будущее. Лишь в 2018 г. доклад удалось опубликовать².

Отсутствие публикации доклада привело даже к некоторым неточностям в исследованиях. Так, омский историк В.А. Шулдяков попытался пересмотреть дату перехода Котомина на сторону белых, перенеся это событие на полтора месяца позднее. По мнению историка, разведывательная сводка штаба главнокомандующего Восточным фронтом от 11 сентября 1919 г. якобы опровергала устоявшиеся данные и свидетельствовала о том, что Котомин попал в плен не в июле 1919 г., а 9 сентября³. В разведсводке, которую использовал В.А. Шулдяков, действительно говорилось о захвате белыми 9 сентября 1800 пленных во главе с командиром 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии, однако фамилия комбрига указана не была⁴. К сожалению, В.А. Шулдяков не обратил внимания буквально на следующий лист использованного им дела. За упомянутой разведсводкой там подшит доклад начальника разведывательного отдела походного штаба главнокомандующего Восточным фронтом капитана С.Ю. Ловчицкого (Ловчитского) 2-му генералквартирмейстеру штаба главнокомандующего генерал-майору П.Ф. Рябикову от 11 сентября 1919 г. В этом документе отмечено, что фамилия командира 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии, взятого в плен накануне, не Котомин, а Захаров, причем это не полковник, а только поручик, офицер военного времени, окончивший в 1915 г. школу прапорщиков⁵. По удивительному совпадению сразу несколько командиров 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии РККА попали в плен к белым летом — осенью 1919 г. Такое совпадение и повлекло ошибку омского историка. Впрочем, само донесение об измене Захарова вызывает вопросы, поскольку противоречит показаниям преемника Котомина на посту командира бригады Д.П. Ямышева, также ставшего перебежчиком.

Переходы представителей командного состава РККА на сторону белых в Гражданскую войну, в том числе коллективные, были распространенным явлением⁶, что подтверждает и история дезертирства командного состава

армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 333–334, 373–374.

¹ Егоров Н.Д. Полковник В.В. Котомин и его доклад // Россия в эпоху великих потрясений. С. 353–368.

² Ганин А.В. «Непременно прочесть Дзержинскому и всем ценистам»... С. 369–422.

³ Шулдяков В.А. Войсковой Сибирский казачий корпус: планы, реалии и мифы (август — сентябрь 1919 г.) // Белая гвардия. Исторический альманах (Москва). 2005. № 8: Казачество России в Белом движении. С. 250.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6219. Оп. 1. Д. 19. Л. 343об.

⁵ Там же. Л. 344.

⁶ По установленным нами данным, из 1580 выпускников Николаевской военной академии, служивших в 1918–1922 гг. в РККА, не переходили из лагеря в лагерь только 854, непосредственно же

35-й стрелковой дивизии в июле и сентябре 1919 г. Достаточно разветвленным было и антибольшевистское подполье в РККА, к которому принадлежал Котомин.

Отпечаток на содержание доклада наложила личность его автора. Полковник Василий Васильевич Котомин родился 15 ноября 1882 г., происходил из дворян Тифлисской губернии, окончил восемь классов Тифлисской 3-й мужской гимназии и Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду (1905), выдержал вступительный экзамен в подготовительную школу восточных языков (1909)¹. На военную службу поступил вольноопределяющимся 1-го разряда в Московское военное училище 29 августа 1901 г. Однако, видимо, с учебой что-то не заладилось, поэтому в 1903 г. Котомин был зачислен без экзамена в специальный класс Санкт-Петербургского пехотного юнкерского училища, будучи на службе в 7-м гренадерском Самогитском полку. Офицерская служба Котомина с весны 1905 по весну 1911 г. проходила в Туркестане. Он служил в 5-м и в 1-м Туркестанских стрелковых батальонах, исполнял должность адъютанта штаба I Туркестанского армейского корпуса, а также обер-офицера по части Амударьинской флотилии при штабе Туркестанского военного округа. Весной 1911 г. Котомин был командирован в Главное управление Генерального штаба, где с июня служил помощником столоначальника V отделения отдела по устройству и службе войск, а на следующий год перевелся в 197-й пехотный Лесной полк в Свеаборг. В 1916 г. в чине подполковника участвовал в подавлении восстания в Степном крае, командуя Тургайским отрядом². Это был образованный офицер, знакомый с различными сторонами военной службы. Котомин был женат на девице Марии Николаевне Ошаниной, дочери дворянина Владимирской губернии, на июнь 1911 г. детей не имел³.

Поступив в 1918 г. на службу в Красную армию, Котомин одновременно состоял в белом подполье — в «Союзе национального возрождения» и в рязанской подпольной антибольшевистской организации.

12 (25) октября 1918 г. в Новочеркасске белыми был допрошен прибывший из Советской России бывший капитан 137-го пехотного Нежинского полка А.В. Ярошевский, давший показания о том, что в Рязани в подпольной организации наряду с другими бывшими офицерами состоит бывший полковник Котомин: «Опрошенный мной 12 октября с/г капитан 137[-го] пехотного Нежинского Ее императорского высочества великой княгини Марии Павловны полка, командир штурмового батальона 35[-й] пех[отной] дивизии Анатолий Викентьевич Ярошевский, прибывший из гор. Рязани, показал:

из рядов Красной армии дезертировали не менее 561 специалиста Генерального штаба (Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. С. 219–261).

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 37648. П/с 358–622 (1911 г.). Л. 210об.–211об.

² Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 529.

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 37648. П/с 358–622 (1911 г.). Л. 214.

Я с января месяца участвовал в организации Рязанского штаба Белой гвардии, получавшего инструкции из московского Национального центра. К 10 августа в Москве готовилось восстание. Подготовка заключалась в вербовке офицеров, в сборе оружия, в учете сил противника и в разработке плана восстания, но произведенный смотр нашими начальниками конспиративно в Москве дал результаты: из 6000¹ офицеров, набранных в 16 полков и получавших жалование, явилось на смотр лишь 500 человек. Видя недобросовестность офицеров, Национальный центр понял невозможность восстания внутри России и приказал офицерам незаметно переезжать в Добровольческую армию.

В начале октября с/г подошла моя очередь. Я служил в Красной армии командиром батальона. Это мне было приказано Рязанским штабом Белой гвардии; предметом моего поступления, как и некоторых других офицеров, было держать связь с Рязанским штабом и тайное — дезорганизация Красной армии. Командирами полков с той же целью служат полковники: Пермяков, Волковский и Котомин. Примером тайной дезорганизации служит то, что в 1^м Рязанском полку за все время число красноармейцев не превышало 140 человек»².

Далее допрос касался организации РККА. Перебежчик сообщил: «С 1 октября вместо Рязанской дивизии будет стоять в Рязани 13[-й] полк (полковник Котомин);

В Скопине: 14[-й] полк (полковник Волковский);

В Егорьевске Ряз[анской] губ. 15[-й] полк (полковник Бауман).

Штаб Белой гвардии просил, если будет возможно, дать инструкции из Добровольческой армии, чем штаб может быть полезен как организация внутри России или же следует всем офицерам перебраться в Добровольческую армию.

Если будет возможно Добровольческой армии прислать кого-нибудь в Рязань, то адресоваться к полковнику Котомину.

В распоряжении штаба Белой гвардии имеется зарытых в землю 2 пулемета, 4 телефонных аппарата и до 100 (ста) рублей.

Дисциплины в Красной армии почти нет (в Рязани), из караула часовые уходят самовольно.

До 90% горожан настроены контрреволюционно»³.

Вероятно, в связи с подпольной работой Котомин, по данным Н.Д. Егорова, был арестован в октябре 1918 г., но вышел на свободу⁴. По всей видимости, Котомину по-прежнему доверяли, поскольку по освобождению он занял пост командира дислоцированного в Рязани 13-го полка 2-й стрелковой дивизии (в показаниях А.В. Ярошевского речь шла о назначении Котомина

¹ В документе далее — тысяч.

² РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 34.

³ Там же. Л. 34об.—35.

⁴ *Егоров Н.Д.* Полковник В.В. Котомин и его доклад. С. 353–354.

на этот пост уже к началу октября 1918 г., т. е. до ареста). В марте 1919 г. 36-летний военспец получил назначение на еще более высокий пост командира 1-й бригады 2-й стрелковой дивизии, направленной в недоформированном виде на Восточный фронт. В дальнейшем бригада получила иную нумерацию, став 2-й бригадой 27-й стрелковой дивизии, а позднее — 2-й бригадой 35-й стрелковой дивизии. Дивизия входила в состав 5-й армии.

Свидетельство о Котомине оставил в своих воспоминаниях тульский губернский военный комиссар Д. П. Оськин: «Командир этой бригады Котомин¹, бывший полковник, рязанский помещик, прибыл в Тулу уже в момент получения приказа об отправке бригады на фронт. Первое впечатление — энергичного, подвижного и живого, знающего хорошо военное дело.

Котомину сразу пришлось взяться за подготовку частей бригады к погрузке. В назначенный для погрузки день он явился ко мне с докладом, что заболел военный комиссар бригады Шнитман², и просил назначить другого³. Как оказалось, комиссар симулировал болезнь, за что получил строгий выговор от губернского комитета РКП(б). Позднее, уже после измены Котомина, Оськин, отвечая на запрос РВСР, сообщил, что Котомин «прибыл перед самой отправкой [бригады на фронт] и краткость его пребывания в Туле не дает возможности сообщить о нем какую-либо характеристику»⁴.

По свидетельству комиссара 27-й стрелковой дивизии А. П. Кучкина, Котомин — «мужчина немного выше среднего роста, остриженный под машинку, чисто выбритый. На висках — седина. Полный, но не по летам живой и стройный. Весьма корректен и услужлив, чем сильно подкупал собеседника, которому смотрел прямо в глаза»⁵. Штаб бригады поразил комиссара своей сплоченностью.

На посту комбрига Котомин, как и прежде, вел подрывную работу. Неудивительно, что приказы не выполнялись, а действия бригады вызывали нарекания дивизионного начальства⁶. Подробности о подпольной работе Котомина и о порядках в бригаде привел в своих показаниях в контрразведывательном отделении штаба 3-й армии белых преемник перебежчика на посту комбрига, бывший капитан (представленный в подполковники) Д. П. Ямышев, сдавший белым 12 сентября 1919 г. в поселке Кабанье: «После демобилизации армии в 1918 году я жил в городе Туле и состоял членом офицерской организации. В мае месяце 1918 года в Туле бывший генерал Суворов⁷ стал фор-

¹ В документе — Котомин.

² В документе ошибочно — Шотман. Шнитман Лев Александрович (24.10.1890–28.08.1938), политработник РККА, член РКП(б) с 1918 г. Военный комиссар 2-й стрелковой дивизии.

³ Оськин Д. П. Записки военкома. М., 1931. С. 143.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Кучкин А. П. В боях и походах от Волги до Енисея: Записки военного комиссара. М., 1969. С. 100.

⁶ Там же. С. 98, 102, 111.

⁷ Суворов Андрей Николаевич (30.09.1873–11.02.1938), бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Начальник 1-й Тульской дивизии (с 28.03.1918). Военрук Тульского отряда завесы.

мировать армию, целью которой являлась борьба с внешним врагом. Я был назначен командиром батальона, но когда увидел истинный смысл формирования, то просил генерала Суворова уволить меня, но генерал уговорил меня остаться, на что я и дал свое согласие. Полки, стоящие в г. Туле, были переименованы, и наш 1-ый Тульский советский полк был назван 67[-м] стрелковым полком. Отправки на фронт против чехов мне удалось избежать только благодаря тому, что солдаты моего батальона выразили недоверие офицерам и уехали на фронт без них, а в батальоне остались одни офицеры. Вскоре после этого я был назначен командиром 6-го стрелкового полка, командный состав которого состоял из бывших офицеров, настроенных против большевиков; среди солдат коммунистов было мало, а большинство были мобилизованные. В январе месяце 1919 года полк был отправлен на Южный фронт, но мне перед отправкой его удалось получить от комиссии врачей 3-хмесячный отпуск, благодаря чему я избежал фронта.

Как я узнал впоследствии, 67[-й] полк поднял восстание в г. Гомеле, перебил там местный совет, после чего часть его перешла к петлюровцам, а часть была расстреляна при усмирении¹. Когда истек срок моего отпуска, комиссар г. Тулы Оськин² заявил, что я в тылу больше не останусь, и заподозрил меня в симуляции болезни. В это время Тульскую бригаду принял полковник Котомин, который, узнав, что я состою в офицерской организации, всячески старался привлечь меня в свою бригаду. Переговоры с Котоминым происходили через посредничество полковника Нелидова³. В результате этих переговоров я 1-го апреля был назначен помощником начальника штаба 1-й бригады 2-й дивизии, но с условием при первой же возможности на фронте перейти к белым. В конце апреля месяца бригада выступила на фронт и в Симбирск[е], где мы простояли неделю, была переименована во 2-ю бригаду 35-й дивизии. Начальником штаба бригады здесь был назначен коммунист еврей Вольпе⁴, окончивший красную академию Генерально-

О старорежимном поведении Суворова и его окружения (обращения «Ваше превосходительство», «господа» (к бывшим офицерам), презрение к советским учреждениям) свидетельствовал в своих воспоминаниях тульский губернский военный комиссар Д. П. Оськин (*Оськин Д. П. Записки военкома*. С. 46–47, 50).

¹ Речь идет об антибольшевистском восстании в Гомеле 24–29.03.1919 67-го и 68-го стрелковых полков 2-й бригады 8-й стрелковой дивизии. Возглавил это выступление бывший штабс-капитан В. В. Стрекопытов.

² Оськин Дмитрий Прокофьевич (16.09.1892–07.02.1934), бывший штабс-капитан, военный специалист РККА. Член партии левых эсеров. Тульский губернский военный комиссар. После выступления левых эсеров в июле 1918 г. вышел из партии и вступил в РКП(б). Автор воспоминаний «Записки солдата», «Записки прапорщика» и «Записки военкома».

³ Нелидов Константин Владимирович, бывший подполковник, военный специалист РККА, начальник штаба 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии. Перешел на сторону белых вместе с В. В. Котоминым. В распоряжении начальника осведомительной канцелярии штаба 3-й армии (на 20.08.1919). Начальник осведомительного отделения штаба 3-й армии. Впоследствии остался в Советской России.

⁴ Вольпе Абрам Миронович (10.02.1895–14.07.1937), бывший прапорщик, военный специалист РККА, член РКП(б) с 1917 г. Слушатель академии Генерального штаба РККА. В период обучения

го штаба. Вольпе всем нам сразу же не понравился, и полковник Котомин всячески старался выжить его.

С 1-го по 7-е мая бригада стояла в Мелекесе, откуда была направлена на ст[анцию] Нурлат, где вторая бригада была прикомандирована к 27[-й] дивизии и отсюда походным порядком двигалась на левом фланге дивизии, все время отставая от нее, в то время, как она вела наступление, что дало повод Вольпе обвинять нас в саботаже. Избавились мы от Вольпе благодаря инциденту его с Костюриным¹, который ударил Вольпе по физиономии, после чего последнему пришлось уйти. По просьбе Котомина я согласился принять после Вольпе должность начальника штаба бригады, в какой и состоял до побега Котомина².

С белым подпольем был связан и помощник начальника штаба бригады по оперативной части бывший поручик Н.Н. Загорский, перешедший к белым вместе с Ямышевым и также допрошенный у белых. О подполье он сообщил следующее: «Я состоял членом тульской организации офицеров с марта месяца 1918 года. Организация эта поддерживала связь с московской организацией офицеров и со штабом Добровольческой армии генерала Алексева³ в Новочеркасске. Согласно приказу Алексева я поступил в Красную армию для содействия к подготовке ее к сдаче целыми частями Добровольческой армии. В г. Туле в это время формировался отряд генерала Суворова для борьбы с внешним врагом за демаркационную линию, в какой я и был зачислен в артиллерийский дивизион. Формирование дивизиона тянулось в Туле до 15 октября 1918 года, к этому времени Тульская дивизия была переименована в 1-ю бригаду 2-й дивизии, а дивизион стал называться 1-й дивизион 2-й стр[елковой] артил[лерийской] бригады. Дальнейшее формирование ди-

в академии командировался на Восточный фронт. Впоследствии получил известность как автор военно-научного труда «Фронтальный удар» (М., 1931).

¹ Примечание сотрудников белой контрразведки (вероятно, отдела контрразведки и военного контроля штаба Верховного главнокомандующего): «О Костюрине есть дело в Регистр.». Костюрин Константин Максимович, из Боровичского уезда Новгородской губернии, уроженец Санкт-Петербурга. Чиновник Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов. Добровольно поступил на военную службу на правах вольноопределяющегося в лейб-гвардии Измайловский полк. Окончил учебную команду в запасном батальоне полка, окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков. Прапорщик. Подпоручик. В 175-м запасном пехотном полку, в 70-м запасном пехотном полку, в 44-м Сибирском стрелковом полку. Контужен под местечком Крево. Уволен от службы. Мобилизован в РККА (с августа 1918 г.). Военный специалист РККА. В 3-м Московском советском пехотном полку, переименованном в 64-й стрелковый полк. Помощник командира полка. Командир 312-го стрелкового полка, отчислен от должности по болезни. После драки с А.М. Вольпе убыл в отпуск, возвратившись в бригаду 24.08.1919. Перешел к белым 12.09.1919 в поселке Кабанье. Подвергался преследованиям за службу в РККА. Находился в Омске, проживал в офицерском общежитии Военно-экономического общества «Коммерческий клуб» (на октябрь 1919 г.). Замечен в пьянстве, дебошах, карточной игре, присвоении себе чинов поручика, штабс-капитана и капитана. Арестован. Подробнее см.: РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 283.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 327. Л. 12–12об.

³ Алексеев Михаил Васильевич (03.11.1857–08.10(25.09).1918), генерал от инфантерии. Один из основоположников Белого движения на Юге России и организаторов Добровольческой армии.

визиона продолжалось в Богородицком уезде Московской губернии до 18 апреля 1919 года, когда вся бригада наша была отправлена на Восточный фронт. По прибытии дивизиона в г. Симбирск мне было приказано вступить в командование им. После моего доклада инспектору артиллерии Восточного фронта о состоянии дивизиона по его приказанию дивизион был расформирован, а личный состав был направлен для пополнения других частей. Я получил назначение в первую Тамбовскую мортирную батарею, которая была придана второй бригаде 35[-й] дивизии¹ и по предписанию инспектора артиллерии должна была развернуться в дивизион. Развертывание это было только на бумаге, так как не было ни имущества, ни людей. До 15 июля я был командиром батареи этого дивизиона, а затем был назначен по приказанию командира бригады Котомина помощником начальника штаба по оперативной части. Котомин почти с первого же дня моей новой службы посвятил меня в свои планы о переходе к белым. Он намеревался довести до полного разложения 312[-й] полк, который при первом же натиске белых должен был разбежаться, а кавалерийский дивизион, находящийся при штабе в это время, будет разослан² с различными поручениями, так что штаб бригады с группой командного состава 312[-го] полка сможет перейти на сторону белых. Но впоследствии полковник Котомин перешел к белым около д[еревни] Метелиной без всякой маскировки, не считаясь с судьбой семейств ушедших с ним»³.

Еще одним помощником Котомина был человек авантюрного склада — 23-летний бывший подпоручик К.М. Костюрин, командовавший 312-м стрелковым полком. Костюрин впоследствии свидетельствовал: «Как я ни старался избавиться от этой должности, мне это не удалось. В это время я узнал, что мой знакомый сослуживец по комиссариату, бывший прапорщик Башкирцев, назначен комиссаром нашей бригады, и я попросил его помочь мне отделаться от командования полком. Он обещал. Обещал также и командир бригады полковник Котомин. При посадке полка в вагоны в г. Симбирске я противоречивыми приказаниями устроил такую путаницу, что меня хотели арестовать сотрудники начальника управления по формированию, укомплектованию и обучению войск Восточного фронта Гольдберга⁴. По приезде в Мелекес я опять попросил о смещении меня с должности, и командир бригады послал в армию сношение. Однако я, не ожидая ответа, при выступлении полка в поход из д[еревни] Кошки около ст[анции] Погрузной так повел дело, что красноармейцы заволновались и не хотели идти. Комиссар полка Рассказов приказал мне передать командование моему помощнику Клепикову. Тогда я захватил

¹ В документе — дивизиона.

² Далее в документе повторяется — в это время.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 327. Л. 8–8об.

⁴ Гольдберг Борис Исаевич (1884–1946), революционер, советский военный и хозяйственный деятель, член РКП(б), начальник и комиссар управления по формированию, укомплектованию и обучению войск Восточного фронта.

полкового врача и отправился в штаб бригады, где и остался. Полк же так отстал, что задержал на несколько дней всю операцию. Несколько дней я ничего не делал, а затем Башкирцев предложил мне помогать ему вести канцелярскую переписку. Я согласился, рассчитывая в скором времени перейти в Народную армию¹, и стал понемногу сближаться с полковником Котоминым. Затем по просьбе Котомина Башкирцев отпустил меня в Москву для того, чтобы я мог устроить свою семью так, чтобы при моем бегстве ее не расстреляли»².

Костюрин и устроил провокацию для удаления из бригады А.М. Вольпе. Сам Костюрин впоследствии сообщил об этом белой контрразведке следующее: «Во время пребывания в бригаде я помог полковнику Котомину избавиться от начальника штаба бригады, ярого коммуниста еврея Вольпе, таким образом: однажды, устроившись рядом с ним в тарантасе, я затеял с ним ссору и в результате побил ему физиономию при многих свидетелях, и ему ничего не оставалось делать, как уйти из бригады и развязать там руки»³.

Белая разведка знала о занимаемой Котоминим должности и о том, что это бывший полковник. Такие данные приводились в «Боевом расписании сил противника, действующих против войск Сибирской армии», составленном разведывательным отделением штаба Сибирской армии к 1 июня 1919 г.⁴ Численность дивизии (без первой бригады) определялась в 3080 штыков, 110 сабель, 43 пулемета, 9 орудий. Состав бригады Котомина, по данным белых, — 310-й Симбирский, 311-й Сызранский, 312-й Самарский полки, мортирная Тамбовская батарея, рота связи и конный эскадрон при штабе бригады. Разведанные не всегда отличались точностью. Белым были известны начдив Виноградов (на самом деле — Ф.А. Кузнецов), наштабриг Вольпе, политком Башгорцев (Башкирцев), командир 311-го полка Лиственников и командир 312-го полка Клеймаков (Клепиков).

В период боев под Челябинском Котомин в ночь на 24 июля 1919 г. с группой единомышленников перешел на сторону колчаковских войск. По свидетельству Д.П. Ямышева, коллективный переход к белым был спланирован заранее: «Первая попытка перейти к белым была предпринята в д[еревне] Кальтау около Белой, но тогда нам помешал неожиданно прибывший в деревню 310[-й] полк. Кроме меня намеревались перейти:

- 1) командир бригады полковник Котомин.
- 2) комендант штаба Нелидов.
- 3) помощник начальника штаба Загорский⁵.

¹ То есть к белым.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 283. Л. 11–11об.

³ Там же. Л. 11об.

⁴ РГВА. Ф. 39509. Оп. 1. Д. 14. Л. 211.

⁵ Загорский Николай Николаевич, бывший поручик 1-й гренадерской артиллерийской бригады. Военный специалист РККА. Помощник начальника штаба 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии по оперативной части. Перешел к белым в поселке Кабанье 12.09.1919.

- 4) пом[ощник] нач[альника] штаба по оп[еративной] ч[асти] Кононов¹.
- 5) пом[ощник] нач[альника] штаба по админ[истративной] ч[асти] Дорофеев.
- 6) пом[ощник] нач[альника] снабжения бригады Спирин.
- 7) командир кавал[ерийского] дивизиона Волков.
- 8) заведыв[ающий] хозяйством того же дивизиона Бурдасов.
- 9) командир 2-го эскадрона Комаров.
- 10) к[омандир] пулем[етного] вз[вода] кавал[ерийского] дивиз[иона] Сыромятников.

22-го июля с. г. Котомин с Кононовым, Нелидовым, Комаровым и Сыромятниковым уехали ночевать в 310[-й] полк в д[еревне] Метелина и по телефону вызвал² нас в ту же деревню. Я понял, в чем дело, и в сопровождении Загорского, Бурдасова и Спирина поехал в Мятелину³, но там мы уже Котомина и его спутников не застали, один из ординарцев доложил комиссару, что они наверное⁴ уехали к белым, а не в 11-й полк, как передали остальным ординарцам, так как сборы их ему показались подозрительными. Комиссар бригады Топыркин⁵ стал усиленно следить за нами, выслал усиленные патрули, так что выйти нам не представлялось никакой возможности. Он хотел организовать погоню, я уговорил его от этого [отказаться], указал на то, что нам нужно позаботиться теперь об охране самих себя, так как убежавшие могут привести белых и захватить весь штаб бригады. За нами был установлен негласный надзор. На следующий день в дивизию приехал начальник дивизии Верман⁶ с комиссаром Минчуком⁷. После опроса Верман предложил мне командование бригадой, от чего я сначала отказывался, но потом принужден был согласиться, так как Верман настаивал на том, что я должен реабилитировать себя, и я таким образом принял командование временно впредь до назначения нового командира бригады. Вскоре после этого прибыл вновь назначенный командир коммунист Датюк, бывший штабс-ротмистр и якобы окончивший академию Генерального штаба⁸, но Верман ему бригады не дал, а назначил

¹ Кононов Н., бывший штабс-капитан, военный специалист РККА, помощник начальника штаба 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии по оперативной части. Перешел на сторону белых вместе с В. В. Котоминим.

² Так в документе. Видимо, Котомин.

³ Так в документе.

⁴ В устаревшем значении — наверняка.

⁵ Топыркин Павел Максимович, военный комиссар 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии.

⁶ Верман Леонид Ильич (15.11.1871–19.11.1919), бывший полковник, военный специалист РККА. Начальник 35-й стрелковой дивизии (27.06–20.09.1919). Умер от тифа. Напротив фамилии вписан комментарий одного из читателей документа: «арестован за бездеятельность».

⁷ Минчук Александр Иванович (05.10.1898–25.08.1938), бывший прапорщик, член РКП(б) с 1917 г. Военный комиссар 35-й стрелковой дивизии (25.07–25.08.1919).

⁸ Датюк Николай Сильвестрович, анархист-коммунист, позднее — член РКП(б). Бывший ротмистр, военный специалист РККА. Слушатель академии Генерального штаба РККА. Начальник штаба 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии.

его начальником штаба, а я остался командиром бригады. Датюк сразу энергично принялся за работу, начал издавать приказы в духе советской власти, чего раньше в бригаде не было. Я часть его приказов забраковывал, а частью перedelывал по-своему, стараясь смягчить их коммунистический оттенок»¹.

Н.Н. Загорский оставил похожее свидетельство: «Мне лично уйти с Котоминым не удалось, так как в Метелино, куда он вызвал меня, Ямышева², Бурдасова и Спирина, мы его не застали и за нами была усиленная слежка. Вновь назначенного командира бригады Ямышева всегда сопровождали ординарцы, в ст[анице] Звериноголовской его даже не выпустили за околицу прокатиться с госпожой Преображенской. В Челябинске к нам прибыл новый начальник штаба коммунист Датюк, а на должность помощника начальника [штаба] по оперативной части — коммунист Гладышев³, слушатель красной академии»⁴.

Командующий Западной армией белых генерал К.В. Сахаров вспоминал о переходе группы Котомина: «Они попали на сторожевую заставу, зорко охранявшую дорогу, так как наши войска привыкли к разным уловкам и обманам большевиков.

Первым же залпом была убита лошадь полковника Котомина и ранены два офицера; все они рассеялись, и только через день удалось собрать вместе этих героев. Полковник Котомин провел полтора жутких часа, лежа за трупом лошади, пока его не освободил и не вывел наш офицер. Полковник Котомин был доставлен в ближайший штаб как раз в то время, когда я объезжал войска. Высокий, могучего сложения человек с открытым энергичным лицом, герой Германской войны, он весь дрожал от пережитого, дрожал мелкой нервной дрожью, как маленький прозябший мальчик.

— Думал, что убьют. Но так было тяжело у большевиков, что лучше смерть»⁵.

Приказом войскам Западной армии № 468 от 25 июля 1919 г. добровольно перешедшие от красных полковник Котомин, подполковник Нелидов, штабс-капитан Кононов, поручики Русин и Сыромятников, подпоручики Архипов и Каменский, прапорщики Каширев, Поляков и Рябовский были восстановлены в своих правах и преимуществах на основании приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего № 617 от 12 июля 1919 г.⁶

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 327. Л. 12об.–13.

² В документе ошибочно — Янышева. Ямышев Дмитрий Петрович, бывший капитан, военный специалист РККА. Вр. и. д. начальника штаба 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии. Временно командующий бригадой после измены В.В. Котомина. Перешел к белым в поселке Кабанье 12.09.1919. В 8-м Степном Сибирском кадровом полку. Арестован.

³ Гладышев Федор Афанасьевич (1895–?), помощник начальника штаба 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии по оперативной части. Слушатель академии Генерального штаба РККА.

⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 327. Л. 8об.

⁵ Сахаров К.В. Белая Сибирь: [Внутренняя война 1918–1920 гг.]. Мюнхен, 1923. С. 122.

⁶ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 132. Л. 71.

У белых Котомин был прикомандирован к штабу 3-й армии, состоял в распоряжении штаба 3-й армии. В черновых приказах войскам 3-й армии сохранился приказ № 243 от 5 августа 1919 г., которым Котомин допускался к временному командованию 12-й Уральской стрелковой дивизией¹. Однако в приказе эти строки были вычеркнуты. В начале августа 1919 г. перебежчика принял Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Согласно приказу войскам 3-й армии № 743 от 20 сентября 1919 г., Котомин состоял в прикомандировании к штабу армии, причем до получения им назначения предписывалось удовлетворять его содержанием в размере 80% от содержания начальника дивизии². По имеющимся сведениям, вскоре после перехода к белым В.В. Котомин скончался.

Интересно положение бригады и ее командного состава после измены Котомина, а также последовавшая вторая коллективная сдача в плен состава, о чем свидетельствовал в своих показаниях Д.П. Ямышев: «Бригада наша после Челябинска все время шла в тылу 26-й дивизии. Мы снова начали строить планы о побеге, и на этот раз с нами стали собираться также к[оманди]р саперной роты Заар и помощник военного комиссара Костюрин. Первое столкновение с белыми частями нашей бригады произошло около ст[аницы] Пресновской, но я со штабом в станицу не попал, и мои полки 310-й и 312-й были подчинены к[оманди]ру 3-й бригады 5-й дивизии. Я под предлогом руководить боем полков намеревался отправиться в Пресновскую, но комиссар Топыркин меня туда не пустил, а поехал сам с начальником штаба Датюком, я же со штабом бригады остался в п[оселке] Екатерининском. После того как 310[-й] и 312[-й] полки были разбиты в ст[анице] Пресновской, начальник 5-й дивизии приказал мне отойти в п[оселок] Кабаний³ с 307[-м] полком. 12-го сентября на п[оселок] Кабаний повели наступление казаки, чем я и решил воспользоваться для перехода к белым. В самом начале боя Загорский, Спириин, Заар и г-жа Преображенская спрятались в погребе; мне же как к[оманди]ру бригады спрятаться заранее было невозможно, так как за мной все время следили начальник штаба и вновь прибывший комиссар бригады Морской⁴, которые все время торопили меня с отъездом, я же под разными предлогами отъезд откладывал и предлагал им ехать одним, на что они не соглашались. Тогда я приказал 307[-му] полку отступить, который при отступлении произвел панику, и когда раздался крик “казаки в деревне”, начальник штаба и комиссар, забыв про меня, бросились к лошадям и удрали, а я вошел в хату и стал дожидаться казаков, которым и сдался без сопротивления. В Кабаньем нас сдавшихся привели к командиру, кажется,

¹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 136. Л. 159.

² РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 142. Л. 244.

³ Так в документе.

⁴ Морской, военный комиссар 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии. Член большевистской подпольной организации в Челябинске.

7-го казачьего полка, а от него в штаб 5-й дивизии, а затем в поселок Екатерининский в контрразведывательное отделение штаба Казачьего корпуса.

Начальник 35-й стрелковой дивизии Верман Леонид, кажется, бывший полковник. Сначала он командовал 2-й бригадой 5-й дивизии, которая считалась одной из наиболее боевых. Его бригада всегда успешно продвигалась вперед, брала Бирск и, кажется, Уфу. Верман получил несколько раз благодарность. Свой взгляд на службу в Красной армии он высказал мне при разговоре после бегства Котомина, поступок которого он не одобрял: “Раз я поступил на службу”, — говорил он, — “то должен служить честно, и я никогда бы этого не сделал”. Из рассказов его о прежней службе видно, что он раньше командовал полком. Отношение его к службе самое безукоризненное, хотя он и беспартиен, но служит красным не за страх, а за совесть, очень требователен и энергичен; часто не имея боевых приказов, сам дает таковые и назначает боевые задачи. В последнее время ходили слухи, что ему дадут армию. Выступление Деникина Верман объясняет личной мстью советской власти за те издевательства, какие были произведены над ним во время первого переворота, и не допускает мысли, что Деникин — человек идейный.

Начальник штаба 35-й дивизии Попов, бывший офицер, человек спокойный и апатичный. Раньше он был начальником штаба 27-й дивизии, а в нашу дивизию прибыл из 26-й дивизии.

Политических комиссаров в дивизии за короткое время переменялось трое. Еще до перехода Котомина комиссаром дивизии был Жигирев¹, который был смещен за какие-то темные дела и отдан под суд.

На место Жигирева² был назначен Минчук — еще совсем мальчик, неинтеллигентный. Он был смещен за нераспорядительность и получил 309[-й] полк.

10 августа с. г. комиссаром был назначен Морозов, которого я знаю только по приказам. Он энергично принялся за дело, в приказах разносил всех за халатное отношение к делу. В наших действиях видел саботаж и грозил судом.

Политический комиссар Топыркин, убежденный коммунист лет 25, много работавший в эту войну; командовал на фронте небольшими отрядами, пробрался в тыл белых и агитировал там. Во время боя он был в Пресновской вместе с начальником штаба ранен, прорвался с остатками разбитых полков к красным и теперь эвакуирован в тыл.

Вместо Топыркина накануне нашей сдачи прибыл на должность³. К сожалению, этот важный документ обрывается на полуслове.

О другом перебежчике, К.М. Костюрине, Ямышев дал отдельные показания, в которых отметил двойственность его поведения: «Думаю, что Ко-

¹ Жигирев Гавриил Васильевич (1892–?), революционер, политработник РККА, член РКП(б). Военный комиссар 35-й стрелковой дивизии (22.04–25.07.1919).

² В документе ошибочно — Жигирин.

³ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 327. Л. 13–13об.

стюрин имел в своем прошлом что-нибудь такое, что заставило его вступить в партию коммунистов; этим он, может быть, избежал расстрела. Коммунистом он, по-видимому, не был. Он часто предупреждал меня и других офицеров о грозившей опасности со стороны политкома. В день перехода он своим постоянным следованием за мною весьма ослабил бдительное наблюдение политкома и тем способствовал переходу»¹. Сам Костюрин по сути подтвердил это свидетельство, отметив, что записался в сочувствующие РКП(б), чтобы избежать расстрела, а затем сочувствующих перевели в члены партии².

Костюрин о переходе к белым показал следующее: «Из Москвы я вернулся лишь 24-го августа сего года в ст[аницу] Усть-Уйскую, где узнал, что комбриг Котомин уже перешел с некоторыми офицерами, а Башкирцев арестован за пьянство и расстрелян. Тогда я стал сблизиться с новым комбригом Ямышевым, с которым мы вместе хотели 8-го сентября как-нибудь перейти с 310[-м] и частью 312[-го] полков в Народную армию³, но комиссар бригады Топыркин и начальник штаба Датюк, ярые коммунисты, поехали сами. Там Топыркин был ранен и 11 сентября эвакуировался. К нам был назначен в этот же день новый комиссар Морской – член тайной челябинской организации. Он, как оказывается, перешел фронт и должен был быть в нашей бригаде до занятия гор. Омска, где он хотел остаться, так как знал всех подпольных работников. Он не оставлял нас с Ямышевым ни на одну минуту, очевидно, что-то подозревая, будучи в пос. Екатерининском, мы оставили записку, что перейдем в самом непродолжительном времени в Народную армию, и по приказу начдива отступили в Кабанье, которое нам было приказано защищать до последней возможности.

Морской все время следил за нами и, наконец, стал волноваться, когда увидел приближающиеся цепи казаков. Он приказал мне ехать с ним. Я ответил ему, что буду отступать вместе с цепями, а Ямышев, отдав приказание отступать и увидя, что комиссар куда-то скрылся, ушел через несколько времени в ту землянку, где уже сидел я, вместо того, чтобы быть в цепях. Там мы оставались до прихода казаков и просили хозяйку выйти и передать казакам, что мы безоружны и хотим сдать; хозяйка боялась, и вышел хозяин-старик с тремя нашими коллегами Спириным, Зааром и одним из вестовых, которые все были убиты казаками. В скором времени нас представили в штаб корпуса, и здесь я дал все показания о расположении, количестве и настроении красных частей, а также дал сведения о контрразведке. О тех из местных жителей, которые горячо принялись организовать советскую власть, и другие сведения»⁴.

Сохранились показания других перебежчиков, ушедших к белым в поселке Кабанье. В частности, Н. Н. Загорского, по свидетельству которого

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 283. Л. 9.

² Там же. Л. 11.

³ Так Костюрин именовал белых.

⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 283. Л. 11об.–12.

«в п[оселке] Екатерининском в распоряжении командира нашей бригады оставался один 307[-й] полк, остальные же полки, прошедшие в ст[аницу] Пресновскую, поступили в распоряжение командира 3-й бригады 5-й дивизии. После разгрома этих полков в ст[анице] Пресновской штабу нашей бригады было приказано отойти к п[оселку] Кабаний, на который 12 сентября повел наступление 7[-й] [Сибирский] казачий полк. Когда обнаружилось, что казаки скоро вернутся в поселок, то я, Спириин, Заар и г-жа Преображенская спрятались в подвале. Командир бригады вместе с комиссаром и начальником штаба находились у избы и оттягивал¹ отъезд до наступления паники, при наступлении которой комиссар и начальник штаба ускакали, а он остался и добровольно сдался вместе с нами.

При нашем отступлении из п[оселка] Екатериновского помощник начальника штаба коммунист Гладышев оставил записку, в которой он писал белым, что они, одержав победу, наносят этим удар пролетариату, и подписался «Красный офицер». Я тоже, со своей стороны, написал записку с полной своей подписью и положил ее в той же избе на печке, в ней я написал, что в Красной армии есть много людей, желающих работать в пользу белых и только в силу сложившихся обстоятельств не могущих перейти на их сторону, в записке я упомянул о Котомине»².

Опрошенный отметил, что не слышал о грабежах и насилиях красноармейцев над местным населением, упомянул о мягкости красных в занятых казачьих станицах (так, в станице Звериноголовской комиссар поднимал вопрос об освобождении красноармейцев для помощи местным жителям в уборке хлеба³) и о равнодушном отношении казачьего населения к советской власти. Полки бригады после пополнения насчитывали до 500 штыков на полк.

Кроме того, сохранились показания находившегося при штабе бригады, в недавнем прошлом командира 309-го стрелкового полка (в период 2–17 августа 1919 г.), бывшего поручика 115-го Вяземского пехотного полка Анатолия Петровича Кулишева⁴. Кулишев дал любопытные показания об отношении к перебежчикам у белых: «Когда нас вели под конвоем из Кабанье, в Островном местное население отнеслось к нам очень враждебно, хотели поколотить и кричали, чтобы нас всех раздели. Хохлы Ново-Троицкого и Алабазовки настроены в пользу красных, говорили, что если вы будете отступать, то и мы с вами, так как с казаками не жить, они нас перережут, то же говорили и подводчики-хохлы»⁵.

Таким образом, в поселке Кабанье к белым перешли бывший капитан Д.П. Ямышев, бывшие поручики Н.Н. Загорский и А.П. Кулишев, бывший подпо-

¹ То есть командир бригады.

² РГВА. ф. 40218. Оп. 1. Д. 327. Л. 8об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 3–3об.

⁵ Там же. Л. 3об.

ручик К.М. Костюрин и жена штабс-капитана Преображенского М.К. Преображенская. Еще трое участников перехода были расстреляны казаками. Костюрин по приказанию начальника штаба 3-й армии был направлен в распоряжение 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, а остальные — в распоряжение начальника учебно-инструкторской школы при штабе 3-й армии¹.

Обнаруженные данные свидетельствуют о наличии в командном составе 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии группы антибольшевистски настроенных бывших офицеров. Некоторые из них прежде состояли в белом подполье. Очевидно, командир бригады Котомин подбирал себе в бригаду таких людей. Белым подпольщиком оказался и его преемник на посту комбрига Д.П. Ямышев. В итоге антибольшевистски настроенные военспецы двумя группами в июле и в сентябре 1919 г. перешли на сторону белых. Однако коллективная измена комсостава не затронула красноармейскую среду. 35-я стрелковая дивизия продолжала и далее сражаться с белыми в составе РККА, принимала участие в Петропавловской, Омской, Новониколаевской, Красноярской и Монгольской операциях, а в 1928 г. была награждена почетным революционным Красным знаменем.

По всей видимости, справедливо наблюдение Н.Д. Егорова о том, что столь основательный доклад не мог быть написан Котоминим всего за несколько дней после перехода к белым, и можно предположить, что дата 27 июля приведена по старому стилю, т. е. речь о 9 августа 1919 г. нового стиля.

Уникальность публикуемого документа в том, что он написан человеком, неплохо знавшим реалии Красной армии, но ярким антибольшевиком, оценки которого гиперкритичны. Целью доклада, составленного Котоминим по горячим следам, сразу после своего бегства из Красной армии, было максимально полное информирование белого командования о сильных и слабых сторонах советских войск. И хотя чувство объективности нередко изменяло докладчику, тем не менее многие оценки автора представляются достаточно взвешенными.

Подлинность доклада сомнений не вызывает, поскольку совпадает текстуально с фрагментами этого документа, сохранившимися у белых в документах отдела контрразведки и военного контроля штаба Верховного главнокомандующего². Подготовленный для белого командования доклад уже в сентябре 1919 г. был перехвачен красными. 25 сентября в секретариате заместителя председателя РВСР расшифровали следующую телеграмму, по всей видимости, от председателя Сибревкома и члена РВС 5-й армии И.Н. Смирнова: «Москва Кремль Ленину, Троцкому, дежурному Вост[очного]фронта, Реввоенсовет Позерну. Перехвачен документ доклад комбрига Котомина, перебежавшего к белым в июле, докладывает о том, что большинство командного состава 35-й дивизии, сформированной в тылу, состояло в союзе “Нацио-

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 72. Л. 97.

² РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 283. Л. 8.

нального возрождения”, имели связь с Петроградом, Москвой, Симбирском¹. Арестован комполка Лиственников и штабной работник Дорофеев. Начдив... (слово не расшифровывается)², замешанный в измену, арестован за бездеятельность и будет... (пропуск) [в рас]поряжение Вост[очного] фронта. Дивизия сильно пострадала, сейчас назначен командный состав весь партийный. Доклад высылаю курьером. № 3357. Смирнов»³. Удалось обнаружить и еще один экземпляр доклада в виде копии с копии, причем на первой странице имелась резолюция председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского: «Найдено в бумагах белых — в Челябинске. Ф. Дзержинский»⁴.

Доклад оценили по достоинству, и вскоре он оказался на столе главы советского правительства В.И. Ленина. Документ привлек внимание Ленина в самый тяжелый для судьбы Советской России момент октября 1919 г., когда белые рвались к Москве и Петрограду. Тем не менее Ленин не только нашел время прочитать материал перебежчика, но 7 октября 1919 г. наложил на доклад резолюцию, призвав председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского и всех членов ЦК РКП(б) ознакомиться с документом («НВ Непременно прочесть Д[зержинс]кому и всем цекистам. 7/Х Ленин»⁵).

Доклад перебежчика вызвал резонанс в партийных кругах, обсуждался не только в ЦК РКП(б), но и в московском комитете партии. В частности, о нем упоминал военный организатор комитета А.Ф. Мясников⁶. Председатель РВСП Л.Д. Троцкий посвятил докладу целую статью «Красная армия в освещении белогвардейца», увидевшую свет в газете «Известия» 16 октября 1919 г. Такое отношение связано с относительной объективностью и содержательностью документа, написанного врагом красных. Не случайно, по оценке Троцкого, Котомин — «человек не глупый, не лишенный наблюдательности и характера»⁷. Троцкий писал: «Таких Котоминых, заклятых врагов рабочего класса, не мало. Но враг подмечает нередко то, к чему у нас самих примелькались глаза. Вот почему внимательное знакомство с выводами белогвардейского доклада может принести существенную пользу ответственным работникам Красной армии»⁸.

Троцкий обратил внимание на то, что Котомин никак не поясняет причин своей ненависти к большевикам, «ненависть у него чисто органическая, классовая, бытовая. Какого происхождения Котомин, мы не знаем, но совершенно ясно, что навыки жизни, приемы мысли буржуазно-дворянской среды пропи-

¹ В документе не согласованно — Симбирске.

² Здесь и далее — пояснения дешифровщика документа.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 226.

⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 361. Л. 3.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 72. Л. 238.

⁶ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в красной Ставке. М., 2009. С. 274–275.

⁷ *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1924. Т. 2, кн. 1: Тысяча девятьсот девятнадцатый год. С. 104.

⁸ Там же. С. 113.

тали его насквозь. Идеи коммунизма его не интересуют. Он, как ясно по всему, совершенно не ставит перед собой вопроса о том, осуществим ли коммунизм, станет ли людям лучше, легче жить при коммунистическом строе и прочее»¹.

Однако далее сам Троцкий отдал должное собственным стереотипам восприятия офицерства. Рассуждая о причинах неприязни Котомина, он отметил, что последний «твердо ощущает и знает, что господство коммунистической партии нанесло великий ущерб тем привилегиям, которыми он и ему подобные жили и питались, и он относится с величайшей ненавистью к коммунистам, и ненависть его тем ожесточеннее, чем сознательнее, бескорыстнее, самоотверженнее данный работник-коммунист»². Сегодня известно, что офицерство в старой России особых привилегий не имело и богатств не скопило, а неприятие офицерской массой большевиков имело совсем иные причины. Впрочем, статья Троцкого была ориентирована на пропагандистский эффект, отсюда, вероятно, и вульгарное объяснение мотивов антибольшевизма.

Котомин сначала привел конкретные данные о тех формированиях, в которых ему довелось служить, а затем перешел к обзору различных явлений советской системы и порядков Красной армии. 35-я стрелковая дивизия Красной армии, бригадой которой командовал Котомин, была сформирована в Казани в апреле 1919 г. Организационно входила в состав 5-й армии, в период службы Котомина участвовала в Златоустовской и Челябинской операциях. Ранее Котомин командовал бригадой 2-й стрелковой дивизии, формировавшейся в Рязанской губернии. Формируя штаб бригады, Котомин старался набирать в него таких же, как он, белых подпольщиков или хотя бы тех, кто не был лоялен большевикам (бывший подполковник К.В. Нелидов и бывший капитан Д.П. Ямышев). Позднее некоторые сотрудники вместе с Котоминим перешли в 35-ю дивизию. По свидетельству автора доклада, подпольные организации имелись в Симбирске и Туле, однако связь с белыми была налажена слабо, поэтому практического взаимодействия белых и подполья не складывалось.

Больше всего помет большевистские лидеры оставили в разделах доклада, касавшихся офицерского вопроса и военспецов. Очевидно, часть помет принадлежала Троцкому, который отмечал места для цитирования в своей статье. В оценках Котомина Троцкий нашел подтверждение правильности выработанной в Советской России при деятельном участии самого председателя РВСР политики в офицерском вопросе. В частности, он отметил, что перебежчик сетовал на контроль со стороны комиссаров, на приказ о заложничестве членов семей военспецов и на помехи подпольной работе со стороны лояльных советской власти красных командиров.

Котомин писал, что кадровое офицерство работало в РККА якобы исключительно из страха за свои семьи, которые могли быть репрессирова-

¹ Там же. С. 104.

² Там же.

ны в случае измены. Вместе с тем перебежчик был вынужден отметить, что часть военспецов служила не за страх, а за совесть, а также и то, что другая часть офицеров охвачена апатией и готова работать с кем угодно, лишь бы ее не трогали. С наблюдениями Котомина в ряде случаев был согласен Троцкий, который, как и Котомин, отделял фронтовых командиров от тыловиков. По мнению Троцкого, комсостав на фронте был выше качеством, успев пропитаться духом Красной армии, активные контрреволюционеры уже перебежали к белым, в тылу же еще оставалось немало антибольшевиков. Неоднозначную оценку получили и бывшие унтер-офицеры. Часть из них, по мнению Котомина, являлась ненадежной для красных. С этим соглашался и Троцкий, считавший, что речь шла о кулацких элементах. Однако, по мнению Троцкого, на фронте унтер-офицеры перерождались и многие становились прекрасными боевыми командирами. Котомин и Троцкий сходились во мнении, что красные командиры получали недостаточную подготовку.

Троцкий не согласился с критическим восприятием Котоминым красных командиров, отнеся таковое на счет антибольшевизма перебежчика. При этом председатель РВСР отметил: «Несомненно, однако, что подготовка, какую дают курсы командного состава, является недостаточной, должна быть во многих отношениях усовершенствована и дополнена в дальнейшем командными курсами более высокого типа. Реформа, улучшение, развитие военно-учебного дела представляет неотложнейшую и важнейшую задачу»¹.

Котомин отмечал, что части, сформированные на фронте из добровольцев, были устойчивее тыловых частей из мобилизованных. При этом большинство комсостава последних составляли кадровые офицеры. Троцкий также разделял эту оценку («Здесь затронут очень важный вопрос нашей военной политики, и мимо свидетельства Котомина никак нельзя пройти»²) и полагал, что для исправления ситуации в тыловые формирования нужно направлять фронтовых командиров, поскольку «хорошо сплоченная группа субъектов котоминского типа способна на первых же порах разрушить часть почти непоправимо»³. По мнению председателя РВСР, «тыловые формирования, постепенно с необходимыми предосторожностями (в частности, по отношению к командному составу) вводимые в бой, быстро принимают окраску окружающей их войсковой среды и становятся боеспособными фронтовыми частями»⁴. Явно недооценил Котомин и организаторские возможности большевиков в сфере налаживания снабжения армии и развития военной промышленности, преувеличив дефицит боеприпасов и утверждая, что Красная армия живет старыми запасами, которые подходят к концу. При этом перебежчик воздал должное организации советской контрразведки и размаху пропагандистской работы.

¹ Там же. С. 109.

² Там же. С. 110.

³ Там же.

⁴ Там же.

Особое внимание Троцкий уделил антисемитизму Котомина, действительно бросающемуся в глаза на протяжении всего доклада. Троцкий разъяснял для широкой аудитории своих читателей, что евреев-комиссаров существенно меньше, чем изображала белая пропаганда. При этом председатель РВСР подчеркнул, что не разделяет утверждений Котомина о большей талантливости евреев, а их массовую поддержку советской власти связал с тяжелым положением еврейского населения в старой России¹.

Заинтересовала Троцкого и та часть доклада Котомина, которая посвящалась комиссарам. Тем более что перебежчик дал высокую оценку работе комиссаров в армии, подчеркнув их мужество, поразительную работоспособность, фанатизм, сочетавшиеся со строгостью партийной дисциплины. Котомин обратил внимание на то, что в РККА комиссары становятся все более предупредительными в своем отношении к военспецам и дают им свободу оперативных распоряжений. Отмечал Котомин и то, что красноармейцы на фронте служат в очень хороших условиях.

По оценке Котомина, лишь 5% комиссаров являлись людьми идейными, а 95% были попутчиками, искавшими выгоды. Троцкий назвал подобную классификацию «плодом буржуазного тупоумия»². По мнению председателя РВСР, бескорыстными Котомин считал большевиков, вышедших из буржуазной среды и добровольно порвавших с ней, а искавшими выгоды обозначал большевиков-пролетариев. По оценке Троцкого, тех, кто искал выгоды в рядах РКП(б), наоборот, было менее 5%, особенно в действующей армии. «Роль коммунистической партии была бы необъяснима, если бы идейно бескорыстные люди составляли в ней только 5%. Но тут в Котомине говорит ожесточенное классовое нутро, ненависть к пролетариату, оказавшемуся способным выдвинуть из своей среды многие десятки тысяч самоотверженных безыменных героев, стремление наделить своих врагов чертами мещанского своекорыстия, буржуазной жадности, чтобы тем самым оправдать и нравственно приподнять себя самого и свою белогвардейскую среду»³. Если вспомнить, что за годы Гражданской войны на фронтах погибли более 50 000 коммунистов⁴, оценка Троцкого представляется более справедливой, чем суждение Котомина. Подытоживая, Троцкий отметил, что «даже в белогвардейской окраске перебежчика работа комиссаров и коммунистических ячеек выступает перед нами во всем своем неизмеримом революционно-воспитательном значении»⁵.

В сравнении с прагматичным интересом советского руководства к информации Котомина не менее показательным отношением к этому же в белом

¹ Там же. С. 105.

² Там же. С. 111.

³ Там же. С. 111–112.

⁴ Какурин Н., Ковтун Н., Сухов В. Военная история гражданской войны в России 1918–1920 годов. М., 2004. С. 205.

⁵ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2, кн. 1. С. 113.

лагере, который, казалось бы, являлся для перебежчика своим. Стремясь привлечь внимание белых офицеров к постоянному совершенствованию РККА, Котомин в Сибири читал лекции о Красной армии, однако столкнулся с неприятием и непониманием, причем честные свидетельства о росте мощи Красной армии, укреплении в ней дисциплины интерпретировались белыми как большевистская пропаганда. По свидетельству колчаковского военного министра генерал-лейтенанта барона А.П. Будберга, в ходе лекции Котомина, состоявшейся 8 или 9 августа 1919 г., лектора даже попытались избить: «Присутствующие не поняли горечи лектора, указавшего на то, что в комиссарской армии много больше порядка и дисциплины, чем у нас, и произвели грандиозный скандал с попыткой избить лектора, одного из идейнейших работников нашего Национального центра; особенно обиделись, когда К. отметил, что в Красной армии пьяный офицер невозможен, ибо его сейчас же застрелит любой комиссар или коммунист; у нас же в Петропавловске идет такое пьянство, что совестно за русскую армию»¹. Оценку Будберга подкрепляют мемуары командующего 3-й армией генерала К.В. Сахарова, который писал: «С целью разбудить нашу тыловую публику полковник Котомин прочел лекцию в Омске в городском театре (по поручению Верховного правителя); на лекции произошел характерный инцидент. Котомин рисовал правдивую картину советского тыла, — он будил чувства белых и призывал их к такой же работе, какую несут слуги Ленина и Бронштейна², к такой же отчетливости, добросовестности и энергии... Вдруг раздаются голоса из партера:

— Как вам не стыдно хвалить их! А еще офицер...

— Довольно...

— Поезжайте тогда обратно к большевикам...

И с галерки одинокий крик:

— Правильно, товарищ, продолжайте.

Так поняли представители тыловых наслоений искренний и честный призыв Котомина, этого одного из лучших русских офицеров. На того это так подействовало вместе со всем пережитым за последние годы, что он слег больной и не мог уже оправиться. Болезнь унесла его в могилу. Моя армия³ лишилась в нем хорошего начальника дивизии, — на что Котомин был мною предназначен»⁴. Впрочем, Сахаров излишне противопоставлял фронт и тыл. Скорее всего, на фронте слова Котомина о мощи Красной армии были бы восприняты точно так же. Проблема носила системный характер и заключалась в отсутствии самокритики в белом лагере, в фатальной недооценке противника, наивном идеализме многих участников Белого движения и непонимании ими сути Гражданской войны.

¹ Будберг А. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 263.

² Бронштейн — настоящая фамилия Л.Д. Троцкого.

³ Речь идет о 3-й армии, которой командовал Сахаров.

⁴ Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 161–162.

Несколько отличается свидетельство, приведенное в неопубликованных воспоминаниях 2-го генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего генерал-майора П. Ф. Рябикова: «Добровольный переход командира бригады одной из дивизий 5-й сов[етской] армии, старого кадрового полковника 197[-го] Лесного полка¹ Котомина, не только вызвал массу нелепых слухов, но и сопутствовал весьма неприятным инцидентом, разыгравшимся в городском театре на его докладе о состоянии сов[етских] армий.

Полковник Котомин перешел к сиб[ирским] войскам во время боя у д[еревни] Кабанья с несколькими чинами своего штаба, подвергаясь громадному риску и обстрелу с двух сторон.

Его доклад был настолько обширен и глубоко интересен, что мною было доложено о желательности представления его адмиралу² для личного доклада. Обласканный адмиралом, полк[овник] Котомин сделал ему настолько интересный доклад, что было решено предложить ему сделать сообщение в городском театре.

Во время крайне содержательного сообщения, на котором п[олковник] Котомин не скрывал и положительных сторон красного управления армией, их упорной пропаганды, их настойчивости в проведении в жизнь своих целей и пр., – в театре начались крики: “долой”, “большевик” и пр.

Находившиеся в театре на докладе ген[ералы] Сахаров и Матковский демонстративно ушли из зала; часть публики ушла за ними...

Совершенно незаслуженно оскорбленный полк[овник] Котомин заболел и скончался, как раз когда наконец-то получил должность в армии...»³ Очевидно, П. Ф. Рябиков перепутал сдачу в плен группы Котомина и последующую сдачу группы Ямышева в поселке Кабанье.

Похожее свидетельство оставил Н. В. Устрялов, лично беседовавший с Котоминым. По его оценке, Котомин – «интересный, интеллигентный и чрезвычайно располагающий к себе человек...

Было радикальное различие между “коренными” белыми и теми, кто успел подышать настоящим советским воздухом и сознательно взглянуть на окружающее. Последние не могли, при всей своей враждебности к большевикам, закрывать глаза на сильные их стороны. Можно сказать, что так или иначе прошли они школу политграмоты и потому трезвее и глубже оценивали положение. А в “исконном” белом царстве продолжала держаться глупая и наивная, несносная версия: большевики – разбойники и немецкие шпионы, уголовная накипь, и все тут»⁴.

¹ Лично и хорошо мне известного по совм[естной] службе в 50[-й] пех[отной] див[изии] во время Мировой войны (примеч. П. Ф. Рябикова).

² А. В. Колчану.

³ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 12об.–13об.

⁴ Н. В. Устрялов. 1919-й год. Из прошлого / публ. А. В. Смолина // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург). 1993. № 4. С. 240–241.

Неудивительны в этой связи высказывания другого упомянутого в докладе Котомина перебежчика К.М. Костюрина, которого также преследовали в белом лагере и звали «красным». 11 октября 1919 г. в Омске, будучи в нетрезвом состоянии, Костюрин заявил другим офицерам о Советской России: «Умные остались там, а дураки здесь»¹.

Картина показательна. Котомин у белых приобрел репутацию большевика, хотя искренне желал победы белым. Его знание устройства и жизни Красной армии и построенный на этом знании доклад оказались не востребованы — белым понятнее и проще было по-прежнему не воспринимать красных всерьез, несмотря на неудачи на фронте. Для сравнения, в Советской России, куда позднее попал доклад Котомина, к этому документу отнеслись со всей серьезностью. В самый острый для большевиков момент в октябре 1919 г. члены ЦК изучали доклад перебежчика, стараясь понять слабые стороны организации Красной армии и устранить недостатки. Неудивительно, что победа в Гражданской войне осталась за теми силами, лидеры которых продемонстрировали большую дальновидность и готовность прислушиваться к разумной критике.

Шестнадцатистраничный документ (на восьми листах с оборотами) в виде машинописной копии, отпечатанной уже в Советской России, хранился в ЦГАСА (ныне — РГВА) в фонде секретариата председателя РВСР — РВС СССР. Подлинник доклада неизвестен. Именно с этой копией знакомились В.И. Ленин и другие видные большевики. К сожалению, при машинописном наборе были допущены ошибки, которые не всегда удается выявить.

В феврале 1971 г. документ ввиду обнаружения на нем резолюции В.И. Ленина (и, вероятно, его помет) был передан в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и ныне хранится в РГАСПИ. В РГВА для замещения изъятых листов была оставлена фотокопия. В РГАСПИ, поскольку речь идет о документе В.И. Ленина, также можно ознакомиться с фотокопией. Поскольку каждая из этих фотокопий имеет свои дефекты воспроизведения, при подготовке публикации были изучены и сверены копии как из фондов РГВА, так и из фондов РГАСПИ.

Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей источника. При публикации воспроизводятся текстовые комментарии читателей документа, исключая многочисленные подчеркивания, зачеркивания и отчеркивания.

¹ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 283. Л. 17об. Также фигурировала только первая часть фразы (Там же. Л. 4). В другой версии Костюрин заявил примерно следующее: «Знал бы, остался бы там, тогда не попал бы в это пекло» (Там же. Л. 15об.). По еще одному свидетельству, при аресте Костюрина кто-то из офицеров назвал его «красноармейской сволочью», на что арестованный ответил, что «сволочь здесь, а умные остались там» (Там же. Л. 16об.). Сохранилась еще одна копия показаний Костюрина: РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 72. Л. 119–122об.

Копия¹

Доклад бывшего командира 2[-й] бригады 35[-й] стр[елковой] дивизии красных, числящегося по армейской пехоте полковника В. В. Котомина²

2[-я] бригада 35[-й] стр[елковой] дивизии

Бригада начала свое формирование в Тульской губ. в составе 10, 11 и 12[-го] полков, числясь 1[-й] бригадой 2[-й] стр[елковой] дивизии. 2[-я] стр[елковая] дивизия имела три бригады: 1[-ю], формирующуюся в Тульской губ. по временному сокращенному штату (10, 11 и 12[-й] стр[елковые] полки), 2-ю, формирующуюся в Рязанской губ. (13, 14 и 15[-й] стр[елковые] полки), и 3-ю бригаду в Тамбовской губ. (16, 17 и 18[-й] стр[елковые] полки), две последние бригады по полному штату. Начальником дивизии состоял Генерального штаба ген[ерал]-майор Мерро³, начальником штаба дивизии Генерального штаба полковник Андерс⁴. 10[-й] полк 1-ой бригады еще до вступления моего в командование бригадой, сформированной до полного состава в гор. Москве, кажется, из добровольцев, был отправлен на фронт (кажется, Северный). Бригаду я принял 19 марта с/г, причем в ней состояло: 11-й стр[елковый] полк (г. Ефремов), 12[-й] стр[елковый] полк (гор. Тула), зачаток кавалерийского дивизиона (г. Тула) и 1[-й] артиллерийский дивизион (ст[анция] Волово). Бригадой до моего прибытия командовал, одновременно с исполнением обязанностей военного руководителя Тульской губ., генерал-майор Музеус⁵. Все полки дивизии в большей своей части состояли из мобилизованных с вкраплением добровольцев-коммунистов. До принятия 1[-й] бригады 2[-й] стр[елковой] дивизии я командовал 13[-м] стр[елковым] полком 2[-й] бригады той же дивизии (г. Рязань). Недели через две после вступления моего в командование бригадой было получено приказание о немедленном выступлении частей дивизии на Восточный фронт. При вступлении моем в командование бригадой весь штаб бригады состоял из комиссара бригады еврея Шнитмана⁶ и пом[ощника] начальника штаба по оперативной части шт[абс]-кап[итана] Кононова (112[-го] Уральского полка, выпуска 1914 г. Алексеевского

¹ От руки надписано: «вх. 10915. 17/XI 1919 г. Секретно».

² Автограф В. И. Ленина: «НВ Непременно прочесть Д[зержинс]кому и всем ценистам. 7/Х Ленин».

³ Мерро Михаил Иванович (26.09.1863–1919/20), бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Начальник 2-й стрелковой дивизии (05.10.1918–12.05.1919). Умер или погиб в промежутке между ноябрем 1919 и маем 1920 г. На полях напротив фамилии от руки проставлен крест в кружке.

⁴ Андерс Александр Карлович (21.01.1880–26.04.1938), бывший полковник, военный специалист РККА. Начальник штаба 2-й стрелковой дивизии. На полях напротив фамилии от руки проставлен крест в кружке.

⁵ В документе ошибочно — Мезеус. Музеус Владимир Александрович (01.09.1868 — не ранее 1925), бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Военрук Тульского губернского военного комиссариата. Арестован в Туле в сентябре 1919 г. Позднее освобожден и продолжил службу в РККА. На полях напротив фамилии от руки проставлен крест в кружке.

⁶ О Л. А. Шнитмане см. примечание выше.

военного училища. Перешел от красных 24 с[его] июля вместе со мной)¹. Желая сформировать штаб из числа б[ывших] кадровых офицеров, состоящих в оппозиции большевикам, и имея сведения от Союза национального возрождения², членом которого я состою, к кому мне обратиться в Туле, я сразу же взял на должность н[ачальни]ка штаба подполковника Нелидова (10[-го] Ингерманландского полка, который, состоя в тульской организации, командовал батальоном добровольцев³, перед самым выступлением на фронт Нелидов был отстранен от должности н[ачальни]ка штаба начдивом Мерро⁴ как не соответствующий этой должности, т. к. ранее не занимал штабных должностей. После отстранения от должности он был назначен мною комендантом штаба бригады, каковым состоял до 24 июля с/г, когда совместно со мною и шт[абс]-кап[итаном] Кононовым перешел от красных)⁵. Вторым помощником н[ачальни]ка штаба по оперативной части мною был взят подполковник б[-го] Сибир[ского] стр[елкового] полка Ямышев⁶, который после отстранения Нелидова был мною временно допущен к исполнению должности н[ачальни]ка штаба. По⁷ прибытии бригады в Симбирск, 18 апреля, распоряжением штаба фронта н[ачальни]ком штаба бригады был назначен еврей-коммунист Вольпе⁸, окончивший красную академию Генерального штаба, очень умный молодой человек 24 лет, окончивший в Лозанне или Цюрихе невропатологический институт⁹. Подполковник Ямышев снова был назначен пом[ощником] н[ачальни]ка штаба по оперативной части. Красный генштабист Вольпе был для меня элементом сверхнежелательным, и я принимал все усилия к тому, чтобы от него избавиться. Развитый, умный, работоспособный, нахально-вызывающий, как вообще все евреи, он в конце концов обострил со всеми отношения, и к величайшей моей радости я избавился от него в первых числах июня¹⁰, после того как его побил по физиономии пом[ощник] моего бригадного комиссара, б[ывший] офицер военного времени, коммунист Костюрин¹¹. Комиссары

¹ О Н. Кононове см. примечание выше.

² «Союз возрождения» — подпольная межпартийная антибольшевистская организация, созданная весной 1918 г. в Советской России.

³ От руки вписана закрывающая кавычка. По всей видимости, помета Л. Д. Троцкого, поскольку на этом месте заканчивалась цитата из доклада Котомина в его статье.

⁴ На полях напротив фамилии от руки проставлен крест в кружке.

⁵ О К. В. Нелидове см. примечание выше.

⁶ Здесь и далее в документе ошибочно — Янышев. О Д. П. Ямышеве см. примечание выше.

⁷ Перед предложением от руки вписана открывающаяся кавычка. По всей видимости, помета Л. Д. Троцкого, поскольку на этом месте начиналась цитата из доклада Котомина в его статье.

⁸ О А. М. Вольпе см. примечание выше.

⁹ От руки вписана закрывающая кавычка. По всей видимости, помета Л. Д. Троцкого, поскольку на этом месте заканчивалась цитата из доклада Котомина в его статье. В. В. Котомин неточен. А. М. Вольпе в 1912–1914 гг. в качестве вольнослушателя обучался в Лейпцигском институте психологии.

¹⁰ От руки вписана закрывающая кавычка. По всей видимости, помета Л. Д. Троцкого, поскольку на этом месте заканчивалась цитата из доклада Котомина в его статье.

¹¹ О К. М. Костюрине см. примечание выше.

дивизии, ранее 27[-й], в состав которой временно входила бригада, Грюнштейн¹ и Кучкин², а затем 35[-й] Жигирев³, видимо, крайне не желали убирать Вольпе, но я поставил вопрос ребром перед н[ачальни]ками дивизий: 27[-й] Павловым⁴, а затем 35[-й] Кузнецовым⁵, указав на то, что я не могу иметь н[ачальни]ка штаба с битой физиономией, о чем знает вся бригада, и Вольпе был убран, в настоящее время он, кажется, состоит на службе в штабе 5[-й] армии. После его ухода должность н[ачальни]ка штаба снова занял подполковник Ямышев, который в силу обстоятельств не мог перейти совместно со мною, т. к. его семья зарегистрирована, и его переход, почти с уверенностью можно сказать, повлек бы за собой в отношении ее самые тяжелые репрессии, возможно даже и до расстрела включительно. Надо вообще оговорить, что положение кадрового офицерства, связанного семьями и поступившего в Красную армию или добровольно для проведения определенной задачи – разложения большевизма, – или мобилизованного, – нравственно до кошмарности ужасно. Я по поводу перехода имел беседу с моим к[оманди]ром 311[-го] полка капитаном Лиственниковым⁶ и к[оманди]ром 312[-го] полка шт[абс]-кап[итаном] Клепиковым⁷, н[ачальни]ком штаба под[полковником] Ямышевым, и все они только и мечтают о том времени, когда будут в состоянии встать в ряды одной из добровольческих армий, но, в силу своей семейной связанности, таким разом, чтобы переход их носил характер попадания в плен, дабы избавить свои семьи от репрессий⁸. Они буквально говорят следующее: «Лучше быть убитыми самим и навлечь на себя в дальнейшем все последствия презрения за службу в Красной армии, чем видеть свои семьи расстрелянными[»]⁹. Во всяком

¹ Грюнштейн Карл Иванович (12.03.1886–05.10.1936), революционер, политработник РККА, член РКП(б) с 1904 г. Военный комиссар 27-й стрелковой дивизии (19.11.1918–16.07.1919). Позднее — член РВС 5-й армии.

² Кучкин Андрей Павлович (25.11.1888–30.03.1973), революционер, политработник РККА, член РКП(б) с 1912 г. Военный комиссар 27-й стрелковой дивизии (27.03–14.06.1919; 01.10.1919–19.03.1920). Автор воспоминаний.

³ О Г. В. Жигиреве см. примечание выше.

⁴ Павлов Александр Васильевич (10.12.1880–14.08.1937), бывший поручик, военный специалист РККА, член РКП(б) с 1917 г. Начальник 27-й стрелковой дивизии (май — ноябрь 1919 г.). За бои на реке Белой награжден орденом Красного Знамени.

⁵ Кузнецов Федор Алексеевич (04.1891–04.05.1939), бывший поручик, военный специалист РККА. Член РКП(б) с 1917 г. Начальник 35-й стрелковой дивизии (22.04–27.06.1919).

⁶ Лиственников, бывший капитан, военный специалист РККА. Командир 311-го стрелкового полка. Осенью 1919 г. после перехвата красными доклада В. В. Котомина арестован, затем освобожден. По свидетельству В. В. Котомина, сын генерал-лейтенанта, офицер лейб-гвардии Измайловского полка. По всей видимости, речь идет о сыне генерала В. Г. Лиственникова.

⁷ Клепиков, бывший штабс-капитан, военный специалист РККА. Командир 312-го стрелкового полка.

⁸ Далее от руки вписана закрывающая кавычка. По всей видимости, помета Л. Д. Троцкого, поскольку на этом месте заканчивалась цитата из доклада Котомина в его статье.

⁹ Широкого практического применения угрозы взятия семей военспецов-изменников в заложники не получили. Подробнее см.: *Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 375–394.*

случае, почти все кадровое офицерство полностью, за редкими исключениями, будучи настолько сознательно и честно, чтобы ясно сознавать весь вред узурпации власти коммунистами-большевиками, всей душой рвется из Красной армии и является их непримиримыми врагами.

Вторым помощником по оперативной части в штабе бригады состоит поручик артиллерии Загорский¹, а помощником по административной части шт[абс]-кап[итан] Дорофеев². Оба они также решили перейти от красных, но не смогли этого сделать совместно со мной, т. к. остались вместе с начальником штаба и комиссаром в В[е]р[хнем] Кыштыме.

Комиссарами 2[-й] дивизии в последнее время состояли еврей Полонский³ и бывший сотрудник Рязанской чрезвычайной комиссии Гаранкин⁴. Как на характерный факт не могу здесь не указать на следующее: комиссар дивизии Полонский, кажется, бывший подмастерье парикмахера во Владивостоке, 24 лет, и комиссар бригады еврей Шнитман, студент заграничного университета, как говорят, сын содержателя публичного дома в Минске, по получении приказа о выступлении на фронт дивизии сразу же получили отпуска по болезни, причем Шнитмана губ[ернский] комитет партии в Туле все же заставил ехать на фронт, но по приезду в Симбирск он сумел устроиться так, что комиссаром бригады был назначен Башкирцев, 42 лет, шт[абс]-кап[итан] из офицеров военного времени, в Японскую войну был старшим писарем, в эту войну служил в строю, был командиром роты и дослужился до чина штабс-капитана, левый эсер, в партию коммунистов записался в январе с/г⁵, а Шнитман вернулся обратно в г. Тулу⁶. В зависимости от сложившейся обстановки на фронте 1[-я] и 3[-я] бригады дивизии со штадивом должны были быть направлены в Самару, а вторая бригада, как наиболее многочисленная, должна была прибыть в гор. Симбирск в непосредственное распоряжение штаба Восточного фронта для использования ее как резерва для обороны гор. Симбирска, который был признан находящимся в непосредственной опасности и к обороне коего принимались все возможные меры, но в силу происшедшей ошибки в Самару были направлены 2[-я] и 3[-я] бригады, а в Симбирск прибыла моя 1[-я], что крайне неприятно подействовало на военный совет штаба Восточ-

¹ О Н. Н. Загорском см. примечание выше.

² Арестован после перехвата красными доклада В. В. Котомина.

³ Полонский И. Г., военный комиссар 2-й стрелковой дивизии (24.10.1918–14.04.1919), член РКП(б).

⁴ Гаранкин Михаил Михайлович (1887–17.05.1938), военный комиссар 2-й стрелковой дивизии (16.02–03.06.1919), член РКП(б).

⁵ По другим данным, бывший прапорщик. После измены В. В. Котомина арестован и расстрелян летом 1919 г. (РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 283. Л. 11–12).

⁶ На полях от руки вписан крест. Как отмечал Л. Д. Троцкий, этот случай по наведенной им справке подтвердился, после чего Шнитман был предан партийному суду (*Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2, кн. 1. С. 105). Также о запросе из РВСР см.: *Оськин Д. П.* Записки военкома. С. 238–239 (Оськин ошибочно называет Шнитмана Шотманом).

ного фронта. Бригада прибыла в гор. Симбирск 18 апреля. Здесь я получил нового комиссара бригады Башкирцева, нового начальни[ка] штаба Вольпе, нового командира 13[-го] полка Костюрина (вскоре был из командиров назначен помощником бригадного комиссара), полк комитетов бедноты с командиром полка штабс-капитаном Владыкиным¹, в результате моих дальнейших переговоров с Владыкиным велась усиленная работа по разложению такового, но Владыкин не выдержал до конца и при достижении бригадой р. Белой, совместно с 6 лицами командного состава, буквально затравленный комиссаром и коммунистами, не предупредив меня, перешел со стороны красных, переправившись на лодке по р. Белой. Накануне его перехода ночью он приезжал ко мне для получения инструкций, и мы с ним условились, что я ему дам своего бригадного сапера, поручика инженерных войск Пимсона², подпоручика серба Калдыша³ с тем, чтобы он совместно с одним из своих офицеров направил бы их для переговоров с белыми. А в результате получилось то, что Пимсон и Калдыш попали в распоряжение белых, а Владыкин с 6 лицами комсостава перешел также без моего ведома. Я тщетно до последнего времени ожидал от них какого-либо уведомления. Между прочим, я в несколько дней своего пребывания в Симбирске успел нащупать секретную организацию, которая заверила меня, что послан специальный курьер к белым с сообщением о прибытии бригады и о том, что я состою членом Союза национального возрождения, но и в этом направлении какого-либо ответа со стороны белых мною получено не было. Одновременно с прибытием бригады в Симбирск таковая переименовывается во 2[-ю] бригаду 35[-й] стрелковой дивизии, полк комбедов получает наименование 310-го, а 11[-й] и 12[-й] полки переименовываются в 311[-й] и 312-ый. Всякая связь со 2[-й] дивизией у меня прекращается, по частным сведениям, при движении на гор. Уфу генерал Мерро⁴ был отрешен от должности начдива за медленность движения и нерешительность, а дивизия вскоре после того была направлена на Петроградский фронт⁵ (2[-я] и 3[-я] бригады), где и перешла на сторону белых⁶. В таком хронологическом порядке 1-я бригада 2[-й] дивизии делается 2[-й] бригадой 35[-й] дивизии.

¹ Владыкин Александр Степанович, бывший штабс-капитан, военный специалист РККА. Командир 310-го стрелкового полка 35-й стрелковой дивизии. Перешел на сторону белых в конце мая 1919 г.

² Вероятно, Пимсон Роман, поручик инженерных войск.

³ Вероятно, Калдыш (Калдыш) Вячеслав Константинович, подпоручик. На 1920 г. в резерве командного состава штаба сухопутных и морских сил (Владивосток).

⁴ Вписан комментарий одного из читателей: «ставленник Вацетиса».

⁵ Имеется в виду фронт под Петроградом, где действовала 7-я армия, входившая в состав Западного фронта.

⁶ В. В. Котомин неточен, на сторону противника дивизия не переходила. 2-я стрелковая дивизия в мае 1919 г. входила в состав 5-й армии, в мае — июне — в состав Туркестанской армии, а с июня 1919 г. — в состав 7-й армии.

35-я стр[елковая] дивизия

Штаб 35[-й] дивизии, в состав которой вошла вверенная мне бригада, находился в это время в г. Казани. Начдивом таковой состоял Кузнецов, бывший командир большого партизанского отряда на Южном фронте, молодой человек 24–25 лет, как говорят, казак, совершенно без образования, как общего, так и военного. Связи с дивизией у меня не было никакой, и я, находясь в непосредственном распоряжении штаба фронта, был через несколько дней пребывания в Симбирске передвинут с бригадой в гор. Мелекес, откуда бригада была отправлена на фронт, высадившись на ст[анции] Нурлат Волго-Бугульминской ж[елезной] д[ороги]. Продолжая вначале находиться в распоряжении штаба фронта, а затем штаба 5[-й] армии, позднее она придается 27[-й] дивизии, в составе которой и ведет наступление почти до переправы через р. Белую, где она поступает, наконец, в состав 35[-й] дивизии, штаб которой с 1[-й] бригадой появляется на левом фланге 27[-й] дивизии, примерно в районе гор. Мензелинска. 3[-я] бригада дивизии, по частным сведениям, продолжала свое формирование в Пензенской губ. (бригадой командовал ген[ерал]-майор барон Притвиц¹, об этой бригаде сведений никаких до настоящего времени так и не имелось). Недели 2–3 тому назад начдив Кузнецов был отозван в распоряжение командарма 5[-й], а на его место назначен к[омандир] 2[-й] бригады 5[-й] дивизии, как говорят, б[ывший] кадровый офицер Верман² — человек лет около 40, кажется, коммунист, по наружности еврей, человек, видимо, неглупый, почти во всем сходный с моим б[ывшим] н[ачальни]ком штаба Вольпе. 2[-я] бригада 5[-й] дивизии одновременно с назначением Вермана в 35[-ю] дивизию была отправлена на Южный фронт. Перед уходом из дивизии Кузнецова был раньше решен вопрос комиссарами старших штабов о назначении меня н[ачальни]ком дивизии, но ввиду назначения Вермана на нашу дивизию я отнюдь не мог рассчитывать получить 35-ю. Необходимость получения дивизии на стороне и послужила одним из импульсов, заставившим ускорить мой переход, хотя я и считал свой переход несколько преждевременным.

Штаб 35[-й] дивизии представляет из себя организм совершенно неработоспособный, единственным работником там является начдив Верман, который так характеризовал мне свой штаб, при разговоре он лично высказал ту мысль, что если он служит в армии, то считает своим долгом служить честно, закончил указанием на то, что беспартийности он не понимает, т. к. считает, что вопрос должен разрешаться так: «или с нами, или против нас» (из чего я заключил, что он человек партийный).

¹ На полях напротив от руки проставлен вопросительный знак. Возможно, Притвиц Дмитрий Николаевич (21.11.1876–?), барон, на 1916 г. — полковник, весной 1919 г. находился в Москве.

² О Л. И. Вермане см. примечание выше.

1[-й] бригадой командует Буров¹, как говорят, кадровый офицер, поручик или шт[абс]-кап[итан], ранее командовал большим сводным отрядом на Северном фронте, 33 лет, всецело находящийся в руках своих комиссаров и штадива, в отношении которых держит себя крайне заискивающе. В военном отношении мало подготовлен, нерешителен. В состав 1[-й] бригады входят 307[-й] полк (полком командует б[ывший] офицер в чине поручика или шт[абс]-капитана. Крайне нерешительный и трусливый, но умеющий ладить с начальством, почему и состоит у такого в фаворе. Численный состав полка около 700 штыков, не считая пулеметчиков и специальных команд).

308[-й] полк (полком командует прапорщик или подпоручик из нижних чинов, к этой должности совершенно не подготовленный, как и вообще весь командный состав 1[-й] бригады, где кадрового офицерства почти совершенно нет, что является результатом ее прифронтового формирования. Вообще между² фронтовыми частями и частями, формировавшимися в тылу, резкая разница, в первых значительное преобладание коммунистов. При общем составе красноармейцев-добровольцев, кадрового офицерства почти совершенно нет, во вторых же большинство солдат мобилизованных и командный состав, преобладающий из кадрового офицерства. Первые более стойки, вторые легко поддаются деморализации и менее стойки³. Численный состав полка 2000 шт[ыков]).

309[-й] полк (к[омандир] полка прапорщик, совершенно к этой должности не подготовленный, численный состав около 1800 штыков), помимо указанного численного состава 1[-й] бригады, за последнее время 1[-я] бригада приняла в свои ряды около 200 человек из числа перебежчиков (около 90 чел. из них убито и ранено во время движения 309[-го] полка из Ункурды на Кыштымский, и отыгрался сам, не понеся никаких потерь) и около 1500 рабочих, добровольно поступивших из числа рабочих Кыштыма. Сведения эти получены мною непосредственно от командира 1[-й] бригады. Между прочим, начдивом мне поставлено на вид, что 1[-я] бригада умеет вести свои дела так, что она увеличивает свою численность, а моя бригада все более и более уменьшается. 310[-й] полк 2[-й] бригады насчитывает 160 шт[ыков] (полком командует шт[абс]-кап[итан] Рякин, георгиевский кавалер 24 лет, человек очень храбрый и решительный⁴. Недавно принявший

¹ Буров (?–25/26.07.1919), военный специалист РККА. Командир 1-й бригады 35-й стрелковой дивизии. Погиб.

² Перед словом «между» от руки вписана открывающая кавычка. По всей видимости, помета Л. Д. Троцкого, поскольку на этом месте начиналась цитата из доклада Котомина в его статье.

³ От руки вписана закрывающая кавычка. По всей видимости, помета Л. Д. Троцкого, поскольку на этом месте заканчивалась цитата из доклада Котомина в его статье.

⁴ По имеющимся сведениям, Н. В. Рякин в старой армии имел чин поручика. По некоторым данным, будучи нижним чином, Н. В. Рякин был награжден Георгиевским крестом 4-й степени (подтверждения этому в опубликованных списках кавалеров обнаружить не удалось — см.: Патрикеев С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. М., 2012–2015. Т. 1–14). Рякин Николай

полк, человек, безусловно, вредный, так как ревностно и рискуя на каждом шагу своей жизнью несет свою службу, так, напр[имер], он со 150 солдатами своего полка при взятии в ночь с 22 на 23 июля дер. Верхтечинское Метлино, не понеся совершенно потерь ни убитыми, ни ранеными, взял в плен около 300 чел. 45[-го] полка, 2 кухни и 5 пулеметов. Кроме Рякина в полку имеются два плохоньких офицера военного времени. Полк, хотя в нем и очень много коммунистов, исключительно держится Рякиным).

311[-й] полк (полком командует капитан Лиственников¹, отличный офицер, к тому же и очень умный, начавший службу в лейб-гвардии Измайловском полку, сын генерал-лейтенанта, перейти не может только потому, что связан ответственностью за семью. Численный состав — 460 чел.).

312[-й] полк (полком командует шт[абс]-кап[итан] Клепиков², перейти не может также только ввиду связанности с семьей. 6 человек офицеров-пулеметчиков этого полка во главе с начальником полковой пулеметной команды поручиком Русиным перешли вместе со мной 24 июля. Численный состав полка 260 шт[ыков]). В состав³ 2-й бригады, кроме пехотных частей, входит отдельный кавалерийский дивизион, в котором в настоящее время 60 кавалеристов на годных лошадях. 45 из них сейчас переданы 1[-й] бригаде, 15 остались в распоряжении 2-й, кавалерийский дивизион в Туле и приданного бригаде уже на походе Арзамасского эскадрона⁴, настоящих кавалеристов в нем мало. Дивизионом временно командует пехотный офицер, капитан Бурдасов, который перешел в дивизион из 2[-й] бригады 2[-й] дивизии, в которой он служил н[ачальни]ком полковой пулеметной команды в 13[-м] стр[елковом] полку. Должен был перейти совместно со мной вместе с пом[ощником] н[ачальни]ка отдела снабжения Спириным, б[ывшим] заведующим⁵ хозяйством 13[-го] стр[елкового] полка, казначеем дивизиона корнетом Миловидовым. Все трое они несколько запоздали, задержавшись в силу обстановки в Кыштыме, и я не знаю, успели ли они выехать. Совместно со мной успели выехать из кавалерийского дивизиона к[оманди]р дивизиона шт[абс]-кап[итан], георгиевский кавалер Комаров и н[ачальни]к пулеметной команды поручик Сыромятников. Сыромятников удачно перешел фронт в числе 11 человек, в то время как Комаров, под которым была убита лошадь, в нескольких шагах от заставы 45[-го] полка⁶ затерялся где-то

Васильевич (04.12.1894–23.06.1958), бывший поручик, военный специалист РККА. Командир 310-го стрелкового полка 35-й стрелковой дивизии, позднее — командир бригады 35-й стрелковой дивизии. Впоследствии генерал-майор Красной армии (Великая Отечественная. Комдивы: Военный биографический словарь. М., 2014. Т. 5. С. 266–268).

¹ В документе комментарий одного из читателей: «арестован и освобожден».

² В документе комментарий одного из читателей: «перешел».

³ В документе — в составе.

⁴ Так в документе.

⁵ В документе — заведующий.

⁶ Белых.

в лесу, возможно даже раненый или убитый. В состав 2[-й] бригады входили также 3 батареи артиллерии.

Гаубичный дивизион шт[абс]-кап[итана] Виноградова в составе 4 орудий, который еще до р. Белой успел расстрелять все свои снаряды, осталось всего 63 снаряда, который по распоряжению начдива передан в распоряжение его и движется где-то в тылу дивизии. Вообще снарядов гаубичному дивизиону, вероятно, подвезено не будет, т. к. их, видимо, не имеется.

К[оманди]р дивизиона [штабс-?]кап[итан] Виноградов и его сын, состоящий адъютантом дивизиона, являются людьми, безусловно, вредными, отдаваясь своему делу со всей энергией. 6[-я] легкая батарея — 4 легких орудия (1 орудие не имеет болта¹ и с реки Белой находится при обозе батареи). Снаряды есть, батареей командует артиллерист из нижних чинов коммунист Смок. Батарея стреляет очень хорошо, причем к[оманди]р батареи в трудные минуты по своей личной инициативе как ярый коммунист выдвигает орудия на линию стрелковых цепей. 1[-я] легкая батарея 2[-й] стр[елковой] дивизии, которая прибыла позднее в бригаду в Тульскую губ. в составе 2 орудий, стреляет впустую, офицера собирались перейти также от красных, но сейчас эта батарея придана 1[-й] бригаде. В 1[-й] бригаде, кроме этой батареи, 2 арт[иллерийских] взвода по 2 орудия в каждом, к[оманди]ры взводов Мухин и Бобров — люди, безусловно, вредные, особенно последний. Кроме перечисленной артиллерии в дивизионе имеется тяжелая батарея, которая моей бригаде не придавалась. При 1[-й] бригаде имеется саперная рота в составе 45 сапер. Во 2[-й] бригаде саперной роты нет.

Патронов в дивизии имеется: в 1[-й] бригаде, как мне лично говорил к[оманди]р 1[-й] бригады, на круг по 150 патронов на стрелка. Во 2[-й] бригаде — [в] 310[-м] полку — около 100 000 патронов, [в] 311[-м] полку — около 215 000 патронов и в 312[-м] полку около 300 000 патронов. Что касается вопроса о патронах, то меня в этом отношении начдив с[о] своим комиссаром поставил в известность, что патронов больше мы не получим, т. к. запасов их больше нет, и что он недавно спас 27[-ю] дивизию тем, что отдал ей часть запаса патронов своей дивизии, т. к. 27[-я] дивизия осталась совершенно без патронов. Что касается технических средств, то они в самом плачевном состоянии.

27[-я] дивизия

До прибытия 35[-й] дивизии в состав 5[-й] армии 2[-я] бригада входила в состав 27[-й] дивизии, состоящей из 3 бригад, дивизией командовал б[ывший] капитан, георгиевский кавалер Вахромеев², в оперативном отношении человек совершенно не подготовленный, 2[-й] бригадой командовал,

¹ В документе — болка.

² Вахромеев Николай Иванович (17.11.1886–20.02.1938), бывший капитан, военный специалист РККА. Начальник 27-й стрелковой дивизии (21.03–26.05.1919).

как говорят, бывший полковник Павлов¹, человек лет около 40. 1[-й] бригадой — Нейман² и 3[-й] — Хаханьян³.

Месяца два тому назад Вахромеев был отозван в штаб армии, а на его место назначен к[оманди]р 1[-й] бригады Павлов, человек, безусловно, более подготовленный, энергичный и решительный. Кроме 3 бригад дивизии в ней состояла временно 2[-я] бригада 35[-й] дивизии и временно придавалась 2[-я] бригада 5[-й] дивизии, обыкновенно состоящая в непосредственном распоряжении штарма 5[-й].

Численный состав 27[-й] дивизии в одно время был крайне малочисленный, а в настоящее время, даже с полученными пополнениями, я полагаю, в ней не более 2000–2500 чел. Однако, несмотря на малочисленность дивизии, она, безусловно, гораздо более боеспособна, чем 35[-я]. Объясняется это тем обстоятельством, что командный состав ее, безусловно, заинтересован в деле успешности ведения войны, во-вторых, тем, что добровольцы, из которых состоит дивизия, в большинстве или коммунисты, или сочувствующие, в-третьих, значительным боевым опытом дивизии и лучшим техническим оборудованием. Самое же главное обстоятельство, послужившее к увеличению боеспособности дивизии, — это исключительная работа коммунистов к поднятию дисциплины (были случаи расстрела через 3 и 10). Особенно много в этом отношении сделал комиссар дивизии Грюнштейн, в настоящее время⁴ назначенный комиссаром 5[-й] армии вместо Розенгольца⁵, назначенного, в свою очередь, комиссаром армии, действующей на Петроградском⁶ фронте (кажется, 6-й⁷).

5[-я] дивизия

Вторая бригада 35[-й] дивизии во все время наступления, находясь на левом фланге 5[-й] армии, имела влево от себя на правом фланге 2-й армии 5-ю дивизию в составе 2 бригад: 1[-й] и 3[-й], причем правый участок 5[-й] дивизии всегда занимала 3[-я] бригада, в свою очередь, в составе 39, 44 и 45[-го] полков. По характеру боевых операций надо полагать, что состав 3[-й] бригады не превышает 2000 штыков и что вся дивизия по боеспособности отнюдь не превышает качеств 35[-й] дивизии, далеко уступая 27[-й] дивизии.

¹ Речь идет об А. В. Павлове, командовавшем бригадой 27-й стрелковой дивизии в мае 1919 г. В. В. Котомин неточен — А. В. Павлов в старой армии имел чин поручика.

² Нейман Константин Августович (28.01.1897–05.11.1937), бывший прапорщик, военный специалист РККА, член РКП(б) с 1917 г. Командир 1-й бригады 27-й стрелковой дивизии (июль 1918 — сентябрь 1919). За бои под Златоустом и взятие Челябинска награжден орденом Красного Знамени.

³ Хаханьян Григорий Давидович (29.12.1895–23.02.1939), бывший прапорщик, военный специалист РККА, член РКП(б) с 1917 г. Командир бригады 27-й стрелковой дивизии (с апреля 1919 г.).

⁴ К. И. Грюнштейн стал членом РВС 5-й армии с 04.08.1919.

⁵ Розенголец Аркадий Павлович (04.11.1889–15.03.1938), революционер, член РКП(б) с 1905 г. Член РВСР и РВС ряда армий и фронтов. Член РВС 5-й армии (18.08–15.11.1918; 12.04–02.07.1919).

⁶ Имеется в виду фронт под Петроградом, где действовала 7-я армия, входившая в состав Западного фронта.

⁷ В. В. Котомин неточен. Под Петроградом действовала 7-я армия. А. П. Розенголец вошел в состав РВС 7-й армии 28.06.1919.

5[-я] армия

Во время последнего разговора со вновь назначенным начальником дивизии Верманом, который только что прибыл из армии, я установил, что в состав 5[-й] армии входят: 24, 25, 26, 27 и 35[-я] дивизии, общая численность которых около 18 000 штыков¹. На Восточном фронте 5 армий: 1, 2, 4, 5[-я] и Туркестанская – общая численность которых около 90 000 штыков². Снаряды³ для легкой артиллерии еще есть, но для других калибров почти нет и не будет. Патронов в запасе нет, и чуть ли не до конца кампании восточная армия⁴ должна довольствоваться теми патронами, которые она имеет, а увеличивать число их должна за счет пр[отивни]ка, на улучшение технической стороны надеяться отнюдь нельзя. Увеличение коммуникационной линии сильно беспокоит весь высший командный состав, особенно в связи с успехами ген[ерала] Деникина на Южном фронте, причем особенно важное значение придается возможности соединения сибирской и южной армий⁵, что не даст возможности уничтожить живую силу сибирской армии, а оттягивание сил для операции на Восточном фронте сведется на нет, в то время как эти силы, брошенные на юг, могли бы не дать возможности ген[ералу] Деникину в такой мере развить свой успех. Линия Восточного фронта представляет из себя тонкий кордон войск, прорыв которого и малейший неуспех может повлечь за собой паническое бегство, остановить которое не представляется возможным. Большое беспокойство вызывает массовое дезертирство, особенно в тыловых частях, причем дезертиры, собираясь большими группами, местами даже при орудиях и пулеметах, под названием Зеленой армии ведут бои с войсками красных и создают так называемый внутренний фронт, оперативная сводка по каковому последнее время печатается в официальной сводке, вместе с данными по внешним фронтам.

¹ В. В. Котомин неточен. В состав 5-й армии в тот период также входила 5-я стрелковая дивизия, тогда как 25-я стрелковая дивизия летом 1919 г. входила в состав Туркестанской и 4-й армий. 5-я армия, по данным на середину июня 1919 г., насчитывала в боевом составе 20 345 штыков и сабель, 50 орудий и 328 пулеметов (Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док.: в 4 т. М., 1978. Т. 4. С. 71). По данным на середину августа 1919 г., боевой состав 5-й армии включал 25 550 штыков и сабель, 91 орудие и 565 пулеметов (В боях рожденная: Боевой путь 5-й армии: 1918–1920: Сб. док. Иркутск, 1985. С. 388–389). По другим данным, 23 631 штык и саблю, 90 орудий и 474 пулемета (подсчитано по: *Шило Н.И., Глушко А.В.* Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М., 2014. С. 280–284).

² В. В. Котомин не упомянул 3-ю армию, также входившую в состав Восточного фронта. По данным на середину июня 1919 г., на фронте имелось 275 606 штыков и сабель, 445 орудий, 2253 пулемета (Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 71).

³ В документе — снарядов.

⁴ Очевидно, Восточный фронт.

⁵ Речь идет о гипотетическом соединении Восточного и Южного фронтов белых.

Обмундирование и снаряжение

Фабрично-заводская деятельность, доживающая последние дни в Советской России, особенно в связи с занятием ген[ералом] Деникиным Донецкого бассейна и полным расстройством как железнодорожного, так и водного транспорта, совершенно не в состоянии вырабатывать новых запасов обмундирования и снаряжения.

Армия живет старыми запасами, которые быстро подходят к концу. На днях, напр[имер], отдан приказ, чтобы все красноармейцы тыловых частей были обуты в лапти, т. к. запасов кожи совершенно нет.

Вооружение

Вопрос о вооружении находится в аналогических условиях с вопросом об обмундировании и снаряжении. Помимо недостатков материалов сказывается и перелом в настроении рабочих, которые, видя себя обманутыми, как, напр[имер], на Тульских заводах, становятся в активную оппозицию и пока только временно искусственно сдерживаются большевиками путем террора, не останавливаясь перед массовыми расстрелами рабочих латышами и китайцами.

Еще более остро обстоит вопрос с вооружением, как с огнестрельными припасами, новых поступлений совершенно нет. Все внимание комиссаров и коммунистов теперь направлено на то, чтобы расход огнестрельных припасов был сведен до минимума: комиссары и коммунисты буквально корректируют стрельбу как пехоты, так и артиллерии.

Армия. Командный состав. Кадровое офицерство

Командный состав Красной армии самый разнородный. Прежде всего, несколько слов об офицерах Генерального штаба. Их всего на территории Советской России около 300 человек¹. Надо² полагать, что значительный % из них состоит в Союзе национального возрождения³, но, безусловно, есть и такие, которые работают за совесть, оказывая огромную услугу большевиз-

¹ В. В. Котомин, вероятно, основывался на данных официальных списков Генштаба, в которых на июль 1919 г. в рядах РККА зафиксированы от 288 до 393 бывших офицеров Генерального штаба, всего же в них фигурировали от 417 до 538 выпускников Военной академии различных категорий (*Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 64, 67). По установленным нами персональным данным, на август 1919 г. в РККА служили 655 выпускников Военной академии различных категорий, а всего через ряды РККА за годы Гражданской войны прошли 1580 выпускников академии (подробнее см.: *Ганин А. В.* С кем был Генеральный штаб во время Гражданской войны в России 1917–1922 гг.? // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 4–14; *Он же.* Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: статистический обзор // Историческая информатика (Барнаул). 2016. № 1–2. С. 33–58).

² Перед предложением от руки вписана открывающая кавычка. По всей видимости, помета Л. Д. Троцкого, поскольку на этом месте начиналась цитата из доклада Котомина в его статье.

³ Это утверждение не соответствует действительности. Лишь несколько десятков выпускников академии могут быть отнесены к участникам антибольшевистского подполья.

му. Хотя и знаю очень многих из офицеров Генштаба, работающих в Красной армии, но отнюдь не могу сказать об истинном характере их работы, что, несомненно, в будущем можно будет точно установить, т. к. сведения по этому самые точные имеются в Национальном центре¹. В общем можно сказать, что большинство старших офицеров Генштаба пристроились в тылу, только более молодые или добровольно, или по принуждению состоят на фронте².

Следующую категорию комсостава составляет кадровое офицерство. Все³ оно за крайне редким исключением враждебно относится к власти, но должно быть разбито на несколько групп. Первая — самая незначительная, состоя в различных организациях, активно борется с большевизмом, или работая в организациях, или добровольно поступив в Красную армию и всемерно стараясь разложить таковую и подготовить ее к перевороту.

Вторая группа — самая многочисленная, забитая и безвольная, лишенная средств и в большей своей части мобилизованная, работают под неослабевающим наблюдением комиссаров и коммунистов, довольно исправно, но не принося особой пользы, т. к. представлены к занимаемым постам и в душе только и мечтающими⁴ о том, чтобы большевизм был, так или иначе, изжит. Третью группу составляет офицерство, которое так устало от всего и так мало устойчиво, что готово согласиться на какую угодно власть только с тем, чтобы их оставили в покое и не мешали бы их личной жизни. Вообще надо сказать, что инертность большинства офицерства, как вообще всей русской интеллигенции, оставшейся на территории Советской России, поразительна, что, конечно, объясняется, во-первых, безмерно[й] тяжестью нравственного состояния и, главное, свойством русского характера приноравливаться к самым отвратительным условиям жизни и безропотно нести крест не только подвига, но и незаслуженного унижения. Я полагаю, что, будь у большевиков больше реальных средств к улучшению продовольствия и вообще условий жизни, — он⁵ мог бы еще в России продержаться крайне значительный период, но таковыми факторами большевики не располагают, и вопрос об их уходе с исторической сцены надо полагать имеющим быть разрешенным в самом недалеком будущем, т. к. холод, голод и проч[ие] невозможные условия жизни постепенно делают свое дело, доводя массы, особенно горожан и, как это ни странно, рабочих, — до отчаяния.

¹ «Всероссийский Национальный центр» — подпольная антибольшевистская организация, созданная весной — летом 1918 г. в Советской России. Раскрыт ВЧК летом — осенью 1919 г.

² Преобладание выпускников академии до 1914 г. на тыловых должностях прослеживается по «Списку лиц Генерального штаба, зарегистрированных общим отделением оперативного управления Полевого штаба РВСР к 15 июля 1919 г.» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 3. Д. 848. Л. 3–19об.). Разумеется, штабные должности в тылу тоже требовалось замещать. Далее от руки вписана закрывающая кавычка. По всей видимости, помета Л.Д. Троцкого, поскольку на этом месте зананчивалась цитата из доклада Котомина в его статье.

³ Перед предложением от руки вписана открывающая кавычка. По всей видимости, помета Л.Д. Троцкого, поскольку на этом месте начиналась цитата из доклада Котомина в его статье.

⁴ Так в документе.

⁵ Большевизм.

Унтер-офицеры

Следующую категорию комсостава Красной армии составляет низший командный состав до ротных командиров, а на фронте даже пом[ощников] к[оманди]ров отдельных частей из б[ывших] унтер-офицеров и даже рядовых. Категорию эту можно разбить на две группы – меньшую, безусловно преданную интересам коммунизма, с которым она неразрывно связана личными интересами, и б[ольшую] – преимущественно мобилизованную, почти явно враждебную большевизму. Обе группы этой категории в военном отношении слабо подготовлены, особой угрозы из себя представлять не могут.

Партийные работники

В числе командного состава всех категорий есть и люди партийные или сочувствующие особенно на фронте, интересы которых настолько спаяны с интересами большевизма, что их безусловно приходится признать элементом самым опасным в Красной армии.

Есть среди командного состава и лица с известным прошлым, часто и уголовным, но они постепенно изгоняются из армии ввиду признания властью их элементом опасным и нетерпимым.

Красные офицеры

Что касается так называемых красных офицеров, то вся масса их представляет из себя людей малограмотных, хотя большей частью партийных, но мало устойчивых, со средней военной и общеобразовательной подготовкой, ниже ранее даваемой хорошими полковыми учебными командами. В последнее время в связи с успехами ген[ералов] Деникина и Юденича курсантов почти всех курсов посылали на фронт, и многие из них выбиты из строя.

Генштабисты

Последней категорией комсостава являются красные генштабисты, число их крайне ограничено, был, кажется, один выпуск. Самым энергичным и деятельным элементом из них являются евреи, как наиболее талантливые, идущие в академию с высшим образованием и успевающие в силу этого вынести из академии достаточные знания. Вообще могу сказать, что евреи, народ вообще трусливый и неприспособленный к войне, в сфере непосредственной опасности являются людьми очень быстро и хорошо разбирающимися в оперативном отношении.

Красноармейцы

Весь состав рядовых красноармейцев Красной армии резко разделяется на две части – первую, значительно меньшую за последнее время, из добровольцев, которая главным образом и является реальной силой Советской России, делясь на две группы в свою очередь: одну, самую опасную, из коммунистов

и сочувствующих и другую — анархически настроенных авантюристов, — она составляет ядро армии на фронте. Вторая часть армии составлена из мобилизованных, в редких исключениях искренне сочувствующих власти большевиков и в большинстве отнюдь не желающих вести войну с кем бы то ни было. Самый действительный¹ лозунг между ними — это мир во что бы то ни стало.

Комиссары

Комиссары — это лучшие коммунисты, которых надо разбить на несколько категорий. Первая, самая незначительная, по моему мнению, отнюдь не превышает 5%, а может быть, составляющая процент более незначительный, — это коммунисты идейные, глубоко верящие в идею социализма, энергичные до пределов человеческой возможности, работники, вкладывающие в свою работу все присущие им знания, энергию и волю, без использования выгод своего положения. Остальные 95%, а может быть, и больше, являются людьми, считающими коммунизм могущим им дать наибольшие выгоды, чем они всемерно и пользуются. Здесь есть и рабочие, которые надеются через социализм улучшить свое лично положение, и крестьяне, конечно беднейшие, рассчитывающие за счет более достаточных построить свое благополучие, без затраты труда, и отбросы прочих классов, преимущественно молодежи и неудачников, и, конечно, почти большинство еврейства, мечтающего совершенно не о проведении коммунизма в жизнь, а о захвате мировой гегемонии в свои руки. Спаянные в настоящее время общей работой, а следовательно, и ответственностью за свои преступления, коммунисты представляют из себя какую-то касту с круговой порукой, причем наиболее опасными элементами являются из них идейные вожаки-руководители, уголовный элемент, являющийся главной фактической силой партии, и евреи. В последнее время еврей-коммунисты, видимо, сильно вооружили против себя прочую массу коммунистов, благодаря отличительным свойствам характера своей нации и желанию² окончательно закрепить за собой господствующее положение в партии, т. к. таковое уже занято ими с самого момента большевистского переворота³. Ранее стоящие на точке полного единения и добрососедских отношений русские коммунисты с евреями теперь с озлоблением называют последних жидами, и обострение отношений между ними увеличивается с быстротой возрастающей прогрессии.

Роль комиссаров в армии огромная. Они поддерживают в солдатских массах классовый антагонизм, в боях лично и через свои коммунистические ячейки,

¹ Видимо, действенный.

² В документе — желанием.

³ Среди 78 членов ЦК РКП(б) в 1917–1922 гг. 38 являлись великороссами (49%), 13 (17%) — евреями, 8 — украинцами (10%), 8 (10%) и 5 (6%) представляли народы Прибалтики и Закавказья соответственно, еще 6 человек (8%) принадлежали к прочим национальностям. При этом на 1922 г. евреи составляли лишь 5% рядовых членов партии (*Модсли Э., Уайт С.* Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 г. М., 2011. С. 40).

все более и более получающие законченную организацию, двигают части вперед, не спуская глаз, следят за работой командного состава и за их¹ поведением в бою, ведут непрерывную агитацию, пользуясь каждым удобным случаем и все-сторонне используя каждый мало-мальски выгодный факт в пользу оттенения преимуществ, даваемых большевистским строем жизни. Что особенно поражает в комиссарах, особенно фронтовых, это их удивительная работоспособность. Объясняется это, конечно, их молодостью, фанатизмом вождей идеалистов-руководителей, строгой партийной дисциплиной, громадной ответственностью перед старшими комиссарами за всякие упущения, желанием выслужиться и боязнью доносов, так как слежка друг за другом у них самая упорная и беспощадная².

Взаимоотношения комиссаров и командного состава

Под давлением центра, а также, видимо, и в силу сознания того, что без кадрового офицерства коммунистам не обойтись, отношение комиссаров, особенно более сознательных, особенно в последнее время, делается все более и более предупредительным, причем даже предоставляется видимая свобода оперативных распоряжений. Параллельно с этим одновременно увеличивается тайная слежка, особенно за старшим комсоставом, доходящая до самых пределов. Например, комиссары помещаются с лицами, при которых они состоят, в одной с ними комнате, всюду сопровождают их, окружают их, как и вообще весь комсостав, преданными коммунистами, благодаря чему каждый шаг каждого из лиц комсостава точно известен как комиссарам, так и ячейкам. Одновременно с этим комиссары поддерживают и престиж комсостава, строго наказывая даже и комиссаров низших ступеней и коммунистов³ за демагогические выступления против комсостава.

Взаимоотношения комиссаров и красноармейцев

Стараясь быть безусловно популярными между солдатами, комиссары и коммунисты делают со своей стороны все возможное, чтобы привлечь массы на свою сторону повышенными ставками, предоставлением солдатам всех возможных удобств и льгот, громадной выдержкой они постепенно добиваются того, что солдатские массы как бы привыкают к институту комиссаров и считают его защитником и хранителем интересов их во всех случаях. Бывшее ранее предубеждение против комиссаров и коммунистов у мобилизованных постепенно сглаживается, в тылу это было месяца три тому назад возможно, и теперь совершенно иначе. Объясняю это я исключительно тем, что солдаты на фронте поставлены в очень хорошие условия, постоянно наэлектризовываются комиссарами несбыточными обещания-

¹ Командиров.

² Далее от руки вписана закрывающая кавычка. По всей видимости, помета Л.Д. Троцкого, поскольку на этом месте заканчивалась цитата из доклада Котомина в его статье.

³ Далее в документе повтор — низших ступеней и коммунистов.

ми, и, главное, конечно, отступлением белых, что они объясняют со слов коммунистов силою и правотою последних в настоящей войне¹.

Взаимоотношения командного состава и красноармейцев

Взаимоотношения между комсоставом и мобилизованными красноармейцами надо признать даже лучшими, чем между комиссарами и последними. Что же касается отношений добровольцев, коммунистов и сочувствующих к комсоставу, то они крайне обостренные, стоя по-прежнему на принципе выборного начала и считая назначения комсостава из б[ывших] кадровых офицеров крайне для себя нежелательным[и] и умаляющим[и] прерогативы партийной принадлежности, они относятся к ним с ненавистью и крайне вызывающе, отношения ухудшаются в последнее время в связи с переходами офицеров на сторону белых и после последних событий в Петрограде около месяца тому назад, когда имел место массовый переход офицерства на сторону армии ген[ерала] Юденича². Вообще с этого времени положение кадрового офицерства значительно ухудшилось, все оно в массе взято под подозрение, и слезка за комсоставом доведена до максимума.

Настроение командного состава

Настроение³ командного состава частей, прибывших на фронт из тыла, почти у всех без исключения совершенно одинаковое — это желание перейти на сторону белых, чтобы избавиться от кошмара большевистского режима. Единственно удерживающим фактором является вполне основательное беспокойство за свои зарегистрированные у большевиков семьи, почему все с нетерпением ожидают хотя бы небольшого нажима со стороны белых, чтобы переход имел хотя бы приблизительную форму попадания в плен, дабы гарантировать свои семьи. Настроение же комсостава (в том числе и кадрового офицерства) фронтовиков диаметрально противоположно ввиду непосредственной общности их интересов, как добровольно ранее вышедших на фронт с интересами сохранения большевистской власти Советской России⁴.

¹ Далее от руки вписана закрывающая кавычка. По всей видимости, помета Л.Д. Троцкого, поскольку на этом месте заканчивалась цитата из доклада Котомина в его статье.

² По всей видимости, В.В. Котомин имеет в виду переход на сторону белых под Петроградом около 600 человек из состава 3-го Петроградского стрелкового полка (бывшего Гвардии Семеновского резервного полка, позднее — полка по охране Петрограда) в ночь на 29.05.1919, что произошло в результате заговора во главе которого стоял помощник командира полка бывший капитан В.А. Зайцов (подробнее см.: Переход Семеновского полка // Белое дело: Летопись белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 4. С. 214–219).

³ Перед предложением вписана открывающая кавычка. По всей видимости, помета Л.Д. Троцкого, поскольку на этом месте начиналась цитата из доклада Котомина в его статье.

⁴ От руки вписана закрывающая кавычка. По всей видимости, помета Л.Д. Троцкого, поскольку на этом месте заканчивалась цитата из доклада Котомина в его статье.

Настроение красноармейцев

Настроение всей вообще солдатской массы, за частичным исключением, почти одинаковое — это возможно скорее закончить военные действия, причем при малейшем нажиме белых большая часть мобилизованных сдастся¹ в плен, а коммунисты и сочувствующие будут спасаться бегством из боязни, что мобилизованные солдаты будут указывать на них как на коммунистов.

Настроение комиссаров

Комиссарам также окончательно надоела война, причем они особенно недовольны коммунистами тыла, которые живут в свое удовольствие, предоставляя им исключительное право умирать в отстаивании интересов мирового социализма. Вообще надо сказать, что комиссары тыла отнюдь не заражены тенденцией быть комиссарами на фронте, а комиссары фронта, наоборот, с вожделием смотрят на тыл. Начало отступления красных сразу же, безусловно, вызовет крайнюю панику в рядах комиссаров, особенно ввиду отсутствия каких-либо резервов с огромной коммуникационной линией, каждое увеличение которой, надо сказать, отнюдь не веселит как комиссаров, так и коммунистов фронта до штабов дивизий включительно.

Агитация и контрразведка

Что особенно хорошо поставлено в Советской России, как в тылу, так и на фронте, — это дело агитации и контрразведки. С удивительной и непрекращающейся энергией везде и при всяких условиях ведется агитация, согласно особым указаний и инструкций Центрального исполнительного комитета. Вся эта работа проходит по политической линии, т. е. через политотделы всех штабов, до полковых включительно, при самом деятельном участии коммунистических ячеек, все более и более организовывающихся в войсковых частях. Этим же путем доставляется и значительное количество литературы, и главным образом газет и журналов.

Дело контрразведки, благодаря использованию в этом отношении большей частью специалистов этого дела, еще старого режима, переживших свое социальное положение и поступивших в партию коммунистов, поставлено очень хорошо.

Как агитация, так и контрразведка дают такие² блестящие результаты в силу того, что на это тратятся громадные средства, т. к. в Советской России с расходами не считаются, ибо государственный бюджет является только фикцией, а средства государства определяются только количеством бумажных денег, которые успевают печатывать станки, создавая новую отрасль фабричной промышленности — бумажно-денежную.

¹ В подлинном документе, предположительно, — сдастся.

² В документе ошибочно — также.

Отношение населения занятых местностей к Красной армии

Конечно, трудно с точностью установить истинное отношение населения занятых красными местностей Советской России. Во всяком случае, можно сказать почти с уверенностью, что большинство не чужды желания отведавать радостей пребывания в социалистическом раю, особенно это чувствуется среди рабочих масс (так, напр[имер], Кыштымские заводы дали первой бригаде 35[-й] дивизии около 1½ тысяч[и] добровольцев). Более достаточное население, видимо, стоит на другой точке зрения, но число такого гораздо менее многочисленно, почему и надо полагать, что самым здоровым и логическим выходом из создавшегося положения — это предоставить местностям, не изведавшим прелестей большевизма, таковую возможность, что, несомненно, очень быстро дает местному населению истинную оценку большевизма и непоколебимое желание избавиться от такового.

Впечатление от успехов ген[ералов] Деникина и Юденича

В связи с успехами ген[ералов] Деникина и Юденича настроение восточной армии, хотя и одерживающей успехи, неудовлетворительное. Желание центра как-либо компенсировать свой неуспех на юге успешным наступлением на Восточном фронте отнюдь не может удовлетворить восточную армию, которая сознает свою оторванность от Центральной России и знает об отсутствии резервов и недостатке огнеприпасов. Но главным образом особое опасение вызывает — это возможность соединения армий Сибирской и ген[ерала] Деникина, благодаря чему будет совершенно устранена возможность уничтожения живой силы Сибирской армии.

27 июля 1919 г.

С подлинным верно: прапорщик Поспелов.

С копии верно:

РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 72. Л. 238–245об.; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26048. Л. 1–8об. Фотокопия с машинописной копии.

Список аббревиатур

- АВИМАИВиВС – Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
- ВСЮР – Вооруженные силы на Юге России
- ВУСО – Верховное управление Северной области
- ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР
- ГААО – Государственный архив Архангельской области (Архангельск)
- ГААР – Государственный архив Азербайджанской республики (Баку)
- ГАМО – Государственный архив Мурманской области (Мурманск)
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области (Оренбург)
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- ГАСБУ – Ведомственный архив Службы безопасности Украины (Киев)
- ГубЧК – Губернская чрезвычайная комиссия
- ГУГШ – Главное управление Генерального штаба
- ДРЗ – Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва)
- Комуч – Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
- НАА – Национальный архив Армении (Ереван)
- НАА (партийный архив) – Национальный архив Армении (партийный архив) (Ереван)
- ОГАСПИ – Оренбургский государственный архив социально-политической истории (Оренбург)
- ОДСПИ ГААО – Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (Архангельск)
- РВСР – Революционный военный совет республики
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- РГВА – Российский государственный военный архив (Москва)
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
- РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
- РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
- РОВС – Русский общевоинский союз
- СНК – Совет народных комиссаров
- УНР – Украинская народная республика
- ЦДАВОУ – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев)
- ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии (Тбилиси)
- ВАР – Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)
- ВДИС – Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция)
- САВ – Центральный военный архив Польши (Рембертов)
- НИА – Архив Гуверовского института (Стенфордский университет, Пало-Альто, США)
- LVA – Национальный архив Латвии (Рига)

Научное издание

Ганин Андрей Владиславович

**Офицерский корпус в годы
Гражданской войны в России
1917–1922**

Редактор Н.С. Самбу

Корректор Н.С. Самбу

Верстка М.А. Мельникова

Подписано в печать 01.11.2018.

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 22,5.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 300 экз.

Издательство ООО «Старая Басманная»

www.oldbasman.ru

e-mail: ulgavr@gmail.com

ISBN 978-5-604-1488-6-0

9 785604 148860

ООО «Форгрейфер»

115088, г. Москва,

ул. Шарикоподшипниковская, д. 4

Тел. +7 (985) 773-92-37